

Крестовые походы: прошлое, настоящее, будущее

Москва
2026

УДК 613.2
ББК 51.230
К 75

К 75 Крестовые походы: прошлое, настоящее, будущее.
Москва, 2026. - 420 с.

Крестовые походы, несомненно, являются центральным пунктом всей Европейской истории, вокруг которого она складывалась и развивалась на протяжении всех последующих столетий. Можно без преувеличения отнести этот пункт к важнейшим в развитии европейской ментальности, способствовавшей единству институциональной культуры Европы. Благодаря этому беспрецедентному и грандиозному по своим масштабам военному предприятию европейцы впервые осознали своё единство. По крайней мере, без Крестовых походов не существовало бы той Европы, которую мы знаем. Необходимо отметить, что на Востоке Европы этот вопрос освещён намного слабее... «Идеалом того времени было: «Regni sui caelestis ineuntes servitium» (Идущие во служение своему Царствию небесному). Этот идеал поднимает всё европейское человечество ввысь в его желании чего-то земного и сверхземного. До тех пор оставались чистая власть и индивидуальная набожность, а с этого момента устанавливается могущество всех людей в их служении общему священному замыслу. Европа убеждается в том, что лишь совместными действиями и исполнившись сил возможно совершить нечто великое. Это совместное деяние необходимым образом придаёт им иное, более высокое ощущение бытия, чем все использованные до тех пор власть и могущество. Крестовый поход придает завершение чувству общей европейской жизни... Страсти и жертвы Крестовых походов не были напрасными и бесполезными ни со стороны христиан, ни со стороны магометан. Впредь вся культура Европы и всякое значительное движение в ней прямо или косвенно ощущают влияние Крестовых походов, их ожесточённой борьбы и заданного ими духовного обогащения» (Якоб Буркхардт). Данный Сборник как раз призван «восполнить» понимание значимости феномена Крестовых Походов не только для Запада, но и для Востока Европы...

*Книга издана при дружеской поддержке Института
Русской Геополитики и его главы – полковника В.Л.Петрова.
Сайт Института: <https://rusgeopolit.org/>*

Содержание

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ.....	5
И КРЕСТ И МЕЧ.....	13
ВИДЕНИЕ КРЕСТА.....	17
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЦЕРКВИ.....	30
Джонатан Райли-Смит. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ КАК АКТ ЛЮБВИ.....	35
Кирилл Монастырский. КАКОВЫ ПРИЧИНЫ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ?.....	66
Александр Черных. ОНОРЕ ДЕ БОВЕ О ВОЙНЕ КАК БОЖЬЕМ ДЕЛЕ.....	69
CUSTODIA DE IERUSALEM («СТРАЖА ИЕРУСАЛИМА»).....	84
Томас Мэдден. О ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.....	93
Томас Мэдден. МИФЫ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ.....	108
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КАК РАНОВА.....	118
Thorfinn Thorsson. ГИБЕЛЛИНСТВО И СТИХИЙНЫЙ АВРААМИЗМ ЗАПАДА.....	131
Игорь Загребельный. КАТОЛИЧЕСКОЕ ПРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА.....	139
СЛОВО О ХРИСТИАНСКОМ РЫЦАРСТВЕ.....	154
Эндрю Перриман. ЧТО ОТЦЫ РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ ДУМАЛИ ОБ ИМПЕРИИ?.....	162
Фауст Патронов. РЕКОНКИСТА КАК РАНОВА.....	169
Димитрий Саввин. РУССКАЯ РЕКОНКИСТА.....	187
«МЫ ИДЁМ РАЗДАВИТЬ ЧУДОВИЩЕ»: КРЕСТОНОСНЫЕ ХРОНИКИ XX ВЕКА.....	192
UT UNUM SINT.....	200
Бет А. Грич-Полель. ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ НА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ.....	204
ТАЙНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (ОПРИЧНИНА В XIX ВЕКЕ).....	225

Димитрий Донцов. ДЕЛЕНИЕ НА РЫЦАРЕЙ И СВИНОПАСОВ.....	236
СЛОВО О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ.....	265
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ.....	274
ИЕЗ. 25, 17.....	280
О «КОМПЛЕКСЕ ИШМАЭЛЯ» И НЕ ТОЛЬКО... ..	286
ЗЭ ХЭ БИБИ!.....	291
ПОЛУНОЦНЫЙ МЛАТ: ОТ МИСТИКИ К ПОЛИТИКЕ.....	297
ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ТРАМПИЗМ:	
ЕЩЁ ОДНА ГРАНЬ (ЛЕДЯНАЯ).....	319
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ.....	328
ЛЕВ ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ?.....	354
CONTRO IL MONDO MODERNO.....	386
ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.....	391
ФРОНТИР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.....	404
РУССКИЙ ТРИКОЛОР.....	409

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Неоднократно доводилось отмечать, что феномен «Крестового Похода» не ограничивается военно-религиозными походами 1096–1204 годов в Палестину, направленными на «освобождение святынь Христианства» (в первую очередь Иерусалима с Гробом Господним). Хотя сия «Крестonosная эпопея» во многом выявила «архетипические черты» Священной Войны предельно выразительно, только лишь «землями Палестины» и только лишь названным историческим интервалом дело не ограничивается. Крестовый Поход, как и сказано, - се христианский вариант Священной Войны, и он может объявляться и проявляться «там и тогда», где возникает необходимость обнажить Меч супротив врагов Креста... Полезно привести небольшую «историческую справку» о том, как Крестовые походы в «узком смысле» перерастали в христианское меченосное священнодействие в «широком» смысле:

«Согласно хронистам, рассказавшим о проповеди Урбана II на Клермонском соборе, папа в своей речи обращался преимущественно к военной аристократии. Пожалуй, только в записи Фульхерия Шартрского в речи папы звучат слова, позволяющие предположить, что понтифик имел в виду и более широкую аудиторию: «Призываю вас обязать всех франков, пеших и рыцарей, богатых и бедных, поспешить помочь почитателям Христа и изгнать из подчиненных Христу регионов нечестивую расу». Как бы то ни было, хорошо известно, что простой народ не менее горячо, чем рыцари, откликнулся на призыв отправиться в Святую Землю. Причем пуститься в путь были готовы не только жители Франции или Центральной Италии, но и Германии, находившейся в это время под интердиктом папы (события, происходили в разгар борьбы за инвеституру). Похоже, стимулом для простолудинов была не только и не столько проповедь папы, сколько другие обстоя-

тельства, на которые прозрачно намекает один немецкий хронист: «...иные признавались, что были призваны к Земле Обетованной какими-то недавно появившимися пророками либо знаками небесными и откровениями; другие были побуждаемы к таким обетам всякими неудобствами жизни». Каждое из указанных здесь обстоятельств может быть проиллюстрировано фактами. Действительно, многие средневековые историки говорят о том, что как только слухи о Клермонском соборе достигли ушей христиан, так везде, во всех краях появились говорящие на разных языках люди, которые провозглашали себя апостолами и проповедниками Христовыми и обещали сражаться за Христа против врагов Креста. К таким народным проповедникам принадлежал, например, французский монах Петр из Амьена воплощавший ожидания простых мирян от крестового похода. Своими речами Отшельник (таким было его прозвище) увлекал всех: епископов, аббатов, клириков, монахов, знать и — главное — весь народ, причем как добрых мирян, так и злодеев — убийц, воров, клятвопреступников, разбойников, которые не преминули примкнуть к его свите. Петр Амьенский проповедовал во всех замках и городах Германии и Франции, возбуждая верующих, сбегавшихся на его проповеди и заваливавших его дарами, которыми он щедро делился с народом. Обладая изумительным даром красноречия, он мог повести за собой толпы людей. Его принимали за святого, люди вырывали клочья из шерсти осла, на котором он передвигался, и благоговейно хранили их как реликвии. Видимо, проповедь Петра из Амьена отвечала представлениям простонародья о чуде. Благодаря ему появилась и новая народная версия о событиях, положивших начало крестовому походу: будто бы Петр Отшельник совершил паломничество в Иерусалим и стал свидетелем того, как неверные глумятся над христианскими святынями, устраивают в церквах стойла для скота, притесняют христиан и обдирают святых паломников. Якобы через Петра патриарх Иерусалима, с которым монах вел долгие беседы, передал западным

христианам просьбу о помощи, а в церкви Гроба Господня народному проповеднику было видение: сам Христос вручил ему божественного происхождения письма, скрепленные печатью Честного Креста, и просил, чтобы Петр рассказал о бесчинствах язычников и побудил христиан отправиться в Иерусалим с целью очистить оскверненные святыни. Посетив Святую Землю, Петр Отшельник встретился с папой в Риме, показав ему письма и рассказав о бесчинствах неверных в Святой Земле. Будто бы только тогда под впечатлением рассказанного папа созвал собор и объявил о крестовом походе, а Петр подхватил его инициативу и начал проповедовать мирянам»; «В XIII в. крестonosная эпопея явно переживает свой апогей. То был золотой век крестовых походов. Само движение существенно меняется по своему характеру: оно приобретает невиданный размах, значительно расширяется его география, но при этом в него вносится порядок. В XIII в. крестовый поход превращается в настоящий институт, когда проповедование, финансирование и организация этих экспедиций достигают совершенно нового уровня и превращаются в четкую и отлаженную систему. Эти изменения в крестonosном движении принято связывать с именем римского папы Иннокентия III при котором папская власть, кажется, достигла своей вершины. Понтифик был настоящим «викарием Христа» и стремился господствовать не только в церковной, но и светской сфере. Именно его перу принадлежат самые известные буллы *Quia maior* (1213 г.) и *Ad Liberandum* (1215 г.), которые существенно изменили характер крестового похода и статус крестonosца. Суть в том, что Иннокентий III создал настоящий административный аппарат, с помощью которого он руководил всем движением, превратив крестовый поход в подлинное «дело креста», как отныне его стали называть — впервые эти военно-религиозные экспедиции стали обозначаться более точным термином. Созданная понтификом система организации крестonosного движения благополучно и почти без всяких изменений просуществовала вплоть до

XVI в. Какие же нововведения были сделаны Иннокентием III? По сути понтифик взял под свой контроль подготовку крестового похода — от проповедования, когда он объединил усилия папских легатов, с одной стороны, и провинциального клира — с другой, — до финансирования, когда он установил новые налоги в пользу крестовых экспедиций. В 1199 г. он обязал духовенство платить специальный налог — т. н. крестовую десятину. В соответствии с этим нововведением клирики должны были отдавать в пользу «крестового дела» 1/40 часть своего ежегодного дохода, а кардиналы — 1/10. Налог, размеры и сроки уплаты которого варьировались, стал, пожалуй, едва ли не основным источником финансирования крестовых походов. Кроме того, папа, закрепив уже существовавшую практику рекрутирования воинов, изыскал совершенно новые способы привлечения мирян к участию в военно-религиозных экспедициях. Вследствие этих нововведений крестовый поход постепенно утрачивает черты паломнического путешествия (уже само введение нового термина «*negotium crucis*» вместо «*via Sancti Sepulchri*» или «*iter Hierosolymitanum*» свидетельствовало о стремлении папства ослабить связь крестового похода со Святой Землей), и в нем все больше выявляются черты, которые сближают его прежде всего со священной войной. В этой метаморфозе важнейшую роль сыграло изменение условий обета крестоносца. Вначале это был по существу паломнический обет, согласно которому воин брал на себя обязательство отправиться в Иерусалим с целью воевать с неверными и освободить христианские святыни. Как только этот обет принимался, вступали в силу духовные и мирские привилегии воину. Но парадокс, возникший уже на ранних стадиях крестоносного движения, заключался в том, что для исполнения обета было вовсе необязательно воевать в Святой Земле — его можно было исполнить и на других театрах войны. Подобная практика «коммутации» — изменения условий обета — была, как мы видели, достаточно широко распространена уже в XII в., о чем свидетельствуют

и вышеупомянутые походы против вендов в Прибалтику, и экспедиции в Испанию и другие регионы. Папы, по чьей инициативе проводился крестовый поход, предоставляли участникам этих военных кампаний точно такие же привилегии, как и тем крестоносцам-пилигримам, которые сражались на Востоке. Таким образом, изначально присутствовавший в обете крестоносца мотив паломничества, характерный для раннего крестоносного движения, постепенно становится юридической фикцией, которая служит для того, чтобы предоставить привилегии воинам, вербуемым папами для своих экспедиций. Еще до середины XII в. подобные изменения формы обета были в общем нежелательными, то именно во время понтификата Иннокентия III эта практика узаконивается папскими буллами и получает все большее распространение» (<https://t.me/medievalnotes>).

Примечательно, что в среде «врагов Креста Христова» подобное «широкое» понимание смысла и значения Крестовых походов сохраняется и проявляется подчас более, нежели у современных теплохладных «христиан», чего-то вяло бляющих про «ребята давайте жить дружно», или – в наихудшем случае – «кающихся» за Крестовые походы, как недоброй памяти «папик» Ваня-Паша Другий... Нам попалась на глаза книжница некоего жидо-историка М.Когена, в коей данный матёрый сионюга приводит как раз «расширительную» трактовку «*sacrum bellum sub cruce vexillo*». Сей «комиссар-отгиштории» пишет среди прочего: «Средневековая история евреев – это история безконечных преследований. Ибо с XI века против них был организован «настоящий Крестовый поход». В XIII в. жидаы были изгнаны из Англии, в XIV в. – из Франции, в XV в. – из Испании, в XVII-XIX вв. прокатилась волна антижидовмских погромов в Восточной Европе и в России. Избиение евреев в период «революционных потрясений в Россиии» на Украине закончилось гибелью в 1919-1920 гг. почти 100.000 «человек» (все «цифры» на «совести» тов. Когана, разумеется – о.Р.Б.). Наконец, во Второй мировой во-

йне 6 млн. евреев было уничтожено фашистами» (зри. подр.: М.Сохен. *Zion and State*. Oxford, 1987). Всё перечисленное, напомним – се, согласно Когану, именно «настоящие Крестовые походы»... И мы не скажем, что он «не прав», только лишь меняя оценочный «знак» с «минуса» на «плюс»...

Дополним вышесказанное замечательной подборкой речений «святых и великих пап» (Н.Гумилёв), касающихся изконных «врагов Креста»:

Папа Григорий I Великий (590-604): «Иудеи, которые по собственной вине обречены на вечное рабство, упорно остаются в своем отрицании истины христианской веры» (Из письма епископу Неаполя, 602 г.);

Папа Иннокентий III (1198-1216): «Иудеи, как братоубийца Каин, обречены бродить по земле как вечные беглецы и изгнанники» (Из его писаний, связанных с четвёртым Латеранским собором, 1215 г.);

Папа Григорий IX (1227-1241): «Богохульства, содержащиеся в Талмуде, являются оскорблением Бога и христианской веры и заслуживают того, чтобы их сожгли» (из Буллы *Si vera sunt* (“Если они верны”), 1239 г.);

Папа Иннокентий IV (1243-1254): «Иудеи, живущие среди христиан, должны быть ограничены в правах, потому что их присутствие способствует неверию и презрению к нашей вере» (из переписки, поддерживающей сожжение Талмуда, 1244 г.);

Папа Климент IV (1265-1268): «Мы с тревогой в сердце узнали, что иудеи втягивают христиан в свои пагубные обряды» (из *Turbato corde bulla*, 1267);

Папа Николай IV (1288-1292): «Иудеи должны быть отделены от христиан, чтобы их испорченное влияние не испортило верующих» (из декрета, подтверждающего политику жидовской изоляции, около 1290 г.);

Папа Бонифаций VIII (1294-1303): «Иудеи, из-за своего упрямства, остаются вне Божьей благодати и должны быть

исключены из привилегий христианского общества» (из Папского высказывания, около 1295 г.);

Папа Климент VI (1342-1352): «Иудеи, хотя и не виноваты в отравлении колодцев, всё же упорно остаются слепыми и отвергают спасение» (из Буллы, изданной во время Чёрной смерти, 1348 г.);

Папа Сикст IV (1471–1484): «Иудеи и еретики должны быть вычищены из среды христианской паствы, дабы сохранить чистоту веры». (из переписки, поддерживающей испанскую инквизицию, 1482 г.);

Папа Юлий III (1550-1555): «Абсурдно и неуместно, чтобы иудеи, осуждённые Богом на вечное рабство, пользовались равенством с христианами» (из Буллы *Cum nimis absurdum* («Как абсурдно и неподобающе» <уравнивать жидов с добрыми христианами>, 1555);

Папа Пий V (1566-1572): «Иудейский род, склонный ко всякому пороку, не имеет места среди верующих, если не покорится истинной вере» (из Буллы «*Hebraeorum gens sola*» («Обособленность еврейской расы»), 1569);

Папа Сикст V (1585–1590): «Иудеи, хотя и терпимы, должны оставаться на должном месте — подчинены христианскому порядку» (из декрета о политике гетто, 1586 г.);

Папа Пий IX (1846-1878): «Иудеи, упёртые в своем неверии, не могут претендовать на права христиан, отвергая Христа» (из заявления по делу Мортары, 1858 г.)

(Подборка сия собрана добрыми христианами в тг-канале *Christus-Rex* (<https://t.me/s/ImperiumRex>)). Вот такой «папизм», прямо скажем, нам «по нраву»... Возможно ль ещё появление «таких» Римских епископов на Престоле Св. Петра? – Бог вещь, но «Рим как Принцип» присно требует и, как знать, быть может и «востребует» таковых... Да и не только «святых и великих Пап», но и «Цезарей дивных», согласно поэзо-профетике Н.Гумилёва: «Он будет вечный и дикий / Стоять на семи холмах, / Покуда звёздные лики / Над ним горят в небесах» (Н.Г., «Рим»).

«Крестовый поход» сегодня – се, пожалуй, «Поход на Рим», в чём-то аналогичный походу чёрнорубашечников Дуче, но, так сказать, с более «универсальным» масштабом и целями...Его «цели»: и «Рим Второй», и «Рим Третий» и *Deinde ubique...*

И КРЕСТ И МЕЧ

Как не может христианин (ежели он дорожит своим заветом с Богом) отказаться от боговозложенного на него креста, так не смеет христианин отвергнуть и боговручаемый ему меч. Ибо Единородный Сын Божий, «приклонивый небеса» и сошедший долу, дабы быть вознесенным погибшим родом иудейским на Крест по сказанному: *«якоже Моисей вознес змию в пустыни, тако подобает вознестися Сыну человеческого, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный»* (Ин. 3,15); сей-то Сошедший и Распятый и Вознесшийся видим нами вооруженным *двумя* орудиями спасения (кои суть – *одно*) – и Крестом и Мечом.

Совершив на земле «великое дело искупления человечества от греха, проклятия и смерти» *«Кровию Креста»* (Кол. 1,20) Своего, Сын Божий возносится на небо, дабы возсесть «одесную Отца» (как гласит Символ Веры), но берёт с Собою с земли в качестве «трофея» знамение Своей Победы – святой Крест.

Нисходящий же с небес на свершение великого дела искупления Сын Божий приносит на землю священный Меч, как то Сам Он свидетельствует об этом: *«Не мните, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч»* (Мф. 10,34).

Святые Отцы Православной Церкви видят в этом (говоря словами архиеп. Аверкия (Таушева)) «наглядное выражение великой истины о Боге, которая была высказана ещё в Ветхом Завете Псалмопевцем, о том, что в Боге *«Милость и Истина сретостся, Правда и Мир облобызастся»* (Пс. 84,11)» – то есть некое дивное сочетание в Боге Его Божественного Правосудия (образом коего служит Меч) и Его Божественной Любви (образом коей служит Крест).

Насколько преисполненным глубокого духовного смысла (ежели принять в соображение всё прежде сказанное) пред-

стаёт некий обычай средневекового рыцарства. Рыцарь, при наступлении часа молитвы, и ежели при сем поблизости не обреталось «дома молитвы» (Ис. 56,7) (ни храма, ни часовни) – втыкал свой меч в землю, *обращая тем самым меч в крест*, и свершал пред ним положенные молитвословия.

Не то же ли надлежит совершать ныне всем намеревающимся «тещи» вослед Подвигоположнику-Христу? Не может, *не смеет* воин Христов бегать Божиего меча – знамения Божественного Правосудия. В нынешние апокалиптические времена отказ от *крестоносного меча* может быть расценен как прямое *предательство*, как *дезертирство* из Воинства Христова, из Церкви Воинствующей.

Напомним в сей связи нечто из Священной Истории. Надобно вспомнить, как древле народ Божий, изведенный св. пророком Моисеем «из рабства Египетского», в то время когда Пророк восшел на гору Синайскую и получал от Бога скрижали Завета, впал в идолобесие, сделал себе золотого тельца и поклонялся ему... «Моисей увидел, что это народ необузданный, ибо Аарон допустил его до необузданности, к посрамлению пред врагами его. И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, иди ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал им: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение» (Исх. 33, 25-29).

Вот, ныне мы видим, что жида, по-прежнему поклоняющиеся золотому тельцу, поработившие Святую Русь, усиливаются переучить, «перековать» народ Русский, чтобы не Христу Господу он поклонялся и Ему Единому служил, а жидовской «маммоне». Но *«никто не может служить*

двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6,24). Посему мы обращаем слово наше к тем, кто ещё не поработил себя жидовским идолам; к тем, кто желает сохранить верность заветам Святой Руси:– **«Кто Господень, иди ко мне!» (Исх. 33,26).** И да возложит каждый, в чьих жилах течёт не презренная «общечеловеческая» вода, а благословенная Русская Кровь, меч на бедро своё.

Когда изнемогают уста проповедника, когда умолкает в них «слово крестное», почитаемое погибающими за «юродство» (1Кор. 1,18) – пусть проповедует Крестоносный Меч! Посвятим, братие, наши руки, крепко держащие меч сей, Господу, да вернёт Он нам православное Отечество наше, возставит Престол Православных Царей и низпошлет на священную брань нашу Свое благословение. Аминь.

Анатолий Макеев
староста Опричного
Братства преп. Иосифа Волоцкого

ADDENDA: Господь Воинств, Господь Саваоф — воинственный Бог, огня поядающего.

Интересно, что в Писании Саваоф имеет множество огненных атрибутов. В Библии сказано, что вид славы Господа подобен огню (Исх 24:17). Как мы знаем, Элохим обращается через ангелов (Пс 96:3). На примере трёх мужей становится очевидным, что это чаще всего и есть Господь, чье воплощение очень похоже на Новозаветного Иисуса. От прикосновения Ангела Господнего вещи просто воспламеняются (Суд 6:21). Интересно, что всё это перекликается с Новым Заветом. Павел прямо цитирует Ветхозаветное Писание, говоря о том, что: «Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь» (Евр 1:7). Действительно, ангелы Господней Благой вести также пожирают небесным огнём врагов Святого народа Божьего (Откр 8:7-8), и сам Го-

сподь сжигает своих врагов огнём (Откр 20:9), уничтожая нечестивцев и их горе-попечителей. Элохим насыляет огонь на нечестивцев (Чис 26:61; Втор 5:25; Суд 9:20; Чис 16:35; Лев 10:2; Иов 1:16). Его уста — это огонь (2Цар 22:9; Пс 17:9; Ис 30:27), и гнев Господа настолько велик, что он «жжет до ада преисподнего и поедает землю и произведения её, и пополяет основания гор» (Втор 32:22). Сам огонь предстаёт перед Элохимом, сжигая врагов Его (Пс 96:3). Саваоф называет Иуду и Иерусалим некогда «зеленящей маслиною, красующеюся приятными плодами», но при смятении воспламеняет огонь, сокрушая ветви её, то есть непосредственно основания городов (Иер 11:16; Иер 17:27). Он многократно наказывает и предупреждает народ Господень о наказании огнём за непослушание (Иер 4:4; Иер 15:14; Иер 17:4). Престол Господа, как пламя огненное, колёса — огонь пылающий (Дан 7:9–10), и неудивительно, ибо, как сказано всемилостивым Ап. Павлом: «Бог наш есть огонь поядающий» (Евр. 12:29). <https://t.me/s/RXlkN7JOfWo2OWFi>

ВИДЕНИЕ КРЕСТА

Автором этой проникновенной поэмы из Верчелльского Кодекса (Cod. Vercelli, fol. 104b-106a) прежде считали Кюневульфа, поэта, жившего предположительно в IX в. Теперь обычно произведением Кюневульфа считаются лишь четыре поэмы «Елена», «Юлиана», «Христос II» и «Судьбы Апостолов», в которые вплетено рунами его имя. Говоря же о «Видении Креста», отмечают лишь общее сходство поэмы с «подписанными» произведениями Кюневульфа в стиле и трактовке материала. Так, подчёркивают большое влияние на поэму литургии (Patch H. K. Liturgical influence in the dream of the Rood. – Publications of Modern Linguistic Association. XXIV). Почитание Креста, особенно широко распространившееся в Англии после того, как папа Марин (Marinus) даровал королю Альфреду часть Святого Креста (885), является общей темой «Видения креста» и Кюневульфовой «Еленой», где рассказывается о поисках Святого Креста Еленой, матерью Императора Константина. «Видение Креста» замечательно особой утончённостью и многосмысленностью христианской символики. Крест предстаёт в поэме и как символ торжества Бога, и как орудие истязания, как крест поруганный и почитаемый, «древо», соединяющее землю с небесами. Христос здесь и жертва, и царь, и смерть Его оказывается вместе с тем моментом Его наивысшей Победы. Но теология «Видения Креста» входит в образную ткань германской поэзии и во многом осмысляется через традицию (ср. особенно сцену распятия и погребения Христа, самую впечатляющую в поэме).

Прямые литературные источники поэмы неизвестны. Есть определённое сходство между нею и проповедью Псевдо-Августина (текст в *Patrologia latina*, vol. 47, p. 1155-56; английский перевод в изд. Allen-Calder, p. 53). Отмечая необычность замысла поэмы (рассказ о распятии, вещаемый самим Крестом), искали связи его с загадками, среди которых в

Экситерском собрании есть и загадка о Кресте (№ 56); ср. так же включённую в это издание загадку о тростнике, начало которой напоминает начало “Видения Креста”. В другом направлении ведёт связь поэмы с надписью на придорожном руническом кресте (так наз. Рутуэльский Крест, Нортумбрия, VIII в.), частично совпадающий со ст. 39-64 “Видения Креста”. В зависимости от общих взглядов исследователей, эта связь трактуется двояким путем: “Видение Креста” считают поздней учёной переработкой формульной надписи на кресте, либо видят в обоих текстах ответвления общей традиции, далеко разошедшиеся версии одного поэтического произведения.

Поэма неоднократно публиковалась отдельным изданием. В основе перевода лежат издания: Dickins B., Ross A. S. C. *The dream of the Rood*. L., 4th Ed., 1954; Swanton M. F. *The dream of the Rood*. Manchester, 1970.

Видение Креста

Вот, я поведать хочу
сокровенное сновиденье,
мне же середь ночи
оно явилось,
когда почили
словоречивые на постелях:
будто, вижу, вздыбается
в поднебесье древо,
креста, блистая,
восстало в зареве
дивное виденье,
оно одето было,
знамение, златом,
знатные каменя
окрест на земле играли,

и ещё была пятерица
на ветвях самоцветов;
воинство ангелов,
безгрешных от сотворения,
смотрели на крест безвинного,
взирали с радостью
и духи праведные,
и люди с земли,
и все во вселенной твари.
То было дерево победное,
я же, бедный, ничтожен;
смотрел я, грешный,
на этот крест ликующий,
лентами опеленутый,
благолепием осиянный,
позлащенный щедрый,
уснащенный камнями, —
чудесное виденье
дерева господнего;
но сквозила, я видел в злате
злыми людьми пролитая
в старопрежние годы, грешными,
кровь господня, омывшая
креста его правую сторону, —
и стал я духом печален,
в страхе представ прекрасному:
то красным оно показывалось,
то горело иным покровом,
либо кровью была омочена
обильно облита влагой,
либо златом играло и самоцветами.
На постели простертый,
телом скорбный и духом,
глядел я долго
на дерево искупителя,

но не скоро оно, не сразу
стало сказывать, я услышал,
древо наипрекрасное;
крест измолвил:
«Давно то было,
как срубили меня
на опушине леса –
всё-то я помню, –
подсекали насильники под корень
комель мой и меня уносили,
и поставили себе на потеху,
своих преступников понудили паялить,
а потом на плечах меня мучители
взволочили на холм, воздвигли
и вкопали меня, и обступили;
искупителя тогда я увидел:
он спешил, герой неустрашимый,
шёл взойти на мою вершину.
И не пал я – не спорил
с господней волей, –
не поспел я преломиться,
хотя место окрестное
кругом содрогалось,
и врагов под собою
я погresti хотел бы,
но, стойкий, не шелохнулся.
Тогда же юный свои одежи
господь вседержец сбросил,
добротвердый и доблестный,
всходил на крест высокий,
храбрый посередь народа
во искупление рода человеческого;
он прильнул ко мне, муж, и я содрогнулся,
но не смел шевельнуться, не преломился,
ни склонился тогда я долу,

но стоял, как должно, недвижно,
крестным древом
я воспринял небесного
государя-владыку,
долу я не склонился;
прободили меня чермными гвоздями,
и поныне дыры остались
от мучителей злочинные раны,
но смолчал я тогда перед врагами;
надо мной и над мужем они глумились,
весь промок я господней кровью,
текшей справа из-под ребер,
покуда храбрый не умер.
На холме том немалую
муку принял,
претерпел я пытку,
распятым я видел
господа горнего;
тут мгла набежала
по-над земью, застя
зарное сияние
тела Христова,
тень подоблачная
мглою налегла,
и все во вселенной твари
о пастыре возопили:
господь на кресте!
Но пришли издалека
люди к нему,
ко владыке радетели, –
всё-то видал я, –
и тужил я тогда и сокрушался,
но мужам этим на руки я склонился
с великой кротостью и смиреньем:
они брали господя всемогущего,

подымали государя от страданий
и меня покидали ратники,
и томился я, омоченный кровью,
и гвоздями я был весь изранен;
положили они мужа изнемогшего
и ему же в изголовье встали,
на владыку небесного глядели,
но недолго он там покоился,
измождённый страдой великой:
стали делать ему гробницу,
под его убийцей в белом утесе,
в камне вырубали могилу,
опустили всепобедного бога,
погребальную воспели песню,
возгрустили в предночных потёмках
и пустились в путь обратный,
в голос плача о госпде великом;
и всего-то никого с ним осталось,
только мы на холме
немалое время
слёзы лили;
вдали затихли
голоса воителей;
души обитель,
тело остыло.
Тут стали недруги
на земь нас ронить –
мы познали муку;
зарывали нас в ямовину,
но проведали обо мне
слуги господни...
.....
знатно меня украсили
златом и серебром.
Теперь же, муж возлюбленный,

ты можешь услышать,
какая печаль вначале
со мной случилась
и что испытал я, —
настало время:
теперь меня величают
всечасно и всюду,
и люди на земле,
и все во вселенной твари
предо мной склонились,
ибо много на мне
сын претерпел господень,
и теперь я великосильно
воздвигся под небосводом,
и вот: уврачеванье
несу я всякому,
чье сердце благоговет.
Обращенный к отмщенью,
отвращенье внушал я людям,
когда-то на мне страдавшим,
но преподавал я словоречивым
дорогу праведную,
направил их к истине.
Вот! и меня возвысил
вождь престолов
древом среди деревьев
избрал небовладелец,
подобно как богоматерь,
сама Мария
могущим господом
из других избранная,
была возвеличена
пред племенем женским.
Внимай же всему усердно,
муж возлюбленный,

дабы сам ты
словесами своими
для людей поведал бы виденье
этого дерева славы,
на коем господь
искупал всеильный,
все прегрешенья,
людьми свершенные,
и страдал он по давней
вине адамовой.
От смертного сна вкусил он,
но восстал он снова,
господь-искупитель,
на помощь людям;
вознесся на небо,
но снова на земь
сюда придёт он,
чтобы людей исповедывать
в день суда,
всевладелец,
бог небесный,
с ним же будут и ангелы,
когда на суде он станет
судить, власть имущий,
всё и вся,
ибо сам он
в жизни быстропрошедшей
стяжал это право.
И никто же
не сможет не утрашиться,
слыша слово,
когда всевластный спросит,
толпу испытывая:
во имя господне,
где же здесь человек,

кто же по доброй воле
примет страшную смерть,
как сам он на крестном древе;
и они устроятся,
и решить не смогут,
как им стать,
Христу отвечая.
Но пустится в путь
без опаски тот,
кто на сердце носит
знак всеславный,
ибо чрез крестное древо
обрящет душа
от земли отдалённое
желанное царство
небесное, где пребудет
с богом вечно».
Сотворил я на крест,
радуясь духам,
великую молитву;
там, перед ликом его,
из людей был один я;
и душа из груди моей
отлететь хотела;
посетило меня
благоутомленье;
но желанна была мне
радость, что я по праву
к этому древу победному
прибегать могу,
от других людей отдалившись,
почитать его неустанно.
У креста я ищу защиты
в этой жизни,
и жаждет сердце

утоленья в молитве;
на земле не осталось
покровителей у меня,
но в обитель горнюю
прочь от радостей дольних
они направились,
и с отцом всевышним
в царствие его небесном
все веселье вкушают,
я же в сердце моем
что ни день ожидаю,
когда же господне древо
креста святого,
здесь мне представшее,
меня избавит от прозябанья
в этой быстропреходящей жизни
и в то возьмёт меня место,
где внимают блаженные
на небесах веселью
и сами, слуги господни,
по праву празднуют
радость вечную,
и там меня оставит,
и там я стану
сладость блага
вкушать во славе,
со святыми обретаясь.
Мне заступником
да будет бог,
скорбевший о людях
на крестном древе:
грешного человека
искупил господь
и обитель ему небесную

даровал навечно;
и явилась надежда,
а с ней слава и блага
тем, кто в пламени мучился:
из битвы с победой
сын божий вышел,
благодой и могучий,
он в царство горнее
вступил, в господни владенья,
с толпою душ спасенных,
владыка вседержец,
ожидаемый ангелами
и всеми святыми,
и теми, кто на небе
всевластному славословил,
во славе пребывая,
богу победному
в его обители.

Примечания

4-5 ...древо Креста, – Крест и в других древнеанглийских памятниках иногда обозначается как «древо» (др. англ. *trēōw*).

8 ...окрест на земле. – В оригинале выражение, которое можно понять и как «края земли», осененные Крестом. Этот образ Бюгге связывал с образом Иггдрасиля, мирового древа скандинавской мифологии.

8-9 ...ветви – перекрестие Креста. Кресты с пятью камнями на перекрестии изображены в Равеннской мозаике (VI в.).

13 ...древо победное – ср. *lignum triumphale* в лат. источниках. Представление о Кресте как символе торжества Бога вероятно соединялось с верой, что крест или его изображение на доспехах, на знамени дарует победу в битве.

15 ...лентами опеленутый. – По предположению А. Кука, имеются ввиду пурпурные ленты, которыми украшали крест во время церковных процессий.

21-23 ...то красным оно показывалось... либо золотом и самоцветами. – Пэтч дает следующее объяснение этого места: “На Великий Пост принято было ходить с простым красным крестом, на Вербное Воскресенье его заменяли крестом, более богато украшенным, а на Пасху был в употреблении *crux de crystallo*” (Patch H. R., Op. cit., p. 251).

34 ...герой нестрашимый. – Здесь и далее Христос изображается как безупречный эпический герой (ср. эпитеты в ст. 30-41). Крест повинуется ему, как господину.

55-56 ...и все во вселенной твари о пастыре возопили. – Отмечают сходство этих строк со сказанием о смерти Бальдра из “Младшей Эдды”: “И если все, что ни есть на земле живого или мертвого, будет плакать по Бальдру, он возвратится к асам. Но он останется у Хель, если кто-нибудь воспротивится и не станет плакать” (Младшая Эдда “Лит. памятники”, Л., 1970, с. 85).

69 ...и всего-то никого с ним осталось. – Так в переводе передана литота оригинала.

70 ...только мы на холме. – Вероятно подразумеваются и те кресты, на которых висели два разбойника, распятые с Христом.

75 ...зарывали нас в ямовину. – Одно из мест, в котором ясно выступает параллелизм между судьбами Иисуса и Креста.

76 Слуги господни... – На месте второй полустроки лакуна, по-разному заполняемая издателями.

77 ...золотом и серебром. – Здесь кончается первая, наиболее самобытная, часть поэмы. Проповедь, составляющую вторую часть, было принято считать раньше позднейшим прибавлением.

101 ...от смертного сна вкусил он, – буквальный перевод лат. *gustare mortem*.

108-116 ...сюда придет он... Христу отвечая. – Ср. – отражение той же темы в “Руинах”, ст. 8-9.

131-135 ...на земле не осталось... все веселье вкушают. – Общее место элегической поэзии получает здесь более явственную, чем в элегию, религиозную окраску.

139-141 Где внимают блаженные... радость вечную. – В переводе несколько сглажено описание оригинала, формулы которого уподобляют небесное царство пиршественным палатам вождя.

148-156 ...и явилась надежда... в его обители. – В последних строках поэмы подразумевается сошествие Христа в ад, легенда, происходящая из апокрифического Никодимова Евангелия, получившая в средние века широчайшее распространение.

Перевод В. Г. Тихомирова

Примечания О. А. Смирницкой

Источник: Древнеанглийская поэзия. — М.: Наука, 1982. — (Литературные памятники).

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЦЕРКВИ

День Святой Пятидесятницы, егда «в виде огненных язык» на Дружину избранных Апостолов Христовых снизошёл Дух Святой – не без оснований называют «Днём Рождения» Церкви...

Верно отмечает представитель «альтер-ортодоксии»: «Пятидесятница - День Святой Троицы, совершенно справедливо называется Днём рождения Святой Церкви. Но это также напоминание о том, что Церковь - это, прежде всего, территория Святого Духа. Вневременное и внепространственное бытие, которое уже таинственно соединено с грядущим Царствием Божиим, новым небом и новой землёй. Догматы и каноны - это древняя карта, которая (подчас весьма условно) указывает нам, как найти дорогу в этот мир. Наличие карты отнюдь не гарантирует успеха и вообще не даёт ответа на большинство вопросов. Но без неё любой поиск становится окончательно безнадежным. И, воистину, это тот случай, когда уместно поздравить причастных - и пожелать успеха всем, кто желает причастными стать!» (Димитрий Саввин).

Церковь невозможно определить односложно и однословно... Да, се – «территория Св. Духа», преддверие Нового Неба и Новой Земли, Царства Божия etc. Но се – и род потомков Нового Адама – Христа, отрождаемых «от воды и Духа»... Существует толкование, что Едемский «Вертоград огражденный», данный во владение и оборону (!) Первому Адаму – отнюдь не тождествен «земле-в-целом». Се – некий избранный, огражденный, «опричный» участок в первобытном мире, где существование текло по «небесным законам», где животные были послушны перволюдям и т.п. А за пределами «Райской» ограды обретались враждебные Перволюдям твари (в т.ч. и человекообразные) и вообще множество угроз и опасностей, от коий оный Рай и предназначен был беречь и оборонять Первый Адам и его потомство... Мы не призываем

принимать сие за безусловный «догмат и канон» (напомним, что сказано про «догматы и каноны» чуть выше!), но «учитывать» сие и памятовать о сем небезполезно: се – многое о многом «объясняет» для Воинов Христовых... Примем се за «древнюю карту»...

Человек был создан гвардейцем Эдема, Творец Всемогущий породил его охранником Своего особого творения, ибо ни земля, ни ад, не были созданы для людей... Земля – предопределённое к катаклизмам место, где спасается тот, кто сохраняет верность и добросердечие во Христе вопреки всему, кто борется против посягающих «на Рай» с мечом в руках. В подобном понимании, Церковь - это конвейер рыцарей Веры, из которых святых делает гонение и «сверх-усилие» на Божием пути. Погибшие в «джихаде Христовом» рыцари Веры покоятся в Небесном Царстве, и за них и им, нам здесь полагается молиться, но акция прямого действия, как деяние крестоносного, воинствующего Христианства, нам остаётся как ручательство для мира живых. Единство в вере и крови когда-то когда-то послужило основой Европейского рыцарства, гонения же на Христиан длятся и поныне, и ныне вновь Царьград становится ареною противостояния Христа и Магомета, и там “Царство Небесное находится под тенью наших мечей!”. История снова делает свой круг... и «цветной натиск» на Белый Христианский мир со стороны зверочеловечества продолжается с новой силою (ныне – всё более не под красным знаменем лже-пророков иудо-марксизма, но под зелёным знаменем, впрочем, столь же лже-пророческим)... Основую Христианской борьбы, таким образом, должно быть явлено чред единение Орденского «отбора», традиционное для жизни на лезвии контраверсий с реальностью, которая никогда не перестанет быть абсурдной, зато может предстать героической. Так же, как рыцарство абсурда, в патовости падения Ориента в лапы лже-пророка шло Крестовыми походами, отвоёвывало Византию, отбивало нашествия на Италию и Францию, наконец сдерживало прорыв Орды чрез Русь в

Европу, должны и мы, “неблагодарные правнуки прадедов великих” обратиться к собственной Традиции и разрушить новейший Вавилон и написать собственный псалом (се – экстракт мыслей д-ра Д.Донцова).

Беды мира происходят от двух вещей: семи смертных грехов и человеческой смертности, а потому все апокалипсисы являются нормой, которой не надо удивляться, но которую Ecclesia Militante должна пребороть, порождая чин Рыцаря - соединение античного героя и христианского святого, во славу Пресвятой Троицы. Именно эти два смертных фактора являются причиной и страшных войн, и всадников хаоса, которые покорили землю, всё прочее - мелочи, борьба за святое - Божественна, остальное же - человеческое!

Дух Святый явился в виде огненных языков Дружине Христовой, дабы соделать их, исполнившихся Им, в равной степени и пламенеющими, и говорящими, и действующими: пламенеющими Им Самим, говорящими о Нём Самом, действующими в Нём Самом... Величаем Тя, Живодавче Христе, и чтим Всесвятаго Духа Твоего, Егоже от Отца послал еси Божественным соратникам Твоим.

ADDENDA: “Язычество” как пра-христианская традиция древних славян

Вера в Пресвятую Троицу изначально присуща нашим предкам. Древние Русы и Славяне прообразовательно именовали Бога Отца - именем Сварог (небо) , а Сына Божия - именем Дажьбог, Сварожич (солнце). Дажьбог - сыновняя ипостась Сварога, он - «Бающий бог» (т.е. «говорящий», Бог-Слово) и «Наделяющий». «Сварганить» именно и означает «создать», «сотворить». Сварога именовали также Родом. Род - отец Сварога. После 988 года Сварога (а не Дажьбога) в книгах прямо именовали Христом. Род - Сущий, Единый, прародитель богов и творец мира, «Вседержитель, иже единь безмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо человеку на

лице доухъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сидя на вздусе, мечеть на землю груди - и въ томъ ражаются дети...», упомянут в поучениях «О вдохновении Святаго Духа», «Слове об идолах», «Слово Исая пророка», рукописи Четьи Минеи, в епитимийниках XV-XVI вв.

Даждьбога (Солнце) наши предки мыслили именно как Сына Божия и Солнечного Царя (и божественное лицо, и «муж») - «Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Даждьбогъ, бе бо мужъ силенъ», согласно Ипатьевской летописи с опорой на перевод Хроники Иоанна Малалы. «Во второй половине XVII в. диакон Федор Иванов свидетельствует о том, что многие поселяне, а также попы и диаконы, «живучи по селам своим, поклоняются солнцу, где с ними не лучится образа, иконы Христовы и креста Его» (Челобитная царю Алексею Михайловичу, 1666г.). Солнце явно соотносится как с иконой Христа, так и с крестом, т. е. символическим изображением Христа. Юродивый Иван Большой Колпак, живший при царе Федоре Ивановиче, любил подолгу смотреть на солнце, размышляя о «Праведном Солнце», о Христе. Тропарь Рождества Христова: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, восія мируви светъ разумный, вземъ бо иже звездамъ служащій, звездою поучахуся, Тебе кланялися Солнцу праведному, и Тебе ведети свыше Востокъ, Господи, Слава Тебе».

Символом Даждьбога (Солнца) задолго до христианства был - крест. Евсевий Памфил, приводя слова св. Константина Великого, сообщает, что тот увидел лежащее над солнцем знамение креста. Императору было явлено единство прежнего, извечного «крестопоклонения». Знак Креста, объединяющий Христианство и «язычество», неприемлем для «строгаго авраамизма». Для ветхозаветного сознания Крест был знаком отвержения и проклятия, он внушал чувство ужаса и отвращения, иудеом убо соблазн (1 Кор. 1, 23). Также и в Исламе - «пророк Иса» (Исус в историческо-пророческом аспекте) придёт еще раз сразиться с «дадджалом», «разрушит крест и прогонит свиней».

Как иудеи, так и магометане считают христиан «язычниками». Отношение к символу Креста в «чистом авраамизме» в целом совпадает с отношением к институту Монархии в истории, вообще к наличию Престола. Для Ветхого Завета (Книга Судей и Первая Царств) монархия «хуже» теократии, а для изначального Ислама вообще нелегитимна.

проф. Джонатан Райли-Смит

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ КАК АКТ ЛЮБВИ

В своей энциклике «*Quantum praedecessores*», обнародованной в декабре 1145 г., Папа Евгений III (1145-1153) писал об откликнувшихся на призыв к первому Крестовому походу, что они были «воспламенены жаром любви» (1). В конце 1180-х гг. Петр Блуаский (ум. в 1205 г.) в *excitatorium* - речи, призванной вдохновить участников Крестового похода - утверждал, что христиане приобретают заслугу, если, «горя рвением милосердия, сражаются яростно против тех, кто злословит Христа, оскверняет святилище Господне и в гордыне своей и неверии попирает славу нашего Искупителя» (2). В 1260-х гг. французский поэт Рутбёф оплакивал нежелание своих соотечественников сподвигнуться на возвращение Иерусалима, восклицая: «Холоден огонь любви в каждом христианском сердце» (3). Все эти авторы называли христианскую любовь богословским термином *caritas*, *charitei* (милосердие), возвеличивая его традиционными для христиан образами огня или пламени и увязывая с Крестовыми походами. Поскольку любовь всегда считалась лежащей в основе всей христианской этики, в том числе и отношения к насилию, стоит задаться вопросом: насколько они репрезентативны среди апологетов Крестоносного движения. Я рассчитываю показать, что представление о Крестоносце, проявляющем свою любовь посредством участия в вооруженных актах, было элементом мышления старшего духовенства эпохи Высокого Средневековья. Понимание этого позволит нам поместить Крестовые походы в контекст духовного пробуждения Западной Европы, сопровождавшего реформаторское движение XI столетия. Однако христианская любовь была представлена верным понятным для них образом, а не в той форме, которая отражала бы сложности взаимоотноше-

ния между насилием и милосердием, как понимали их теологи и канонисты. Моё исследование ограничивается оправданием Крестовых походов на Восток, хотя крестоносцы участвовали отнюдь не только в экспедициях, целью которых было освобождение Святой земли или оказание ей помощи: сражались они и в Испании, на берегах Балтики и даже в глубине Западной Европы (4).

Христианская любовь включает любовь к Богу и любовь к ближнему. Обоих этих проявлений любви касались апологеты Крестовых походов: в сентябре 1096 г. Папа Урбан II (1088-1099) обещал индульгенции тем жителям Болоньи, кто присоединится к первому Крестовому походу, «видя, что они предали имущество свое и самих себя из любви к Богу и ближнему» (5), а Бернар Клервосский (ум. в 1153 г.), получивший в 1140-х гг. известия о победах мусульман на Востоке, вопрошал: «Если мы ожесточим сердца наши и не обратим на них внимания... где же любовь наша к Богу, где любовь наша к ближнему?» (6).

Считалось, что в особенности крестоносцы выражают свою любовь к Богу тем, что становятся последователями Христа в буквальном смысле. С самого начала к ним относились как с «солдатам Христовым», присоединившимся к экспедиции из любви к Нему. То, что они принимали Крест, нашивали его на свою одежду в знак обета участвовать в походе, воспринимали как отклик на слова Христа: «Кто не несёт креста своего и идёт за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк 14, 27). Как известно, установить в точности, что происходило на Клермонском Соборе в ноябре 1095 г., сложно, но возможно, что Папа Урбан II основывал свою проповедь первого Крестового похода на этом тексте. Автор одного из рассказов о Соборе упоминает, что так и было, когда Папа велел крестоносцам нашить кресты на одежду (7). Другой свидетель также ссылается на эти слова, говоря, что Урбан напомнил слушавшим его речение Христа: Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто

любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф 10, 37; 19, 29) (8).

Существуют свидетельства того, что, что бы ни сказал Урбан на самом деле, он задел некие струны в сердцах откликнувшихся на его речь. Анонимный автор «Gesta Francorum» («Деяний франков»), сам принимавший участие в первом Крестовом походе, открывает свое повествование волнующим рассказом об этом: «Когда приблизилось уже время, к которому Господь Иисус ежедневно привлекал внимание людей Своих, в особенности же - в Евангелии, где говорит: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16, 24), то было великое движение по всему Галльскому краю, так что если кто-либо с чистым сердцем и разумом серьёзно желал следовать за Богом и верно хотел нести за Ним крест, он мог скоро, без отлагательства, отправиться к Святому Гробу» (9).

Немец Эккехард Аурский (ум. ок. 1125 г.), сам бывший на Востоке в 1101 г., сравнивал крестоносцев с Симоном Киринеянином, который помогал Христу нести Его Крест (10), а в XII в. капеллан французского короля Одон Дейльский начал свой рассказ о втором Крестовом походе словами: «В лето Воплощения Слова 1146-е, на Пасху в Везелэ, славный Людовик, ...король франков и герцог аквитанцев, ...решил последовать за Христом, неся Его Крест, дабы быть Его достойным» (11).

Анонимный поэт XII столетия писал:

Вы, любящие истинной любовью,

Пробудитесь! Не спите!

Жаворонок приносит нам день

И рассказывает нам, пребывающим в этом укрытии,

Что день мира настал,

Что Бог, по великой милости Своей,

Даст тем, кто из любви к Нему
Примет Крест, ради того, что они сделают,
Страдать день и ночь,

Дабы увидеть, кто поистине Его любит (12) (см. ниже прим. пер.).

К этому слабому месту верующего человека часто обращались те, кто пользовался властью. Ок. 1144 г. в своей неоднократно переиздававшейся булле Папа Целестин II (1143-1144) писал, что тамплиеры, «новые Маккавеи нынешних времён Благодати, отрекаясь от земных желаний и владений, следуют за Христом, неся Его Крест» (13). Образ крестоносца, отрекающегося от себя и действительно принимающего Крест Христов, особенно ярко был выражен на рубеже XII-XIII столетий Папой Иннокентием III (1198-1216)¹⁴, для которого Бог был всеобщим благодетелем, Которому все обязаны были огромным и неоплатным долгом благодарности: «Кто откажется умереть за Того, Кто ради нас стал послушен до смерти, и смерти крестной?» (15). «Если Бог пошёл на смерть ради человека, следует ли человеку сомневаться, умереть ли ради Бога?» (16).

Подробнее Иннокентий рассматривает соотношение между крестоносцем и крестом в своей великой энциклике «*Quia maior*», положившей начало пятому крестовому походу (1217-1221): «Мы призываем от имени Того, Кто, умирая, возгласил на Кресте громким голосом, Кто сделался послушным Богу, Отцу Своему, до смерти крестной, плача, дабы Он избавил нас от вечного распятия смерти; Кто воистину ради Себя Самого призвал нас и сказал: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16, 24). И сим сказал ясно: «Кто хочет следовать за Мною к венцу, должен следовать за Мною и в битве, которую ныне предлагаю всем как испытание» (17).

В послании к Леопольду Австрийскому (1208 г.) Иннокентий подчеркнул также ничтожность деяний крестоносца в сравнении с деянием Христа: «Ты принимаешь крест мягкий

и лёгкий; Он же нес острый и твердый. Ты носишь его поверхностно, на одежде своей, Он же воистину терпел его на Своей плоти. Ты пришиваешь свой льняными и шелковыми нитями, Он же к Своему прибит был прочными железными гвоздями» (18).

Понтификат Иннокентия III отмечен кульминацией подобных образов. Любовь к Богу, выражаемая крестоносцами, оставалась в XIII веке популярной темой проповедей. «*Ordinacio de predicacione S. crucis in Anglia*» («Наставление о проповеди Святого Креста в Англии», ок. 1216 г.), явно следуя Иннокентию, говорит о вступающих на крестную службу как о тех, кто исполняет заповедь возлюбить Бога всем сердцем (19), а кардинал Одон из Шатору, которому было в 1245 г. поручено проповедовать и организовывать новый Крестовый поход во Франции, посвятил этому предмету гомилию. Проповедуя о тексте: «Истинно говорю вам... вы, последовавшие за Мною... сядете (рядом)... когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей» (Мф 19, 28), Одон велел слушателям бросить всё ради любви к Богу: истинное обращение может произойти лишь через любовь к Богу, а не к земным предметам, и возлюбить ближнего человек может, лишь выражая этим любовь к Богу. Дальше он говорит: «Ясный знак того, что человек пылает любовью к Богу и ревностью о Боге - это если он оставляет страну, владения, дом, чад и супругу и идет за море, служа Иисусу Христу... Кто желает принять и иметь Христа, должен следовать за Ним; следовать за Ним и до смерти» (20).

Не стоит сомневаться в том, что слушатели, к которым обращались Папы и проповедники, видели выражение любви к Богу в доступных им реалиях, прежде всего - в терминах отношений со светскими властителями и верности, которой сами были им обязаны. Властители же эти были феодальными сеньорами. В то время узы между вассалами и их господами считались столь тесными и рассматривались столь эмоционально, что феодальной терминологией пользовались

поэты куртуазной любви, чтобы описать преданность совершенного влюблённого своей даме (21). Для крестоносцев Христос был королём и сеньором, владения которого попали в руки язычников: старинный образ Святой земли как владения Христова употребляется в одном из рассказов о речи Папы Урбана в Клермоне (22) и затем ещё много раз; даже в 1274 г. Папа Григорий X (1271-1276) писал в своих «Constitutiones pro zelo fidei» («Постановлениях для ревности веры») о чувстве сострадания, которое должна её утрата вызывать в сердцах христиан (23). Долгом подданных Христовых было сражаться за возвращение или за защиту наследия Христа, как сражались бы они за домены своих сеньоров, и анонимный поэт XII века, чью крестоносную песнь я уже цитировал, выразил общее мнение, написав: «тот, кто покидает своего господина в нужде, заслуживает проклятья» (24).

Сталкиваясь со столь конкретно мыслившим миром, Папы склонны были выражаться по этому вопросу туманно, возможно - потому, что богословы не могли себя заставить явно прибегать к терминологии феодальных отношений с их понятиями договора и взаимных обязательств для описания отношений человека с Богом. Современный немецкий медиевист Карл Эрдманн обратил внимание на то, как расплывчато Папа Григорий VII (1073-1085), обращаясь в 1070-1080-х гг. за помощью к феодальному рыцарству, использует феодальные термины “miles” (“рыцарь, солдат”), “fidelis” (“верный”) и “servitium” (“служба”) (25). То же верно и для преемников Григория. Однако при случае Папы могли и намеренно использовать образы повседневной жизни, чтобы ясней показать людям, что такое Божья любовь. Например, Иннокентий III любил так говорить о Христе как короле: «Помыслите, сыны дражайшие, помыслите внимательно, что если бы какой земной король был извергнут из своего домена и, быть может, пленён, то, когда бы прежняя его свобода была восстановлена и пришло бы время для отправления правосудия, не счёл ли бы он своих вассалов неверными, и предателя-

ми короны, и повинными в оскорблении монарха, если бы только они не положили не единственно владения свои, но и самих себя ради его избавления?.. Так же и Иисус Христос, король королей и сеньор сеньоров, чьими слугами вы, несомненно, являетесь, кто душу вашу соединил с вашим телом, кто искупил вас Своею драгоценнейшею кровью, кто дал вам царствие, кто сподобляет вас жить и двигаться и подарил вам все блага, что вы имеете... не проклянёт ли вас за порок неблагодарности и как бы за преступление неверности, если вы пренебрежете помочь Ему?» (26).

Примерно в то же время великий проповедник Иаков Витрийский (ум. в 1240 г.) развил сказанное Иннокентием в одной из своих проповедей, хотя и осмотрительно заметил, что отношения человека со Христом всё же не феодальные: «Когда сеньор опечален утратой своего имения, он желает проверить своих друзей и выяснить, верны ли ему вассалы. Тот, кто держит фьеф от сеньора, справедливо его лишается, если бросает господина, когда тот вынужден сражаться и потерял своё наследие. Вы тело свое и душу, и всё, что имеете, держите от Вышнего Императора, и ныне Он призвал вас помочь Ему в битве; и хотя вы не связаны феодальным правом, Он предлагает вам всего столь много и столь ценного - отпущение всех грехов, какова бы ни была вина и наказание, а превыше всего - жизнь вечную, что вам следует немедленно поспешить к Нему» (27).

Позднее в том же столетии Одон из Шатору (ум. в 1273) в проповеди, на которую я уже ссылался, задавал слушателям вопрос, окрашенный стремлениями и чувствами мира, в котором они жили: «Что есть любовь к Богу, как не желание Ему чести и славы?» (28). То есть духовенство могло изобразить любовь крестоносца к Богу так, чтобы миряне узнали в ней нечто аналогичное их отношению к своим земным повелителям. Но ещё ярче проступает представление богословия в терминах повседневной жизни, когда речь заходит об идее любви к другим людям.

Убежденность в том, что Крестовый поход выражает наряду с любовью к Богу и любовь к ближнему, восходит также к первому Крестовому походу. Уже давно принято считать, что важным элементом в мысли проповедовавшего крест Папы Урбана была увиденная им возможность оказать братскую помощь христианам Востока, оказавшимся в притеснении или в опасности со стороны мусульман (29). Балдрик Долский (XII в.), рассказывая о клермонской проповеди, больше всего подчёркивает слова о страдании восточных христиан. Урбан у него проводит принципиальное различие между варварством междоусобных распрей во Франции и доблестью помощи Востоку: «Ужасно, братья, ужасно, что вы вздымаете разбойные руки против христиан. Куда меньшее зло - поднять меч на мусульман; в данном же случае это - благо, ибо положить жизнь за друзей есть милосердие» (30).

Развитие идеи о проявлении братской любви посредством насилия может быть проиллюстрировано источниками по истории военных орденов, тесно связанных с Крестовыми походами, даже если состоявшие в них братья не были собственно крестоносцами (31). Основание ордена тамплиеров - примечательный момент в истории религиозной жизни. Одной из главных привлекательных черт первого Крестового похода, последовавшего непосредственно за переменой в церковной мысли относительно роли мирян (32), было то, что теперь миряне наконец получили угодное Богу задание, для выполнения которого были особо снаряжены, и участвовать в котором не дозволялось принесшим обеты монахам. В известном фрагменте своей истории Крестового похода Гвиберт Ножанский (ум. ок. 1124 г.) радовался тому, что теперь миряне могут стяжать спасение трудами, не уходя в монастырь (33); внезапное осознание предводителем крестоносцев Танкредом, разрывающимся между “Евангелием и миром”, новой роли христианских воинов и полный энтузиазм ответ на него (34) свидетельствуют о мощи этой идеи, как и выделение “нового рыцаря”, которое появится в писаниях Бернара

Клервосского полстолетия спустя (35). Но призыв к монашеству был столь громок, а статус его - столь возвышен, что в течение двадцати лет после взятия Иерусалима сами монашествующие стали принимать на себя роль воинов, присваивая себе специфическую функцию мирян. Все современники были поражены тем фактом, что на свет появился новый тип монашеской жизни, ведущие которую братья едва ли могли бы действовать более мирским образом. Составители устава тамплиеров писали: «Мы веруем, что Божественным провидением сей новый вид монашеского ордена основан был вами в святых местах, так что вы сочетаете воинскую жизнь с монашеской, так что орден может сражаться оружием и без вины поражать врага» (36).

То, как в жизни тамплиеров соединились монашеские и военные обычаи, заметил также и Бернар Клервосский в своем трактате “*De laude novae militiae*” (“Похвала новому рыцарству”) (37), а в начале XIII в., когда военные обязательства приняли на себя также и госпитальеры и были основаны испанские и германские военные ордена, Иаков Витрийский писал о братьях: «Касательно них Господь сказал: “Я окружу дом Мой теми, кто служит Мне на войне, уходя и возвращаясь” (Зах 9, 8 [Вульг.]). Уходя в пору войны, возвращаясь в пору мира; уходя посредством действия, возвращаясь посредством созерцания; уходя сражаться на войне, возвращаясь мирно для отдыха и молитвенного рвения; так что в бою они как солдаты, а в монастыре - как монахи» (38).

Появление последователей монашеского устава, посвятивших себя войне, не могло не привести к полемике. В 1160-1170-х гг. Папа Александр III (1159-1181) был обезпокоен преобразованием Госпиталя св. Иоанна в военный орден (39), да и ещё в 1120-х некто, возможно - Гуго Сен-Викторский (ум. в 1141 г.), вынужден был отвечать от имени тамплиеров критикам, утверждавшим, что монашеский обет с оружием в руках защищать веру и христианский мир “недозволителен и пагубен”, и что он ввергнет тамплиеров в грех,

ибо войною движут ненависть и алчность: «Я говорю вам, что вы не ненавидите, что несправедливо, ибо ненавидите вы не человека, а беззаконие. И вновь говорю вам, что вы не алчны, что несправедливо, поскольку приобретаете то, что по справедливости должно быть отнято, ввиду грехов, и что по праву принадлежит вам, ввиду предпринимаемых вами трудов» (40).

Но подлинный ответ дал в 1139 г. Папа Иннокентий II (1130-1143) в “*Omne datum optimum*”, папской хартии для тамплиеров, и ответ этот обращал внимание на проявляемую братьями любовь: «Как подлинные израильтяне и наиболее умелые воители божественной битвы, исполненные пламени божественной любви, вы делом исполняете слова Евангелия: “Нет больше той любви, как если кто положит жизнь свою за друзей своих”» (41).

В 1155 то же самое вновь подчёркивал в булле “*Sicut sacra evangelia*” Папа Адриан IV (1154-1159), написавший слова, часто повторявшиеся в последующих папских посланиях: «Рыцари Храма... особо призваны на службу Всемогущему Богу и причислены к небесному воинству. На это указывает почитаемое их облачение, и это явлено крестом Господа Нашего, который они носят на своих телах. Для сей-то цели они и были основаны, дабы не страшиться положить жизнь свою за братьев» (42).

Такое же отношение мы встречаем и к госпитальерам, когда они восприняли военные обязанности. Первое упоминание о военном крыле в их уставе трактует его как расширение трудов милосердия: “Сии благотворительные пожертвования надлежащим образом установлены в святом ордене Госпиталья, за исключением вооружённых братьев, которых святой орден высоко чтит, и многих иных щедрых даров” (43). А в 1191 г. Папа Целестин III (1191-1198) говорил о госпитальерах, сражающихся с неверными и ухаживающих за бедными, как о “детях мира и любви... слугах Христа и святых бедняков Иерусалима и всех земель повсеместно” (44).

В этом отношении военные ордена произросли от того же корня, что и прочие новые ордена того времени, по-своему демонстрируя заинтересованность в благотворительных трудах и заботу о ближнем, которую проявляли столь многие.

Идея того, что Крестовые походы выражают братскую любовь, выдвигалась, разумеется, и в энцикликах, адресованных преимущественно мирянам. В 1169 г. Папа Александр III, отвечая на просьбу о помощи, поступившую со стороны Иерусалимского королевства, обнародовал как только возможно было шире всеобщий призыв. Начал он с того, что подчеркнул значение любви: «Среди всех средств, что подала Божественная Премудрость для проявления милосердия среди дел земных, трудно было бы отыскать такое поле действия, в коем сие милосердие проявлялось бы с большею славою, что касается добродетели, и с лучшими плодами, что касается награды за него, нежели дело помощи нуждам Церкви Востока и верных Христовых путем защиты их от натиска язычников, с тем, чтобы и почитание Имени Божия не прерывалось, и добродетель братства сияла достохвально» (45).

В 1215 г. Иннокентий III в энциклике “*Quia maior*” вернулся к теме любви, на этот раз - к любви к христианам, живущим на оккупированных мусульманами территориях: «Как человеку любить, согласно Божьей заповеди, ближнего как самого себя, если зная, что христиане, братья его по вере и по имени, содержатся у мусульман в суровом стеснении и отягощаемы ярмом тяжелейшего рабства, он не может посвятить себя деятельному труду ради их освобождения? Этим преступает он повеление естественного закона, объявленное Господом в Евангелии: “Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними” (Мф 7, 12). Быть может, не ведомо вам, что среди них [мусульман] содержатся в рабстве и узилище тысячи христиан, терзаемых безчисленными мучениями?» (46).

Примечательно в этих отсылках к любви то, что они односторонни - и потому не могут считаться поистине христи-

анскими. Любовь к ближнему в крестоносной пропаганде всегда трактовалась в терминах братской любви к другим христианам, а не любви, проявляемой не только к друзьям, но и к врагам. Этот однобокий взгляд на любовь не отражает вполне христианское учение ни прошлого времени, ни тех веков. Достаточно лишь прочесть “Сентенции” Петра Ломбардского (ум. ок. 1160), и нам предстанет богослов тех лет, предлагающий читателям более сбалансированный взгляд. Под ближним, подчеркивал Пётр, следует понимать всё человечество. Разумеется, доказывал он, братьев-христиан следует любить особенно, и поскольку мы не можем в равной степени проявлять любовь ко всем, они должны стоять на первом месте, поскольку являются членами того же тела и признают Того же Отца. Достаточно, к тому же, любить врагов непосредственно и не ненавидеть их; в этом отношении любовь к врагам стоит на шкале проявлений любви последней. Однако он подчеркивал, что и враги должны быть включены в понятие любви ко всем людям, и цитировал Августина Гиппонского (ум. в 430) в том смысле, что любить врагов более добродетельно, нежели друзей (47).

Христианская традиция относительно насилия, основы которой были заложены Отцами, естественно, подчёркивала в вопросе применения силы роль любви к врагам, как и к друзьям. Августин всесторонне рассмотрел эту тему. Для него необходимым условием оправданности насилия является правильное намерение со стороны тех, кто его применяет. В своем трактате о Нагорной проповеди, в котором содержится один из самых ранних очерков предмета, он подчёркивал, что намерение, стоящее за предназначающимся для исправления наказанием, состоит в том, чтобы преступник сделался счастлив; его следует применять из любви, причём тем, кто здесь преодолел ненависть. Христос осудил ненависть, стремящуюся к мщению, а не любовь, желающую исправить любимого. К тому же в прошлом многие благородные и святые люди употребляли смертную казнь как наказание

за грехи. Казнимые же не имели в том ущерба; напротив - они терпели ущерб от своих грехов, и состояние их могло бы стать намного хуже, если бы им было позволено жить. Августин упомянул здесь о пророке Илие, который убивал по распоряжению Божию, и привлёк внимание читателей к апостолу Павлу, который предал грешника сатане во уничтожение плоти, дабы дух его был спасён (1 Кор 5, 5). Он признавал, что не вполне понимает смысл употреблённых Павлом слов, но утверждал, что, что бы апостол ни имел в виду, из них ясно следует его желание спасти душу; иначе говоря, то было наказание, наложенное из любви (48). Для Августина намерение тех, кто санкционирует насилие, и тех, кто его применяет, должно быть направлено к справедливости - добродетели, которая, согласно ему же, подаёт каждому надлежащее ему, действуя на основе любви к Богу и любви к ближнему (49). Часто больше любви в том, чтобы проявить насилие, а не потворство; и отсюда следует, что справедливое насилие имеет своей движущей силой любовь к тем, к кому применяется. Подобная мотивация означает, что следует непременно ограничиваться лишь той мерой насилия, которая необходима (50). Августин часто писал о том, как родители могут выражать свою любовь к детям, наказывая их (51); упоминал он и о том, что порой насилие требуется, чтобы вылечить больного или спасти человека из физической опасности против их воли (52). Он тщательно исследовал Писания в поисках упоминаний о мотивированных любовью актах насилия, которые совершали Моисей и Илия (53), апостол Павел (54), любящий Бог и даже любящий Христос, бичом изгнавший, например, торговцев из Храма и ослепивший Павла на пути в Дамаск (55). Всё это дало ему основание оправдывать подавление ереси. Для любящей Церкви было правильно, было знаком любви и милосердия в подражание Христу, в сотрудничестве с любящим государством, силой сводить еретиков с пути ошибок ради их собственного блага, принуждая их к добру

так же, как хозяин свадебного пира из Христовой притчи посылал слугу на дорогу, чтобы силой привести гостей на праздник» (56).

Мысль Августина была весьма влиятельна в эпоху Высокого Средневековья. Ему в основном следовали крестоносные идеи в вопросе христианского насилия. Но - не в вопросе любви. Одно из объяснений может состоять в том, что поскольку Августин посвятил основную часть своих писаний о насилии тому, чтобы оправдать подавление ереси, и мало различал ситуации, когда сила употребляется в связи с войной против внешнего врага, и когда это делается внутри страны для усмирения еретиков. Его подход скорее мог привести к подчёркиванию любви как дисциплинирующей силы, параллели которой можно провести из области семейной жизни. Однако писатели времён Крестовых походов также рассматривали насилие против внешних и против внутренних врагов под одной общей рубрикой. И поскольку они не делали различия между формами насилия (по крайней мере в том, что касалось оправдания использования силы), нельзя ожидать того и от пропагандистов Крестовых походов.

Следует заметить также, что ряд посылок августиновской мысли был чужд богословию Высокого Средневековья, что может объяснить, почему те, кто оправдывал крестоносное насилие, не следовали ему в вопросе любви к врагам, как и к друзьям. В частности, он имел весьма негативное отношение к свободной воле, что привело его к пессимистическому взгляду на способность большей части человечества действительно действовать на основании любви. Для него было фактом, что тех, кого сдерживает любовь, в мире меньше, нежели тех, кого приходится сдерживать страхом. Ужас, вселяемый карательными законами римских императоров против ереси, понуждал людей к истине и приводил к истинной вере и спасению многих из тех, кто иначе не знал бы их. Кроме того, страх давал слабым сердцем предлог порвать с ересью (57). Таким образом, Августин мог сравнить справедливое

и несправедливое гонение: Римское государство в союзе с Церковью производило гонение справедливое, тогда как языческие императоры и злые люди – несправедливое (58). Он утверждал, что Христос обещал блаженство тем, кто гоним за правду, но ничего не говорил о гонимых за неправду. Никто не становится мучеником лишь потому, что страдает за свою религию: “Мучеником делает не наказание, а его причина” (59). Столь важна была справедливость дела, за которое человек пострадал; и Августин прибегал к образу Христа, распятого несправедливо, пребывающего на кресте меж двух разбойников, которые были осуждены по справедливости⁶⁰. Умалая значение свободной воли, ему, конечно, было легко оправдать насилие любовью, проявляемой по отношению к тем, кто ничем, кроме страха, не может быть побуждаем к добру. Но куда сложнее это сделать, если разделять высоко-развитое понятие о свободной воле, свойственное Высокому Средневековью, поскольку принуждение потенциально ограничивает действие свободной воли принуждаемого. В официальном заключении (*dictum*) в своей важной “Causa XXIII” о насилии канонист Грациан, писавший ок. 1140 г., проявил по этому поводу беспокойство (61).

К тому же подход Августина к свободной воле вылился в безразличие к спасительной ценности дел (62). По сути, он не верил, что участники этого насилия приобретают какую-либо особую заслугу. Он писал, что Авраам проявил “достохвальное” согласие с Божьим приказанием принести Исаака в жертву (63), но, как кажется, считал, что даже акты насилия, совершаемые по конкретному указанию Бога - а этой разновидности применения силы он уделяет особое внимание - только лишь не заслуживающими упрека (64). Было бы весьма дурно не исполнить такой приказ, но последовать ему означает всего лишь исполнить должное. На самом деле человек, обязанный послушанием тому, от кого приказание поступает, будь то Бог или Божий служитель, сам не убивает: он - орудие в руках властителя (65). Для апологета же кресто-

носного движения, напротив, заслуга, которая несомненно проистекает из доминирующего положения концепции свободной воли, играла столь важное значение, что один современный историк Крестовых походов определяет священную войну в понятиях того, какие заслуги приносит участие в ней (66).

Однако, если не считать уже упоминавшегося *dictum* Грациана, богословы времён крестовых походов, как видно, не находили затруднительным прививать идеи свободной воли и заслуг к мысли Августина. Если можно выделить какую-то одну характерную черту их отношения к любви и насилию, то это то, насколько оно августиновское; в их писаниях преобладают цитаты из Августина, в том числе и те, в которых подчёркивается любовь к врагам. Ансельм Луккский (ум. в 1086 г.), соратник Папы Григория VII, в XII и XIII книгах своей “*Collectio sanonum*”, написанных около 1083 г., собрал основные тексты Августина о насилии, в том числе - об употреблении силы и любви, и передал их своим преемникам в качестве авторитетных аргументов в пользу того, что Церковь, наказывая грех, не производит гонения, но выражает любовь; что Моисей, применяя силу по приказанию Бога, не совершал ничего злого; что наказание можно налагать не из ненависти, а из любви; и что войны могут быть по намерению благими (67).

За Ансельмом последовал Иво Шартрский (ум. в 1116 г.), который в своих “*Decretum*” и “*Panormia*”, написанных во Франции ок. 1094 г., накануне первого Крестового похода (68), своим авторитетом доказывал, что любовь к ближнему требует при обычных обстоятельствах не убивать (69). Не следует переходить к наказанию, если не преодолел личную ненависть; наказывать же надлежит тех, кто убивает из ненависти, а не из рвения к справедливости (70). Но, подчёркивал Иво в августиновском фрагменте, которым воспользовался позднее Грациан, христианское терпение не исключает необходимого сражения (71). Любовь может включать в себя

физическое наказание, как отец наказывает сына или хозяин – слугу (72). Принуждать ближнего может означать любить его, а наказывающий зло не совершает гонение, а проявляет любовь (73). В “Panormia”, работе популярной (74), три главы посвящены почерпнутым целиком у Августина аргументам, согласно которым любовь к ближнему требует не допускать, чтобы ближние творили зло, и что христианин может на самом деле согрешить, если не преследует злочинца (75). Иво утверждал, что войны, в которых сражаются истинные христиане, это в действительности акты миротворчества, поскольку мир является их целью (76).

Работы Ансельма Луккского и Иво Шартрского предвосхищали труд Грациана, но нимало не приближаются к тому изяществу и честности, с которыми он рассматривает вопрос о применении силы в Causa XXIII своего “Декрета”, написанной ок. 1140 г. Начинает он с того, что напрямую обращается к фрагментам Нового Завета, которые, как кажется, запрещают христианам прибегать к какому-либо насилию, но затем подводит читателя к массе материала, постепенно раскрывающего христианское оправдание насилия. В вопросе о любви, и в том числе - любви к врагам, он, как и Ансельм и Иво, стоит на августиновском базисе. Заповеди терпения не вполне запрещают употребление силы (77), поскольку их следует трактовать в том смысле, что надлежит проявлять мягкость и терпимость, однако наказывать существенные грехи, как то было в случае с Ананией и Сапфирой, которых осудил святой Пётр (то был любимый пример Отцов и тех, кто писал о насилии в эпоху Высокого Средневековья), с Елимой, ослеплённым словом святого Павла, и с грешником, которого святой Павел предал сатане (78). Не следует воздавать злом за зло, надлежит любить врагов, а не преследовать их (79), но проводятся августиновские аналогии с врачом, прописывающим лекарство пациенту, и главой семьи, наказывающим сыновей и слуг (80). Церковь, исходя из материнской любви, может предписывать грешникам цели-

тельные средства; и в любом случае лучше получать раны от друга, нежели поцелуи от врага (81). Люди должны любить своих врагов, молиться за них и проявлять к ним милосердие, но требования любви не должны означать, что надо позволять другим безнаказанно грешить. Акты милости могут сами быть несправедливыми и вести ко всеобщему ущербу (82). Поэтому правильно, что мятежных людей наказывает общественная власть. Лучше любить с суровостью: преследование не всегда достойно осуждения, ибо может служить любви (83). Злых людей можно принуждать к добру: в этом надобно следовать примеру Христа; никто не любил больше, нежели Он, однако Он силком поставил апостола Павла на путь праведности. Также и Моисей наказывал израильтян не по злобе, но из любви. Наказание - атрибут милосердия, как можно почерпнуть не только из Ветхого Завета, но и из Нового, хотя в нём подобные примеры более редки (84). Грациан полагал, что доказал своими аргументами: само по себе наказание допустимо и не обязательно происходит из ненависти (85).

В качестве последнего примера отношения к любви и насилию во времена Крестовых походов можно привести Фому Аквинского (ум. в 1274 г.) и его ранний полемический трактат “*Contra impugnantes*”, написанный в 1256 г. (86). Он также следовал августиновскому подходу и повторял тот аргумент, что Христос лишь тогда дал апостолам - людям простым и необразованным - право санкционировать наказание посредством силы, когда научил их абсолютной любви к ближнему (87).

Когда читаешь эти труды, создаётся впечатление, будто они относятся к иному миру, нежели мир, изображённый в крестоносной пропаганде. Вместо одностороннего понятия братской любви к другим христианам насилие трактуется в контексте любви ко всему человечеству - не только к друзьям, но и к врагам. При всех очевидных недостатках, нельзя не восхититься тому, с какой тонкостью и учёностью кано-

нисты говорят об употреблении силы, и не признают, что их работы включены в аутентичную христианскую традицию этики. Но надо подчеркнуть, что богословы с канонистами и Папы и куриальные клирики, писавшие о Крестовых походах, жили в одном и том же мире. Например, Папа Александр III, от имени которого была выпущена одна из уже цитированных энциклик, сам был канонистом и автором комментария на “Декрет” Грациана (88). Едва ли можно допустить, что Папы, провозглашавшие Крестовые походы, и знаменитейшие проповедники, подстёгивавшие энтузиазм народа, не осознавали комплексности христианской позиции. Они должны были представлять односторонний вариант любви намеренно, учитывая особенности аудитории, к которой обращаются.

Возможно, они и не осмеливались поступить иначе. Одна из черт настроения мирского общества XII века, проявляющаяся в его поэзии на национальных языках, это слепая, ничего не воспринимающая ненависть к неверным, выраженная, например, в знаменитом заявлении Карла Великого в “Песни о Роланде” (написанной в конце XI столетия): “С неверным я не примирюсь вовеки” [в переводе Ю. Корнеева; буквально - “Никогда не могу я явить язычникам любви или мира”. - прим. пер.] Весь эпос пронизан темой неутомимой войны против нехристиан с целью их обращения - темой, выразившейся в бойне, сопровождавшей завоевания первого Крестового похода, и в насильственных обращениях, совершавшихся на Востоке и в Испании (89). Лишь к концу XII столетия образ “благородного язычника”, способного на добрые поступки, стал распространяться среди обычных мирян (90). С учётом этих чувств пропагандисты Крестовых походов едва ли могли писать о любви к врагу; напротив - крестовая литература и пропаганда играли на существующей ксенофобии, описывая мусульман в эмоциональных выражениях: враги Бога, слуги дьявола, служители Антихриста (91). Но такого негативного объяснения недостаточно. Папы и их

представители должны были вывести и вопрос любви, поскольку знали, что он вызовет в слушающих их положительные чувства. Я полагаю, что здесь, как и в теме любви к Богу, мы слышим отзвуки светского мира. В источниках, которые я цитировал, о других христианах чаще всего говорится как о братьях и друзьях. В то времена слово “друг” часто означало не просто друга, а родича, как во французском документе XI в., где говорится о “его друзьях, сиречь его матери, его братьях, его сестрах и прочих его родственниках по крови или браку” (92). Слушателя призывали думать о других христианах как о своих родственниках. Пример употребления этого образного ряда находится в одном из рассказов о речи Папы Урбана в Клермоне, где он, как там сказано, говорил о восточных христианах как о “ваших единокровных братьях, ваших товарищах, братьях ваших, рождённых от той же матери, ибо вы сыны Того же Христа и той же Церкви” (93). Хорошо известно, что в эпоху Высокого Средневековья считалось, что кровное родство создаёт те же обязательства, что и вассалитет. Семья была источником силы для отдельного человека, и родственные узы, наряду с вассальными, имели главенство над всеми прочими. Похоже, что пропагандисты Крестовых походов решили представить мирянам любовь крестоносца в аналогиях с любовью к своей семье. Если принять мнение современного французского историка Жоржа Дюби, согласно которому в рыцарских семействах XII в. “родовое имение представляется необходимым элементом, поддерживающим в памяти... семейное сознание” (94), идея Палестины как наследственного имения Христова приобретает новый смысл. В эпоху, одержимую семейными земельными владениями, сыны Христа пробуждались, чтобы встать на защиту наследства своего Отца (95).

Предположение о том, что крестоносная любовь была представлена мирянам как пример любви семейной, приводит к следующему. Французский историк Марк Блок писал: “Средние века, от начала и до конца, а феодальная эпоха -

в особенности, прошли под знаком личного мщения” (96). История XI, XII и XIII столетий испещрена яростными вендеттами. Церковь, естественно, противостояла им, но, кажется, не испытывала в своей проповеди Крестовых походов неприязни к употреблению образов кровной вражды, привлекающих рыцарей. Одной из тем крестоносной пропаганды было отмщение неверному, подавляющему братьев-христиан и захватившему имение их Отца (97); когда в 1198 г. Папа Иннокентий III говорил, что крестоносцы призваны, “как сыны, покарать нанесённое отцу оскорбление, и как братья - отмстить за уничтожение их братьев” (98), все понимали, что он имеет в виду. Крестовый поход был в этом смысле кровной мстью тем, кто нанёс ущерб членам семьи Христа.

Но я хочу заявить также, что любовь - пусть даже в приниженной форме, как её представляли потенциальным крестоносцам - была для крестоносного движения богословским основанием, поскольку во все века христиане считали, что священное насилие не может базироваться ни на чём, кроме любви. Идея такого милосердия, такой любви вносила свой вклад в энтузиазм крестоносцев, поскольку, хотя латинскими христианами, отвечавшими призыву Пап принять Крест, двигали самые разные мотивы и чувства, современники всё же несомненно видели, что они участвуют в деле, приносящем нравственное удовлетворение. В эпоху, когда доминировала теология заслуг, это объясняет, почему участие в Крестовом походе считалось приносящим заслуги; почему экспедиции рассматривались как покаянные акты, приносящие индульгенции; почему смерть в бою почиталась мученичеством. В 1930-х гг. Карл Эрдманн в своей важной книге об истоках крестоносного движения привязал его к деятельности реформаторов XI столетия, которые, как он объяснил, “были теми самыми людьми, кто отстаивал идею священной войны и желал воплотить её на практике” (99). Прослеживание связи между реформаторским движением и развитием

крестоносной идеи стало одной из самых примечательных черт великолепного исследования, но можно утверждать, что он недостаточно далеко зашёл; он хотя и дал свидетель-ство такой связи между реформой и священным насилием, но не объяснил, почему она возникла. На самом же деле Крестовые походы как проявление христианской любви были в той же мере продуктами обновлённой духовности Высокого Средневековья с её заботой о том, чтобы жить *vita apostolica* (подражая жизни апостолов) и выражать христианские идеа-лы в деятельных трудах милосердия, что и новые госпита-ли, пастырская деятельность августинцев и премонстрантов и служение нищенствующих братьев. Милосердие святого Франциска может теперь привлекать нас больше, чем любовь крестоносцев, но и то, и другое произошло из одного корня.

Примечание переводчика

Эта песня известна в двух русских переводах, из которых ни один, однако, не передаёт в точности её смысла. Приве-дённая строфа звучит:

Братья, новый день встаёт,
Жаворонок уж поёт
О святом отдохновенье.
Кто тяжёлый крест возьмёт,
Крест долготерпенья,
Кто познает страдный путь,
Где нельзя передохнуть,
Тот замолит прегрешенья,
Заработает спасенье.

(пер. И. Эренбурга, цит. по: Тень деревьев. Стихи зару-бежных поэтов в переводе Ильи Эренбурга. М.: 1969).

Те, в коих истинна Любовь,
Проснитесь, сон забыть пора -
Поёт нам жаворонок вновь,
Внушает в трелях нам с утра:
Пришёл день мира и добра -
Господь, за нас отдавший кровь,

Дал тем его, кого Любовь
Ведёт в поход, чья кровь, быстра,
Страдать толкает вновь и вновь -
Любовь ведёт их со двора.

(пер. А. Парина, цит. по: Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов. М.: 1984).

Примечания автора

1 Eugenius III [Евгений III], “*Epistolae et privilegia*,” *Patrologia Latina* (далее PL), vol. 180, col. 1064.

2 Petrus Blesensis [Петр Блуаский], «*Epistolae*», PL, vol. 207, col. 533.

3 Rutebeuf [Рутбёф], *Onze poemes concernant la croisade*, ed. Julia Bastin and E. Faral (Paris: P. Genthner, 1946), p. 63.

4 См. Jonathan S. C. Riley-Smith, *What Were the Crusades?* (London: Macmillan, 1977), pp. 13-15.

5 *Epistulae et chartae ad historiam primi belli sacri spectantes*, ed. Heinrich Hagenmeyer (Hildesheim, 1901; reprint New York: G. Olms, 1973), p. 137. См. тж. *Papsturkunden in Spanien. I. Katalonien*, ed. Paul Kehr (Berlin: Weidmannsche, 1928), p. 287; *Epistolae et chartae*, ed. Hagenmeyer, pp. 178-9 (a letter from Pope Paschal II [1099-1118]).

6 Bernardus Claraevallensis [Бернар Клервосский], «*Epistulae*», PL, vol. 182, no. 364.

7 Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], «*Historia Ierosolimitana*», *Recueil des Historiens occidentaux des croisades* (далее RHC Ос.) 4, p. 16. См. тж. Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], *Epistolae et chartae*, ed. H. Hagenmayer (Heidelberg: Carl Winters Universitatbuchhandlung, 1913), p. 164; Ekkehard of Aura, «*Hierosolymita*», RHC Ос. 5, p. 15. Библейские цитаты даны по переводу Дуэ-Реймс [в русском переводе - по Синодальному изданию, за исключением случаев, где он расходится с Вульгатой. - прим. пер.]

8 Robertus Monachus [Робер Монах, Робер Реймский], “*Historia Iherosolimitana*,” RHC Ос. 3, p. 728; and См. тж. p.

850; Fulcherius Carnotensis [Фульхерий Шартрский, Фульк Шартрский], *Historia Hierosolymitana*, ed. H. Hagenmeyer (Heidelberg: Carl Winters Universitatbuchhandlung, 1913), pp. 115-16, 163; Gaufridus, «Dictamen,» *РНС Ос.* 5, p. 349; Henricus Huntendunensis [Генрих Хантингдонский], «De captione Antiochiae a christianis,» *РНС Ос.* 5, p. 374. Веком позднее см. иначе: Henricus Cardinalis Albanensis [кардинал Генрих Альбанский], *Tractatus de peregrinante civitate dei*, PL, vol. 204, col. 361.

9 *The Deeds of the Franks and the Other Pilgrims to Jerusalem*, ed. Rosalind Hill (London: Thomas Nelson and Sons, 1962), p. 1. См. Paul Rousset, *Les origines et les caracteres de la premiere croisade* (Neuchatel: Vaconiere, 1945), p. 99.

10 Ekkehardus Uraugiensis [Эккхард из Ауры], «*Hierosolymita*,» p. 39 and p. 34, «*Historia de translatione*,» *РНС Ос.* 5, p. 257.

11 Odo de Deogilo [Одон Дейльский, Одо Дейльский], *De profectone Ludovici VII in orientem*, ed. Virginia Gingerick Berry (New York: Norton, 1948), p. 6.

12 *Les chansons de croisade*, ed. Joseph Bedier and Pierre Aubry (Paris: H. Champion, 1909), p. 20. Friedrich-Wilhelm Wentzlaff-Eggebert, *Kreuzzugsdichtung des Mittelalters* (Berlin: De Gruyter, 1960), p. 325, предположил, что поэзия на народных языках отражала темы крестоносной проповеди. Я склонен считать, что заимствование идей было обоюдным.

13 *Papsturkunden fur Templer und Johanniter*, ed. Rudolf Hiestand (Gottingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1972), no. 8.

14 Innocentius III [Иннокентий III], *Die Register Innocenz III*, eds Othmar Hageneder and Anton Haidacher (Graz: Bolhaus, 1964), vol. 1, nos. 13, 302, 407; Innocentius III [Иннокентий III], «*Opera omnia*,» PL, vol. 215, cols 1339-40; Innocentius III [Иннокентий III], «*Quia maior*,» ed. Georgine Tangl, *Studien zum Register Innocenz III* (Weimar: Bolhaus, 1929), pp. 88-9; Rogerus de Houedene [Рожер Ховденский, Рожер Гоуден-

ский], *Chronica*, ed. William Stubbs (London: Longman, 1868-71), vol. 4, pp. 165-6.

15 Innocentius III [Иннокентий III], Register, no. 302; См. тж. Innocentius III [Иннокентий III], «Opera omnia», PL, vol. 215, col. 1339.

16 Rogerus de Houedene [Рожер Ховденский, Рожер Гоуденский], *Chronica* 4, p. 72. Этот текст вторит тому, как речь Урбана II передана у Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], «Historia», p. 15.

17 Innocentius III [Иннокентий III], «Quia maior», p. 88.

18 Innocentius III [Иннокентий III], «Opera omnia», PL, vol. 215, col. 1340.

19 *Quinti Belli Sacri Scriptorum minores*, ed. Reinhold Rohricht (Geneva: Typis J. G. Fink, 1879), p. 4.

20 Odo de Castro Radulphi [Одон из Шатору, Одо из Шатору], «Sermones de tempore et sanctis», ed. Jean-Baptiste Pitra, *Analecta novissima* (Paris, 1888), vol. 2, pp. 310-15. Еще более поздний пример см. в: Rutebeuf [Рутбёф], *Onze poemes*, pp. 121, 128.

21 Marc Bloch, *Feudal Society* (London: Routledge and Kegan Paul, 1961), p. 233.

22 Guibertus de Novigento [Гвиберт Ножанский], «Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos», RHC Oc. 4, p. 137. См. тж. Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], «Historia», p. 14.

23 «Constitutiones pro zelo fidei», ed. Heinrich Finke, in *Konzenliensstudien zur Geschichte des 13. Jahrhunderts* (Minister: Regensberg, 1891), p. 113.

24 *Les chansons de croisade*, ed. Bedier and Aubry, p. 20.

25 Carl Erdmann, *The Origin of the Idea of Crusade* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977), pp. 201-10. См. тж. Ian S. Robinson, «Gregory VII and the Soldiers of Christ», *History* 58 (1973): 177-84.

26 Innocentius III [Иннокентий III], «Opera omnia», PL, vol. 214, cols 809-10; and 215, col. 1500; Innocentius III [Иннокентий III], «Quia maior», pp. 89-90.

27 Iacobus de Vitriaco [Иаков Витрийский], «*Sermones vulgares*,» ed. J. B. Pitra, *Analecta novissima* (Paris: Typis tusculanis, 1888), vol. 2, p. 422.

28 Odo de Castro Radulphi [Одон из Шатору, Одо из Шатору], «*Sermones*,» pp. 310-11.

29 Erdmann, *Origin*, pp. 349-50, 355ff.

30 Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], «*Historia*,» pp. 13-15. См. тж. **Hugh of S. Maria**, «*Itineris Hierosolymitani Compendium*,» RHC Oc. 5, p. 363; «*Narratio Floriacensis*,» RHC Oc. 5, p. 357.

31 См. Riley-Smith, *What Were the Crusades?*, pp. 70-1.

32 Robinson, «*Gregory VII*,» pp. 169-92.

33 Guibertus de Novigento [Гвиберт Ножанский], p. 124. См. тж. **письмо Папы Урбана II к Валломбросе**, «*Papsturkunden in Florenz*,» ed. W. Wiederhold, *Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen* (1901), p. 313.

34 Radulphus Cadomensis [Радульф Каэнский], «*Gesta Tancredi*,» RHC Oc. 3, p. 606. См. Erdmann, *Origin*, pp. 336-7.

35 Rousset, *Origines*, pp. 154-5, 159-63.

36 *Die urspriingliche Templerregel*, ed. Gustav Schnurer (Freiburg: Herder, 1903), p. 147.

37 Bernardus Claraevallensis [Бернар Клервосский], «*De laude novae militiae*,» *Opera Omnia*, eds Henri Rochais and Jean Leclercq (Rome: Editiones cistercienses, 1963), vol. 3, pp. 219-22.

38 Iacobus de Vitriaco [Иаков Витрийский], «*Sermones*,» p. 406.

39 Jonathan S. C. Riley-Smith, *The Knights of St. John in Jerusalem and Cyprus* (London: Macmillan, 1967), p. 76.

40 «*Un document sur les debuts des Templiers*,» ed. Jean Leclercq, *Revue d'histoire ecclesiastique* 52 (1957): 87. О его авторстве см. Marie Luise Bulst-Thiele, *Sacrae Domus Militiae Templi Hierosolymitani Magistri* (Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1974), p. 23.

41 Papsturkunden fir Templer, ed. Rudolf Hiestand (Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1972), no. 3, pp. 205-6. См. тж. Cartulaire general de l'ordre de Temple 11197-1150, ed. Marquis d'Albon (Paris: H. Champion, 1913), vol. 1, no. 4: «Подобное величие любви и благодати достойной чести наблюдается изобилующим среди верных рыцарей Иерусалимского храма».

42 Papsturkunden fir Templer, no. 27; and nos. 38, 54, 75, 93.

43 Cartulaire general de l'ordre des Hospitallers de St. Jean de Jerusalem (1100-1310), ed. Joseph Delaville Le Roulx (Paris: E. Leroux, 1894-1906), no. 627.

44 Cartulaire des Hospitallers, no. 911.

45 Alexander III [Александр III], «Opera omnia,» PL, vol. 200, col. 599, & cols 601-2. О фоне, на котором это происходило, см. R. C. Smail, «Latin Syria and the West, 1149-1187,» Transactions of the Royal Historical Society, 5th series, 19 (1969): 13-14.

46 Innocentius III [Иннокентий III], «Quia maior,» p. 90.

47 Petrus Lombardus [Петр Ломбардский], «Sententiarum libri quatuor,» PL, vol. 192, iii, D. xxvii, cA, DD. xxix-xxx.

48 Augustinus [Августин], «De sermone Domini in monte,» CC:SL 35,1, xx §§ 63-5.

49 Напр., Augustinus [Августин], De civitate Dei, CC:SL 47-8, XIX, vii, xxi.

50 Augustinus [Августин], «Epistolae,» PL, vol. 33, no. xciii § 8. But cf. R. S. Hartigan, «St Augustine on War and Killing: The Problem of the Innocent,» Journal of the History of Ideas 27 (1966): 201-4.

51 Augustinus [Августин], «De sermone Domini in monte,» I, xix § 63; «In epistolam Joannis ad Parthos tractatus,» PL, vol. 35, VII § 8; De civitate Dei, XIX, xvi; «Epistolae,» nos. Ixxxix § 2, cxxxviii § 14, cliii §17, clxxxv §§ 7, 21.

52 Augustinus [Августин], «Epistolae,» nos. xciii §§ 2-4, clxxxv §§ 7, 33^.

53 Augustinus [АВГУСТИН], «De sermone Domini in monte,» I, xx § 64; «Contra Faustum Manichaeum,» PL, vol. 42, xxii § 79; «Contra litteras Petiliani,» PL, vol. 43, II, Ixxxvi § 191.

54 Augustinus [АВГУСТИН], «De sermone Domini in monte,» I, xix § 65; «Contra Faustum Manichaeum,» xxii § 79; «Contra epistolam Parmeniani,» PL, vol. 43, iii § 3; «Contra litteras Petiliani,» II, xx § 44.

55 Augustinus [АВГУСТИН], «Contra litteras Petiliani,» II, xix § 43, Ixxx § 177; «Epistolae,» nos. xciii § 7, clxxxv § 22.

56 Augustinus [АВГУСТИН], «Epistolae,» nos. Ixxxix § 6, xciii §§ 1, 6, c §§ 13, 16, cxxxviii §§ 14-15, clxxiii §§ 3-10, clxxxv §§ 23-4, 46; «Contra Gaudentium,» PL, vol. 43, i § 28; «Sermones» PL, vol. 38, no. cxii § 8.

57 Augustinus [АВГУСТИН], «Epistolae,» nos. xciii §§ 1-3, 17-19, cliii § 16, clxxiii § 2, clxxxv §§ 7, 13-15, 21, 29, 32.

58 Augustinus [АВГУСТИН], «Epistolae,» nos. xciii § 5, clxxxv §§ 8-11. См. тж. «Contra epistolam Parmeniani,» i §§ 13-15; «Contra litteras Petiliani,» II, xix-xx §§ 43-4, Ixxxvi § 191, Ixxxviii § 195; «Epistolae,» nos. xciii § 50, c §§ 7, 11, cviii § 14.

59 Augustinus [АВГУСТИН], «Epistolae,» nos. Ixxxix § 2, cciv § 4. См. «De sermone Domini in monte,» 1, v § 13; «Contra epistolam Parmeniani,» i §§ 13-15; «Contra litteras Petiliani,» II, Ixxxiv § 186; «Epistolae,» nos. xciii §§ 8, 16, clxxxv § 9.

60 Augustinus [АВГУСТИН], «Epistolae,» no. clxxx § 9.

61 Gratianus [ГРАЦИАН], «Decretum,» ed. Emil Friedberg, Corpus iuris canonici, 1 (Leipzig: ex officina Bernhardi Tauchnitz, 1879), C. 23, q. 6, c. 4 d.p.c.

62 Etienne Gilson, The Christian Philosophy of Saint Augustine (London: Victor Gollancz, 1961), pp. 154-5.

63 Augustinus [АВГУСТИН], «Contra Faustum Manichaeum,» xxii § 73.

64 Augustinus [АВГУСТИН], «Contra Faustum Manichaeum,» xxii § 75.

65 Augustinus [АВГУСТИН], De civitate Dei, 1, xxi, xxvi; and also «Contra Faustum Manichaeum,» xxii § 75; «Quaestiones in Heptateuchum» CC:SL 33, VI, x.

66 James A. Brundage, *Medieval Canon Law and the Crusader* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1969), pp. 21, 29 и Brundage, «Holy War and the Medieval Lawyers,» *The Holy War*, ed. Thomas Patrick Murphy (Columbus, OH: Ohio State University Press, 1976), p. 116.

67 Anselmus Lucensis [Ансельм Луккский], *Opera Omnia*, PL, vol. 149, cols 532-4; A. Stickler, «Il potere coattivo materiale della Chiesa nella riforma Gregoriana, secondo Anselmo da Lucca,» *Studi gregoriani* 2 (1947): 235-85; Erdmann, *Origins*, pp. 244-5.

68 Pierre Fournier & Gabriel Le Bras, *Histoire des collections canoniques en Occident* (Paris: Recueil Sirey, 1931-2), ii, pp. 82-3, 96-7.

69 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Decretum*,» PL, vol. 161, x ss. 4, 157.

70 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Decretum*,» x c. 60; «*Panormia*» PL, vol. 161, viii c. 9.

71 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Panormia*,» viii c. 42.

72 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Decretum*,» x ss. 60, 76, 77; «*Panormia*,» viii c. 22.

73 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Decretum*,» x ss. 62, 76, 95; «*Panormia*,» viii c. 36.

74 Fournier & Le Bras, *Histoire*, ii, p. 97.

75 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Panormia*,» viii ss. 15-17; и см. тж. с. 58.

76 Ivo Carnotensis [Ивон Шартрский, Иво Шартрский], «*Decretum*,» x c. 105.

77 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23, q. 1 c. 2.

78 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23 q. 4 c. 26 d.p.c.

79 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23 q. 4 c. 16 d.p.c.

80 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23 q. 4 c. 24; q. 5, c. 36.

81 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23 q. 4 ss. 25, 37.

82 Gratianus [Грациан], «*Decretum*,» C. 23 q. 4 ss. 32 d.p.c., 33.

83 Gratianus [Грациан], «Decretum,» С. 23 q. 4 с. 37.

84 Gratianus [Грациан], «Decretum,» С. 23 q. 4 сс. 43-4, 51.

85 Gratianus [Грациан], «Decretum,» С. 23 q. 4 с. 54 d.p.c.

86 См. James A. Weisheipl, Friar Thomas d'Aquino (Oxford: Blackwell, 1974), pp. 383ff.

87 Thomas Aquinas [Фома Аквинский], «*Contra impugnantes Dei cultum et religionem,*» Opera omnia iussu Leonis XIII P.M. edita, 41 (Rome: Ex typographia Polyglotta, 1948, 1970), cap. xvi, esp. § 4.

88 Alexander III [Александр III], Summa, ed. Friedrich Thaner (Innsbruck: Wagner, 1874), esp. pp. 88-98.

89 Pierre Boissonade, Du nouveau sur la Chanson de Roland (Paris: Champion, 1923), pp. 291-2; Rousset, Origines, pp. 110-33.

90 Новейший обзор литературы см. у Rainer Christoph Schwinges, Kreuzzugs- ideologie und Toleranz (Stuttgart: Hiersemann, 1977), pp. 102-8.

91 О терминах, употреблявшихся во времена Первого крестового похода, см. Rousset, Origines, pp. 104-5.

92 Bloch, Feudal Society, pp. 123-4, и p. 231, где утверждается, что слово “друг” (“amicus”) использовалось часто также в значении “вассал”. Упоминания об amicis, возможно - в этом смысле, см. в Fulcherius Carnotensis [Фульхерий Шартрский, Фульк Шартрский], Historia, p. 137; Henricus Cardinalis Albanensis [кардинал Генрих Альбанский], “Tractatus,” cols 360-1. Об употреблении терминологии наёмников применительно к крестоносцам см. Fulcherius Carnotensis [Фульхерий Шартрский, Фульк Шартрский], Historia, p. 136; Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], “Historia,” p. 15.

93 Baldricus Dolensis [Балдрик Долский], «Historia,» pp. 12-13. См. тж. Fulcherius Carnotensis [Фульхерий Шартрский, Фульк Шартрский], Historia, pp. 132-3, где восточные христиане упоминаются как «confratribus vestris.»

94 Georges Duby, The Chivalrous Society (London: Arnold, 1977), p. 146.

95 Или матери; см., напр., Petrus Blesensis [Петр Блуаский], «De Hierosolymitana peregrinatione acceleranda,» PL, vol. 207, col. 1063.

96 Bloch, Feudal Society, p. 125; and pp. 123-33.

97 О Первом крестовом походе см. Rousset, Origines, pp. 105-6; об идеях отщепенства в эпосе - p. 126.

98 Innocentius III [Иннокентий III], Register, no. 302. См. тж. Rogerus de Houedene [Рожер Ховденский, Рожер Гоуденский], iv, p. 165; Innocentius III [Иннокентий III], «Quia maior,» p. 90.

99 Erdmann, Origins, p. 143 et passim.

(Английская публикация: Medieval Religion. New Approaches. Ed. Constance Hoffman Berman. 2005)

Кирилл Монастырский

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ?

«Это была не борьба за земные королевства, а борьба за Царствие Небесное: крестовые походы были делом не людей, но Бога — поэтому о них нельзя судить с тех же позиций, что и о других событиях человеческой истории».

(Куглер Бернارد, «История крестовых походов»)

Многие говорят, что крестоносцы пришли на Святую Землю по прихоти Папы Римского из политических соображений, мол, пришли, побили невинных мусульман, и забрали себе Иерусалим, отстроив в новом своём королевстве госпитали, храмы и крепости с замками. Но действительно ли крестоносцы преследовали исключительно меркантильные мотивы? Первый Крестовый Поход был организован в 1096 году. Напомним, что он начался официально с проповеди Папы Урбана II во Франции, в городе Клермон в 1095 г. Предпосылками и последней каплей для Папы были мольбы о помощи византийского императора Алексея I Комнина отразить нападение мусульман. До 1096 христианский мир смиренно терпел произвол арабов и турков.

632 г. - смерть пророка Мухаммада - официально Ислам вступил в силу.

635 г. - захвачен Дамаск;

638 г. - захвачен Иерусалим;

645 г. - захвачена Александрия;

649 г. - захвачен о. Кипр;

673 г. - попытка осады и захвата Константинополя;

693 г. - вся христианская Северная Африка под властью халифата;

711 г. - начало захвата Испании (всего Пиренейского п-ва);

721 г. - пал г. Сарагоса (столица Арагонской короны);

732 г. - битва при Пуатье (мусульман наконец-то удалось остановить, но уже глубоко во Франции);

813 г. - был атакован г. Рим;

837 г. - был атакован г. Неаполь;

838 г. - нападение сарацинов на г. Марсель (Франция);

842 г. - нападение мусульман на Серданию и Марсель (опять);

846 г. - под атакой сарацинов опять г. Рим;

870 г. - арабы захватили о. Мальта;

878 г. - падение Сиракуз (9 месяцев осады, единицы выживших после резни);

889 г. - сарацинами разрушен г. Тулон (Франция);

902 г. - сарацины захватили г. Таормина (Греция); греки утратили Сицилию;

921 г. - большую группу английских пилигримов по пути в Рим к гробницам Апостолов сарацины зверски убивают в горном перевале Альп, раздавив их насмерть сброшенными камнями и обвалом;

935 г. - атака Генуи;

1009 г. - арабы разрушают храм Гроба Господня;

1010 г. - падение Козенцы (Италия);

1015 г. - осада Сардинии;

1016 г. - сарацины сожгли Пизу и распяли христиан на крестах;

1027 г. - Ислам проникает в ряды печенегов, начинаются гонения на христиан на территории бассейна реки Дон;

1038 г. - Сельджукиды полностью подчиняют себе Переднюю Азию вместе с Закавказьем и Анатолией.

1095 - Клермонский собор, где Папа Урбан II выступает с пламенной речью, что так больше терпеть нельзя.

На самом деле, список вероломных атак арабов, сарацинов и турков на христианские земли очень большой. В локаль-

ных стычках христианам удавалось отвоёвывать свои родные земли, в Испании началась с переменным успехом эпоха Реконкисты. Иными словами, исламский мир спровоцировал христиан совершить ответный ход. Но даже в этом случае тот ход ограничивался захватом лишь христианских святынь.

“Те, кто воспринимает крестовые походы с негодованием, как один из самых безумных эпизодов «тёмного» средневековья, не имеют ни малейшего подозрения, что то, что они называют «религиозным фанатизмом», было видимым признаком присутствия и действенности духовности и решительности — тех качеств, отсутствие которых как раз более характерно для настоящего варварства. В действительности человек крестовых походов был в состоянии восстать, сражаться и погибнуть ради того, что по своей сущности было надполитическим и надчеловеческим, и посвятить свою жизнь не частному, а универсальному, вселенскому” (барон Юлиус Эвола).

Близок ли Новый Крестовый Поход и Реконкиста?

Александр Черных

ОНОРЕ ДЕ БОВЕ О ВОЙНЕ КАК БОЖЬЕМ ДЕЛЕ

Трактат Оноре де Бонэ «Древо Битв» (Honoré de Bonet. *L'Arbre des Batailles*) – давно известный историкам памятник. Это не только крупный и осведомленный источник, но и одна из самых ранних в европейской традиции систематических работ на тему права войны. Оноре де Бонэ родился между 1340 и 1345 гг. в Провансе, предположительно в Салон (совр. Салон-де-Прованс). Написание его имени имеет многочисленные разночтения: Bonet, Bonhor, Bonnor, Bouvet, Bouet (Honoré de Bonet. *L'Arbre des Batailles. Publié par Ernest Nys. Bruxelles etc (Bruxelles, Leipzig, Londre, New-York, Paris), 1883. P. VIII.*). Он имел степень доктора права и был приором аббатства Салон. На время жизни де Бонэ пришлось жестокие англо-французские распри, впоследствии названные Столетней войной, и схизма в католической церкви. И войну как действительность его времени, и бурное развитие права несомненно можно считать побудительными мотивами к написанию трактата.

Оноре де Бонэ принадлежал к приверженцам авиньонского папы Климента VII и неоднократно критиковал сторонников Урбана VI. На родине де Бонэ разразились беспорядки, переросшие в войну: Раймон Роже виконт де Тюрени с оружием в руках отстаивал некий законодательный акт папы Григория XI в свою пользу, который папа Климент VII и Мария де Блуа не желали признавать. Поскольку виконт в итоге взял верх, то в числе первых мероприятий выгнал приора, сторонника его врагов, из аббатства (*Ibid.* P. XI.). Де Бонэ укрылся в Париже, где он нашёл применение своим знаниям и таланту. Возможно, Кристина Пизанская в «*Livre des faits d'armes et de chevalerie*» (нач. XV в.) именно о нем говорила как об «очень важном и учёном человеке», который отвечал на её вопросы

о праве войны. Война в Провансе в сер. 1380-х гг. со всеми её ужасами: сожжением городов, взятием замков и крепостей, жестокостью и кровопролитием, ограблением храмов и проч. обусловила личный интерес де Бонэ к теме соотношения войны и права. Трактат повсеместно, вплоть до круга короля создал де Боне репутацию очень учёного человека и впоследствии, в 1390 г. он сопровождал короля в поездке в Лангедок и Гиень в качестве помощника королевского комиссара Пьера де Шеврез для расследования злоупотреблений дяди короля, Жана Беррийского (Ibid. P. X–XI.). Скончался де Бонэ в 1410 г.

Происхождение названия трактата связано с образом древа скорби, о котором говорит автор (Ibid. P. 2–3.). На его верхних ветвях слева - двое сражающихся пап, справа – борющиеся император и король, на нижних сражаются рыцари и буржуа, наконец внизу появляется Бог-Отец, окруженный ангелами, препровождающими в ад мятежных демонов. Позиция де Бонэ в отношении войны (в целом доктринально осуждаемой) совпадает со смыслом предания о коннетабле Дюгеклене, который на смертном одре завещал своим сподвижникам исключить из числа объектов военных действий людей церкви, женщин, детей и простолюдинов. При этом политическая позиция де Бонэ двойственна: как священник он противник Империи, как подданный французской короны - сторонник независимости королей Франции. Де Бонэ посвятил свой трактат французскому королю Карлу VI, взошедшему на трон в 1380 г. Известно, что болезнь поразила Карла VI в манском лесу во время похода против герцога Бретани в 1392 г. Можно допустить, что трактат создан ранее этой даты и написан между 1380 и 1392 гг., по мнению А. Мэннинга, около 1387 г. (The Argentaye Tract. Ed. by A. Manning. Toronto, 1983. P. 25.).

Первое издание трактата появилось в Лионе в 1480 г. За ним последовали многие переиздания. Многочисленны и сохранившиеся рукописи: они существуют на французском,

провансальском, испанском языках, частично на английском. Оценка трактата обществом была высока, косвенным свидетельством чего служит то, что в испанском рыцарском романе «Тирант Белый» отшельник вручает оруженосцу «Древо» как пособие по изучению рыцарства (Хёйзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 394). Хёйзинга отмечал, что, судя по переизданиям, его трактат по военному праву имел практическую ценность и в XVI в. (Хёйзинга, правда, считал «Древо Битв» свидетельством проникновения элемента рыцарской игры в войну, смешения её с зачатками международного права. Свидетельство этому он видит в том, что трактат рассматривает в одном ряду важные, действительно правовые вопросы и мелкие, не выходящие за рамки игры. (Хёйзинга Й. Указ. соч. С. 259)). Естественно, что переводы осуществлялись ради основной темы трактата, но и его геральдические главы оказывали свое воздействие. Так, часть трактата воспроизведена в книге гербов короля Сицилии, он послужил одним из источников Аржантёйского трактата (XV в.) (The Argentaye Tract. Ed. by A. Manning. Toronto, 1983. P. 25, 43).

Правовые проблемы войны составляют основное содержание всего трактата. В большинстве своём это исключительно конкретные, практически важные вопросы; например, должен ли потерявший доспехи возмещать их цену тому, кто ему их дал, можно ли воевать во время праздников, каков статус невоенных лиц во время войны, возможно ли двойное гражданство горожан и проч. Как правило, де Бонэ интересуют вопросы сомнительные, а не очевидные. Соотношение геральдической части с темой и текстом всего трактата позволяет на их фоне оценить подход автора к геральдическим проблемам. Конечно, существуют известные ограничения этого трактата как источника, но о том, чтобы признать его непригодным, а автора – незнакомым с геральдикой, и речи быть не может. Он хорошо знает всё, что касается взятия в плен, выкупа, судебного поединка, видит разницу между знатным, рыцарем и

наёмником и то, что его военно-правовые вопросы не имеют геральдического измерения, и то, что геральдические главы стоят особняком в трактате - не случайно.

Де Бонэ почёл необходимым посвятить несколько глав гербам, что само по себе говорит о том, что связь войны и геральдики ему вроде бы была очевидна. Но геральдические главы в этом широко распространенном в позднем Средневековье трактате создают свой образ геральдики. Для гербоведения утверждение о преимущественном употреблении гербов в военном обиходе давно тривиально. При общеизвестной связи гербов со средневековыми воинскими обычаями было бы естественным предположить, что автор коснётся гербов именно в связи с ними. Парадоксально, но де Бонэ практически ничего не говорит о военном аспекте гербов, их роли в сражении или в воинской иерархии. Напротив – весь строй его рассуждений и все примеры – сугубо «гражданские». Более того – для него именно повседневная мирная сфера общественных отношений и служат главной областью бытования гербов. При этом он не избегает конкретных проблем. Например, известный вопрос наказания рыцаря за бегство с поля боя, предательства сеньора и проч. автор разбирает специально и подробно (Honoré de Bonet. *L'Arbre des Batailles*. P. 80–82.), но среди тех действительных наказаний, которым, по его мнению, должен подвергаться виновный, о гербах не упоминается ни разу (Ibid. P. 98–99.). При этом возражения, указующие на клирика, не разбирающегося, дескать, в военном деле, вряд ли могут прозвучать серьёзно. Он специально рассматривает, что необходимо для войны и, в частности для славного рыцарства. Не обмолвившись ни словом о гербах, он говорит об экипировке, квартировании и фуражировке (Ibid. Chap. VII–VIII.). В большинстве случаев де Бонэ - юрист, а не клирик. Тем более странно, что о выкупах, поединках, замене оружия, о том, как должны делиться трофеи, он знает достаточно подробностей, а гербы при этом никак не попадают в поле его зрения. Упоминания в лите-

ратуре о преимущественном употреблении гербов в военном обиходе Средневековья - действительно общее место, но почему же в специально посвящённом этому обиходу трактате о гербах говорится очень бледно, очень теоретически и все примеры – невоенного происхождения? В главе СХХVI он, долго рассуждая об имени и гербе, повторяя, в сущности, мысль Бартоло, тем не менее нигде не говорит о военном различении по гербам. Что же, гербы в войске отсутствуют, или де Бонэ они не интересны?

При традиционно представляемой связи гербов с военным обиходом и обычаями было бы естественным предположить, что автор коснётся гербов, чем, собственно, и был вызван наш интерес к трактату. И он не обошёл темы стороной. Но парадокс геральдической части трактата состоит в том, что де Бонэ практически ничего не говорит о военном аспекте гербов, их роли в сражении, или в воинской иерархии. Для него как раз невоенная сфера - город, местность и т.п. и вообще – повседневная мирная сфера отношений служат предметом рассмотрения. Более того, он полагает, что взятие чужих гербов как раз и ведёт к распре, раздору, войне, и дело государя это пресекать.

Дело не в том, что де Бонэ неважны гербы, а в том, что они более привлекают его, например, как средство обозначения достоинства при наличии иерархии среди них, причём на примерах самых известных (геральдическая лилия дома Франции, леопард Англии, горностаи герцогов Бретонских, серебряный крест графа Савойского). И функции гербов - по де Бонэ - не имеют военной окраски. В трактате геральдические главы помещены вслед за главами не о битвах, а о поединках и после гербов автор снова возвращается к разбору поединков. Но для де Бонэ поединок представляет собой в первую очередь судебное состязание, некое социальное действие, а не бой. Далее, цель существования гербов, по его мнению - обезпечить узнавание членов сообщества (преимущественно городского); гербы вслед за именем есть нечто,

отличающее их друг от друга. Де Бонэ свидетельствует о практике охранной функции герба, в первую очередь охраны собственности в самом прямом смысле (помещение гербов на доме, владении, имуществе, запрет на помещение гербов на чужом имуществе)(Ibid. P. 237, 238).

Нельзя не отметить упоминание о том, что городские должностные лица XIV в. пользуются гербами города до тех пор, пока они занимают должность (Ibid. P. 237. В 1303 г. гербом Тулузы были замок и собор. Герб графов Тулузских – тулузский крест в алом поле. Термином «тулузский крест» обозначается золотой просечной уширенный с тремя шариками на концах крест. В 1520 г. в гербе Тулузы тулузский крест был одним из элементов герба наряду с замком, собором, агнцем и главой Франции). При каких обстоятельствах члены капитула Тулузы пользовались этими гербами? В каком соотношении находились эти гербы с родовыми и личными гербами этих должностных лиц, если таковые имелись? На эти вопросы в трактате нет ответов, но это недвусмысленное указание на определённую практику.

Трактат в целом – сложное и многоплановое произведение и вопрос об источниках трактата, а это и Библия, и правовые, и богословские, и исторические труды – особая тема (См.: Coopland G.W. *The Tree of Battles and some of its sources*. 1923). Что же касается источников геральдических знаний, то надо отметить, что влияние Бартоло ди Сассоферрато на де Бонэ в понимании геральдики велико. Это неудивительно, ибо ко времени создания «Древа Битв» трактат Бартоло был уже известен около 30 лет, и в первую очередь среди юристов. Даже если это влияние оказывалось не в непосредственной форме, то вполне возможно через знаменитый трактат «*Songe du Vergier*» (См. подробнее: Черных А.П. Геральдика и право в трактате «*Songe du Vergier*» // Древнее право/*Ivs antiquvm*. Вып. 1. М., 1996), с которым в тексте имеются прямые аллюзии. Но и следуя бартолианской традиции, соглашаясь с практикой свободного усвоения гербов, де Бонэ отмечает

противоречия авторитетных мнений по этому вопросу. Он отстаивает приоритет тех, кто взял конкретные изображения гербами ранее других, тех, кто носит их давно, т.е. апеллирует к классической средневековой традиционности. И добавляет, что сеньор местности не должен поддерживать притязющих на такие же гербы.

Концепция иерархии цветов следует за Бартоло, в том числе и в аргументации с оригинальными комментариями в отношении траура и цвета одежды клириков. Хотя традиция полемики с Бартоло в области геральдики развернулась в XV в., у де Бонэ уже есть элементы полемики с ним. Однако эта бартолианская традиция существует не только в виде буквального следования тексту трактата Бартоло, но глубже, на смысловом уровне, поскольку де Бонэ вслед за Бартоло воспринимает герб как некий способ или как один из механизмов социального регулирования, направленный на предотвращение конфликта в обществе, как инструмент с коммуникативной и идентифицирующей функцией в жизни общества.

Геральдические главы трактата де Бонэ – один из немногочисленных письменных источников по геральдике, который содержит дополнительные штрихи для очертаний геральдической практики второй половины XIV в. Он свидетельствует о разных аспектах функционирования геральдики. В частности, употребление городских гербов магистратами связано и по праву, и по времени использования с отправлением должности. В главах трактата, посвящённых геральдике, неоднократно подчёркивается охранная функция герба применительно к собственности; настоятельно указывается на идентификационную функцию института герба и её социальный смысл. Контекст отношения к гербам де Бонэ убеждает в том, что в качестве неотъемлемого компонента облика социума гербы ко второй половине XIV в. за без малого триста лет существования приобрели защиту и покровительство традиции. Кроме того, в контексте трактата явственна основная связь гербов не со средневековой войной в целом

или даже конкретными военными действиями, а только с военным сословием, с пониманием военного сословия самим де Бонэ. Эта разница существенна в первую очередь для понимания геральдики, поскольку, если бы, согласно распространённому мнению, её бытование действительно ограничивалось преимущественно обиходом войны, то следовало бы задуматься о скудости её проявлений в этой сфере. Однако суть в том, что не войско, а весь средневековый социум был пространством бытования геральдики, о чём свидетельствует текст трактата, перевод которого впервые представлен вниманию отечественного читателя (Королевская библиотека в Брюсселе располагает четырьмя рукописными копиями трактата. Перевод выполнен по публикации одной из них, которую приписывают перу Давида Обера, библиотекаря герцога Бургундского Филиппа Доброго, выполненной в 1456 г. по изданию: Honoré de Bonet. L'Arbre des Batailles. Publié par E. Nys. Bruxelles etc (Bruxelles, Leipzig, Londre, New-York, Paris), 1883. P. 237–243).

Приложение

Оноре де Бонэ. ДРЕВО БИТВ

[...]

Гл. СХХIV. О гербах и флагах (В тексте *penoncheaulx* (т.е. маленькие *pennon*) - флаги на конце копья с гербом (Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du XI au XV siècle. G.-P., 1982. T. VI. P. 84–85). В более узком значении – обязательно с гербом, отражающим место происхождения владельца) вообще.

Нам надо рассмотреть другое дело: о гербах, знамёнах и флагах, которые военные и другие благородные люди имеют обычай носить и велеть рисовать на тканях, на покрывалах в комнатах, на поверхности стен, и там, где им будет угодно, а именно: каждый ли может их взять и носить по своему желанию. Но прежде, чем я скажу более об этой материи, вы должны знать, что вообще мы имеем двух [родов] различия

этих гербов, ибо среди них есть некоторые, которые сделаны и полагаются для состояния достоинства: знак орла, который предназначен для императорского достоинства, геральдическая лилия для дома Франции и леопард для Англии и всех других королей. И подобным же образом есть знак других, более малых достоинств, как горностаи для герцога Бретонского, серебряный крест для графа Савойского и также для всех других, подобного же достоинства, будь то принцы, маркизы или виконты, которые издревле имели каждый свои особые гербы. И таковые гербы всякий человек в том же виде не должен ни носить, ни помещать на своем доме, ни в своём городе, если только это не тот, кто в этом достоинстве есть главный сеньор. И если некто содеет тому противное, он за это будет наказан. И мы видим, что дяди, братья и другие родственники королей и других государей не носят в неизменном виде гербы своего дома, но делают в них некоторые различия. Затем имеются некоторые гербы по должности, как то мы скажем о членах капитула Тулузы, которые до тех пор, пока исполняют свою должность, носят гербы этого города. И это по причине должности. И консулы Монпелье, если пользуются гербами, то носят алое яблоко (Это не вполне ясное место: скорее всего - это неточность публикатора, и консулы носят *croix rommée* (или *rommetée*) de gueules, т.е. «с шариками на концах», подобно элементу тулузского креста. См. выше), ибо это есть гербы консулата. И ещё, если некто возьмётся носить эти гербы, повесит их на своем доме или на своём владении, чтобы их [дом и владение] охранить, он будет наказан как обманщик. И что касается этого здесь, то по мне достаточно.

Гл. СХХV. О гербах всех благородных людей особо.

И в этой настоящей главе нам надо рассмотреть гербы благородных людей, будь они бароны или мелкие землевладельцы. И здесь будет изъяснено, может ли некто, кто не относится к ним по крови, носить их [гербы] по своей воле. И нам надо хорошо понять этот вопрос, ибо у наших магистров (Здесь и

далее во всех случаях упоминаний магистров имеется в виду в первую очередь, скорее всего, Бартоло де Сассофerratо) я не могу найти эту материю хорошо, как мне хотелось бы, освещённой. Во всяком случае, есть некоторые бароны и другие благородные люди, предки каковых издревле имели свои гербы по дарованию императора или же по дарованию или привилегии королей. На это один наш магистр говорит, что таковые гербы никто не должен носить, если только он не той же крови. И я полагаю, что он действительно говорит истину, если гербами пользуются в своей стране, которая подвластна тому, кто их дал. Но если король Франции даровал моему роду гербом одного серебряного льва, то в чём ущерб, если в Германии некий Германец будет носить подобные гербы. Определённо, по праву он не будет за это наказан. И ещё мы имеем другой способ [усвоения] гербов, когда каждый берёт [их] по своему усмотрению.

И вы должны знать, что имена людей были изобретены, чтобы знать различия между личностями. И имя каждый может брать по своему желанию; или отец для своего сына, или крестный отец для своего крестника. Ещё человек может поменять своё имя затем, чтобы иметь более благозвучное, но пусть он не делает этого мошенническим образом. Точно так же и с этими гербами. Так, эти гербы, которые существуют по усмотрению человека, каждый по своему усмотрению может и взять, и иметь их, и рисовать на своем доме и на своём имуществе, но не налагая [их] на чужие вещи.

Гл. СХХVI. О гербах всех благородных, будь они бароны или другие.

Теперь перейдём к другому прению о том, что согласно праву, будет наиболее сомнительным. Мой отец по своему усмотрению взял [гербом] алую корову и три звезды вверху, и некто другой из моих мест, который не имеет никакого отношения к моему отцу, желает взять и носить эти же самые гербы. Мой отец пожелал на то возразить, ибо они ему весьма нравятся. Я спрашиваю, может ли он это сделать. По

этому [поводу] представляется, что нет, и это я доказываю открыто, ибо один человек может взять имя другого по своему усмотрению и в одном доме, или в одном городе, или в одной деревне могут быть многие люди, которые названы одним именем. Ибо этого желает право. И тогда почему же не могло бы быть в одном городе многих людей, носящих одни и те же гербы? Теперь скажем некоторые доводы в [пользу] другой стороны. Есть общие вещи, то есть те, которые не [принадлежат] никому в отдельности, как птицы, морские рыбы, олени, кабаны, лани, зайцы - и кто первый их возьмёт, того они и будут. И поскольку в наших местах эти гербы ещё никто не брал и мой отец был первым, то очевидно, что, согласно праву, он был вполне прав. Наши магистры по этому прению делают таковое заключение, что если один человек или один род взяли новые гербы и носили их публично, то, если потом некто другой из этого города или из той же страны также желает их взять, государь не должен этого поддерживать. Ибо гербы изобретены для узнавания людей и для различения, и так не будет вовсе [никакого] различия для узнавания среди других людей, но будет полное смешение. Итак, ему [государю] должно следить за тем, чтобы ни один из его подданных не сделал бы другому ничего постыдного, ни оскорбления, ни нововведения. Но кажется, что тот, кто взял их наново, сделал бы это к досаде и наперекор первому, чтобы начать раздоры и распри, и против этого суверену следует принять меры. И [в данном случае] не будет хорошим аргументом сказать, что в одном городе, возможно, могло бы иметься много людей, зовущихся одним именем. Ибо возможно легко распознать и отличить одного человека от другого, и по имени тоже узнают различия. Но если гербы полностью одинаковы, очень трудно рассудить, чьи они. И поэтому я думаю, что суверену следует содействовать этому [различению].

Глава СХХVII. Один Германец обнаруживает Француза, носящего его гербы; может ли он за то вызвать его на поединок.

Но рассмотрим другое прение, которое вполне могло бы произойти. Один Германец прибывает в Париж, чтобы увидеть двор короля и чтобы познакомиться с изящными манерами Франции. Он обнаруживает некоего рыцаря или экуюе, носящего гербы его рода, к которому он подступает так грубо, как это в обычае у Германцев, и говорит, клянясь верой, что тот дурно носит оные гербы. Тот Француз так отвечает куртуазно: «Прекрасный сир, что вы говорите! Могу ли я не носить гербы, которые мой отец и мои предки носили столь долгое время, что об ином и памяти нет!». «Бог меня приberi, - говорит Германец, - мой род древнее и благороднее, нежели ваш; и эти гербы, которые вы носите, есть наши собственные. Я и говорю, что вы их носите по-дурному, и если вы хотите их защищать, так вот мой вызов». Француз говорит куртуазно: «Я не сделал вам ничего подлого, и тем не менее мне угодно защищаться от того, что вы мне говорите». Я спрашиваю, должен ли будет король, когда перед ним предстанет эта распря, судить упомянутый вызов на бой? Мне представляется, что да, поскольку Германец древнее [родом] и первым носил гербы. И если он первый, он будет обладать предпочтительным правом. И, поскольку он в том не имеет свидетелей перед королём, и хочет это доказывать собственным телом (Речь идет о судебном поединке), представляется, что бой должен иметь место. Но с этим мнением не согласны наши магистры. Их довод достаточно очевиден и показывает, что боя быть не должно. Так как они вовсе не из одного королевства, то посему ни их не могли спутать на конном турнире, ни королю нанести большого ущерба, ни Германцу безчестия в его стране, если во Франции его гербы носимы Французом, если только оный это не делает с большим неподобанием. Ибо допустим, что один рыцарь из Франции, человек дурной жизни, большой забияка и грабитель, взял гербы другого, весьма безупречного человека и доброго рыцаря, с которыми он отправился или в Бургундию начинать войну, или в Лотарингию захватывать коров, и обдирал каждого че-

ловека на своём пути. Если безупречный германский рыцарь против такового рыцаря перед королём представит свой вызов, по этому факту его распря не будет слишком дурной, но я уже не говорю, что король должен судить бой. Ибо, если король по достоверным сведениям обнаружит, что это было правдой, я не осмелился бы говорить ни о виселице, ни об отсечении головы, так как я человек церкви. Но, если бы он за то свершил добрый суд, я не принял бы то за большое чудо. Однако я не вижу, какое право могло бы позволить судить бой между ними двумя, где человек, который был преступен, мог бы оправдать злую и несправедливую жизнь.

Глава СХХVIII. Как должны быть наказываемы те, кто носят гербы другого по злоумышлению.

И по этому же прению - носить гербы другого - это могло бы быть наказано различными способами. Ибо если некоторый наёмник из простого рода явился из Германцев пред королём Франции и носит гербы одного древнего рода из его страны, который имел давнюю славу и считался [родом] весьма славных воителей, и он это делает, чтобы быть более почитаемым, облечённым властью или уважаемым, или чтобы иметь лучший приём или лучшие поединки, я полагаю истинным, что иск и жалоба другой стороны или другого лица достаточны для короля, чтобы его за то весьма хорошо наказать. И также я говорю, что если есть один независимый мастер в Париже, который очень хорошо куёт мечи или шлемы (В тексте - термин *bachinets*: шлемы без забрала, защищающие лишь затылочную часть головы), на которые он налагает определённый знак, как в обычае делать это, и если некий другой мастер, живущий в Труа, подделает тот знак, чтобы лучше продать своё изделие, он за то может быть наказан. И подобное я скажу о некоем письмоводителе - если тот подлогом подделает знак другого, и то же я скажу о торговцах, которые прибывают в страну, ибо всё это есть на том же основании, и если поддерживается противное тому, это может сделать слишком много затруднений.

Глава СХХІХ. О цветах гербов.

О золотом цвете. Поскольку наши учителя сказали в некоторых местах о знамёнах и гербах великих государей, я не буду ставить вопрос о том, какие гербы из всех самые богатые, ибо всякое сравнение отвратительно. Мне приятнее разъяснить некоторые вещи по поводу цветов. Поэтому я говорю, что среди них одни более заметны, чем другие по тому, что каждый из них согласно своей природе представляет. И посему мы говорим, что цвет золота есть самый благородный из существующих в мире. И вот основание: так как золото по своей собственной природе есть светлое и сияющее, и столь добродетельно и живительно, что медики полагают его высшим восстановителем тому, кто обезсилен вплоть до смерти. И так оно представляет солнце, которое, с точки зрения света, есть тело очень благородное, ибо закон говорит, что нет вещи более благородной, чем свет. И об этом превосходстве говорит Писание, что праведники и святые воссияют как солнце (Матф. 13:43.). И также по этой высокой природе Сын Божий, когда Он преобразился перед апостолами, Он явил свой великолепный лик сияющим, как солнце (Матф. 17:2.). И древние законы в былые времена устанавливали, что никакой человек да не носит золота, если только он не государь. Поэтому я говорю, что самый благородный цвет есть золотой.

Следующий цвет, который именуют пурпурным. Следующий цвет есть пурпурный, который мы по-французски называем красным или алым, и он представляет огонь. Таков огонь в своём теле, наиболее сияющий после солнца и самый благородный из всех остальных элементов. И этот цвет согласно древним законам тоже должен быть мало носим другими лицами, кроме великих государей или самых близких им по крови.

О голубом цвете. Третий цвет есть голубой, который своим изображением представляет воздух и который после огня есть самый благородный из остальных элементов; он есть тело летучее и проницающее и желает воспринимать световые воздействия.

О белом цвете. Четвёртый цвет есть белый, который после голубого самый благородный из остальных [элементов], ибо более, чем другие близок к телам сияющим и светящимся и посему очень благороден и означает чистоту и неведение. Также Писание говорит, что одежды господа нашего Иисуса Христа явились апостолам белыми как снег (Матф. 17:2; Марк. 9:3.). И этот белый цвет представляет воду, которая после воздуха есть самый благородный и достойный элемент.

О чёрном цвете. Оставшийся цвет есть чёрный, который представляет землю и означает страдание, ибо удаляется от света более, чем все остальные, и приближается ко мраку. И по этой причине по смерти некоего государя - или проиграв битву - подданные облачаются в этот цвет, и он самый низкий и самый смиренный. И равно на этом же основании облачаются в него клирики, которые не должны обращать внимание на суетную славу.[...]

**Впервые опубликовано: Черных А.П. «Древо Битв»
как источник по истории геральдики.
Вступ. статья и перевод // Нумизматика на рубеже веков.
Нумизматический сборник. Часть XV.
Труды Государственного Исторического музея.
Вып. 125. – М., 2001. С. 108–122.**

CUSTODIA DE IERUSALEM («СТРАЖА ИЕРУСАЛИМА»)

Количество литературы про «Крестовые Походы» поистине не поддаётся изчислению... Казалось бы, «все слова сказаны» и «тему можно закрыть»? – Ан нет: самые слова «Крестоносец», «Крестовый Поход» etc. содержат некие «духовные вибрации», доселе не оставляющие равнодушными как *друзей Креста*, так и *врагов* оногo... Сие означает, что метаисторический «Крестовый Поход» отнюдь «не завершён», *он «продолжается»*, и предлагаемая нам книга историка-крестоносца Вольфганга Акунова, повествующая о истории Первого (а ежели «Первого», то задающего в какой-то мере «парадигму», «образ учиненный» для всех прочих) Крестового Похода, увидела свет вполне «своевременно»... Символика «Святой Земли» («Земли Обетования») и «Святого Града» (Иерусалима) двупланова: *она «небесная» и «земная»*... Вначале был «Небесный Иерусалим» - град Бога Живого. Иерусалим - это место, где обитает Господь, место, где находится Сион, Храм и престол Бога на небе. Только потом появился «земной Иерусалим» со своим царём и народом в Иерусалиме. И на горе Мориа (Сион) появился Храм, подобный небесному (Евр. 12, 22-23). Небо выше земли, и то, что мы имеем и хотим иметь на земле, всего лишь образы небесного. Такова же и символика «Святой Земли»: Бог заключает Завет со Своим народом, Бог обещает (и обещает неоднократно) даровать Своему народу «Землю Обетованную». Разве «обетования» Божии даются всуе? Нет: Завет Божий нерушим и Обетования Его непреложны. Но что далее? – А далее сию «Землю Обетованную» требуется тем, кто включены в Завет, *отвоевать*. Отвоевать с оружием в руках, своими воинскими трудами, своим подвигом... Се – отнюдь не «дела давно минувших дней», се реальность – во все минувшие и грядущие века проявляющаяся в судьбах каждого Христианского наро-

да и каждой Христианской души. Присоединение к Церкви соответствует вступлению в Завет, а «земля обетованная» есть образ обетованного верным «Царства Христова», иже «внутри нас есть» (Лк. 17, 21). ***И за сию внутреннюю «Землю Обетования» надлежит бороться.*** «Обетованную Землю» нашего сердца надобно завоевать. ***«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия, восхищают его»*** (Мф. 11,12). А ежели не будет оной борьбы за «Землю Обетованную», кою добрые Христиане получили, став членами Церкви Христовой, то они могут «разслабиться», «почить на лаврах», мня, что «всё уже сделано и получено»... Со стороны Бога – да, сделано всё. Со стороны же верных Христовых, дабы окончательно получить то, что обещано – необходимы духовные усилия, ***необходим подвиг***... События Первого Крестового похода в данном аспекте - ***архетипичны***. Воспомянем: «Бурлящая Святая Земля. 12 век. Век побед и подвигов. Пройдя голодными и хронически больными суровый пост и не один крестный ход, лишь бы только иметь право ступить ногой туда, где ходил Христос, крестоносцы входят в Иерусалим. Но бурление никуда не исчезает. Нашествия длятся, а за воротами города до сих пор стоят осквернители Господнего Гроба, караулят пираты и мародёры («пират», от греч. πειρατής — «разбойник, грабитель»). Гроб Господень до сих пор не чувствует себя спокойно. Пилигримы - паломники, которые составляли духовный позвоночный столп Иерусалиму, до сих пор без пищи, помощи и охраны. Куда тогда держит путь утомлённый и изнурённый воин? Конечно, в ещё большую глубину Покаяния и Служения. Как решение по умиротворению обстановки создаются ордены знаменитых мужей. Госпитальеры и Тамплиеры, ставшие самыми грозными военными орденами в Святой Земле, возникают как феномен и акт абсолютной отдачи Богу. Готфрид Бульонский, Жерар Блаженный и другие богатейшие люди в своё время вменили богатство и знатность в «уметы», ради сна в грязных казармах и держания вечного поста. Раймунд III, Ричард Львиное

Сердце, Боэмунд III, все они променяли обитание в своих тихих европейских «феодах» во имя сохранения Иерусалима, поступая согласно девизу: **«Как я могу гордо носить корону там, где Христос носил терновый венец?»**. Это было лозунгом веков мужества и рыцарства, неограниченных законами международного права или академической добропорядочностью. Вот в чём феномен «Стражи Иерусалима»: ордены возникли как безкомпромиссная солиция на все беды Святой Земли чрез самопожертвование, как солиция и тяжёлое, но благодатное решение принять военно-монашеский чин во Славу Иисуса Христа. Где тут найдётся место манихейству и «злым зверствам уже не христиан»?...».

Примечательно и то, что отмеченные архетипические черты Крестоносного Движения глубинно **совпадают с изначальными воинскими архетипами Индоевропейцев**. «Индоевропейская раса — раса, которая подчинила мир, которая создавала и руководила империями, которая, в отличие от диких народов, тюрков, монголов, имела совсем другой воинский подход. «- Тот воин, с кем вам придётся биться, огромный, мне таких не приходилось видеть. Я побоялся бы с ним биться. — Вот потому твоё имя никто не запомнит» — Ахилл в «Илиаде» Гомера. Греки, как и все другие индоевропейские народы, имели отдельную касту воинов. Это сословие не было просто военной силой в руках царя или деспота. Это состояние объединяло юнаков с горящими сердцами и ветеранов своего дела, которые просто не знают другой жизни. Ещё из детства греческие юноши узнавали про легендарных героев — Ахилла, Одиссея, Геракла... Даже Александр Великий себя в первую очередь ассоциировал с Ахиллом. Историки свидетельствуют, что Гомерова «Илиада» всегда была под подушкой Александра, когда тот спал. Клеос — опричное греческое слово для славы, которое имело священный окрас. Квинтэссенцией «клеоса» всегда была неравная битва со значительным преимуществом противника, в которой всё равно побеждал Герой. В отличие от других рас, индоевропейское

рыцарское воинство преимущественно стояло на принципах морали. У Средневековой Европы был свой рыцарский Кодекс Чести. Это был определённый моральный компас, которому должен был обязательно следовать каждый рыцарь. Понятие чести не было чуждо и для индусов. Примером может быть их метод «справедливого боя», в котором ты обязательно должен спешиться с коня, если против тебя пехотинец. Это и отличает индоевропейцев от тюрков, монголов и т.п. Каста «воинов» в монгольских племенах абсолютно не имела никаких ограничений (ограничений от самих себя). Если в индоевропейском рыцарстве важным было быть «на стороне добра», иметь славу, и другие трансцендентные вещи, которые не были понятными для «варваров», то у монголов быть воином означало просто повысить материальное положение. Также у варваров отсутствовала концепция «трёх сословий», которая есть у индоевропейцев. Три чина-состояния это сословие князей, сословие священническое, и сословие воинов. Классическая «схема» для всех индоевропейцев (превосходно изложенная в трудах Ж.Дюмезиля). Состояние князей выполняет волю правителя, состояние священническое волю Бога, а состояние воинов существует по своим правилам, которые отличны от первых двух состояний. Первые два сословия стараются контролировать третье, но на самом деле находятся под контролем именно они. Потому что воинство — это стихия, которая действует по своим правилам. Это понимали в Риме, который часто был местом военных «переворотов». Парадоксально, но военные перевороты не меняли состояния вещей и «трисоставность системы». Это и объединяет давние цивилизации Индии, Рима, Греции, Кельтов, и Скандинавов. [По мнению Ж. Дюмезиля исключительные особенности германского язычества, отличающие его от мифов иных индоевропейских народов, по сути являют собой итог небывалого возвышения «героической неистовости», конституирующей систему тевтонских верований в качестве «героической религии». Такое расположение воинов, резко

противопоставленных традиции, внутри данной культуры, характерно далеко не для каждого общества, находящегося на стадии формирования государственности. Однако вместе с тем описанная картина не является исключительно уникальной. Сходным образом определяли свою позицию по отношению к обществу в целом военно-иерархические структуры ряда иных этносов. Массу параллелей можно обнаружить в близкой по духу иерархии ценностей тех, кого древнегреческий эпос определяет как «agathos» (благородные). Здесь среди многочисленных эпических пластов обнаруживается и тот (прославляющий войну), что своими корнями восходит к «примитивной морали варваров - дорийцев»]. Когда же эти цивилизации ещё были на стадии зарождения, когда индоевропейская раса ещё не была чётко разделена на отдельные народы — даже тогда сакральное воинство уже отделилось в опричное состояние. Тогда ещё не было чётких моральных учреждений, которые присущи более поздним воинствам Классического времени и Средневековья. Но даже тогда были группы авантюристов-юнаков, которые жили жизнью воинов. Которые основывали города на могилах своих врагов. Эти пылкие молодчики потом и стали основой будущих индоевропейских цивилизаций. Протоевропейская ватага, но организованная, с определённым смыслом «воина», отличалась от дикарей своим романтизмом и идеализмом — этот образ вечный, и существует столько же, сколько существует индоевропейская раса» (Артур Опришко).

Но духовная жизнь не терпит никаких «остановок», даже и «победа» в борьбе за внутреннюю «Землю Обетования» есть лишь *тема для новой войны*. Новой борьбы, нового «духовного возрастания», быть может, уже за пределами этого мира, в «мирах иных». *Конец – безконечен*. А тот, кто «остановится», кто посчитает, что уже может «почивать на лаврах», *рискует утратить* и то, что он, может быть, «завоевал» и «приобрёл» до того... Не станем ни «анафематствовать», ни как-то «порицать» тех, «кто отошёл от борьбы», кто

«выписался» из достославных рядов «Стражей Иерусалима» – их участь достойна «сожаления», а не «проклятия». Но воспримем их «дезертирство» как некое «назидание» для нас: да не ослабнем в подвизе, не остановимся в своих усилиях, восхищая нашу «Землю Обетования», *наше Царствие с нашим Христом*. Да, *«не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля»* (Пс. 120, 4). – о.Р.Б.

Приложение 1: Якоб Буркхардт о Крестовых походах

«Крестовые походы, несомненно, являются центральным пунктом всей Европейской истории, вокруг которого она складывалась и развивалась на протяжении всех последующих столетий. Можно без преувеличения отнести этот пункт к важнейшим в развитии европейской ментальности, способствовавшей единству институциональной культуры Европы. Благодаря этому беспрецедентному и грандиозному по своим масштабам военному предприятию европейцы впервые осознали своё единство. По крайней мере, без Крестовых походов не существовало бы той Европы, которую мы знаем. Необходимо отметить, что на востоке этот вопрос освещён крайне слабо. В школах его не изучают совсем, несмотря на то, что восточно-славянские страны относят себя к христианской цивилизации... «Идеалом того времени было: «*Regni sui caelestis ineuntes servitium*» (Идущие во служение своему Царствию небесному). Этот идеал поднимает всё европейское человечество ввысь в его желании чего-то земного и сверхземного. До тех пор оставались чистая власть и индивидуальная набожность, а с этого момента устанавливается могущество всех людей в их служении общему священному замыслу. Европа убеждается в том, что лишь совместными действиями и исполнившись сил возможно совершить нечто великое. Все были полны предчувствиями, что благодаря этому делу они обретут юность, силу и величие. Это совместное деяние необходимым образом придаёт им иное, более высокое ощущение бытия, чем все использованные до тех пор власть и могу-

щество. Отличие Крестовых походов от завоеваний Мухаммеда и халифов состояло в том, что их объектом был не мир в целом, а лишь одна его точка, почитаемая всеми. В сущности, надежду внушало не обладание земными богатствами (ведь участники прежних Крестовых походов, наверное, рассказывали о бедности страны, в которую они направлялись), а защита священной реликвии. Поэтому такой порыв возвышает крестоносца, в то время как стремление магометанца (после краткой, священной, требующей самопожертвования войны) унижает и пробуждает в нем жадность ко многому. Объект завоеваний крестоносцев представляется незначительным по своему размеру, а их воля — огромной, для магометан же объектом становится весь мир, а воля вскоре претерпевает унижение. То великое, что свершилось силами крестоносцев, не могло быть отдано в угоду низменной тирании. Папство, приведя во всеобщее движение эту огромную волю, наверное, выполнило свое величайшее предназначение. Только папство смогло исполнить его, но впоследствии оно уже никогда не было способно совершить что-либо столь же великое. <...> Крестовый поход придает завершение чувству общей европейской жизни. Народы, участвовавшие в нём, или подобным же образом решавшие сходные задачи, как, например, испанцы, составляют с тех пор высшую потенциальную силу Европы. О каком-либо расчетливом предвидении того, что случилось позже, не было и речи — вместо него ум питался видениями. Папство, ещё вначале осведомленное о великом потоке, по крайней мере взяло в свои руки штурвал его движения, в соответствии с принципами, которые были заложены в нём самом и в его предшествующей природе и истории. <...> Тогдашний мир востребовал для себя существования великого центра, искупающего грехи человечества, и волевым усилием придал ему идеальный характер. Прежде папство вручало короны — с этого момента оно направило европейский мир на Восток. Именно с тех пор мы стали обитателями Запада. Страсти и жертвы Крестовых походов не были напрасными

и бесполезными ни со стороны христиан, ни со стороны магометан. Впредь вся культура Европы и всякое значительное движение в ней прямо или косвенно ощущают влияние Крестовых походов, их ожесточённой борьбы и заданного ими духовного обогащения» — Якоб Буркхардт.

Приложение 2: Легион Гаммадиона (Слово о Христианском Рыцарстве)

Возлюбленные братья и сёстры во Христе, чада Готской Церкви!

Внемлите слову Божию, изреченному через смиренного служителя Его. Ныне, когда тени неверия и раздора сгущаются над землями нашими, призываю вас обратиться к истокам веры и доблести, кои запечатлены в преданиях предков. Речь пойдёт о рыцарстве арийском — не как о плотской силе, но как о духовном воинстве, стоящем на страже правды Христовой.

Слушайте и разумеите:

1. Рыцарство — служение, а не гордыня.

Не ради славы земной, не ради стяжания богатств призываем мы вас к подвигу. Но ради защиты веры, ради охранения святынь, ради утверждения порядка, заповеданного Господом. Арийский рыцарь — не властелин, но слуга: слуга Церкви, слуга земли, слуга ближних.

2. Крест и свастика — знаки небесного порядка.

Крест Христов — символ жертвы и воскресения, путь к спасению душ. Свастика же, древний знак солнца и вечного круговорота жизни, напоминает нам о промысле Божиим, о том, что всё в мире подчинено воле Творца. Вместе они — как два крыла, возносящие дух к небесам: Крест ведёт к вечной жизни, свастика утверждает порядок земного бытия.

3. Честь — доспех души.

Пусть слово ваше будет твёрдо, как сталь; пусть клятва ваша не знает преграды. Не лгите, не предавайте, не нарушайте обетов. Ибо рыцарь, утративший честь, подобен мечу,

лишённому острия: внешне грозный, но внутренне пустой.

4. Милосердие — печать благородства.

Не унижайте побеждённого, не обижайте слабого, не проходите мимо страждущего. Господь судит не по силе руки, но по чистоте сердца. Пусть меч ваш карает лишь явное зло, а рука ваша подаёт помощь нуждающимся.

5. Мужество — огонь, пылающий в груди.

Не бойтесь смерти, бойтесь лишь греха. Ибо душа, отдавшая жизнь за правое дело, вступает в чертоги вечные. Пусть страх не омрачает ваш разум, а вера укрепляет волю.

6. Служение — суть рыцарского призвания.

Защищайте Церковь от поругания, оберегайте вдов и сирот, храните землю от разорения. Так исполните вы волю Божию, так проявите любовь к ближнему.

Вспомните древних героев, чьи имена живут в песнях: как они стояли насмерть за веру, как несли свет Христовой истины в сердца народов, как кровью своей орошали почву, дабы проросли семена добродетели. **Их дух жив в вас — пробудите его!**

Не говорите: «Времена изменились, рыцарство ушло в предания». Нет! Дух рыцарства — не в доспехах и не в турнирах, но в сердце, где горит огонь верности. **Каждый из вас, кто живёт по совести, кто защищает правду, кто молится и трудится, — уже рыцарь в глазах Господа.**

Придите же, преклоните колена у алтаря. Примите благословение, возьмите в руки меч — не для разбоя, но для защиты. Идите с миром, но не уступайте злу. Ибо сказано: **«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»** (Мф. 5:9).

И да хранит вас Господь под покровом Своей милости, и да сопутствует вам Дух Святой во всех путях ваших. Аминь.

Алексий Ильинов
(сгенерировано при помощи ИИ «Алиса»)

проф. Томас Мэдден

О ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Томас Ф. Мэдден (Thomas F. Madden) - адъюнкт-профессор, декан исторического факультета Университета Сент-Луиса, автор ряда работ, в числе которых «Краткая история Крестовых походов» и «Четвёртый Крестовый поход: завоевание Константинополя» (совместно с Дональдом Куэллером). Статья «О подлинной истории Крестовых походов» опубликована в журнале «Crisis» от 4 апреля 2002 г. В русском переводе она несколько переработана.

Если не считать Умберто Эко, историк, занимающийся изучением Средневековья, обычно не привлекает к себе внимания широкой публики. По большей части мы - люди тихие, копаемся в пыльных манускриптах и кропаем дотошно-скучные труды, которые мало кто станет читать. Так что можете себе представить, каково было мое удивление, когда после террористического акта 11 сентября Средневековье вдруг стало всех интересовать.

Я специализируюсь на Крестовых походах. И вот внезапно моему безмятежному одиночеству пришел конец: башня из слоновой кости затряслась - в дверь барабанили репортёры, журналисты и ведущие ток-шоу. И каждому нужна была сенсация сегодня же к вечеру. «Что такое Крестовые походы?» - спрашивали они. «Когда это было? Насколько неразумно поступил президент Буш, используя в своей речи слово «крестовый поход»?» Кое-кто, похоже, уже знал ответ, который хотел получить; от меня как эксперта требовалось лишь его «озвучить». Например, меня не раз просили прокомментировать тот факт, что исламский мир имеет причины для справед-

ливой обиды на Запад. Разве, настаивали мои собеседники, нынешняя волна насилия не уходит своими корнями в жестокие и ничем не спровоцированные нападения крестоносцев на мусульманские страны, отличавшиеся тонкой культурой и терпимостью? Иными словами - не крестоносцы ли во всём виноваты?

Да, Усама бин Ладен именно так и полагает. В многочисленных видеозаписях своих выступлений он никогда не забывает назвать войну, которую Америка ведёт с терроризмом, новым Крестовым походом против ислама. Бывший президент США Билл Клинтон тоже указывает на Крестовые походы как на ключевую причину нынешнего конфликта. В своей речи в Университете Джорджтауна он поведал слушателям - и немало приукрасил правду - о том, как крестоносцы, взяв в 1099 г. Иерусалим, погубили множество евреев, сообщив также, что на Ближнем Востоке эту бойню помнят до сих пор. Правда, с чего бы исламским террористам скорбеть по погибшим евреям, Клинтон не объясняет. Многие газеты устроили бывшему президенту недурную выволочку за то, что он так пытался во всём обвинить США, что добрался аж до Средних веков. Однако же с основными предпосылками Клинтона никто спорить не стал.

Ну, или почти никто. Многие историки пытались внести ясность в вопрос о Крестовых походах ещё до того, как за дело взялся Билл Клинтон. И это не ревизионисты, вроде устроителей выставки в честь самолета Б-92 “Энола Гей”, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму, а крупные учёные, выводы которых - плод десятков лет, посвящённых тщательным и серьёзным исследованиям. Сейчас для них наступил момент, когда их готовы выслушать. Так что слушайте.

Недоразумения, связанные с Крестовыми походами, распространены крайне широко. Обычно Крестовые походы изображают в виде серии священных войн против ислама, в ко-

торых под руководством одержимых жадной власти Пап сражались религиозные фанатики. Предполагается, что Крестовые походы были олицетворением лицемерного самодовольства и нетерпимости, чёрным пятном на страницах истории Католической Церкви в частности и западной цивилизации в целом. Крестоносцы, отродье западного протоимпериализма, напали на мирный Ближний Восток, оставили его в руинах и разрушили просвещённую мусульманскую культуру. Так повествует об этом множество научно-популярных фильмов. С исторической точки зрения они просто ужасны, но с развлекательной, надо признать, часто бывают недурны.

Но какова же правда? Учёные до сих пор её не знают до конца. Однако о многом можно уже теперь сказать с уверенностью. Начнём с того, что Крестовые походы на Восток были целиком и полностью оборонительными войнами. Они представляли собой прямой ответ на исламскую агрессию - попытку вернуть или сохранить от мусульманского завоевания христианские земли.

Христиане XI века вовсе не были фанатичными параноиками. Мусульманская угроза была реальностью. Хотя мусульмане могут быть и миролюбивы, ислам родился в огне войны, и войною же развивался. Со времен Мухаммеда средством распространения мусульманства был меч. Исламская мысль делит мир на две сферы: Обитель ислама и Обитель войны. Христианству - равно как, собственно, и любой другой немусульманской религии - места на карте не отводится. Христиан и иудеев можно терпеть в исламском государстве под исламской властью. Но традиционный ислам учит, что христианские и иудейские государства надлежит разрушить, а земли их - завоевать. Когда в VII в. Мухаммед начал войну против Мекки, христианство доминировало в мире, обладало властью и богатством. В качестве официальной религии Римской империи оно охватило всё Средиземноморье, включая и свою родину - Ближний Вос-

ток. Таким образом, для ранних халифов Христианский мир стал главной мишенью. Ею же оставался он для мусульманских вождей ещё тысячу лет.

Вскоре после смерти Мухаммеда воины ислама, проявляя невероятную энергию, атаковали христиан. Успехи их были чрезвычайно велики. Палестина, Сирия, Египет - прежде земли, наиболее густо заселённые христианами - пали быстро. К VIII в. мусульманские армии заняли всю христианскую Северную Африку и Испанию. В XI в. турки-сельджуки захватили Малую Азию (современную Турцию), бывшую христианской со времен апостола Павла. Восточная Римская империя - то, что нынешние историки называют Византией - сжалась до размеров, едва превышающих теперешнюю Грецию. В отчаянье император Константинопольский отправил весть христианам Западной Европы, прося их прийти на помощь своим восточным братьям и сестрам.

Так начались Крестовые походы. Они были не измышлением властолюбивых Пап и не жадных рыцарей, а реакцией на более чем четыреста лет завоевательных войн, путём которых мусульмане к тому времени захватили уже две трети бывшего Христианского мира. В некий миг оказалось, что христианство как вера и культура должно либо защищаться, либо пасть пред лицом ислама. Защитниками его и стали крестоносцы.

На Клермонском Соборе 1095 г. Папа Урбан II призвал рыцарей Христианского мира отбросить назад исламских завоевателей. Отклик был громок. Тысячи и тысячи воинов приняли крестовые обеты и стали готовиться к войне. Почему же? Ответ на этот вопрос обычно дают совершенно неверный. На заре Просвещения утверждалось обычно, что крестоносцы были всего лишь безземельными неудачниками, которые воспользовались возможностью повоевать и пограбить в дальнем краю. Обычные среди них проявления благочестия, самопожертвования и любви к Богу никто все-

рьёз не принимал. Конечно, ведь для тогдашней публики это были разве что лицемерные маски злодеев.

Обратное показали лишь исследования последних двух десятилетий. Учёные обнаружили, что рыцари-крестоносцы были по большей части людьми обеспеченными, имевшими в Европе обширные владения. Однако же они по своей воле бросали всё и брались за святое дело. Крестовый поход был удовольствием не из дешёвых. Даже богатые владельцы, взявшись за него, легко могли оставить нищими самих себя и свою родню. Нет, в Крестовый поход шли не за земным достатком (его-то многие имели в изобилии), а за сокровищем, которое “ни моль, ни ржа не истребляют”. Рыцари остро сознавали свою греховность и готовы были принять тяготы Крестового похода как покаянный акт милосердия и любви. Европа буквально завалена тысячами средневековых хартий, подтверждающих эти чувства - хартий, в которых эти люди, диктовавшие их, говорят с нами и по сей день, лишь будь мы готовы их слушать. Конечно же, они не против были и поживиться трофеями, если случится. Но дело в том, что Крестовые походы были удивительно невыгодны с точки зрения грабежа. Разбогатело всего несколько человек, подавляющее большинство вернулись ни с чем.

* * *

Урбан II поставил перед крестоносцами две цели, и обе они на века оставались основными задачами восточных Крестовых походов.

Первая состояла в том, чтобы прийти на помощь христианам Востока. Вот что писал позднее один из преемников Урбана, Папа Иннокентий III: “Как может человек любить, согласно Божьей заповеди, своего ближнего как самого себя, если, зная, что братья его по христианской вере и христианскому имени содержатся вероломными магометанами в жестоком заточении и отягощаются ярмом невыносимейшего рабства, не посвятит он себя делу их освобождения?.. Неуже-

ли случилось так, что вам неведомо, как многие тысячи христиан содержатся магометанами в плену и неволе и мучимы бесчисленными пытками?”.

Крестовый поход, как совершенно верно замечает профессор Джонатан Райли-Смит, понимался как “акт любви” - в данном случае, любви к ближнему. Его рассматривали как дело милосердия, исправления страшного зла. Как писал тот же Папа Иннокентий III тамплиерам, “вы делами исполняете слова Евангелия: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”.

Второй целью Крестовых походов было освобождение Иерусалима и других мест, освящённых жизнью Христа. Выражение “Крестовый поход” появилось не так давно. Средневековые крестоносцы считали себя пилигримами, творящими благие дела на пути к Святому Гробу. Отпущение грехов, которое они получали, канонически относилось к области паломничества. Об Иерусалиме часто говорится в выражениях феодального характера. Призывая в 1215 г. к V Крестовому походу, Иннокентий III писал: “Помыслите же, сыны дражайшие, помыслите тщательно: ведь если бы какой-либо земной король был изгнан из своего домена или, быть может, пленён, не воззрел ли бы он, когда вновь обрел бы свободу и пришёл бы час справедливости, на вассалов своих как на вероломных предателей... если бы не положили они не только свою собственность, но и самих себя за дело его освобождения?.. И подобным же образом и Иисус Христос, Царь царей и Господь господ, слугою Коего ты являешься и отрицать сего не можешь, Который соединил твою душу и твое тело, Который искупил тебя Драгоценною Кровию... не осудит ли тебя за порок неблагодарности и преступление неверности, если ты пренебрежёшь помощью Ему?”

Освобождение Иерусалима было, таким образом, не колониальным захватом, а возвращением владений законному хозяину и открытым объявлением любви человека к Богу.

Конечно же, люди Средневековья знали, что Бог в силах Сам вернуть себе Иерусалим - собственно говоря, Он в силах и весь мир вернуть под Свою власть. Однако, как проповедовал св. Бернар Клервосский, отказываясь так поступить, Он оказывал благодеяние Своему народу: “И вновь говорю я, помыслите о благодати Всемогущего и склонитесь пред Его милосердным замыслом. Он Самого Себя делает обязанным вам, или, скорее, притворяется, будто это так, чтобы помочь вам выполнить свои обязательства перед Ним... Блаженным назову я поколение, которому досталась возможность столь щедрого отпущения грехов!”.

Часто считают, будто основной целью Крестовых походов было насильственное обращение мусульманского мира в христианство. Нет ничего более далёкого от истины. [За исключением, быть может, последнего предприятия св. Людовика IX Французского. - прим. пер.] С точки зрения средневековых христиан мусульмане были врагами Христа и Его Церкви. Задачей крестоносцев было защищаться от них и их побеждать. Только и всего. Мусульманам, жившим на отвоёванных христианами территориях, сохранять свою собственность и средства к существованию позволяли чаще всего, религию - всегда. Собственно говоря, в течение всей истории крестового королевства Иерусалимского жители-мусульмане в нём намного превосходили по численности католиков. Лишь в XIII в. францисканцы начали прилагать усилия к обращению мусульман, но это дело почти не приносило успеха и в конце концов было брошено. В любом случае, попытки подобного рода предпринимались путем мирного убеждения, а не угроз и насилия.

Крестовые походы были войнами, так что ошибкой стало бы не видеть в них ничего, кроме благочестия и добрых намерений. Как всегда на войне, насилие было жестоким (хотя и не в такой степени, как при современных войнах). Были неудачи и ошибки, были и преступления. Их-то обычно хо-

рошо помнят по сию пору. В начале I Крестового похода шайка сброда под предводительством крестоносца графа Эмихо Лейнингенского двигалась вниз по Рейну, грабя и убивая всякого еврея, какого только могла отыскать. Местные епископы безуспешно пытались остановить резню. В глазах этих воинов евреи представлялись, как и мусульмане, врагами Христа, а значит - уничтожить их и отнимать их собственность не было грехом. Напротив, это считалось праведным деянием, ведь еврейские деньги можно было использовать для финансирования похода на Иерусалим. Однако люди графа Эмихо ошибались, и Церковь резко осудила нападения на евреев.

Пятьюдесятью годами позднее, при подготовке II Крестового похода, св. Бернар в своих проповедях нередко говорил о том, что преследовать евреев нельзя: “Спросите любого, кто знает Святое Писание, что предсказывается касательно евреев в Псалмах. “Не о гибели их молюсь я”. Евреи для нас - живые слова Писания, ибо всегда напоминают нам о страданиях, которые перенёс наш Господь... Под властью христианских князей терпят они тяжкое рабство, но “ждут лишь срока своего освобождения”.

Тем не менее, другой цистерцианец, монах по имени Радульф, разжигал в народе вражду по отношению к евреям рейнских земель, невзирая на многочисленные письма, в которых св. Бернар требовал это прекратить. Наконец Бернару пришлось самому отправиться в Германию, где он изловил Радульфа, отослал обратно в монастырь и тем положил конец убийствам.

Часто говорят, что корни Холокоста можно видеть в этих средневековых погромах. Может, и так. Но если это верно, корни эти лежат гораздо глубже и распространяются значительно шире, нежели область Крестовых походов. Да, евреи гибли во время Крестовых походов, но целью Крестовых походов не было избиение евреев. Напротив: Папы, епископы и проповедники ясно давали понять, что европейских евре-

ев трогать не следует. Подобные случаи трагической смерти мирных людей при современных войнах мы называем “побочным ущербом”. При всех теперешних “тонких технологиях” любая нынешняя сверхдержава погубила в своих войнах больше невинных жизней, чем могли себе представить крестоносцы. Но никто же не говорит (во всяком случае, всерьёз), что войны эти были направлены на уничтожение женщин и детей.

По любому счёту, I Крестовый поход был предприятием крайне рискованным. Не было ни общего руководства, ни цепочки субординации, ни снабженческой структуры, ни сколько-нибудь детально разработанной стратегии. Были лишь тысячи воинов, преданных общему делу, маршевым порядком проникающих вглубь вражеской территории. Многие из них погибли - одни в бою, другие от голода и болезней. Кампания была тяжёлая, все время казалось, что она на грани провала. Но - чудо! - крестоносцы победили. К 1098 году они вернули под власть христиан Никею и Антиохию. В июле 1099 г. был взят Иерусалим и началось строительство христианского государства в Палестине. Радость в Европе была огромна. Всем представлялось, будто волна истории, вознесшая мусульман на такие высоты, начала спадать.

* * *

Но нет. Размышляя о Средних веках, легко рассматривать Европу в свете того, чем она стала, а не того, чем она была. Колоссом Средневековья был ислам, а не христианство. Крестовые походы интересны во многом потому, что они стали попыткой преодоления этой тенденции. Но за пять столетий из всех походов лишь один - первый - в сколько-нибудь значительной степени отбросил военную экспансию ислама. А потом камень вновь покатился с горы.

Когда в 1144 г. под натиском турок и курдов пало крестовое графство Эдесское, в Европе поднялась бурная волна в поддержку нового Крестового похода. Предводительство-

вали им два короля - Людовик VII Французский и Конрад III Германский. Проповедовал поход сам св. Бернар. Предприятие кончилось полным провалом. Большинство крестоносцев было перебито по пути. Те же, кто добрался-таки до Иерусалима, лишь ещё больше всё испортили, атаковав Дамаск - город хоть и мусульманский, но прежде всегда бывший могущественным союзником христиан. Несчастье это заставило христиан по всей Европе не только осознать нарастающую исламскую угрозу, но и убедиться, что Бог карает Запад за его грехи. Тут и там появлялись благочестивые движения мирян, основанные на желании очистить христианское общество, чтобы сделать его достойным победы на Востоке.

Таким образом, в конце XII столетия крестоносное движение приняло характер всеобщих усилий, говоря современным языком - "тотальной войны". К участию в нем был призван каждый, сколь беден и слаб он бы ни был. От воинов требовалось пожертвовать своим богатством, а если нужно будет - то и жизнью ради защиты христианского Востока. А на "внутреннем фронте" каждый христианин должен был поддерживать крестоносцев молитвой, постом и милостыней.

Но мусульмане делались всё сильнее. Саладин, великий объединитель, сковал мусульманский Ближний Восток в единое целое, непрестанно проповедуя при том джихад против христиан. В 1187 г. в битве при Хаттине его войска подчистую выкосили объединённую армию христианского королевства Иерусалимского и захватили драгоценную реликвию - Истинный Крест. Беззащитные, христианские города начали один за другим сдаваться. Кульминацией всего стало падение Иерусалима, свершившееся 2 октября. Держалось ещё лишь несколько приморских портов.

Ответом на это стал III Крестовый поход. Повели его германский император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и король английский Ричард I Львиное Сердце. По любым меркам, предприятие было великое, хотя

и не столь масштабное, как хотелось бы христианам. Престарелый Фридрих утонул, пересекая на коне реку, и войска его вернулись домой, так и не дойдя до Святой Земли. Филипп и Ричард переправились морем, однако их непрерывные перебранки лишь ещё больше осложнили положение в Палестине. После освобождения Акры Филипп отправился обратно во Францию, где занялся расчленением континентальных владений Ричарда. Тот, в результате, остался один на один с врагом. Искусный воин, одарённый полководец и превосходный тактик, Ричард вёл христианские войска от победы к победе и в конце концов отвоевал всё побережье. Но Иерусалим был вдалеке от моря, и, предприняв две неудачные попытки протянуть пути снабжения к Святому Граду, Ричард наконец сдался. Пообещав, что однажды он вернётся, Львиное Сердце заключил с Саладином договор, обеспечивавший мир на Ближнем Востоке и свободный доступ в Иерусалим для невооружённых паломников. Но пилюля была горька. В Европе по-прежнему жаждали восстановить в Иерусалиме христианскую власть и вернуть Истинный Крест.

Крестовые походы XIII века были масштабнее, лучше финансировались и организовывались. Но успехом не увенчались и они. IV Крестовый поход (1201-1204) сел на мель, запутавшись в хитросплетениях византийской политики, которую люди Запада так никогда до конца и не поняли. Зайдя “по дороге” в Константинополь, чтобы восстановить на престоле законного императора, сын которого обещал огромную награду и помощь Святой Земле, крестоносцы столкнулись с предательством греков и в 1204 г. захватили и жестоко разграбили величайший христианский город на свете. Папа Иннокентий III, успевший к тому времени дважды отлучить неверных своим обетам баронов от Церкви, мог лишь ещё раз осудить их.

Остальные походы XIII в. тоже мало к чему привели. Во время V Крестового похода (1217-1221) христианам удалось

на краткое время захватить египетский г. Дамьетта, но в конце концов мусульмане разбили их войско и вновь заняли город. Св. Людовик IX, король Франции, в течение своей жизни предводительствовал двумя Крестовыми походами. Во время первого он также отвоевал Дамьетту, но вскоре египтяне получили её обратно. Король пробыл в Святой Земле несколько лет, беспрепятственно занимаясь оборонительными работами, но сокровенное своё желание - освободить Иерусалим - так и не исполнил. Став гораздо старше, в 1270 году, он привёл свой второй Крестовый поход в Тунис, где и умер от болезни, заразившей весь лагерь. После смерти св. Людовика безжалостные мусульманские вожди, Бейбарс и Келаун, развязали против христиан Палестины жестокий джихад. К 1291 году исламскими силами удалось убить или изгнать последних из крестоносцев, стерев, таким образом, христианское королевство с карты Ближнего Востока. Несмотря на многочисленные попытки и ещё более многочисленные замыслы, вплоть до XIX века христианам так и не удалось вновь закрепиться в этом краю.

* * *

Можно было бы предположить, что три столетия поражений заставили бы европейцев охладеть к идее Крестовых походов. Но вовсе нет. В некотором смысле, у них не было другого выхода. В ходе XIV, XV и XVI столетий исламские царства становились всё более могущественны. Турки-османы не только завоевали земли других мусульман, объединив, таким образом, исламский мир под своей властью, но и продолжали натиск на Запад, захватив Константинополь и проникнув вглубь Европы. К XV в. Крестовые походы предпринимались уже не из сострадания к далёким собратьям по вере: они превратились в отчаянные попытки сохранить то, что осталось от Христианского мира. Европейцы видели перед собой вполне реальную возможность того, что ислам в конце концов добьётся желаемого и завоюет всё, что принад-

лежит христианам, до конца. В одной из самых распространённых в ту пору книг - “Корабле дураков” Себастьяна Бранта - мысль эта выражена в сатире с красноречивым заглавием “Об упадке веры”: “Вера наша была на Востоке сильна, она правила всей Азией, Мавританскими краями и Африкой, но ныне земли те потеряны, и восплачет даже самый твёрдый камень... Четыре сестры есть у нашей Церкви, облачены они патриаршим достоинством: Константинополь, Александрия, Иерусалим и Антиохия. Но они обобраны и разграблены, а вскоре нападению подвергнется и их глава”.

Но, конечно же, этого не произошло. Хотя почему - “конечно же”? В 1480 г. султан Мехмед II захватил Отранто и превратил его в плацдарм своего вторжения в Италию. Рим был эвакуирован. Однако султан вскоре умер, а с ним - и его замысел. В 1529 г. Сулейман Великолепный осадил Вену. Если бы не каприз природы - череда сильных ливней, замедливших его продвижение и заставивших турок бросить большую часть артиллерии - вполне несомненно, что город был бы взят, а Германия, путь к которой он преграждал, оставлена на милость захватчиков.

Но хотя христианская Европа и находилась на волосок от гибели, в ней назревало нечто новое, не имеющее себе прецедентов в истории человечества. Ренессанс, родившийся из странной смеси древнеримских ценностей, средневекового благочестия и уникального внимания к коммерции и предпринимательству, стал основой для таких подвижек, как появление гуманизма, научная революция и эпоха великих открытий. Ещё сражаясь за жизнь, Европа готовилась ко всемирной экспансии. Протестантская Реформация, отринувшая Папство и учение об отпущении грехов, сделала Крестовые походы немислимыми для многих европейцев; честь сражаться осталась лишь католикам. В 1571 г. Священная лига, тоже своего рода Крестовый поход, разгромила османский флот при Лепанто. Но подобные военные победы оставались

редкостью. Нейтрализация исламской угрозы была достигнута экономическим путём. Чем сильнее и богаче делалась Европа, тем более отсталыми и жалкими казались ей некогда грозные, непостижимые турки. Да стоят ли они Крестового похода? “Больная Европа” дохромала до XX века, оставив далеко позади всю кутерьму нынешнего Ближнего Востока.

Глядя на крестоносцев с безопасного расстояния в несколько сот лет, легко презрительно морщиться. В конце концов, теперь религия не стоит и гроша, не то что войны. Но надо помнить, что наши средневековые предки точно также питали бы отвращение к нашим войнам - куда более разрушительным - разжигаемым во имя политических идеологий. Но всё же и средневековый, и теперешний солдат сражается, в конечном счете, за свой мир и то, что это мир создаёт. Оба они готовы претерпеть огромные страдания, принести жертвы ради служения тому, что им дорого, тому, что больше их самих. Древняя вера христиан, уважавших женщин и не любивших рабства, не только сохранилась до наших дней, но и расцвела. Не будь Крестовых походов, она вполне могла бы последовать путем зороастризма - другого соперника ислама - в небытие.

Приложение: Мотивация крестоносцев

Долгое время существовало мнение, согласно которому крестоносцы были обуреваемы жадной добычи и материального обогащения. Якобы поскольку в это время в Западной Европе действовал принцип майората, то именно младшие сыновья, лишённые наследства, должны были искать средства к существованию, и именно они направились с этой целью на Восток. Но, во-первых, майорат был широко распространён преимущественно в северной Франции, в то время как в других регионах — Италии, Германии, Бургундии и др. — наследство, как правило, делилось между всеми потомками. А во-вторых, хартии показывают, что очень часто как

раз старшие сыновья закладывали имущество с тем, чтобы отправиться в Святую Землю. И вряд ли они стремились туда с тем, чтобы завоевать для себя земли и нарезать побольше сеньорий — было бы весьма странно, если бы они стали закладывать и продавать свое имущество ради весьма смутных и далёких перспектив поселения на Востоке...

С другой стороны, рыцари не были чужды и мирских мотивов, и многие из них могли видеть в крестовом походе способ решения своих материальных проблем, на что намекал папа в своей речи, когда предлагал им отобрать плодородные земли у неверных. Вот всего лишь один пример. В одной хартии 1096 г. некий рыцарь Ашар из замка Монмерль (на Соне) отдал все свои земли аббатству Ключни и получил для снаряжения похода четырёх мулов и 2000 лионских су. Судя по грамоте, он не намеревался вернуться домой (несчастный погиб под Иерусалимом в 1099 г.), так как предполагал прочно обосноваться в Святой Земле. Зачастую материальные мотивы парадоксальным образом уживались с идеализмом — чувством вины, жадной искупления грехов.

проф. Томас Мэдден

МИФЫ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

В последнее время в новостях часто упоминаются Крестовые походы. Президент Буш совершил ошибку, назвав «крестовым походом» войну против терроризма, и подвергся резкой критике за то, что произнёс слова столь агрессивные и оскорбительные для мусульман всего мира. Если они оскорбительны, то интересно, насколько часто ими пользуются сами арабы. Усама бин Ладен и мулла Омар не раз называли американцев “крестоносцами”, а идущую сейчас войну - “крестовым походом против ислама”. Вот уже десятки лет арабы Ближнего Востока постоянно именуют американцев “крестоносцами” или “ковбоями”. Несомненно, в мусульманском мире Крестовые походы - живой факт.

Не забыли о них и на Западе. Несмотря на многочисленные противоречия между Востоком и Западом, к Крестовым походам большинство представителей как той, так и другой культуры относятся одинаково. Общепринято то мнение, что Крестовые походы - чёрное пятно в истории западной цивилизации вообще и Католической Церкви в частности. Всякий, кто рвётся полить грязью католиков, не замедлит вытащить из-за пояса Крестовые походы и инквизицию. Часто именно Крестовые походы используются в качестве классического примера того зла, которое может породить организованная религия. Среднестатистический прохожий что в Нью-Йорке, что в Каире согласится, что Крестовые походы - коварное, циничное и ничем не спровоцированное нападение религиозных фанатиков на мирный, процветающий и утончённый мир ислама.

Так было не всегда. В Средневековье мы не нашли бы в Европе ни одного христианина, который не считал бы Крестовые походы самым благим деянием. Даже мусульмане ува-

жали идеалы крестоносцев и благочестие своих противников. Всё изменилось с появлением протестантской Реформации. Для Мартина Лютера, выбросившего за борт христианские доктрины об авторитете Папы и об индульгенциях, Крестовые походы стали не чем иным, как хитрым ходом жадного до власти папства. Он даже утверждал, что воевать против мусульман значит воевать против Самого Христа, ибо это Он послал турок наказать христианский мир за безверие. Когда султан Сулейман Великолепный со своей армией начал вторжение в Австрию, Лютер переменял мнение касательно необходимости сражаться с ним, но в осуждении Крестовых походов остался твёрд. В последующие два столетия на Крестовые походы обычно смотрели через призму собственной конфессии: протестанты их демонизировали, католики - превозносили. А что касается Сулеймана и его наследников, тем хватало того, что Крестовых походов больше не происходило.

Современный взгляд на Крестовые походы родился в ходе Просвещения XVIII века. Большинство философов, как, например, Вольтер, считало средневековое христианство злокозненным предрассудком. Для них Крестовые походы были массовым перемещением варваров, ведомых фанатизмом, жадностью и похотью. С тех пор просвещенческий подход к Крестовым походам то выходил из моды, то опять приобретал популярность. В романтический период и в начале XX века их хвалили как порождение благородства (но не веры). Однако после Второй мировой войны общественное мнение решительно повернулось против них. Историки, видевшие Гитлера, Муссолини и Сталина, питали отвращение к войне ради идеологии - какой бы та идеология ни была. Итог этим чувствам подвел сэръ Стивен Рансиман (Runciman) в своем трёхтомном труде "История Крестовых походов" (1951-1954 гг.) Для Рансимана Крестовые походы представлялись мерзкими, аморальными актами нетерпимости во имя Бога. Люди Средневековья, принимавшие крест и шедшие на Ближний Восток, были циничными злодеями, алчными хищниками

или наивными обманутыми глупцами. Прекрасно написанный труд стал вскоре считаться образцовым. Почти что без чьей-либо ещё помощи Рансиману удалось определить современный общепринятый взгляд на Крестовые походы.

С 1970-х годов Крестовые походы стали привлекать внимание множества учёных, дотошно лезших в самые мелкие детали. В результате мы теперь знаем о священных войнах христианства намного больше, чем когда-либо до сих пор. Но плоды десятков лет научной работы медленно входят в общественное сознание. Отчасти в этом есть вина профессиональных историков, которые обычно вынуждены публиковать работы крайне специальные, с трудом доступные тем, кто не принадлежит к академическим кругам. Но верно и то, что современные элиты, со всей очевидностью, не желают расставаться с воззрениями Рансимана. Популярные книги о Крестовых походах по-попугайски повторяют Рансимана - ведь иначе выйдет непопулярно. То же самое можно сказать и о других средствах передачи информации, таких, как, скажем, снятый ВВС/A&E многосерийный документальный телефильм “Крестовые походы” (1995), где в роли ведущего выступил прославившийся в комедийном шоу “Монти Пайтон” Терри Джонс. Чтобы придать ему ореол авторитета, режиссеры сделали нарезку из интервью ряда выдающихся историков-специалистов по Крестовым походам. Проблема была в том, что историки не соглашались с идеями Рансимана. Но это было не так страшно. Режиссеры просто отредактировали записи так, чтобы казалось, будто историки говорят то же, что Рансиман. Как в ярости сказал мне профессор Джонатан Райли-Смит (Riley-Smith): “Я у них говорю не то, что думаю на самом деле!”

Так какова же подлинная история Крестовых походов? Конечно же, она весьма объёмна. Но за последние двадцать лет написано много хороших исторических книг, в которых она в основном изложена. Так что, учитывая ту грудку материалов, в которых ныне представлены Крестовые походы, проще будет

рассказать не о том, какими они были, а о том, какими они не были. Итак, вот перед вами ряд наиболее распространенных мифов и то, почему эти мифы - неправда.

Миф № 1: Крестовые походы представляли собой неспровоцированную агрессию против миролюбивых мусульман.

Это полная ерунда. Со времен Мохаммеда мусульмане стремились к завоеванию христианского мира. И, кстати, неплохо в этом преуспели. За несколько столетий постоянных завоевательных походов мусульманские армии захватили всю Северную Африку, Ближний Восток, Малую Азию и почти всю Испанию. Иными словами, к концу XI столетия силы ислама заняли две трети христианского мира. Палестина - родная земля Иисуса Христа, Египет - родина христианского монашества, Малая Азия, где посадил семена первых христианских общин св. Павел - всё это была не периферия христианства, а самое его сердце. И ведь на этом мусульманские империи не остановились. Они продолжали натиск на запад, к Константинополю, в конце концов пройдя через него и вторгнувшись в саму Европу. Если речь идёт о неспровоцированной агрессии, то только с мусульманской стороны. В какой-то момент всё, что осталось от христианского мира, вынуждено было либо защищаться, либо умереть, став жертвой исламского завоевания. Первый Крестовый поход был созван Папой Урбаном II в 1095 году в ответ на настойчивые мольбы о помощи, исходившие от византийского Константинопольского императора. Урбан призвал рыцарей христианского мира прийти на подмогу своим восточным братьям. Поход должен был стать делом милосердия, освободить христиан Востока от мусульманских захватчиков. Иными словами, с самого начала Крестовые походы были оборонительной войной. Вся история Крестовых походов на Восток - ответ на мусульманскую агрессию.

Миф № 2: крестоносцы носили кресты, но на самом деле их интересовали лишь трофеи и земли. Благочестивые банальности были для них лишь прикрытием хищнической алчности.

В своё время историки верили, что рост населения Европы привел к кризису: появилось слишком много благородных “вторых сыновей”, обученных рыцарскому делу, но не получавших по наследству феодальных земель. Крестовые походы, таким образом, представлялись им предохранительной отдушиной, позволявшей отправить этих воинственных господ подальше от Европы, туда, где они могли бы раздобыть себе земель за чей-нибудь чужой счёт. С появлением компьютерных баз данных современные учёные разрушили этот миф. Теперь мы знаем, что именно “старшие сыновья” Европы откликнулись на призыв Папы в 1095 году, и так же было и при следующих походах. Участие в Крестовом походе было невероятно дорогостоящим делом. Чтобы собрать необходимые для этого средства, владельцам приходилось продавать или закладывать свои земли. А королевство за морем никого не интересовало. Как и нынешний солдат, средневековый крестоносец гордился тем, что исполнял свой долг, но тосковал по дому. После впечатляющих успехов Первого Крестового похода, когда в руках крестоносцев оказался Иерусалим и большая часть Палестины, почти все крестоносцы вернулись домой. Лишь горстка осталась укреплять завоеванные территории и управлять ими. Трофеи также были скудны. Хотя, конечно, крестоносцы и мечтали о несметных богатствах процветающих восточных городов, практически никто из них даже не окупил своих расходов. Но деньги и земли не были главной причиной, по которой они отправились в Крестовый поход. Вместо этого они желали искупить свои грехи и добиться спасения, совершая добрые дела в далёких странах.

Миф № 3: когда в 1099 году крестоносцы захватили Иерусалим, то перебили всех мужчин, женщин и детей города, так что его улицы были по щиколотку залиты кровью.

Это любимый пример, используемый для демонстрации злокозненной природы Крестовых походов. Недавно его привёл в своей речи в Джорджтауне Билл Клинтон, назвав одной из причин, по которым Соединённые Штаты стали мишенью

мусульманского терроризма (хотя для пушкого эффекта г-н Клинтон поднял уровень крови до колена). Несомненно, после того, как крестоносцы взяли Иерусалим, в городе было много убитых. Но понимать это нужно в историческом контексте. Общепринятый нравственный стандарт всех европейских и азиатских цивилизаций вплоть до Нового времени состоял в том, что город, оказавший сопротивление и взятый силой, принадлежит победителям. Сюда входили не только строения и товары, но и жители. Вот почему каждый город или крепость должны были хорошенько подумать о том, сумеют ли они выстоять против осаждающей их армии. Если нет - разумно было вступить в переговоры об условиях сдачи. В случае Иерусалима его защитники сопротивлялись до последнего. Они рассчитывали на то, что огромные стены города удержат крестоносцев до того момента, когда подойдёт подмога из Египта. Расчёт оказался неверным. Как следствие, когда город пал, он был предан разграблению. Многих убили, но и многих других отпустили за выкуп или просто так. По современным меркам это кажется жестоким. Но средневековый рыцарь указал бы, что при современной войне от бомбардировок гибнет куда больше неповинных мужчин, женщин и детей, чем можно убить мечами за один-два дня. Нужно заметить также, что в тех мусульманских городах, которые сдавались крестоносцам, жителей никто не трогал, они сохраняли свою собственность и могли свободно практиковать свою религию. А что касается улиц, залитых кровью, ни один историк не сочтёт их чем-либо иным, как литературной условностью. Иерусалим - большой город. Чтобы залить его улицы кровью на три дюйма глубиной, нужно перебить куда больше народу, чем жило не то что в нём, а и во всем том регионе.

Миф № 4: Крестовые походы были лишь средневековой формой колониализма, облачённой в религиозный наряд.

Важно помнить, что средневековый Запад не был могущественной доминирующей культурой, вторгающейся в при-

митивный, отсталый регион. Могущественным, богатым и процветающим был мусульманский Восток. Европа была “третьим миром”. Государства крестоносцев, основанные по итогам Первого Крестового похода, не представляли собой католические плантации на мусульманской земле, подобные тому, как британцы колонизировали Америку. Католическое присутствие в крестоносных государствах всегда было невелико и едва ли достигало 10 процентов от их населения. В это число входили правители и магистраты, а также итальянские купцы и члены военных орденов. Подавляющее большинство населения крестоносных государств составляли мусульмане. То есть это не были колонии в том смысле, в каком так называются плантации или даже фактории (например, в Индии). Это были аванпосты. Конечной целью существования крестоносных государств была защита святых мест Палестины, особенно - Иерусалима, и обеспечение безопасной среды для посещающих их христианских паломников. Не было метрополии, с которой крестоносные государства поддерживали бы экономические отношения, не было дохода, который извлекали бы из них европейцы. Напротив - расходы на Крестовые походы, необходимые для того, чтобы поддержать латинский Восток, ложились существенным бременем на ресурсы Европы. В качестве аванпоста крестоносные государства сосредотачивали своё внимание на военной сфере. Они держались до тех пор, пока мусульмане воевали друг против друга, но стоило тем объединиться, как они смогли разрушить крепости, захватить города и в 1291 году окончательно изгнать христиан.

Миф № 5: Крестовые походы были также направлены против евреев.

Ни один Папа никогда не созывал Крестового похода против евреев. Во время Первого Крестового похода шайка отбросов общества, не связанная с главным войском, явилась к городам Рейнской области и решила грабить и убивать обнаруженных там евреев. Отчасти ею двигала чистая жад-

ность, отчасти - ошибочное убеждение, будто евреи, распявшие Христа, являются законной целью войны. Папа Урбан II и его преемники решительно осуждали нападения на евреев. Местные епископы и другое духовенство и миряне пытались защищать евреев, хотя и не всегда успешно. Аналогично и в начале Второго Крестового похода группа ренегатов перебила в Германии много евреев, пока св. Бернард не нагнал её и не положил этому конец. Эти “осечки” крестоносного движения были нежелательным побочным продуктом двигавшего крестоносцами энтузиазма. Но целью Крестовых походов они не являлись. Если использовать современную аналогию - во время Второй мировой войны кое-кто из американских солдат, находясь за границей, совершил преступления. За это они были арестованы и наказаны. Но совершение преступлений не было целью Второй мировой войны.

Миф № 6: Крестовые походы были столь порочны и отвратительны, что имел место даже детский крестовый поход.

Так называемый “Крестовый поход детей” 1212 года не был ни крестовым, ни детским. Речь идёт об особенно крупной вспышке народного религиозного энтузиазма в Германии, приведшей к тому, что некоторое количество молодых людей, в основном подростков, объявило себя крестоносцами и двинулось по направлению к морю. По пути они встретили массовую поддержку населения, а также немало присоединившихся к ним бандитов, разбойников и попрошаек. В Италии движение раскололось и в конце концов завершилось тем, что Средиземное море не расступилось, чтобы пропустить его участников. Папа Иннокентий III не объявлял его Крестовым походом. Напротив, он неоднократно призывал тех, кто не носит оружия, оставаться дома, внося свой вклад в военные действия путём постов, молитв и милостыни. В данном случае он похвалил за рвение молодёжь, прошедшую столь дальний путь, после чего велел ей возвращаться по домам.

Миф № 7: Папа Иоанн Павел II принёс извинения за Крестовые походы.

Загадочно, учитывая, сколько Папу критикуют за то, что он как раз не извинился прямо за Крестовые походы, когда просил прощения у всех, кому несправедливо повредили христиане. Недавно Иоанн Павел II действительно извинился перед греками за то, что в 1204 году участники Четвёртого Крестового похода razорили Константинополь. Но и тогдашний Папа, Иннокентий III, выражал аналогичные сожаления. Это тоже была трагическая “осечка”, для предотвращения которой Иннокентий сделал всё, что мог.

Миф № 8: мусульмане, живо помнящие Крестовые походы, имеют все причины ненавидеть Запад.

На самом деле мусульманский мир вспоминает Крестовые походы так же, как Запад - то есть неправильно. Оно и понятно. Мусульмане черпают свои знания о Крестовых походах из тех же тухлых исторических работ, на которые полагаются на Западе. В своё время мусульманский мир гордился Крестовыми походами как своей большой победой. Ведь, в конце концов, победили-то в них мусульмане. Но западные авторы, нервно относящиеся к наследству современного империализма, переделали Крестовые походы в агрессивные войны, а мусульман - в тихих страдальцев. Тем самым они стёрли века триумфальных побед ислама, предложив взамен лишь утешение безвинной жертвы.

Первая публикация (на англ. яз.): «Catholic Dossier», январь-февраль 2002 г.

https://library.unavoce.ru/madden_myths.html

Приложение: “КРЕСТОНОСЦЫ” ОТ ЕВРЕЕВ (правый комментарий к левому фильму)

Вышел на экраны фильм “Крестоносцы” (не имеющий никакого отношения к роману Г.Сенкевича “Крестоносцы”). Фильм должен был показать эпоху 1-го Крестового Похода. Как обычно жидовствующими режиссёрами была создана очередная пародия. Хуже того – пасквиль. Из фильма вытекает, что в Крестовые походы шли или желающие поживиться

(Олаф), или обыкновенный сброд, в лице которого выступили: изгнанный барон, бастард-сарацин и пастух, обаянный жаждой войны. Изгнанный барон мог бы претендовать на роль истинного крестоносца, если бы не его ренегатство, выполненное в худших традициях современного сатанизма-гуманизма. Пастух-воин был бы тоже не плох, если бы не влюбился в некую жидовку, сиськи которой распалили его воображение настолько, что он в конце концов женился на ней, положив конец своему пусть не благородному, но всё же арийскому роду. Определённое удовольствие доставляет наблюдение за поведением бастарда-сарацина, который, несмотря на своё христианское воспитание и христианку-мать, не мог не предать своих братьев по оружию и вере. Поводом к этому послужила его попытка сохранить жизнь барону-расстриге, отказавшемуся от чести участвовать в Крестовом походе, хотя большей славы, чем подвергнуться казни в Иерусалиме от рук жидо-басурман трудно себе представить. Именно к этому стремились всей душой крестоносцы. И именно этого бастард-сарацин лишил своего друга. По мнению режиссёров, бывшему барону предпочтительнее было найти свой конец в полном отчаянии у себя дома и быть полузарытым как собака среди церковных развалин. Положительным выводом из просмотра фильма может быть только понимание того, что полукровкам верить нельзя, что жидовка выйдет замуж за пастуха только тогда, когда его сделают бароном, и что, если бы Олаф решил проблему жидов в XI веке, меньше с ними пришлось бы возиться в последующих веках.

Игорь Лавриненко

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КАК РАНОВА

*“Рыцарей Белых избранный Клан
Чёрному горлу надёжный аркан.
...Вновь начинаем Крестовый поход,
Именем Божьим, во имя свобод”
(С.Яшин, “ККК”)*

15 июля 2026 г. исполняется 927-я годовщина взятия войсками Христианской Европы стольного града Земли Воплощения – Иерусалима. После двух недель осады, Крестовый поход, начатый как противодействие неостановочной исламской агрессии, завершился полным успехом и взятием города. Одновременно с этим, воинство Креста начало массовую *зачистку* от цветных элементов во граде, освобождая его для европейских христианских колонистов. Борьба Креста и Полумесяца в эпоху Крестовых походов Средневековья – се не только лишь «борьба религий», но и Расовая война. В своей знаменитой лекции, открывавшей курс еврейского, халдейского и сирийского языка в Коллеж дю Франс в 1862 г. известный семитолог Эрнест Ренан небезосновательно утверждал: «Ислам – это наиболее полное отрицание Европы... Ислам – это презрение к науке, подавление гражданского общества; это ужасная простота семитского духа, сжимающая человеческий мозг, закрывающая его для любого рационального изыскания»... Таким образом, Крестовые походы как борьба с «полным отрицанием Европы», борьба средневекового европейского рыцарства за освобождение Иерусалима и Гроба Господня – *обладали характером Священной Расовой войны*. Что засвидетельствовано их современниками и участниками. Как, например, папа Урбан II, в своём воззвании к участникам Первого Крестового похода 1095 года, писавший: “Печальное известие дошло до меня... из краёв Иерусалимских... известие о том, что... чужой народ, раса, совершенно

чуждая Господу, “род, цели которого ложны, а дух отринул веру в Бога”, вторглись на христианские земли, опустошили эти земли разбоем, огнём и мечом... Поднимайтесь же, вспомните храбрые деяния предков ваших, доблесть и славу Карла Великого... уничтожавшего языческие королевства и насаждавшего святую Церковь на их землях. Пусть не даёт вам покоя мысль, что Святой Гроб Спасителя Господа нашего в руках этих нечистых, безстыдно попирающих Святые Места и кощунственно оскверняющих их своей грязью” (цит. по: Р.Майлз, М.Браун. Расизм. М., 2004). В средневековой Европе чёрный цвет ассоциировался с первобытным хаосом, дьяволом и грехопадением. Тёмные лица и кожа грешников в иконографии олицетворяли тьму, царствующую в их душах. Иноверцев и других врагов не только изображали со смуглой, чёрной или даже синей кожей, но также добавляли им негритидные черты: широкий и плоский нос, толстые губы, курчавые волосы. Их духовное несовершенство выражалось через расовую инаковость.

Однако, понятие “крестового похода” отнюдь не следует ограничивать известным по учебникам истории рядом событий западноевропейского Средневековья. Разве не Крестовым походом было покорение Русским Царём Иоанном Грозным Казани – этого разбойничьего, тюрко-семитского гнезда, промышленявшего работорговлей, жиреющего на Русской Крови? Точно так же, Крестовыми походами были славные победы Русского оружия над другим разбойничьим гнездом, “времен Очакова и покоренья Крыма”... И так же Крестовым походом была славная борьба Арийских рыцарей Ку-Клукс-Клана против расового хаоса, принесённого на земли американского Юга, с “победой” в Гражданской войне буржуазного “Севера”. Крестовым походом был освободительный восточный поход объединённой Германией Европы в 1941 г. против иудо-коммунистического Третьего Интернационала, оккупировавшего нашу Родину-Россию... И многие героические страницы Арийской истории можно было бы добавить к сему перечню.

Г.К.Честертон как-то заметил, что наиболее важное занятие человека, здесь, на земле – есть *проведение границ*. Это весьма глубокое замечание. Ведь “почитание формы”, – согласно Ю.Эволе, – “формы как закона упорядочения и различения”, это основа Арийского и Христианского восприятия жизни. Поэтому, как пишет тот же Ю.Эвола, “качественное и многогранное должно считаться совершенным, количественное и аморфное – несовершенным”. Богозданный мир есть Космос, а не Хаос. “В самом деле, кто из имеющих ум, видя столь великие и явные различия сущностей, противостояния невидимых сил, уравнивающиеся стремления движений, равно как и покой, особым образом равновесный, непрерывные превращения друг в друга несовместимого и несмешивающегося взаимное тяготение непримиримо враждебного, соединение различного и неслиянность соединенного – умов, душ, тел; связующую такое множество гармонию, постоянство соотношений и расположений, сущностные свойства и порядок, нерасторжимость всеобщей связи, – кто, рассмотрев всё подобное, не помыслит о Том, Кто прекрасно водрузил каждую вещь в отдельности и чудно согласовал все вещи одну с другой, и не познает Бога из Его образа и произведения?” (св. Григорий Палама. Триады, 2, 3, 44).

Космическая благоупорядоченность мира невозможна без чёткого отграничения составляющих его многогранных форм, “каждой вещи в отдельности”. Отсутствие, или же нечёткость, “размытость” границы, несёт опасность хаотизации. Незыблемость границ между неподлежащими смешению кровями, “пограничных столбов между расами”, представляет собой один из важнейших устоев благого Космоса. Неудивительно поэтому, что агенты Хаоса, возмевшие в современном мире небывалую доселе свободу действий, “освобожденные из темницы своей и вышедшие на обольщение народов” (ср. Апок. 20, 7), столь многие усилия прилагают к низвержению межрасовых “пограничных столбов”. К разложению, нивелировке Богоучрежденной границы между

Арийской Кровью и кровью недочеловеческих, цветных рас. *Крестовый поход против воцаряющегося на Богом нам данной земле Хаоса Крови – такова цель и задача Священной Расовой Войны.*

.Мы напомнили здесь о доблести, славе и храбрых деяниях крестоносных предков наших с тем, чтобы поспособствовать пробуждению крестоносного духа в сегодняшних наших братьях по Крови и Расе. Ибо ныне святые места как России, так и всего вообще Белого мира, безстыдно попираются цветными и черномазыми ордами чуждых пришельцев. Оскверняются грязью пришлых рас, совершенно чуждых Господу нашему. Подобно вышеозначенному Воззванию Римского папы Урбана II, с призывом к Крестоносной РАНОВ-е, доселе злободневно звучат слова Возглавителя Крестового похода против иудо-большевизма (сего ещё более тотального «отрицания Европы», нежели средневековое магометанство, впрочем, современный ислам впитал в себя многие большевицкие свойства): “Мы находимся в середине героической борьбы, которая только начинается, в начале героической борьбы, которая охватывает всю глубину человеческой истории, которая уходит в далёкое прошлое, которая вносит свет повсюду, которая может сделать миллионы людей глубоко удовлетворёнными и счастливыми. Потому что эта борьба также объясняет нам борьбу Христа, нашего Господа, 2 000 лет назад. Его борьба даёт нам совершенно новый взгляд на эту борьбу, даёт нам огромные силы, которые могут нас укрепить для борьбы, которую мы обязаны вести. Почему мы празднуем рождение этого Единственного? Если мир останется таким, какой он есть, этот Единственный жил и страдал напрасно и умер напрасно. Нет, этот мир должен измениться, он должен прийти туда, куда указывал этот Единственный” — Адольф Гитлер, в своей речи 11 декабря 1928 в Мюнхене.

Против чуждого рода, цели которого всецело ложны, да противовосстанет Белый род, цели коего истинны и чисты. Против грязи чужеродов, грязи их тел и нечистых душ, да

выступит, сияя Белизной души и тела, избранный полк Белых рыцарей. ***В священнорасовый Крестовый поход за восстановление нарушенных расовых границ Белого мира.*** За истребление агентов расового Хаоса и вытеснение нечистых народов, которыми агентура Хаоса манипулирует в богопротивных целях, за пределы Белой Ойкумены.

о.Р.Б.

Приложение: Владимир Кулешов
МЕЖРАСОВАЯ ВОЙНА
ВО ВРЕМЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ (Тезисы)

Цель

Изучить и убедиться в том, что Европейские народы на протяжении истории объединялись для противостояния общей угрозе, для объекта исследования взят исторический период Средние века. Особый упор сделан на Крестовые походы, которые хорошо показывают единство Европы перед общей угрозой, это время, когда нужно оставить все споры и объединяться. Также для того, чтобы понять из-за чего происходили жестокие события, будет рассмотрен взгляд антропологов и писателей прошлого и настоящего времени.

Средние века

Европа и Ближний Восток пытаются показать себя правыми, это проявляется во всём, однако чтобы понять ситуацию, стоит посмотреть на то, что происходило до объявления Крестового похода. Мусульмане Ближнего Востока объявили войну против иноверцев, с целью захвата земель последних и обращения их в ислам. Эти вторжения угрожали существованию Европы как таковой, поэтому было необходимо принять меры.

Арабский Халифат вёл агрессивную внешнюю политику с целью обращения в ислам всего мира, в современном понимании это было террористическое государство. У них получилось захватить территорию Испании, даже дойти до Франции, но там их остановили франки. Пытались захватить Италию,

удалось на время взять Сицилию. Несмотря на распад Халифата, наследники продолжали свою радикальную политику. Вследствие, в ноябре 1095 года Урбан II созвал во французском Клермоне церковный собор на котором был объявлен освободительный Первый Крестовый поход. Из речи: “Становитесь на стезю Святого Гроба, исторгните землю эту нечестивого народа, покорите её себе!” “Кто здесь горестны и бедны – там будут радостны и богаты” в этот момент Урбана II перебила толпа возгласами”Так хочет Бог!”[4, с 51].

Так появился известный клич “Deus Vult!”, который даже в наши дни вызывает негативные эмоции у определённых лиц, а также галстуки, которые похожи на вышитый крест, который носили рыцари.

Несмотря на междоусобицы, Европейцы смогли объединиться, чтобы произвести акт возмездия, против исламского мира. Из самых известных фигур Первого Крестового похода: Готфрид IV Бульонский, Раймунд IV Тулузский, Балдуин Булонский, Роберт II Фландрский, Роберт Нормандский, Бозмунд Тарентский.

Что касаето простолюдинов, а не лордов, они искренне хотели отправиться тоже, семьи крестоносцев-крестьян были на обеспечении церкви, поэтому воин мог не беспокоится за своих родственников, зная, что он идет в атаку на тех, кто желает отнять у него их. Пётр Пустынник возглавил их. Крестьяне так хотели помочь другим, что не стали ждать подхода лордов и пересекли Босфор, добравшись до Константинополя в одиночку. Кылыч-арслан поджидал их, а так как крестьяне не обладали должной подготовкой и снаряжением, они потерпели поражение.

Основная армия Европейских героев подошла к Константинополя и переправилась на другой берег присягнув императору Византийской Империи, он требовал от них возвращения утраченных земель, на что рыцари согласились, однако греки обманывали их. Армия крестоносцев двинулась на захват Nikei. Осаждённая Nikeя вскоре была взята, но про-

изошло то, что разочаровало всех воинов Христовых – греки из-за своей алчности и жадности предали рыцарей, заключив договор с гарнизоном Никеи, тем самым когда освободители начали заключительные осадные манипуляции, они увидели флаги Византии, уставленные греками, которых пропустил подкупленный гарнизон. С этого момента крестоносцы стали смотреть с осторожностью в сторону Византии и подобные сцены предательства происходили и в течение данного похода и в следующих, что в конце концов сыграло злую шутку с самими греками. Терпение германского человека очень большое, однако всему приходит конец, именно поэтому во время Четвёртого Крестового похода крестоносцы захватили и ограбили Константинополь, основав там Крестоносное государство -Латинскую Империю.

На пути в Иерусалим возникали сражения, цель которых была остановить Крестовый поход. Битва при Дорилее определила будущее похода, тогда армия воинов Христовых разделилась на 2 авангарда, Кылыч-арслан неожиданно атаковал группу Боэмунда Тарентского – правителя Норманнского государства, Сицилийского королевства. Азиаты превосходя количеством, не могли сломить нордический дух отважных германских крестоносцев, которые не знали страха. Братский норманнам народ франков под предводительством Раймунда Тулузского, получив известия о начале сражения, решительно отправился в битву. Под натиском объединенной Европейской армии, враги были повержены в бегство, а освободители отправились дальше.

Самый сложный этап Первого Крестового похода наступил во время осады Антиохии, во-первых, рыцари имели межличностные конфликты, которые мешали более грамотно организовываться, но они делали всё возможное, чтобы думать прежде всего об общем благе, а не личностных интересах. Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский имели спор насчёт будущего Антиохии, они оба хотели стать правителями этого города. У Крестоносцев были проблемы с припаса-

ми, переход из Никеи в Антиохию был очень тяжёлый. Осада длилась 8 месяцев, Европейские купцы помогали как могли освободителям припасами, осадными материалами, благодаря Боэмунду Тарентскому город был взят, он смог подкупить сарацин-мусульман, которые вероятно были против своих радикальных единоверцев, таким образом тяжёлая осада была закончена. *Те кто поддерживали идеологию радикального ислама уничтожались крестоносцами, а их имущество было разграблено, именно поэтому сегодня сторонники запрещённой на территории России террористической исламской идеологии критикуют Крестовые походы, которые по своей сути были объединением всех Европейских народов и осуществлением акта возмездия.* Когда у крестоносцев были проблемы в осаде, греки предали их и отказались помогать, поэтому этот город было решено отдать Боэмунду Тарентскому. Через 3 дня после взятия города к нему подошла большая исламская армия-подкрепление, которая не успела прийти во время. Припасы закончились как у крестоносцев, так и в городе. В церкви начались раскопки по видению одного человека, там было найдено копье. Крестоносцы подумали что это именно то, которым был проткнут Иисус Христос во время Распятия. Их дух воспрял, они не стали обороняться, а открыли ворота и пошли в наступление. *Армия исламистов-противников была сокрушена мощью Европейского единства, а их имущество досталось победителям.*

Воины Христовы отправились в Иерусалим, началась тяжёлая осада, которая закончилась успешным штурмом, после тяжёлой дороги в которых выжили не все, победители получили вознаграждение за освобождение. *Правила были такие – кто первый заходит в дом, тому принадлежало это жильё и всё что в нем находится, таким образом был стимул для того, чтобы идти в атаку и защищать дома от террористов. Так как радикальный ислам отличается особой тактикой партизанской войны, рыцарям при-*

шлось для обеспечения личной безопасности произвести карательные операции против тех, кто осуществлял подрывную деятельность. Существуют доказательства того, что такие меры были необходимы, которые сейчас и будут рассмотрены.

Армянский князь Торос II во время встречи с Амори I, как пишет об этом сирийский хронист Эрнуль, сказал “Во всех городах вашей страны живут сарацины, которым ведомы все пути и тайны. Если когда-нибудь сарацинское войско вторгнется в неё, оно воспользуется помощью и советом простых людей страны, которые помогут сарацинам и съестным, и собственными силами. Если же случится, что сарацины будут побеждены, то ваши же люди укроют их в надёжных местах; но коль скоро победят вас, они причинят вам всяческое зло” [4, с 161].

Писатель Усам ибн Мункыз о юноше-террористе и его матери-террористке, которые совершили террористические акты против легитимной рыцарской власти, христиан. “Его мать была выдана замуж за франка и убила своего мужа. Её сын заманивал хитростью франкских паломников и убивал их” [4, с 162].

Исходя из данных выше можно понять, почему совершались зачистки. Современные сторонники террористической идеологии пытаются показать “своих” невинными жертвами, всячески умалчивая об их подрывной деятельности, а также агрессивной политике исламистов, цель которых была – уничтожение Европейцев и последующее заселение этой территории мигрантами-арабами, что уже было реализовано на захваченных территориях Византийской Империи.

Уничтожение разбойников делалось в целях защиты христиан, которые подвергались ущемлению и даже убийствам со стороны таких, как приведённый ранее юноша-боевик, таким образом была достигнута свобода христианского населения Святой Земли. Враг был и остаётся коварен, жесток и акт возмездия был необходим для обе-

зпечения защиты своих людей, изначально именно исламские радикалы пытались захватить Францию, Италию, а затем продвинуться на Север, чтобы захватить всю Европу и уничтожить местное население, что нельзя было допустить.

**Взгляд антропологов,
писателей прошлого и настоящего времени**

“У монголоидов, у которых «чувство пищи», «чувство ремесла», «чувство предусмотрительности» и «чувство почитания» развиты в особенности, также значительно выражены меркантильность, раболепие и мелочность в религии, убедительное свидетельство чего предоставляют византизм (вследствие средиземноморско-монголоидного расового влияния) греческой и протестантской ортодоксальности.” [2, с 132].

“От себя добавим, что только с точки зрения математической экологии становится наконец понятен один из древнейших сюжетов мировой мифологии, когда «хищник» наслаждается видением предсмертных мук «жертвы», продлевая её мучения. Всё очень просто. Отодвигая неминуемую смерть противника, победитель насыщается энергией агонии организационной структуры противника. Именно эти секунды уже не силового, но исключительно психического противостояния «жертвы» и «хищника» проливают свет на всю глубину расовых отношений. Из истории и мифов мы чётко помним, что представители белой расы уничтожают в поединке представителей тёмных рас легко и непринуждённо, не испытывая никакого наслаждения от их предсмертных страданий. Очевидно, потому, что белые люди в процессе борьбы осознают энергоинформационное превосходство своей структуры организации над представителями низших тёмных рас, страдания которых не представляют для них никакой эволюционно-биологической ценности. *С другой стороны, когда в роли победителя оказывается представитель тёмной расы, то, как показывает гигантский исторический материал, он никогда не может отказать себе в удовольствии на-*

сладиться муками белого человека, который уже обречён. Он буквально выпивает его страдания по капле лишь затем, чтобы хоть как-то усвоить принципы биологического превосходства, которые для него недостижимы». [4, с 115].

“Возбуждение верой, возбуждение стремлением обращать в свою веру, миссионерство к «неверным», утверждение, что одна только своя вера может сделать благословленным, возбуждение, выражающее себя в ненависти к другим богам и уничтожение верующих в них: подобное яростное возбуждение или фанатизм неоднократно исходил от племён в основном восточной расы и их религиозной жизни. Эдуард Мейер в своей книге «История древнего мира» (Geschichte des Altertums, 1907, ч. I, кн. I, стр. 385) говорил о звериной жестокости, отличавшей религиозный дух людей семитских народов.

Всё это так же далеко от индоевропейцев и так же для них неестественно, как и вторжение в чужую духовную жизнь, часто очевидное в людях переднеазиатской расы. Чем увереннее индоевропеец был в своей вере, тем более отталкивающе для его сущности должна была казаться идея представлять свою веру другим как единственную значимую для Бога. Индоевропейская религиозность не проповедует неверующим, а желает объяснить интересующемуся природу своей личной веры. Отсюда и терпимость всех индоевропейцев в религиозных вопросах. В своей книге «Нордическая раса в индоевропейской Азии» (1934, стр. 112) я писал: «Стремление обращать в свою веру и нетерпимость всегда оставались чуждыми всем аспектам индоевропейской религиозности. В этом видно нордическое чувство дистанции между людьми; сдержанность, осуждающая вторжение в духовную жизнь других людей. Нельзя представить настоящего эллина, проповедующего свои религиозные идеи варвару; германца, римлянина, перса или индийца из арийских брахманов, желающих «обращать» других в свою веру. Для нордической расовой души

вторжение в духовную жизнь других людей так же как и по-стыдно, как и нарушение личных границ». Взаимная терпимость религиозных форм – это отличительная черта индоевропейцев. Памятные камни в римско-германском пограничном регионе показывают, что римские войска и поселенцы на границе не только почитали своих богов, но также уважали и местное германское божество, *genius huius loci*.” [1, с 44].

Данные антропологи как можно видеть, считают что безпоощадность присуща чёрным расам.

Разобщённость Европейцев и преданность Ричарда I

Папа Римский Григорий VIII умер узнав о том, что Салахад-дин завоевал Иерусалим, в связи с этим требовался новый поход для обеспечения безопасности Европейцев, однако в этом походе присутствовали те, кто думал больше о личных амбициях, а не Европейском братском единстве.

Ричард I Львиное Сердце – символ Третьего Крестового похода, Король Англии, который имел межличностные конфликты с Королём Франции, и Королём Германской Империи. Он старался максимально сосредоточиться на Крестовом походе, его же союзники вели за его спиной интриги, потому что он был очень влиятельный и они видели в нём угрозу.

Во время перехода армии Ричарда I было принято решение остановиться в Мессине и перезимовать, местные были в сговоре с личными врагами Ричарда I, поэтому когда возникла угроза, он захватил и ограбил Мессину, чтобы никто не смог сорвать его планов по освобождению Иерусалима. Английские германцы перезимовав отправились на Кипр освободив его и разграбив, затем путь лежал в Акру. После решающего штурма, Ричард I очень хотел видеть лично исполнение приказов, именно поэтому 2000 пленных террористов казнили под его непосредственным контролем. Английский Король понимал, что арабы-бандиты которые вербовали себе сторонников из простолюдинов, будут только увеличиваться если их не уничтожать. Таким образом можно быть уверенным, что бандитов было действительно много, цель которых

была - осуществление террористических актов против крестоносцев и мирных христиан. Не смотря на распри, Ричард I пытался объединять Европейцев, однако часть из них покинула поход после взятия Акры, чтобы подготовиться к интригам против Ричарда I по его возвращению.

В Третьем Крестовом походе Король Англии три раза пытался взять Иерусалим, но в одиночку у него это не получилось, не хватало помощи братских народов, которые во время Первого Крестового похода объединились, это показывает силу Европейского единства. К сожалению личные интересы Филиппа II тогда были выше, он ссылаясь на болезнь отправился домой, но в большей степени его беспокоила личная власть, он вернулся, чтобы укрепиться и сделать интриги против Ричарда I, которого видел главным конкурентом. В итоге всё подстроили так, что возвращаясь из Крестового Похода, Ричарда I арестовали на территории Германской Империи. *Личные амбиции сорвали братство Европейских народов, но вызовы судьбы заставляли объединяться и именно тогда была видна мощь великой Европы.*

Заключение

Крестовые походы дают понять, что Европейское единство приводит к реализации поставленных задач очень эффективно, Первый Крестовый Поход был очень успешным. Во время Третьего Крестового Похода не смогли выполнить все поставленные задачи из-за того, что некоторые участники ставили свои личные амбиции по обретению политической власти выше общих целей. Ричард I до конца пытался освободить все территории, но получилось только часть из-за нехватки поддержки. Против Ричарда I был заговор, целью которого была утрата им политической власти, именно поэтому французский лидер отправился с Ближнего Востока в Европу, чтобы заранее подготовить интриги.

Thorfinn Thorsson

ГИБЕЛЛИНСТВО И СТИХИЙНЫЙ АВРААМИЗМ ЗАПАДА

Согласно старым мистическим западным традициям, когда тёмные времена нависнут над этой богоспасаемой землёй, её истинное рыцарство должно покинуть её и «удалиться в Индию», увезя с собой Грааль, так как «среди грешных народов не должно остаться ничего из этого».

Это крайне интересная ситуация. Учитывая, что сама эта традиция пришла с Востока, чего не скрывают средневековые авторы, повеление, казалось бы, звучит совершенно ясно — вернуться к источнику. Однако кто из нынешних западных традиционалистов намерен искать сей источник где-то в ином месте, нежели в самом Западе, чью духовную традицию полагает самодостаточной?

Традиционализм глубоко укоренился в мифологии западного гибеллинства, однако так и не смог прийти к единому определению этого сформулированного им понятия. Ни превосходство светской власти над церковной, ни вселенский синтез Империи, ни «королевская религия» и особая напряжённость войны и политики не охватывают это явление целиком, а лишь высвечивают отдельные его черты.

Для тех, кто не вполне знаком с темой, оговоримся, что речь идёт не о конкретной политической группе феодальной аристократии, враждовавшей с папской властью в Италии на закате Средневековья, а о том скрытом явлении, прежде всего экзистенциально-метафизического плана, которое породило его, как и весь «последний отблеск Традиции» (выражаясь терминологией традиционалистов эволианского толка) в истории европейской цивилизации, воплотивший в себе интегральную мужественную духовность, в отличие от «лунной» и «выхолощенной» духовности, олицетворяемой христианской Церковью.

Если мы посмотрим глубже, то увидим, что особое значение для гибеллинского сознания имел не столько акт служения конкретному сюзерену, сколько его идеальная проекция, сама «идея короля». Это хорошо просматривается в судьбах таких непримиримых защитников суверенитета королевской власти, с глубокими корнями в традициях духовного рыцарства, как умученный Инквизицией, по следам тамплиеров, Жиль де Ре (наставник и вдохновитель Жанны д'Арк), а также целой плеяды прославленных военачальников, таких как коннетабль де Ледигьер, которые порой совершали действия, противоречащие индивидуальной королевской воле, при этом сохраняя безусловную верность короне. К слову, сама должность коннетабля с какого-то момента предполагает легитимное право действовать в условиях войны вопреки воле суверена. Это вполне гармонирует с представлениями гибеллинства о «двух телах короля», сакральном и человеческом, нашедшими отражение, в частности, в придворном этикете, когда запрещено было сидеть в присутствии монарха на официальных приёмах и церемониях, и вместе с тем в этом не было проблемы, если король принимал дворянина как частное лицо.

Кровавая борьба европейских государств велась, в первую очередь, за право прямого наместничества, заключённого в самом титуле «le roi très chretien». Есть мнение, что глубокие антипапские традиции французских королей, со времён Карла Великого, логически подразумевали постепенное преодоление Христианства в ходе неугасающего конфликта с гегемонией Римской Церкви. «Король обязан своей властью Богу. Но, помимо Бога, он обязан ею ещё и мечу», — писал Людовик XIV, который изгнал из королевского Совета всех лиц духовного звания. Дух и характер этой борьбы, разного рода «еретические» союзы, в том числе с мусульманами; а также католики, субсидирующие протестантов и протестанты, сражающиеся на стороне католиков, — всё это наводит на мысль, что основной нерв её проходил отнюдь не по линии

течений внутри Христианства, которые сами были не более, чем её следствием.

Отсюда возникает вопрос: если как Римская Империя германской нации, так и французская сакральная монархия в действительности служили скорее средством достижения определённой цели, то что же это была за цель? Что выступало тем над-индивидуальным началом, которое было объектом истинной приверженности адептов гибеллинской линии? Форма духовно-политической организации, император или же король, идея скрытого центра и праведного царства здесь выступают своего рода внешней мифологией. Но если мы посмотрим на проявления этой традиции среди различных народов и на разных отрезках времени, то найдём нечто более универсальное, выраженное в стихотворении дю Белле:

Та честь высокая, что вечно не умрёт
И доблесть чистая, которой нет скончанья
С такою силою вершили мне желанья
Что большего не жду с божественных высот

Последняя строфа здесь повергает одновременно в высокий пиетет и ужас. Безусловно, в глубинах рыцарского культа можно обнаружить вещи весьма трагические, и связаны они с самым утончённым люциферианством из возможных. На первый взгляд идиллические рыцарские саги в действительности полны драматических противоречий между внешним долгом и личной честью, обнаруживающих тёмную сторону метафизики служения «Сверх-Я», как более высокого варианта эго — эго, исполненного доблести. Честь как «расширенное тело» становится тайным роком рыцарства, в глубине своего существа, безусловно, жаждущего истинного, а не тщетного служения.

Однако есть в этой традиции и нечто, стремящееся к преодолению этой дихотомии.

Был такой легендарный римский герой — Гай Муций Сцевола. Когда этрусский царь Порсена обложил Рим тяжёлой

длительной осадой, этот юноша из рода патрициев явился в Сенат и, заручившись согласием знати на свой отчаянный поступок, пробрался в лагерь неприятеля. Но по ошибке, вместо царя он убивает его писца, одетого с большей пышностью, после чего тут же его хватают царские телохранители.

Процитируем римского автора Тита Ливия, чья «История» играла колоссальную роль в формировании аристократической самоидентификации в Европе Средних веков и более позднего времени:

«Здесь, перед возвышением, даже в столь грозной доле не уstraшаясь, а уstraшая, он объявил: «Я римский гражданин, зовут меня Гай Муций. Я вышел на тебя, как враг на врага, и готов умереть, как готов был убить: римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою. Не один я питаю к тебе такие чувства, многие за мной чередою ждут той же чести. Итак, если угодно, готовься к недоброму: каждый час рисковать головой, встречать вооружённого врага у порога. Такую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы, — будешь ты с каждым один на один».

Когда царь, горя гневом и страшась опасности, велел вокруг развести костры, суля ему [Муцию] пытку, если он не признается тут же, что скрывается за его тёмной угрозой, сказал ему Муций: „Знай же, сколь мало ценят плоть те, кто чает великой славы!“ — и неспешно положил правую руку в огонь возжённый на жертвеннике. И он жёг её будто ничего не чувствуя, покуда Царь, пораженный этим чудом, не вскочил вдруг со своего места и не приказал оттащить юношу от алтаря. «Отойди, — сказал он, — ты безжалостнее к себе, чем ко мне!».

Глубоко потрясённый, Порсена приказал отпустить римлянина, а через какое-то время прислал послов с предложением о мире.

Мы несправедливо примитивизировали бы явленное здесь, когда бы предположили, что под «великой славою» шла речь о почестях, о памяти в веках, или даже о жажде бессмертия в человеческом смысле.

Слава в своей кристальной сущности есть величайшее дерзновение, утверждающее божественную искру в человеке как его подлинную реальность, низвергая и стирая всё, что не есть она. Вокруг понятия славы веками сформирована масса культурных мифов и дезориентаций, которые мы находим уже у античных авторов. Связано это с тем, что нередко весьма тонкая грань пролегает между чистой доблестью и падением в глубины эго. И тем сильнее впечатляют интуиции тех, кто возвращал прах к праху, устремляя помыслы к за-предельному.

«Хотите вина?» — спрашивает маршал Тюренн своих солдат в одной старой французской песне, — «На полях Эльзаса растёт виноград получше. И вино это искрится ярче, смешанное с ликующей кровью, наливаемое госпожой Славою».

В такой жажде прорыва к личной провиденциальной сюжетности сокрыты скорее авраамические мотивы, когда жертвуется всем не во имя какой-либо из доступных человеческому опыту категорий, но объектом поклонения выступает принципиально вне-человеческое, вне-бытийственное, не осязаемое ни в каком земном опыте, плоды познания которого лежат за его чертой.

Гибеллинство можно определить как Путь рыцарского звания, где в крови и смертельных ранах пенится сама правда невысказанного экзистенциального вопрошания. Презируя всякую тщету, гибеллин становился адептом великой славы, в которой искал то единственное, достойное его благоговения и преклонения.

<https://t.me/thewordandthesword>

ADDENDA: В рыцарском романе «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, созданном в 1200-1210х годах, есть поразительное для Средневековья место, где главный герой внезапно выдает как бы яростную проповедь атеизма:

«Бог?! Бог?! Но что такое — Бог?! —

Воскликнул рыцарь гневно. —

Не потому ль судьба плачевна,
Что мы не поняли того,
Сколь бесполезна власть Его,
Сколь слаб и немощен Всевышний!..
Служить ему? Нет! Труд излишний!
Я верен был Ему и предан,
И я обманут Им и предан.
Кто на Него усердье тратит,
Тому Он ненавистью платит.
Я ненависть Его приму,
Но боле — не служу Ему!..
О, есть иной предмет служенья!..
Эх, друг ты мой! В разгар сраженья
На помощь Бога не зови.
Зывай к спасительной Любви!»

Безусловно дикое для своей эпохи высказывание тут же перечёркивается покаянием героя – но автор описывает его так небрежно и формально, словно хочет лишь немного замаскировать им свой бунт.

Герр Вольфрам был человеком искренним, жизнерадостным и горячим, и несомненно религиозным. Оттого его демарш выглядит странно и заставляет задуматься. И чем дольше думаешь, тем больше находишь в нём правды, хоть и высказанной «через край», как всё переполненное искренностью.

Бог, Бог... но что же такое Бог? Люди прибили Его к Небу гвоздями своих мифов, в которых Он следит за всем на Земле, воздавая за добро и зло, словно справедливый царь, всегда слишком занятый делами, но неизменно появляющийся в конце драматического сюжета с хэппиэндом в отцовских руках.

Беда в том, что наша жизнь представляет собой скорее безсюжетный гонзо-стайл, поток, в котором всё настолько перемешано, что выделить сюжеты может только фантазия дра-

матурга. И кем Бог уж точно не является, так это судьёй. Он скорее невидимый зритель, пустой тёмный зал, который то ли смотрит на яркую сцену, где творится трагический карнавал жизни, то ли не смотрит, потому что Его нет. Некоторые люди так устроены, что им хочется, чтобы Он был – и они придумывают себе разные версии Его молчания.

Однако единственное, что в нашей жизни реально есть – Любовь. Иногда есть. Когда мы её привносим в нашу жизнь.

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

А что, если только Любовь и есть Бог? И больше ничего.

И если Она есть в нас, то есть и Он. А если нет Её, то и Его нет. И тогда правы все – и верующие, и атеисты.

И Вольфрам фон Эшенбах.

Бог не смотрит на нас из зрительского зала, в котором пустота сливается с тьмой и начинает казаться Сущим. Если Он есть, Он есть в нашей Любви. Но необязательно. Ведь это только зависит от нас. И иногда Его точно нет.

И тогда мы убиваем друг друга, сжигаем свои города, причиняем боль женщинам, детям и старикам, и всему живому, густо сея зло по земле.

Всё просто. Все правы. Всё так.

Мистерия Космоса

Перейдя все границы и грани

Безудержным, вольным полётом

Путешествуя между мірами

Тайный знак обретается снова

Там где воля опять возвращает

Что утрачено было однажды

Фиолетовым вновь расцветает

Яркий свет, что даёт нам надежду

И мистерия вновь разрушает,

Отворяет она все запреты

Разум остро, блеснув поражает

То сияние дерзкой кометы

Перед утренней, яркой звездой
Обретаются новые символы
Пробуждает небесной волной
Для кого-то, это лишь вымыслы
(fra Михаил Шульгин, ИПХ).

Игорь Загребельный

**КАТОЛИЧЕСКОЕ ПРАВСТВЕННОЕ
БОГОСЛОВИЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА**

Исследование политической истории отдельных конфессий не освобождает учёного от необходимости углубляться в сущность их вероучения. Светский исследователь, не знакомый с особенностями богословия, в своей научной работе может столкнуться, например, с опасностью непонимания особенностей поведения духовенства и верующих (шире - политической линии всей церковной структуры). Примером может служить исследование роли УГКЦ в национально-освободительном движении первой половины XX в., поддержки или осуждения ею революционной борьбы, участия в этой борьбе греко-католического духовенства. В данной статье мы попытаемся выяснить особенности оценки национально-освободительной революционной борьбы с позиций христианской этики.

Прямые, непосредственные ответы на поставленный только что вопрос, по нашему мнению, найти довольно трудно. Причину такого положения вещей следует искать в целом ряде субъективных и объективных факторов, среди которых, в частности, можно выделить следующие. Прежде всего, следует вспомнить, что эпоха освободительного национализма (в современном понимании) - это вторая половина XIX - XX вв., поэтому в течение длительного времени данная проблема не была столь актуальной, как сегодня. Также следует учитывать тот факт, что церковным деятелям часто приходилось считаться с политической конъюнктурой и не всегда они находили в себе силу стать в оппозицию к «сильным мира сего».

По нашему мнению, наиболее объективную морально-богословскую оценку революционного национально-освободительного движения можно осуществить только тщательно проанализировав данную проблему, выделив в ней отдельные компоненты.

Понятие революционности включает в себя конкретный характер не только цели, но и средств, поэтому не удивительно, что революция очень часто ассоциируется с насилием. Не является исключением и национально-освободительная революция. Поэтому вполне логично, что выяснение отношения Церкви к различным проявлениям насилия (включая также убийство) является чрезвычайно важным, поскольку сегодня, возможно как никогда ранее, бытует мнение о чрезвычайно пацифистском характере христианства, осуждении им любой формы насилия в любых условиях. Понятно, что при таком подходе революционная тактика представляется абсолютно несовместимой с христианством.

Особенностью национально-освободительной революционной борьбы является то, что она обычно предстаёт как своего рода межнациональная война - война между поработщённым народом и народом-поработителем. Именно поэтому нам также следует обратить внимание на христианское учение о войне.

Также следует учитывать тот факт, что национально-освободительные движения обычно направлены против юридически легитимной государственной власти. Государство-поработитель легитимизирует свою власть над оккупированной территорией и её населением; к тому же, такое положение вещей признаётся большинством других государств. Отсюда следует, что национально-освободительные движения оказываются вне (оккупационного) закона, а война *de facto* титульной нации за естественное право быть сувереном собственной территории *de jure* трактуется как восстание граждан против своего государства. Исходя из этого, нам также стоит

исследовать проблему возможности сопротивления христиан государственной власти.

Попробуем поочерёдно исследовать проблемы христианской оценки насилия в целом, христианской оценки войны и проблему сопротивления христианина государственной власти.

Пацифистский стереотип в значительной степени базируется на поверхностном понимании V-й заповеди ветхозаветного Декалога «Не убий» (Исх. 20, 13). Обычно, эта заповедь понимается как абсолютный запрет лишать человека жизни, при этом почему-то игнорируется несколько фактов: во-первых, что вся библейская история Израиля - это история постоянных войн, в которых потомки Авраама пользовались особым Божиим благословением («С Богом мы окажем силу, и Он уничтожит врагов наших» - Пс. 59, 14), а во-вторых, что в заповеди речь идёт об убийстве человека из собственных эгоистических соображений (из личной ненависти, корыстных мотивов и т.п.), а не об убийстве вообще, и за нарушение V-й заповеди Ветхий Завет предписывает смерть, то есть *убийство* убийцы (Чис. 35, 16-21).

Апологеты христианского пацифизма нередко апеллируют к словам Нагорной проповеди о подставлении второй щеки (Мф. 5, 39). При этом слова Христа понимаются не как оформленный в аллегорию этический императив, а как непосредственное правило поведения. Целесообразность такого подхода сомнительна, потому что буквальное прочтение Священного Писания не всегда уместно. Например, выдающийся экзегет св. Августин, трактуя Книгу Бытия, отмечал, что «когда мы их (слова Библии - И.З.) воспринимаем образно», «я скорее воспринимаю направленность Священного Писания» [13, с.329]. Возьмём для примера другой фрагмент Нагорной проповеди, Иисус говорит, что нужно удалять части тела, которые приводят к соблазну (Мф. 5, 29-30), однако агиография не знает примеров, когда бы святые - образец христианского

поведения - действительно отрезали себе конечности или выкалывали глаза.

Использовать приведённые слова Священного Писания поверхностно нельзя, то же самое можно сказать и о других евангельских цитатах, например «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю. Не мир пришел Я принести на землю, а меч» (Мф. 10, 34), «От дней же Иоанна Крестителя и поныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие силу, силой берут его» (Мф. 11, 12). При буквальной трактовке упомянутые слова формально противоречат «заповеди» «подставить вторую щеку» и побуждают к выводу, что христианство является не менее воинственным чем, например, ислам.

Едва ли не самым ярким свидетельством о христианском отношении к насилию, а точнее - об отношении к насилию Самого Христа, мы находим в рассказе об изгнании менял из храма: «Пришли в Иерусалим, и, войдя в храм, Иисус взялся изгонять тех, что продавали и покупали в храме; опрокинул столы менял и скамьи продающих голубей, и не позволял, чтобы кто-то переносил через храм какую-либо вещь»(Мк. 11, 15-16).

Как видим, и в Старом, и в Новом Завете нет абсолютного отвержение насилия в целом и убийства в частности. Каким же является отношение христианства к феномену войны? Мы уже упоминали о том, что ветхозаветная история израильтян является полной многочисленных войн. Эти войны были связаны с освоением Палестины, построением мощного национального государства, а во времена его упадка и порабощения - с целью освобождения от оккупантов (особенно красноречивыми являются события, описанные в книгах Маккавеев). По этому поводу довольно интересно высказался известный своей работой «Дикое сердце ...» американский католический публицист Джон Олдридж: «Как сказал Темпер Лонгман: «Буквально все книги Библии - из Ветхого и Нового Заветов, и чуть ли не на каждой странице - рассказы о воинственной

деятельность Бога». Мне интересно, египтяне, которые держали Израиль под кнутом, описали бы Яхве как действительно приятного парня? Чума, эпидемия, смерть всех первенцев - сейчас это не выглядит слишком джентльменским ... Что сказала мисс Хорошие Манеры о захвате земли обетованной? Или массовая резня похожа на традицию «посещения» вашего нового соседа?» [5, с.39].

Однако вызревает закономерный вопрос: каким должно быть отношение к войне после прихода Мессии, автора Нагорной проповеди любви? Если бы Христос осуждал военную службу, то, очевидно, Он не исцелил бы слугу римского сотника. Однако Иисус исполнил просьбу этого солдата и не ругал за его вид деятельности, а наоборот - похвалил его силу веры: «Истинно говорю вам: Ни у кого в Израиле не нашел такой веры» (Мф. 8, 5-13). Подобно не осуждал военной службы и Иоанн Креститель говоря, чтобы солдаты и дальше добросовестно выполняли свои обязанности (Лк. 3, 14).

Впоследствии учение о войне было разработано рядом выдающихся христианских теологов. Нравственное богословие различает *справедливую* и *несправедливую войну*. По Августину, «справедливы те войны, когда борются с несправедливостью». Св. Фома Аквинский выделяет три предпосылки, необходимые для начала справедливой войны. Во-первых, только законная государственная власть может вести войну; междоусобицы считались греховными. Во-вторых, причиной войны является несправедливое поведение противника. В-третьих, войну можно вести только с твёрдым убеждением своей правоты, то есть с целью «поддержать добро и предотвратить зло». Учение о справедливых войнах развивалось и дальше. В частности теологи осуждали империалистические войны: тяжёлым преступлением считалась война «ради увеличения территории империи» и «для распространения славы монарха» [4, с. 242-243]. Во избежание недоразумений следует отметить, что нельзя противопоставлять традиционное католическое учение о войне и современную антивоенную

церковную риторику [4, с. 244-254], порождённую, по нашему мнению, неприятием Церковью империалистических стремлений новейших сверхдержав и пониманием пагубности войны, усиленной благодаря научным достижениям, что в значительной мере препятствует морально-духовному развитию человечества.

Едва ли не наиболее отчётливо учение о справедливой войне нашло своё практическое выражение в Средневековье. Так исторически сложилось, что Средние века были не только эпохой триумфа Церкви и христианства, но и временем, когда особым образом нашла своё воплощение идея воина Христова. Французский историк Церкви Ги Бедуэл очень удачно отметил, что Церкви в Средние века «удалось в определённой степени сублимировать инстинктивное влечение средневекового человека к боям и воинским подвигам с помощью достойного удивления института рыцарства, который позволил представителям благородного сословия найти *своё христианское призвание* (курсив наш. - И.С.)» [1, с.85]. При этом историк сумел проникнуть в сущность внутренней - духовной - природы средневековых христианских воинов: «Паломничество, поиски Евхаристии (свидетельством чего являются многочисленные легенды о Святом Граале. - И.З.), алчба Причастия - вот искреннее, мистическое измерение рыцарства, наглядно выраженное в обычае ночного бдения, которое проходило в часовне накануне посвящения в рыцари в полном вооружении»[1, с.86].

И действительно, одним из самых выразительных символов средневековой европейской культуры является феномен рыцарства. С рыцарством связано явление Крестовых походов. Кроме Крестовых походов, к которым мы скоро вернёмся, стоит упомянуть и о феномене Инквизиции. Мы не ставим своей целью обоснования тезиса о том, что древлехристианскую традицию нельзя отделить от инквизиционной борьбы с ересями, а лишь попытаемся показать феномен средневековой инквизиции в его ментальном срезе. При этом

мы сознательно не ссылаемся на тех историков, которые находятся на традиционных христианских позициях, и которых, соответственно, можно заподозрить в субъективности. Зато обратимся к такому либеральному (а следовательно, в значительной степени настроенному негативно по отношению к Церкви), однако относительно объективному историку, как Генри Чарльз Ли.

Несмотря на довольно неоднозначную оценку Инквизиции, данный историк смог частично понять то положение вещей, когда на основании любви к Богу и ближнему (конкретнее - к Церкви и обществу) духовные лица своими приговорами фактически отдавали отдельных людей на смерть, а светские обеспечивали практическое выполнение приговоров. Как это ни странно для светского историка, Ли в своей работе «История Инквизиции» делает очень глубокий вывод: «Именно любовь к ближнему побудила без каких-либо колебаний использовать крайние средства, чтобы осуществить дело спасения» [9, с.180].

В качестве символа такой «контрастности» Ли подаёт нам историю одного итальянского доминиканца - Джованни Скио де Винченцо. Этот «пёс Господень» болезненно переживал междоусобицы, которые обезкровливали его отечество и уносили жизни представителей лучших итальянских фамилий. Именно поэтому фра Джованни сосредоточил свою деятельность на проповеди любви, взаимопрощения и примирения. Своими пламенными проповедями доминиканский миссионер вызвал искреннее раскаяние многочисленных представителей аристократии, помог им разорвать порочный круг вендетты. В то же время, как отмечает Ли, «этот самый человек, достойный ученик Великого Учителя Божественной любви, не задумывался, получив в свои руки власть в Вероне, сжечь на городской площади шестьдесят мужчин и женщин ... Через двадцать лет мы находим его во главе баронского подразделения в крестовом походе, поднятом Александром IV против Эццелина да Романо» [9, с.180-181].

Как видим, средневековая христианская традиция подаёт нам примеры вынужденного использования насилия на службе высшей цели. Заметим, что для Средневековья (повторимся, эпохи наивысшего триумфа Церкви) характерно стремление к гармоничному слиянию служения трансцендентным ценностям и общественному благу. Иллюстрацией могут служить Крестовые походы, к которым мы обещали вернуться: именно в Крестоносной эпопее сочетается горячая вера и прагматические потребности уберечь Европу от мусульманского нашествия и обеспечить западным народам возможность самобытного политического и культурного развития. Именно в свете феномена Крестовых походов мы можем упомянуть ещё одного теоретика справедливой войны - св. Бернара Клервоского, а также его особенно ценный для нас трактат «Похвала новому рыцарству».

В только что упомянутом трактате св. Бернар - выдающийся реформатор монашеской жизни, один из вдохновителей крестоносного движения, большой аскет и мистик - дал богословское обоснование войне за веру в целом, а также отметил целесообразность существования особых военных структур - духовно-рыцарских орденов. В частности, «Похвала новому рыцарству» достаточно полно проиллюстрировала пылкую жертвенность воина-христианина, углубила понимание участия христианина в войне как проявления его любви и веры.

Бернар справедливо объяснил христианское понимание ценности жизни и смерти: о христианине он пишет как о таком, что «не боится смерти». «Нет - он желает её! - Говорит далее св. Бернар. - Почему он должен иметь страх в жизни, или страх смерти, когда для него жизнь - это Бог, а смерть - благо? », Ведь «Какая это слава - вернуться победителем из такой битвы! Какое это блаженство - умереть мучеником». При этом св. Бернар не прибегал к пафосным призывам отречения от мира (подобно, например, еретикам-манихеям), а лишь правильно расставлял акценты: «Жизнь поистине пре-

красна и победы приносят славу, но священная смерть намного важнее этого. Если блаженны те, кто умер с Господом, насколько лучше те, кто умер ради Господа».

Идеолог крестоносцев не забывал заповеди «Не убий!», но считал правильным её понимать так: «Что за несчастная победа - убить человека», когда «гнев и гордыня овладевают всем лучшим в тебе! Но из того, когда кто-то убивает не в пылу мести и не благодаря гордыне, но просто ради собственного спасения?», «Но Рыцарь Христа может безопасно участвовать в битвах своего Господа, не боясь ни греха, если он убивает врага, ни опасности своей собственной смерти; так как убивать или умирать во имя Христа не является грехом, а, наоборот, величайшим требованием для рыцарской славы». Воины-христиане, будучи «кроткими как агнцы, и безпощадными как львы», должны использовать оружие «для наказания злодеев и ради прославления добра», и если кто-то из них «убивает злодея, то он не человекоубийца, а убийца зла», «когда он убивает, то это на пользу Христу, а когда погибает - это на его собственную пользу».

Кроме этого, св. Бернар проявлял достаточно реалистичное видение нужд войны и отмечал: «Слава христиан - смерть язычников ... Это не значит, что язычники должны быть истреблены до последнего, потому что существуют и другие способы помешать их стремлению к уничтожению и преследованию правоверных. Но, на данный момент лучшим путём является их уничтожение, потому что в противном случае грешники убивают праведников». Участие христиан в войне для св. Бернара - это противодействие агрессору, при этом, между прочим, он выказывает отчётливо антиимпериалистическую позицию: «Конечно, это правильно, что народы, которые любят войну, должны быть рассеяны, что те, кто беспокоит нас, должны быть остановлены, и все служители порока должны быть изгнаны из града Господня» [7].

Заканчивая нашу «средневековую» тему, считаем необходимым ещё раз отметить, что Католическая Церковь чётко

различала справедливую но не справедливую войну. Благословляя Крестовые походы, обосновывая право народов на защиту собственной независимости и государственности, а также поддержание внутреннего порядка, Церковь в то же время осуждала несправедливые войны, междоусобицы, направляла свои усилия на примирение конфликтов, порождаемых живым характером средневековых европейцев, доказывала своим верным, что и во время войны нельзя забывать о милосердии. Показательным является инициирование Церковью «Божьего мира» - особых периодов, когда запрещались любые военные действия [2, с.421-429].

Полагаем, нам удалось несколько опровергнуть миф о христианском пацифизме и проиллюстрировать отношение католика-христианина к различным проявлениям насилия, в том числе и к войне. Теперь, чтобы закончить наш анализ проблемы морально-богословской оценки национально-освободительной революции, нам стоит отдельно исследовать вопрос о возможности противостояния христиан государственной власти.

Кардинал Йозеф Гёфнер отмечает по этому поводу: «Первым возможным типом поведения - без сомнения, безупречным с моральной точки зрения - является *пассивное сопротивление*, когда граждане не соблюдают преступных законов, а чётко действуют вопреки противоправным государственным мерам»[4, с.255-256]. Далее Гёфнер говорит, что при некоторых условиях пассивное сопротивление «не даст эффективных результатов», и поэтому целесообразно *активное сопротивление*. Он выделяет две разновидности активного сопротивления - открытый общественный протест и свержение преступного правительства. Согласно Фридриху Паульсену, «отважные действия», которые обезвреживают преступную власть, «без сомнения, могут быть моральными и похвальными», однако в условиях, когда «сбережения народа, удовлетворения его жизненных интересов нельзя достичь другим путём». В это же время,

кардинал Гёфнер говорит, что антиправительственное восстание должно быть хорошо спланированным, поэтому как вариант он предлагает «тайный заговор большей части нации, который послужила бы подобием искры для вспышки пламени» [4, с.257].

Подобно случаю со справедливыми войнами, Церковь обозначает определённые условия, при которых вооруженное антиправительственное движение может быть морально добрым. Компендиум социальной доктрины Католической Церкви отмечает: «Вооружённое сопротивление против угнетения политической властью обосновано лишь тогда, когда существуют одновременно следующие условия: 1) в случае несомненных, тяжёлых и длительных нарушений основных прав человека; 2) после исчерпания всех других средств; 3) если оно не повлечёт большего беспорядка; 4) если имеется обоснованная надежда на успех; 5) если рационально невозможно предусмотреть лучшие решения». При этом вооружённая борьба рассматривается как «радикальное средство в попытке положить конец очевидной и длительной тирании, которая нарушает основные права человека и вредит общему благу страны» [8, с.247-248].

Учение о возможности сопротивления государственной власти имеет достаточно давнюю традицию. Ещё Фома Аквинский разъяснял, что силовое освобождение от режима, который отрицает общее благо, не является бунтом - наоборот, тиран является мятежником против общего блага [4, с.257]. Это учение развилось на рассвете Нового времени. В период борьбы Реформации и Котрреформации на территории Франции особенно актуальными были теории о праве свержения недобросовестных монархов. Когда доминиканец Жак Клеман убил Генриха III, весь католический лагерь ликующе совершал в храмах благодарственные литании. Папа Сикст V с удовлетворением отметил, что «Бог всё же не оставляет своей Франции». В это время испанский иезуит Марианна писал, что Клеман - это «вечное украшение Франции» и его

«прекрасный, величественный подвиг должен послужить наукой для всех монархов» [11, с.159].

После неудачного покушения, совершенного Ж. Шателем в 1594, Генриха IV в 1610 ждала смерть от рук Равальяка, который на суде заявил, что на этот отчаянный шаг его вдохновили работы иезуитов Марианны и Суареса [3, с.25]. Действительно, иезуитская нравственная казуистика сделала значительный вклад в развитие учения о сопротивлении народа несправедливой государственной власти. Так, иезуит Беллармин размышлял о роли духовенства в движении сопротивления: «Священникам и монахам не подобает убивать правителей, и государственные первосвященники не используют этих средств для обуздания правителей. Вместо этого ... они отлучают правителей от общения с верными чрез церковные таинства, разрешают подданных от присяги на верность ... а потом расправа предоставляется уже не духовным лицам» [3, с.24]. Ф. Суарес, которого Бенедикт XIV называл «светильником богословия» [11, с.132] говорит более просто: «В целом, каждый имеет право убить тирана, если того требует общественное благо» [3, с. 25].

Примеры благословения Церковью антиправительственного вооружённого движения мы находим и в XX в. В частности католическое духовенство определённо поддержало антиреспубликанское восстание в Испании. Один за другим представители клира поддерживали «патриотически-военное» движение, называя его «крестовым походом за религию, родину и цивилизацию». Примаса Испании, архиепископа Толедо кардинала Гома вообще считают духовным наставником восстания [6, с.130]. Между прочим, украинский митрополит Андрей Шептицкий в своем обращении «О событиях в Испании» писал, что испанские католические епископы стали в обороне «той *святой революции*, что защищает Божье дело и родину (пунктир наш. - И.З.)» [10, с.504].

Исходя из результатов предварительного рассмотрения проблемы, можно прийти к следующим выводам. Револю-

ционная тактика борьбы, часто предполагающая насилие, изначально не противоречит христианству, как это понимает Католическая Церковь, опираясь на то, что христианство отнюдь не стоит на пацифистских началах. Пацифистский характер христианства - это, прежде всего, стереотип, проявление его аберрации, связанной с поверхностной трактовкой слов Священного Писания. На самом деле христианство, проповедуя любовь, не доходит до утопизма и считает возможным использование насильственных методов (включая убийство) для обеспечения общественного блага. Таким образом, национально-освободительная революция, направленная на улучшение жизни народа путём его освобождения и утверждения государственности, не может считаться чем-то совершенно противоречащим христианской морали.

Поскольку национально-освободительная революция может трактоваться как межнациональная война (например, война между народом-оккупантом и порабощённым народом), её можно считать справедливой войной. Такая её трактовка объясняется следующими тезисами. Во-первых, национальная революция направлена на нарушение несправедливого мира (состояние оккупации) и установления справедливого (свободное государственное бытие нации). Во-вторых, она является закономерной реакцией на несправедливые действия агрессора. В-третьих, эта национально-освободительная борьба порождена глубоким убеждением в своей правоте тех, кто её поднимает.

Учитывая тот факт, что национально-освободительные революционные движения обычно противостоят юридически легитимированной оккупационной власти, их можно рассматривать как справедливое сопротивление населения государственной власти.

Как видим, национально-освободительные движения могут отвечать принципами христианской морали. Участие христиан в национально-освободительной борьбе может быть не только морально оправданным, но и обязательным,

поскольку оно в значительной степени проявляется как свидетельство христианской любви к Богу и ближнему, является проявлением христианского благочестия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бедуел Г. Історія Церкви [текст] / Гі Бедуел ; пер. з франц. Г. Григорович. – Львів: Свічадо, 2000. – 296 с.

2. Блок М. Феодальне суспільство [текст] / Марк Блок ; пер. з англ. Віктора Шовкуна. – К.: Видавничий дім «Всесвіт», 2001 – 528 с.

3. Великович Л. И. Черная гвардия Ватикана [текст] / Л. И. Великович. – М. Мысль, 1980. – 231 с.

4. Гьофнер Й., кардинал. Християнське суспільне вчення [текст] / Йозеф Гьофнер ; пер. з нім. С. Пташник, Р. Оглашений. – Львів: Свічадо. – 304 с.

5. Елдредж Дж. Дике серце: Таємниця чоловічого серця [текст] / Джон Елдредж ; з англ. пер. О. Фешовець. – Львів: Свічадо, 2009. – 232 с.

6. Іваницька О. Франко – каудильйо Іспанії [текст] / Оксана Іваницька. – Чернівці: Книги-XXI, 2006. – 432 с.

7. Клервонський Бернар. Похвала новому лицарству [електронний ресурс] / Бернар Клервонський // ВО «Тризуб» імені С. Бандери. Режим доступу: <http://www.banderivets.org.ua/index.php?page=pages/zmistic/zmistic01>

8. Компендіум соціальної доктрини Церкви [текст]. – К.: Кайрос, 2008. – 549 с.

9. Ли Г. Ч. История инквизиции. Современная версия [текст] / Генри Чарльз Ли ; пер. А. В. Башкирова под ред. С. Г. Лозинского. – М. Эксмо, 2007. – 512 с.

10. Митрополит Андрей Шептицький: життя і діяльність. Документи і матеріали. 1899-1944. Т. II. Церква і суспільне питання. Кн. 1. Пастирське вчення та діяльність / за ред. Андрія Кравчука. – Львів: Місіонер, 1998. – 572 с.

11. Михневич Д. Е. Очерки из истории католической реакции (иезуиты). Изд. второе, дополненное и исправленное

[текст] / Д. Е. Михневич. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 408 с.

12. Святе Письмо Старого та Нового Завіту / Повний переклад, здійснений за оригінальними єврейськими, арамейськими та грецькими текстами. – Б.М.: Українське біблійне товариство, 1992. – 1419 с.

13. Святий Августин. Сповідь [текст] / Святий Августин ; пер. з латини Ю. Мушака. – Львів: Свічадо. – 2008. – 356 с.

Публикация: Загребельний І. Католицьке моральне богослів'я і революційна тактика визвольного руху: спроба аналізу проблеми / Ігор Загребельний // Актуальні проблеми релігієзнавства. Збірник наукових статей і матеріалів учасників Всеукраїнської наукової конференції імені академіка Володимира Олександровича Пащенка (20 жовтня 2010 року). — Полтава: ПНПУ ім. В.Г. Короленка, 2011. — С. 251—260

Перевод – Роман Раскольников

СЛОВО О ХРИСТИАНСКОМ РЫЦАРСТВЕ

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Христиане, быв избавлены крестным подвигом Спасителя от мучительства диавола, научены творить против него ополчение и брань. Как-то и сказано в Писании: *«благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение и персты моя на брань» (Пс. 143, 1)*, ибо руками мы держим меч веры, оружие правды, соделывая всякую правду и прочия добродетели, и сие есть *ополчение*, а перстами, полагая на челе печать Христову, крестное знамение, христиане сотворяют *брань* с диаволом. И таковым образом, творя ополчение и брань, истинные христиане препобеждают диавола и благословляют Господа... Но, поелику, *христианское делание двоякое*: ополчение и брань, меч булатный и меч духовный есть неперменные спутники Христианства и орудия его делания. То, стало быть, высший тип христианина – это тот, кто с равным искусством владеет *обоими сими мечами*. Се – Христианский Рыцарь. Христианское рыцарство – это такое установление Христианства, кое совершенно необходимо всякому христианскому народу для осуществления своего духовного призвания. Некогда, полемизируя со славянофилами, которые близоруко порицали Западное Христианство в том числе и за институты рыцарства, и столь же близоруко восхваляли допетровскую Русь за отсутствие в ней онаго, Н.Бердяев чрезвычайно верно отметил: «Не потому русский народ имеет христианское призвание, что не было в его истории воинственной дружины, не было рыцарства. Наоборот, русскому народу не хватает рыцарства для осуществления своего христианского призвания в мире. Да и не такой уж мирный русский народ, как утверждали славянофилы; в нём был дух воинственный. Русский народ создал самое большое государство в мире, он завоевал и Сибирь, и Кавказ, и Крым, и

Польшу, и много народностей присоединил к великой России. Св. Сергей Радонежский был христианским рыцарем, спасителем России. И священное рыцарство призвано ещё сыграть роль в судьбах России». Всё верно. Священному рыцарству предстоит ещё сыграть великую роль как в судьбе Руси, так и всего Белого мира. Нельзя согласиться с тем, что сие явление есть достояние прошлого, только лишь атрибут Средневековья... Сие служение в Церкви и Христианском мире не может изсякнуть, оно лишь явит себя *в новых*, соответственных изменившемуся времени, формах... Разве не были подлинными рыцарями, скажем, асы Люфтваффе? Несомненно, были. В противоположность обезличенному, технологическому, «массовому» характеру армий Нового времени, их воинствование предельно индивидуально, их этос вполне рыцарски-аристократичен (есть даже полный аналог закованного в латы рыцарского коня – закованный в сталь самолёт!). [Если даже взять в рассмотрение совковых лётчиков, пресловутых «сталинских соколов», то, на фоне красноармейского быдла в них, пусть и в предельно умаленном виде, некий квази-аристократический элемент также присутствует.] Но асы Люфтваффе – это, так сказать, рыцарство регулярное. Они имеют своего Суверена, которому с честью служат... Однако, характер нынешнего времени для Церкви и для свершающегося в ея недрах христианского подвига – иной. Церковь существует в Катакомбах, и служение ея не столь блистательно и не столь господственно как в Средневековье, но столь же спасительно. Точно также и подвиг христианский с видимым исчезновением рыцарства христианского не исчезает. Но его носители – это теперь, скорее, *странствующие рыцари*. Рыцари, у которых нет на земле своего сеньора, и чьим единственным Сеньором является Бог и которые независимы в своём служении ни от кого, кроме Бога и собственной Чести. «Человек чести безусловно верен своему слову, своей даме, своему суверену; он ценит ро-

скошь, но равнодушен к ее отсутствию; он любит хорошую еду, пригожих девиц и деньги, но знает, что его жареный фазан всегда может улететь с блюда, девица стать безобразной старой ведьмой, а деньгам ничего не стоит обернуться осенними листьями. Это пример гармонии небесной и рациональной души. Гармония сия (если это гармония, а не просто желание) распространяется на более низкие сферы души (анимальную и вегетативную), придавая человеку совершенную цельность. В отличие от монаха, рыцарь не презирает ни жизни, ни плодов земных. Презрение само по себе заслуживает презрения, полагает рыцарь — подобная максима освобождает от излишней привязанности и от аверсии, то есть отвращения к жизни»; «Честь отличает рыцаря от обычного воина или простолюдина. Честь тесно связана с традиционным четырехчастным разделением души на небесную, рациональную, животную и растительную. Честь присуща человеку изначально. Если человек смолоду проявит себя таким, она символически подтверждается посвящением в рыцари и золотыми шпорами. Она означает не только наличие небесной части души (*anima celestis*), что необходимо каждому духовному лицу, но гармонию этой части с другими, гармонию, основанную на первичности и верховенстве неба над землей» (Евгений Головин «Айвенго»). Приявший посвящение в странствующие рыцари не привязан ни к какому месту, и ни к какому государству — он странствует по миру, тайноведомый Десницей Божией, восстанавливая правду, мстя за обиды и преодолевая опасности, приобретая тем самым бессмертную славу. Совершенно блестяще «кодекс странствующих рыцарей» изложен в такой книге как «Дон Кихот». Чем смешон её главный герой — не тем, что он усвоил рыцарское мирозерцание, а тем, что главное попечение он приложил к облечению в обветшавшие формы рыцарства (латы и меч, конь и т.п.), кои не соответствовали реалиям времени. Между тем как мирозерцание Дон Кихота — безупречно. Д.Мереж-

ковский в своём эссе о Дон Кихоте воспроизвёл его в сжатой и точной экстракции. Обратимся к его изложению: «Всё мирозерцание Дон-Кихота сводится к наивному средневековому реализму. Счастливый золотой век в прошлом. Настоящее печально и мрачно, будущее ещё мрачнее. Для противодействия возрастающей власти тьмы Бог послал на землю странствующих рыцарей. Они, и только они – больше, чем священники, цари и поэты – сосуды божественной благодати. От них зависит спасение мира. Если центр Вселенной – священная коллегия странствующих рыцарей, то центр самой этой коллегии – Дон-Кихот, рыцарь ламанчский. О нём заботятся, из-за него спорят силы неба и ада; добрые волшебники помогают ему, злые стремятся погубить. Судьбы всего человечества зависят от него одного. Он должен победить, потому что сам Бог руководит им. Веря в свою счастливую звезду, Дон-Кихот смотрит совершенно безнадежно на судьбы истории и человечества. Здесь мы встречаемся с характерной чертой Средних веков – мрачным взглядом на будущее мира». Несмотря на некоторые преувеличения и неточности (средневековое мирозерцание вовсе не столь уж «наивно», а рыцарское служение не «конкурирует» со служением священника и поэта!) всё остальное точно и верно. О том, насколько неискореним, насколько глубок сей архетип странствующего рыцаря и насколько именно он востребован обстоятельствами настоящего времени свидетельствует такой культовый фильм, как *«Брат»* Алексея Балабанова... В особенности, *«Брат-2»*, где главный герой, Данила Багров, отправляется в Америку, аналог сказочного «тридевятого царства», ни для чего иного, как чтобы отомстить за обиды и возстановить попанную правду... И ему, как и Дон Кихоту, помогают «добрые волшебники», а злые стараются погубить его. Силы Неба и Ады спорят из-за него, он же не присягает на земле никакому сеньору, кроме собственного символа веры: *«Сила – в Правде»* (вполне христианского, заметим,

символа веры). В образе онаго «Брата», полупартизана, полубандита Данилы Багрова, пред нами поистине предстаёт *странствующий рыцарь нашего времени*. И таковой образ рыцарства соответствует образу пребывания нынешней Церкви Христовой – катакомбной, потаенной, пустынной, гонимой Церкви... Ибо ныне невозможна и ненужна иерархически-выстроенная, пирамидальная организация Церкви, как невозможно и ненужно никакое регулярное воинство, а возможно и необходимо *партизанское воинство Христово*, состоящее как из автономных церквей-общин, так и из священной коллегии странствующих рыцарей последних времён. И имена подобных «дон-кихотов» Последних Катакомб несомненно окажутся начертанными в Храме Безсмертия. Аминь.

ADDENDA: Рыцарство

Рыцарство – явление уникальное во всех отношениях, целиком и полностью европейское. Ничего подобного невозможно обнаружить ни в какой другой точке мира и ни в каких других цивилизациях и культурах. Даже славянский восток, исторически тесно соприкасавшийся с европейским западом, да и с самим рыцарством, совершенно не знает и не понимает этого явления. В профанической среде современности, в установившемся царстве количества рыцарство чаще всего связывают с куртуазной любовью и средневековым романом, дамами и истоками «светской морали». Совершенно очевидно, что в этом нет даже и малой доли истины. Если бы таковая имелась, то рыцарство не было бы тем явлением, о котором вообще следовало бы хоть как-то упоминать, тем более, которое на протяжении веков пленяло бы пытливые умы своей загадочностью и непостижимостью, священными истинами намеренно изреченными «птичьим языком» в песнях миннезингеров и трубадуров. Также совершенно очевидно, что рыцарство не было намеренным стремлением к

эпатажу, напыщенно-показному светскому «благородству» и угодливости перед общественностью, как это представляется в сознании объедающегося бургера-мещанина, для которого самая священная вещь на свете – это его собственный обед. (Скорее это связано с конечной фазой рыцарства во времена его упадка и вырождения, перед окончательным перевоплощением рыцарских канонов в «светскую мораль».) На самом деле, оно напрямую связано с экспансией средневековой теологической мысли, тайными знаниями и нематериальными ценностями, подчеркнутыми на Ближнем Востоке. Другое важное событие, сообразное с упомянутыми выше и проходящее демаркационной линией, явно обозначившее и надолго определившее суть рыцарства в Европе, – это крестовые походы. Как где-то упоминалось намного ранее, крестовые походы вообще находятся в некоем сакральном статическом центре нашей европейской истории, в противовес хаотически движущейся и перемежающейся калейдоскопической периферии – событиям новейшей истории. Без первых не существовало бы ни Европы, ни европейской цивилизации в целом, какими мы их знаем. Апостол говорит о полярных друг другу «тайне благочестия» и «тайне беззакония», оказывающих влияние на ход истории и загадочным образом определяющих судьбу людей и народов. Не менее часто суть рыцарства профанически сводится к некой пошлой «манерности» и этикету, то есть, опять же, вещам сугубо светским и поверхностным, будто рыцарь это благородный лицедей, чей статус определяется его плюмажем и гербом. Нет более уродливых и вывернутых наизнанку представлений о рыцарстве, чем те, которые муссируются в продуктах современной киноиндустрии и в дешевой романтической беллетристике. Скорее наоборот, поведение и манеры рыцарей были далеки от идеала, но нематериальный вектор их стремлений, их тайный идеалистический порыв были безупречными и до сих пор находятся вне рамок понимания современной академи-

ческой истории. В поддержку этого когда-то выступала и католическая церковь, никогда не связывавшая напрямую действия рыцарей с примитивными страстями и жадной наживы, как это нам пытаются навязать лживые прогрессивисты-позитивисты, ведущие ожесточённую перманентную войну с религиозностью. Внешне рыцарство образовалось на стыке ослабления централизованной власти и сближения церкви с воинским сословием. Но внутренне рыцарство не случайно «сегрегировалось от массы простых воинов» (Erdmann), причиной чему был его особый религиозный статус. По сути, рыцарство представляло собой священное воинство, ближе всего к которому подходит аналогия с зороастрийским сакральным мифом, где добро это не приторно-слащавая обывательская концепция о домашнем уюте и безопасности, а воинский прямолинейный принцип разделения и непрерывной, абсолютно непримиримой войны с силами тёмной стороны реальности. Разрыв между этими силами тотален, как и сама война, ведущаяся не где-то в эфемерных пространствах, а на земле, в постоянно настоящем времени. Результат так же реален и очень важен. В этом смысле нематериальное и материальное взаимопроникающи, а действия определяют ход всей истории. Причем истории, наделенной большим смыслом, в отличие от материалистов, у которых история абсолютно, патологически бессмысленна, а человек лишь случайная комбинация атомов. Объединения и тайные союзы рыцарей скреплялись клятвой, нарушение которой было немислимым (отношение европейцев к словам? Мысль и слово - проявление сущности человека.). Война стала регламентирована, а грабежи ограничивались правилами. Нарушитель же предавался «остракизму». В общем и целом рыцарство, конечно, подразумевало сильную этическую (и этническую) составляющую. Но прежде всего оно было связано с «защитой церкви и заботой о слабых» (Erdmann), а вовсе не с романтической картиной пустой жеманности и приключениями по-

лезного светского дурачка – гонцом за славой, каким выставляет рыцарство беллетристика и киноиндустрия. Поэтому же рыцарство глубоко исторично в силу своих сильных сторон, как чисто внешней – этической и воинской, так и внутренней – религиозной мистической, которая напрочь сокрыта от материального аналитического взгляда учёного-историка. Со своей стороны, специально для любителей изучения истории по кино, хотелось бы заметить, что до сих пор не существовало ни одного фильма, который мог бы хоть как-то объективно отразить историческую суть такого уникального во всех смыслах явления, как рыцарство, по праву занявшего центральное место в европейской истории.

<https://telegra.ph/Rycarstvo-06-11>

Эндрю Перриман

ЧТО ОТЦЫ РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ ДУМАЛИ ОБ ИМПЕРИИ?

В наши постхристианские, постимперские, постколониальные, антикапиталистические времена неудивительно, что нам не нравится мысль о том, что обращение Римской Империи в Христианство при Константине каким-то образом соответствовало новозаветным ожиданиям относительно Царства Божьего.

Для традиционного евангелизма, конечно, взлёт и падение империй — не более чем отвлекающий манёвр от главной задачи Царства — спасения душ. Кто-то должен был предать Иисуса смерти, так что с тем же успехом это могли быть и римляне. Но на другом конце политико-религиозного спектра многие убеждены, что Апостолы были антиимперскими демагогами, опередившими своё время, — по крайней мере, скрытыми антиимперскими демагогами.

Однако заключительная глава сборника эссе о Новом Завете и империи ловко ставит палки в колёса стремительно распространяющемуся научному энтузиазму в отношении антиимпериалистических пересмотров.

Книга называется просто «Империя в Новом Завете» под редакцией Стэнли Портера и Синтии Лонг Уэстфолл. [Empire in the New Testament: (Divinity College in Hamilton, Ontario, New Testament Studies). Pickwick Publications, 2011] В первых двух эссе империя на древнем Ближнем Востоке рассматривается с точки зрения Ветхого Завета. Остальные эссе, по сути, развивают идею Уоррена Картера о том, что «Римская Империя — это не фон Нового Завета, а его передний план», и по-разному доказывают, что повествование о смерти, воскресении и вознесении Иисуса представляет собой прямой вызов имперской власти или подрыв её устоев.

В своей заключительной главе Гордон Хит рассматривает отношение отцов ранней христианской Церкви к Империи. Он подходит к этому вопросу не как библиист, а как историк, и, поразмыслив, я бы сказал, что основная проблема с толкованием Нового Завета на данный момент заключается в том, что этим занимаются теологи, а не историки.

Хит считает, что не только антиимперская направленность Нового Завета была преувеличена, но и что в трудах ранних отцов Церкви присутствует сильный элемент поддержки Империи, что должно поставить под сомнение мнение о том, что Константин был великим отступником.

Типичная «парадигма упадка» в истории Церкви заключается в том, что Церковь утратила свою первоизданную чистоту после того, как Император Константин принял Христианство и в IV веке началась христианизация Римской Империи. Как отмечалось выше, современные учёные предполагают и утверждают, что авторы Нового Завета выступали против Империи. Но были ли первые христиане такими антиимперскими, как утверждают современные исследователи? И так ли сильно изменилось отношение к Империи после Константина по сравнению с отношением к ней первых отцов Церкви? В этом ответе утверждается, что, если судить по трудам отцов Церкви, в обоих случаях ответ будет отрицательным.

Он предполагает, что широкое использование военных метафор в раннехристианских текстах указывает на то, что «не было прямого отказа от военной жизни Римской Империи или её осуждения». Отцы ранней христианской Церкви, по-видимому, неоднозначно относились к военной службе, и в любом случае отказ проливать кровь не был отказом от Империи как таковой. Существует множество свидетельств того, что они считали Императора избранным Богом. Ириней Лионский, выступая против гностической демонизации мирских властей, утверждал, что земное правление в том виде, в котором оно существовало, «было установлено Богом на благо народов. Киприан молился об успехе имперских ар-

мий. Ориген утверждал, что христиане исполняют «священническое служение», ведя духовную войну от имени Империи. «В этом отношении, — отмечает Хит, — существовало взаимодействие между *рaх Romana* и *рaх Christiana*».

Тертуллиан, который придерживался более радикальных взглядов, чем большинство его современников, считал, что христиане должны молиться за Империю, потому что она сдерживает «мощную силу (Антихриста), надвигающуюся на всю землю»: Поэтому мы не хотим, чтобы нас застали врасплох эти ужасные события, и, молясь о том, чтобы их приход был отложен, мы вносим свой вклад в сохранение Рима. (Тертуллиан, Апол. 32)

Тертуллиан провёл черту там, где почтение к Императору перерастало в идолопоклонство. В своей Апологии 33 он с радостью утверждает, что «на законных основаниях я мог бы сказать, что Цезарь больше наш, чем ваш, потому что его назначил наш Бог». Но он настаивает:

Я ставлю его в подчинённое положение по отношению к Тому, Кого считаю более славным, чем он сам. Я никогда не назову императора Богом, и то либо потому, что не в моих силах лгать, либо потому, что я не осмелюсь выставить его на посмешище, либо потому, что даже он сам не захочет, чтобы к нему применяли это высокое звание.

В то же время ранние отцы Церкви верили, что Бог осудит Рим, в том числе за насилие, совершённое против его народа. «Киприан вторил этим настроениям, заявляя, что уверенность в грядущем божественном возмездии делает христиан терпеливыми в разгар гонений».

Но самое явное сопротивление Империи в ранней Церкви выражалось в форме мученичества, и здесь Хит соглашается с основным выводом предыдущих глав: «Авторы Нового Завета бросили вызов притязаниям имперской власти на абсолютную лояльность, и в этом отношении им удалось привить убеждения, которые привели к мученичествам во II, III и IV

веках». Но важно понимать, что именно идолопоклоннический империализм, а не империализм как таковой, провоцирует эту крайнюю форму христианского сопротивления.

Примечательно, что, хотя мы можем рассматривать отказ признать Цезаря Господом как проявление антиимперских настроений (и римские власти, безусловно, так и считали), отцы Церкви так не считали. Как отмечает Свифт, для ранних христиан важнейшим вопросом была не имперская власть, а идолопоклонство. И когда «вопрос идолопоклонства был решён во времена Константина... основной источник противостояния государству был устранён».

Изучив труды ранних отцов Церкви, Хит приходит к четырём выводам относительно отношений между Церковью и Империей.

Отцы Церкви «продолжили дело авторов Нового Завета, единогласно отказавшись поклоняться какому-либо иному Господу, кроме Иисуса», но это не следует «путать с антиимперскими настроениями».

Отцы Церкви выражают «поразительную степень симпатии к Империи», хотя это всегда шло вразрез с их неприятием насилия и идолопоклонства. Хит комментирует здесь склонность современных интерпретаторов приписывать Новому Завету «антиимперские настроения конца XX века».

Что касается печально известного призыва Павла подчиняться властям в Послании к Римлянам 13:1–7, Хит предполагает, что отцы Церкви «были бы весьма удивлены нашей неспособностью увидеть относительные преимущества Римского правления».

В противовес преобладающему в постхристианском мире мнению о том, что континуинизм стал губительным отступлением от идеалов раннего Христианства, Хит предполагает, что обращение Империи в Христианство «не было таким уж надуманным или радикальным отходом от прежних лет». Снова цитируя Л. Дж. Свифта «Отцы церкви о войне и военной службе», он пишет:

На самом деле многое из того, что было необходимо для христианской Империи, появилось задолго до Константина: вера в божественное происхождение Императора, ожидаемое от подданных подчинение государству, поддержка имперских побед на поле боя и убежденность в том, что государство играет провиденциальную роль в поддержке Церкви. Как отмечает Свифт, «изменения, произошедшие [после обращения Константина в христианство], представляют собой скорее серьёзный сдвиг, чем поворот вспять в христианском мышлении. Этот сдвиг стал возможен благодаря существовавшим ранее неопределённостям и разногласиям по поводу применения силы, а также стал необходимым из-за изменившихся политических обстоятельств, в которых оказались христиане».

Этот общий аргумент, на мой взгляд, в некоторой степени подтверждает моё утверждение о том, что в историческом контексте основная линия эсхатологии Нового Завета завершается обращением Империи.

Перевод – Роман Раскольников

(Источник: <https://www.postost.net/2011/11/what-did-early-church-fathers-think-empire>)

ADDENDA: Тысячелетнее Царство Христово

Тысячелетнее Царство Христово, о котором говорит Откровение св. Иоанна, есть не только Царство Христово, но царство христиан (Откр. XX, 4) относили и относят к разным моментам в истории христианского человечества, из которых каждый, действительно, охватывает тысячу лет. Таких периодов в истории христианского человечества усматривают три, не считая того последнего, который описывается в Апокалипсисе. Первым таким периодом является время от Апостольского Собора (54-й г. по Р.Х.) до отделения Западной Церкви в 1054 г. В течение этого 1000-летия вся христианская Церковь, от Испании до Греции, составляла нераздельное Царство Христово, собиралась на общих все-

ленских соборах, уяснила и установила на них все основные догматы христианской веры, составила православный Символ Веры, утвердила на все времена своё православное догматическое самосознание. Этот период времени, по всей справедливости, заслуживает наименования «1000-летнего Царства Христова». И хотя Церковь в эти годы подвергалась особенно жестоким гонениям со стороны язычников и раздиралась ересями, но оставалась единой и непоколебимой в своём православно-христианском самосознании, которое она утвердила на своих семи Вселенских Соборах. Есть и другой период в истории Православной Церкви, менее определённый, но заслуживающий наименования «1000-летнего Царства Христова на земле». Это – эпоха Византийской империи от Константина Великого, основателя Византии в 325 году до завоевания Константинополя Магометом II в 1453 году. Этот период времени превышает 1000 лет приблизительно на 120 лет. Наконец, третье 1000-летнее Царство Христово на земле, от крещения русского народа (988 год) до падения Русской империи в 1917 году. Оно не дожило до 1000 лет почти на 70 лет. Во все эти периоды времени именем Христовым освящались и возглавлялись идеология и жизнь целых народов христианских. Господь трижды осуществлял на земле апокалиптическое пророчество, как бы подтверждая этим нерушимость Божиих определений. Нельзя, однако, сказать, чтобы христиане с должным вниманием относились к этим предупреждениям. Впрочем, старые русские книжники их понимали, помнили и говорили: «Первый Рим – Ветхий Рим; второй Рим – Византия; третий Рим – Москва, а четвертому – не бывать». Так оно и вышло. В настоящее время, с падением Русской православной империи, не осталось на земле ни одного такого огромного, сознающего себя коллектива православия, какими были три предыдущих. Существуют, правда, и теперь православные народы и государства – Греция, Сербия, Румыния, Болгария, но ни одно из них не считает себя, да и не может считать по своей незначительности, выразите-

лем общецерковного православного самосознания, никто из них не претендует на такое своё значение и назначение. Их голоса никто в мире не станет принимать во внимание, никто не будет с ними считаться. Те же коллективы, с голосом которых считаются, не станут говорить о Христе. О Христе и Христовой правде мы теперь не услышим ни от Англии, ни от Америки. У них у всех, если и есть свои слова, то во всяком случае не слова Христовой правды. Земля потеряла своё не только православное, но и просто христианское лицо. Безмолвствуют и святейшие патриархи и митрополиты. Невольно думается, что человечество вступило в безпросветную мглу грядущего царства антихриста. Светлый и святой лик Христа, сиявший в мире, как знамя вечной правды, померк в сознании человечества. Люди стали жить иными идеалами. Человечество вступило в безпросветную мглу грядущего царства антихриста. Жутко и страшно становится жить на земле среди этого современного ада злобы, ненависти, насилия и взаимного истребления так называемого «культурного человечества». Да воздаст ему Господь по делам его.

протоиерей Сергей Четвериков
<1946>

Фауст Патронов

РЕКОНКИСТА КАК РАНОВА

Битва при Гвадалете – трагический пролог Реконкисты. 19 июля 712 года произошла битва рядом с речкою Гвадалета, коя отдала арабам ключ к завоеванию Иберийского полуострова. За считанные годы, вся страна была захвачена безжалостным, этнически и цивилизационно чуждым врагом, который не скрывал намерения поработить и фактически истребить местное население. Но, с небольшого региона на севере будущей Испании, Астурии, началась Реконкиста. Она продолжалась с 722 по 1492 гг., ровно 770 лет. Приблизительно столько отделяет нас от падения Киевской империи под натиском враждебной религиозно-расовой агрессии татаро-монголов. Испанцы боролись по сути за биологическое выживание – поражение неминуемо приводило к ассимиляции пришельцами с африканских и азиатских земель. Се была неравная борьба против объективно сильнеешего врага. В 1492 году, наконец, пала Кордова, последний оплот захватчиков на землях Испании. За несколько десятилетий могущественнейшей державою міра стала Испанская империя. Неравная борьба за выживание переросла в успешную борьбу за міровое господство.

Но опыт оккупации чужеродами не прошёл втуне. Тому свидетельством - Законы о чистоте крови в средневековой Испании. Когда говорят о расовом сознании в Западной Европе, обычно вспоминают английскую колониальную политику, которую всегда резко противопоставляют политике, которую проводила Испания. Доходит дело до того, что утверждается, что испанцы вовсе были лишены чувства расовой общности и никак не защищали свою идентичность. Однако это не так. Более того, если в англосаксонской традиции расизм проводился в жизнь посредством деятельно-

сти общества, то в Испании уже в средневековье существовали фактически «расовые законы» о которых не специалистам очень мало известно. Называлось это: «закон о старых христианах» или *Cristiano viejo*. Интересно то, что Средневековье с господствующей практикой идентификации по принадлежности к конфессии, всё равно нашло выход и облекло расовое сознание в оболочку конфессиональной терминологии. То есть, несмотря на само наименование, которое казалось бы непосредственно связывающее принадлежность к общности старых христиан к христианской конфессии, на самом деле в законах о старых христианах речь шла исключительно об расовой сегрегации чистокровных белых испанцев и цветных подданных. Принадлежность к старым христианам определялась отсутствием в пяти поколениях предков хотя бы одного, относящегося к числу обращённых в христианство из мусульманства или иудаизма. В более поздний период существования закона о старых христианах была распространена и либеральная трактовка его, подразумевающая, что считаются не родители и четыре поколения их предков, а мать, отец и четверо их родителей, хотя такое объяснение закона так и не стало официальным. При расчёте глубины принадлежности к чистокровным испанцам получается, что законы требовали чистоты происхождения предков на протяжении приблизительно 125 лет (пять поколений), что является гораздо более жёсткой нормой чем нормы содержащиеся в пресловутых “Нюрнбергских расовых законах”. Появление “закона о старых христианах” связано с народными выступлениями против евреев и мусульман, которые фиктивно принимая Христианство, пытались захватить ключевые позиции в Испании и злоупотребляли возможностями связанными с ростовщичеством и торговлей, что вызывало серьёзный рост социальной напряжённости, в свою очередь ведущий к погромам, начавшимся уже в конце XIV в. В результате, для того чтобы предотвратить

рост недовольства, в середине XV в., появляется “закон о старых христианах” принятый вначале в Толедо (Испания) в 1449 г., а затем в середине 1450-х г. в Португалии. В 1496 г. закон был утвержден папой Александром VI для испанского ордена Св. Жерома. Закон трактовал принадлежность к белым испанцам как “благородную”, что фактически объединяло весь народ королевства, конечно не наделяя всех дворянским достоинством, но фактически говоря о том, что можно сформулировать как “равенство по крови” всех белых испанцев. Исследователи говорят о национальном согласии, которое было достигнуто благодаря закону. Принадлежность к старым христианам давала ряд привилегий, которые были закреплены в отдельных законодательных актах. Только они могли занимать должности на военной, государственной и церковной службе, обучаться в университетах. Некоторые территории были закрыты для постоянного проживания лиц, не относящихся к старым христианам. В суде против старых христиан могли давать показания и выступать свидетелями только старые христиане. Документом удостоверяющим происхождение была грамота *limpieza de sangre*. Закон о старых христианах был отменен в Португалии во время либеральных реформ маркиза Помбала в 1772 г., а в Испании продолжал действовать и в XIX в. Так в 1804 г. король Фердинанд VII подтвердил, что кавалер ордена не может вступать в брак не соответствующий требованиям закона о старых христианах. Закон был отменен в ходе целой череды гражданских войн в Испании в период правления королевы Изабеллы II и безвластия начала 1870-х гг. когда в стране был проведён целый ряд либеральных реформ. В 1865 г. отменили требования закона к получению офицерских чинов, в следующем году отменили требования чистоты крови для получения высшего образования, а в 1870 г., когда королева уже была лишена трона, все нормы закона были полностью отменены (<http://diunov.livejournal.com/410940.html>).

Расовый состав Испании

«В западных районах Средиземноморья преимущественно концентрируются народы, антропологический облик которых и послужил основанием для выделения средиземноморской расы (испанцы, португальцы, французы и итальянцы, особенно из южных регионов). Можно сказать, что антропологические особенности этих народов относительно нейтральны и выражают характерные свойства средиземноморского комплекса, так сказать в чистом виде. Это тёмнопигментированное население, преимущественно среднего роста, отличающееся сравнительно небольшими размерами лица и сильной выраженностью европеоидных особенностей. На фоне этого стандартного комплекса для западных регионов Средиземноморья выделяются локальные варианты, специфика которых, однако, невелика и легко укладывается в рамки вариаций рассматриваемой группы популяций». «Запад всего ареала – Северное Средиземноморье, в узком смысле слова, и прилегающие районы – занят собственно средиземноморской группой, которую лучше, чтобы не путать её с самой расой, называть западносредиземноморской» (В. Алексеев. География человеческих рас. М., 1974).

Общие характеристики (даются по: К. Кун «Расы Европы»)

Испанцы

- Рост – варьирует от 161 см до 168 см в зависимости от региона

- Черепной индекс – преобладают мезоцефальные показатели, за исключением Северо-Западных регионов, где ЦИ превышает 80.

- Цвет волос – 29% - черные; 68% - тёмно-каштановые и каштановые; 3% - светлые

- Нос – 15% - выпуклые спинки; 72% - прямые; 13% - вогнутые.

- Глаза – 68% - карие; 18% - светлые (синие); 14% - тёмно-карие.

- Цвет кожи – 46% - оливково-смуглая; 54% - светло-розовые оттенки.

Андалусия (юг Испании)

Выборка – 420 мужчин из Андалусии.

- Рост – 166,5 см

- Рост в сидящем положении – 50,6 см

- Бигониал – 102, 4

- Цвет глаз – 60% - карие и тёмно-карие; 30% - светло-смешанные; 10% - светлые.

- Цвет кожи – 80% - оливково-смуглая, 20% - розовато-белые оттенки.

- Цвет волос – 60% - тёмно-каштановые; 30% - чёрные; 10% - светлые и рыжие. У одного человека были пепельно-белокурые волосы.

- Форма волос – 1/2 - прямые, 1/3 – волнистые, 1/6 – вьющиеся. У 6 человек кучерявые волосы.

- Рост третичного волосяного покрова – слабый.

- Нос – 18% - выпуклая спинка; 15% - вогнутая; 67% - прямая.

- Лицо – ортогнатное. Прогнатизм практически не встречается.

- Затылок – 98% - выпуклый; 2% - плоский.

«Испания населена почти исключительно людьми западной расы, так что её можно считать расово однородной страной. Восточная раса встречается только в северо-западных и астурийско-кантабрийских горах, особенно вокруг Овьедо, вплоть до северной границы Португалии. Есть и нордическая примесь: Плётц оценивает ее, как и восточную, на уровне 15%. Жители Каталонии гордятся своей «готской» кровью. Нордическая примесь ещё заметней в горах Сьерра де Бехар (северо-западная Испания), в Галисии, среди мараготов в Леоне и по всей Испании – в высших сословиях. Переднеазиатская примесь проявляется на южном побережье Испании (за исключением Кадиса) от Гранады до Севильи. Неболь-

шая примесь ориентальной расы не очень заметна, потому что эта раса близка по типу к западной расе. Баски говорят на языке, родственные связи которого не установлены. Винклер сближает его с кавказскими языками переднеазиатской расы. Сами баски народ в расовом отношении смешанный. Во Франции это смесь восточной и западной рас, в Испании перевешивает западная раса, но здесь довольно велика и примесь нордической крови: среди горных басков нередко встречаются блондины со светлыми глазами. В Португалии, как и в Испании, преобладает западная раса. Восточной крови здесь больше нет, нордической очень мало, она есть в прибрежных городах. Зато велика примесь негритянской крови, что отличает португальцев в расовом отношении от испанцев, людей западной расы. Из-за этой примеси негры видят в португальцах почти что себе подобных и уважают их гораздо меньше, чем других европейцев. Говорящие на языке суахили различают «европейцев» и «португальцев» (Г. Гюнтер «Краткая расология Европы». Напомним что восточная раса Гюнтера - это альпиниды, западная - средиземноморцы).

В отсутствии достаточного скелетного материала не имеет смысла всерьез рассуждать о расовых чертах палеолитического населения Испании и Португалии. Если там и существовали высокие, большеголовые люди типа Кромабон или Афалу; они давно уже исчезли. В 3 тысячелетии до н.э. в Испании появились производители из Северной Африки - со свиньями, овцами и козами, а так же с ячменем, эммером и другими растениями. Физический тип этих завоевателей хорошо нам известен, и не только по скелетным останкам, но и путем изучения современного населения Северной Африки (переднеазиатско-средиземноморские типажи, носители афразийских языков (семито-хамитские или хамито-семитские). Некоторые из этих завоевателей остались в Испании и Португалии, где они стали основным населением этих стран; другие проследовали на север через Пиренеи в восточную

Францию и Швейцарию, в то время как третьи отправились на север в Германию и на Британские острова. К началу 2 тысячелетия до н.э., если не раньше, к этим колонистам добавилось население гораздо более высокой культуры - строители мегалитов, высокие средиземноморцы (это будет уже смесь средиземноморцев и северных европеоидов), появившиеся из-за моря, многие из которых отправились из Испании на Британские острова и в Скандинавию. За ними последовали другие народы общего средиземноморского типа, но из Малой Азии, на что указывает их форма носа (переднеазиаты ориенталидного типа). За ними, в свою очередь, последовали их круглоголовые соотечественники с теми же особенностями носа, принесшие в Западную Европу динарский расовый тип (арменоидно-динарская волна). Эти динарские брахицефалы, поселившиеся в тех же регионах, что и их морские предшественники, вероятно, покинули Испанию в больших количествах после короткого совместного прибывания ради более северных стран. С бронзового века до римского завоевания были только два движения, расово затронувшие Испанию. Одно из них - финикийское - продолжение доисторического завоевания с Восточного Средиземноморья (опять таки, принесшее переднеазиатско-средиземноморский компонент), другим было кельтское с севера (средиземноморско-нордическое), сформировавшее смешанную нацию кельто-иберов, известных римлянам. В послеримские времена германские завоеватели - готы и вандалы - принесли второе нордическое вливание на полуостров, но вандалы вскоре двинулись в Алжир, оттуда в Карфаген и, наконец, в Византию. За вторжениями готов и вандалов вскоре последовало движение в противоположном направлении - движение мавров через Гибралтар. Эти мавры, прибывшие в значительных количествах, происходили из двух этнических источников - арабского и берберского, и последняя группа была, без сомнения, более многочисленной. За время восьми веков маврского правления в Испании на Иберийском полуострове

появилось множество людей не арабского и не берберского происхождения: тысячи евреев-сефардов, некоторые славяне, немного гуннов и людей большинства национальностей, контактировавших с мусульманским миром. Изгнание мавров и евреев в 1492 г, в сочетании с утратой еврейской общины в Новый Свет, должно быть, привело к некоторым изменениям в расовом распределении на полуострове, особенно первое. Однако, многие из евреев и арабов, предпочли крещение изгнанию, и вклад североафриканцев и ближневосточных народов в иберийский расовый корпус, как в исторические, так и доисторические времена, должно быть, значителен. Несмотря на сложную политическую историю Испании, современное население в своей основе почти полностью средиземноморское. Форма головы почти везде мезоцефальная; даже в Андалузии не доминирует маврская или арабская степень долихоцефалии. Головной указатель повышается в Испании по мере увеличения роста, что указывает на то, что динарский элемент в известной степени связан с высоким береговым ростом, как и древний атлантико-средиземноморский элемент. В северной Испании, в провинциях, которые никогда не занимали мавры, светлая пигментация встречается чаще, чем на юге, где большая часть населения такая же тёмная по цвету кожи и глаз, как и большинство берберов-нерифицев. Режеволосость редка в Испании везде, за исключением Астурии и Галисии. Любопытный наблюдатель, знакомый с испанцами, различит некоторое количество отдельных расовых типов: меднокожие андалузцы со средним ростом, гибким телом, плоскими висками и тонкими носами и подбородками; крючконосый каппадокийский тип (средиземноморско-динарский тип), хорошо представленный генераллисимумом Франсиско Франко; большой тип, иногда по мягким тканям приближающийся к тёмному динарцу; довольно небольшая и хрупкая местная разновидность нордика, с преувеличенной узостью лица и носа, бледной кожей и скорее золотистой, нежели пепельно-светлой пигментацией; грубый средиземно-

морский тип, обнаруженный среди крестьян в большей части Испании - низкого роста, относительно коренастый, с мезоцефальной формой головы, коротким, широким лицом и коротким, широким и часто вогнутым носом. Этот последний тип может во многом быть прослежен до мезолита с более древними добавками: это самый превобитный и наиболее скрытый элемент в испанском население (речь идёт о кроманидно-средиземноморском типе, вернее о средиземноморцах, имеющих древнее кроманидное влияние). Среди испанцев можно здесь и там найти альпицев, но они редки; именно их практическое отсутствие делает Испанию средиземноморской, а не центральноевропейской страной как в расовом, так и в географическом смысле (К.Кун “Расы Европы”, глава 11 часть 15 “Иберийский полуостров”).

До XII века мусульманский мир и Византия были экономическими гегемонами: все золотые монеты, которые появлялись в западных странах, чеканились в греческих и арабских мастерских или — что было характерно и для серебряных монет — воспроизводили их чеканку. И если в VIII и IX веках единство Великого халифата распалось навсегда, то государства, возникшие на его развалинах, по-прежнему отличались завидным могуществом. Однако в дальнейшем речь чаще всего шла уже не столько о вторжениях, сколько о пограничных конфликтах. Но оставим Восток, где василевсы Аморийской и Македонской (828-1056) династий с большим трудом и доблестью отвоёвывали Малую Азию. На Западе столкновение с мусульманами происходило только в двух местах. Во-первых, в южной Италии. Южная Италия была поначалу своего рода охотничьей территорией властителей бывшей византийской провинции Африка: аглабидов эмиров Кайруана; потом с X века халифов-фатимидов. Странами аглабидов Сицилия была отторгнута от Византии, которая владела ею со времён императора Юстиниана, последний оплот византийцев Таормина пала в 902 году. Тог-

да же арабы вступили на полуостров. С территории южных византийских провинций арабы угрожали полунезависимым городам тирренского побережья и маленьким лангобардским княжествам Кампании и Беневента, более или менее подчинившимся протекторату Константинополя. Ещё в начале XI века арабы доходили до гор Сабини. Отряд, обосновавшийся на лесистых склонах Монте Ардженто, неподалеку от Гаэты, был уничтожен только в 915 году после того, как двадцать лет разбойничал в этих местах. В 982 году юный император Священной Римской Империи саксонец Оттон II, чувствуя себя законным наследником цезарей, отправился на завоевание Южной Италии. В средние века не однажды повторяли безумие, совершенное Оттоном: для завоевания пышущих жаром земель он выбрал лето и повёл туда армию, привыкшую к совершенно другому климату. Встретившись 25 июля в восточной части Калабрии с мусульманским войском, он потерпел унижительное поражение. Мусульманская опасность нависала над этими краями вплоть до XI века, а в XI веке горстка авантюристов, явившаяся из французской Нормандии, равно потеснила и византийцев, и арабов. Мощное государство, которое они в конце концов создали, объединив Сицилию с югом полуострова, навсегда преградило дорогу захватчикам, став великолепным посредником между латинским миром и мусульманами. При этом очевидно одно: начавшаяся на юге Италии в IX веке борьба против сарацин длилась долго, хотя территориальные выигрыши и проигрыши с обеих сторон были невелики. В целом, эта борьба покоила католический мир только на пограничных территориях. Вторая горячая линия была в Испании. Для мусульман речь шла там не о набегах и не об эфемерных территориальных приобретениях; верящие в Аллаха народы жили в Испании в большом количестве, на этой земле находились государства, основанные арабами. В начале X века отряды сарацин ещё не позабыли дороги на Пиренеи, но эти набеги становились всё более редкими. Продвигавшиеся с севера христиане медлен-

но с отступлениями и унижениями отвоевывали назад свои земли. Эмиры и халифы Кордовы, жившие слишком далеко на юге, никогда не обращали особого внимания на маленькие христианские объединения Галисии и северо-восточных плато, правители этих территорий, то объединяясь, то вновь разъединяясь, продвинулись к середине XI века до Дуэро; до Тахо они дошли в 1085 году. Подножие Пиренеев и течение реки Эбро ещё долго оставались мусульманскими, Сарагоса пала только в 1118 году. Эта борьба, которая, впрочем, не исключала и более мирных отношений, продолжалась с короткими передышками довольно длительное время, накладывая на испанское общество особый отпечаток. Что касается Европы по другую сторону Пиренеев, то она принимала участие в борьбе с мусульманами лишь в той мере, в какой её рыцарству предоставлялась возможность — особенно со второй половины XI века — поучаствовать в блестящей, благородной и добычливой авантюре, а её крестьянам по приглашению испанских сеньоров или королей заселить покинутые другими земли.

Реконкиста – в полной мере может быть названа Расовой войной. Явившая себя на землях бывшего Вестготского королевства, Реконкиста обратилась в метагеографический и метаисторический образец стремления высшей расы и высшей морали доминировать. Выявленная в плодах интеллектуального творчества, Господних войнах, или других потрясениях мировосприятия, она вышла за пределы Испанского наследства, она теперь стала указателем для каждого, кто забирает то, что ему принадлежит. Волю к действию, пространству для экспансии. Вдохновенная романтическими идеалами Реконкиста не ставит для себя ограничений тех, кто привык понимать, а не ощущать, а потому не жить, а прагматизировать. Не желает она и отказывается видеть математику в святом и потенциал ягнёнка в волке, посему деется мечтателями-идеалистами, «расой господ», которые вопреки всему и всем творили мировую историю.

Испанские рыцари

Страны Иберийского полуострова, изолированные от остальной Европы Пиренейским хребтом, существовали в особых геополитических условиях. Значительную роль в их историко-культурном развитии сыграло арабское завоевание — «конкиста» начала VIII в. Арабское влияние сказалось практически на всех сферах жизни, от литературы и языка до материальной культуры и военного дела. С условной даты 718 г. принято считать начало обратного процесса Реконксты — «отвоевания». Это был долгий и мучительный путь, полный побед и поражений, политических интриг и междоусобных войн, союзов с мавританскими владыками, закончившийся только в 1492 г. с падением Гранадского халифата. По подсчётам испанских историков за весь период Реконксты только с арабскими войсками христианские государства сражались около 3700 раз, включая полномасштабные битвы и незначительные стычки. Если добавить сюда ещё и многочисленные войны друг с другом, то становится понятно, почему «испанское общество было организовано для войны», почему война «одновременно завоевательная и религиозная сформировала социальные структуры». Начавшись в VIII в, Реконкиста с нарастающим успехом продолжалась до XI в., когда арабская Испания оказалась разделённой на несколько эмиратов. В результате продвижение христианских государств стало более быстрым и планомерным. В середине XII в. полуостров был рассечён на две части по линии Лиссабон — Толедо — Тортоза. Отвоёванные территории остались под властью четырёх королевств: Португалии, Кастилии, Арагона и Наварры. Неспособность выступить единым фронтом и различные политические устремления христианских королевств замедлили поступательное движение Реконксты, превратив её в дискретный процесс наподобие приливов и отливов. Постоянная война со своими соседями требовала огромных затрат, которые не могли окупиться только за счет военной добычи. Содержание войска, укрепленных пунктов и всей военной

инфраструктуры вызывало необходимость немалых материальных усилий со стороны всех слоёв общества. В этой ситуации нашёл применение феодальный принцип «жить своим», когда никто, даже король, не мог свободно запустить руку в карман своих подданных. Постоянное военное напряжение и различные экстраординарные налоги требовали одобрения сословий. В результате в Испании к середине XII в., раньше, чем где-либо в Европе, зародилось сословное представительство, парламент, или по испански «кортесы». Особенность военного дела на Иберийском полуострове заключалась в органичном смешении европейских и восточных способов и приёмов ведения боевых действий. Пожалуй, ни на какой пограничной территории, даже на Руси, это не прослеживается настолько явно. Кроме того, на тактику и вооружение влияли особый ландшафт и климатические условия. Главной ударной силой оставалась тяжёлая рыцарская конница. При этом существовал чрезвычайно высокий процент лёгкой конницы и пехоты. Лёгкая конница формировалась в основном за счёт небогатых и незнатных землевладельцев, обязанных к военной службе. Это были так называемые «кабальерос вилланос» (рыцари вилланы, *caballeros villanos*). Они были легко вооружены и использовали минимум защитного снаряжения, подражая своим мавританским противникам. Сходство усугублялось низкими сёдлами с короткими стремянами, на которых было удобно привставать, поворачиваясь в любую сторону, что облегчало использование метательного оружия. В данной среде употреблялись невысокие быстрые лошади, по имени которых и называлась вся легкая конница Испании — «хинетес» (*jinetes*). Пехота (*pedones*) к XIV в. во многом утратила своё значение и использовалась, как правило, для обороны крепостей и сапёрных работ. Тяжёлая конница составлялась городами, нобилитетом, богатыми людьми и, естественно, самим королем. Их называли «кабальерос идальгос» (рыцари идальго, инфансоны, *caballeros hidalgos*). Различные слои общества и военного сословия были обязаны службой в зависимости от типа военных действий.

Гражданская война в Испании 1936-39 гг. в полной мере может быть рассматриваема как Вторая Реконкиста... 1 апреля 1939 г. в Испании закончилась гражданская война — Национальная армия генерала Франсиско Франко завершила Вторую Реконкисту. Приказ главнокомандующего «Красная армия развалилась, все главные пункты страны заняты национальными войсками. Война окончена» поставил точку в кровопролитной войне, закончившейся очищением Пиренейского полуострова от красных всех мастей. Гражданская война в Испании была не просто вооружённым конфликтом двух противоборствующих группировок. Это было столкновение правых и левых сил в мировом масштабе. Достаточно сказать, что на стороне республиканцев воевало порядка 30 тыс. добровольцев из 54 стран, а на стороне франкистов — порядка 2 тыс. добровольцев из 37 стран (не считая 8 тыс. португальских «Виратос», немецкого легиона «Кондор» и итальянского Добровольческого корпуса). 28 марта франкисты вошли в Мадрид, приветствуемые местным населением, в ближайшие дни были заняты все остальные города Леванта и Новой Кастилии. 1 апреля золотисто-пурпурное знамя Национальной Испании развевалось над всей страной. Война закончилась. Препозлезно привести стихи русского офицера и Белого эмигранта князя Николая Всеволодовича Кудашева, воевавшего на стороне франкистов в годы гражданской войны, и который прекрасно отобразил отношение Русских людей к этой войне: «Нам скажут: чужая победа, / Чужого похмелья угар. / Неправда! Нам близок в Толедо / Отбивший врага Альказар. / Мы первыми подняли знамя / И первыми вынули меч. / Изгнания годы за нами / И горькая слава предтеч. / Начало – в кубанских станицах. / В Толедо – преддверье конца... / Всех верных зовут причаститься, / Отчизне отдавших сердца. / Понятными нам письменами / Чеканится белая быль - / Готовность идти за вождями / На плаху и ранний костыль. / Как Белой Идеи победа, / Как первый ответный удар, / Да здравству-

ет наше Толедо / Да здравствует наш Алькасар!». «Франко - человек честный и скромный, который никогда не жаждал власти: христианский рыцарь, верный Богу и своей Родине... Франко спас свой народ от жестокой участи, которую терпят порабождённые массы в России и во всех странах, завоеванных красной гидрой. Социальное законодательство Франко гораздо более продвинутое, чем в Республике 1931 года, а в некоторых аспектах даже выше, чем в Соединённых Штатах. Мне нравится режим Франко из-за его врагов. Эти враги - те, кто ненавидит Христа и Его Святую Церковь... Те, кто своей дьявольской пропагандой пытается сделать слово “фашист” синонимом слова “христианин”» (Уильям Т. Уолш).

Новый Крестовый Поход, Новая Реконкиста - подобным образом «гражданская война» в Испании воспринималась не только Русскими Белогвардейцами. Но и всеми Правыми в тогдашней Европе. Особо примечателен «румынский вклад» в Реконкисту: «13 января 1937 года: румынские легионеры, Православные Крестоносцы Ион Моца и Василе Марин убиты в бою с коммунистами в Мадриде. В конце 1936 года Ион Моца отправляется в Испанию в составе маленького добровольческого отряда из семи легионеров: сражаться на стороне Франко. Отправлялся, сердцем чуя, что не вернётся. 17 января 1937 года он погиб в ночном бою с республиканцами у города Махадаонда, на подступах к Мадриду. Вместе с ним сложил голову и его друг, коллега по юридической части, командир бухарестского «гнезда» легионеров, Василе Марин. «Капитанул, сделай нашу страну прекрасной, как святое солнце в небе и во всём покорной Богу», — читал Корнелиу Кодряну в последнем адресованном ему письме Моцы. Читал и не плакал, потому что мужчинам это вроде как не положено. «...как святое солнце в небе...». Эти слова подхватит легионерский поэт Раду Джир и поместит их в гимн, который 12 февраля будут петь тысячи людей, идущих в погребальном шествии по улицам Бухареста. Василе Марин и Ион Моца были похоронены на территории Каса Верде, а через некоторое время

над их могилой выстроили Мавзолей, в котором со временем упокоятся Капитанул, Никадорь, и Дечемвирь... 18 января 1938 был образован корпус «Моца-Марин» под командованием Александра Кантакузино. С очень жёстким воинским уставом. И вообще, абы кого туда не брали — только лучших из молодых легионеров. Сам Кодряну, находясь в своих последних тюремных мытарствах, часто мысленно обращался к покойному побратиму (о чём можно судить по Жилавским запискам), чувствовал внутреннюю связь с ним. Ибо для настоящей дружбы нет смерти. Воистину, «наши мёртвые нас не оставят в беде, наши мёртвые как часовые». С 1937 года, после знаковой гибели Моцы и Марина, миоритический миф сливается с другим духовным мифом — легендой о мастере Маноле, превозносящим идею жертвенной смерти. Борьба и гибель легионеров трактуются сквозь новую призму: теперь это добровольная жертва ради национального блага. Легионер любит смерть как свою невесту, а она вручает ему ключи от Божьего царства и искупает грехи народа (см. у Кодряну: «Кто бежит смерти — тот бежит воскресения»). Ион Моца поехал на фронт с мыслью сражаться за веру и пожертвовать собой во имя Иисуса Христа. После него осталось собрание писем, известное как «Завещание Иона Моцы». Эти письма хорошо отражают события, захлестнувшие Европу в конце 30-х, хорошо отражают и консервативные настроения румынского общества, и ту любопытную смесь милитаризма и религиозности, которая в принципе отличает Балканы: «Коммунизм подобен багряному зверю Апокалипсиса, который восстал, чтобы изгнать Христа из мира, — писал Моца. — Несомненно, багряный зверь будет разбит и повержен. Ибо “врата ада не одолеют” Церковь, основанную Господом нашим Иисусом Христом. Но вот же, дьявольский коммунизм сокрушил Церковь в тех странах, где он одержал победу. Не навсегда, но на текущий век, а вместо неё воцарилась сатанинская сила неверия и пагубы со страданиями, с духовной и телесной смертью нынешнего поколения. Мы верим в воз-

рождение Церкви в России и в коммунистической Испании. Но это возрождение, как и спасение нашей страны от скверны Антихриста, зависит от наших ревностных усилий! ... Ведь и Архангел Михаил мужественно сражался, чтобы очистить Небеса от орд Люцифера, от полчищ мятежных ангелов. Румынские легионеры, вы, кто в эти рождественские дни сражается за Крест на испанской земле! Архангел Михаил призывает вас следовать за ним!..».

... Как писал Хосе Антонио Прима де Ривера – основатель «Испанской Фаланги», ставшей авангардом сей Новой Реконкисты: «Война - се горнило, в коем выковывается Величие. Именно чрез опыт битвы люди возвышаются над собою и становятся героями, служа авангардом судьбы своей Нации. Война востребует наилучшие качества человеческого духа. Именно пред лицом опасности и смерти люди превосходят сами себя, проявляя доблесть, самоотверженность и непоколебимую решимость. Своими героическими добродетелями они становятся живым воплощением идеалов и усремлений нашей Нации, вдохноаляючи всех прочих следовать за ними. В горниле Войны обыкновенные мужи и жены претворяются до исключительных личностей, формируя ход истории и обезпечивая конечный триумф нашего Дела».

В заключение - стих Мануэля Аугусто из сборника «Венец сонетов в честь Хосе Антонио Примо де Риверы» (1939 г.)

“У Них – Власть. Ну и что же. У Нас – Поэзия” (Хосе Антонио Примо де Ривера)

“То что вы видите на подобранном камне –
Скороспелая лесь холодной земли,
Затянутая стягами радости от позора и тли,
Жёсткая форма, коей он, забвение утопил в океане.
Его сердечный знак укрыл смысл за ветрами,
Что волил другим рассеянную храбрость в корабли,
И он воспринял смерть пришлую, родной земли,
Отчизны смерть, как сон израненный чуждыми мирами.
Он не отказывает ей в чернейший час ночной,

Что шествует в горнем свете, к царству его выси неземной,

Лишь глас Хосе пылающий тревожно, преобразит отчизну.

И в воздухе ночном, есть воздетый таинственный предел,
Господь торжествуй же, над слезами, где гонфалон от крови рдел,

Дистанцию вверяя нам от смерти, покуда по вождю мы правим тризну.”

(Перевод с гишпанского: <https://t.me/Neitherwhoseflag>).

Димитрий Саввин

РУССКАЯ РЕКОНКИСТА

Наши планы на человека советского

Белое движение и вся вообще история Соппротивления коммунизму могут быть правильно осмыслены, без каких-либо логических и нравственных изъятий, лишь в рамках религиозного, христианского мировоззрения. Коммунизм по природе своей является универсальным злом — наследником древних хилиастических ересей. По сути своей это антихристианство — мировоззренческая финишная прямая, непосредственно выводящая к принятию антихриста. По этой причине, для христианина всякая борьба с коммунизмом и его производными, в частности, с советской идентичностью, является войной безкомпромиссной. Советский человек должен быть уничтожен. Даже один советский человек на всей планете — это слишком много, это больше ровно на одного, чем приемлемо. Но уничтожение советского человека не означает его обязательной физической гибели. Наша стратегическая цель — истребить деструктивную идентичность, а самую личность вернуть в пространство нормальности, вернуть ей её истинное наследие и изначальную, неискаженную природу.

В наши дни немалое число правых и не особой правых публицистов и блогеров пытается найти баланс между концептом Белой Непримируемости, русским национализмом, русским патриотизмом и простым, естественным чувством сопричастности своему народу. С одной стороны, они признают, что коммунизм и большевизм как его историческая российская форма, и неосоветизм как позднейшая мутация, суть абсолютное зло. С другой стороны, нельзя не заметить, что большинство ныне живущих этнических русских в той

или иной мере инфицированы советской идентичностью, и пассивно поддерживают несоветскую систему.

И здесь неизбежно возникает логическая вилка. Если мы боремся против советчины, то боремся и против её носителей. А её носители, в значительной мере, по корням и по языку — русские. Значит, бороться надо с русскими или с большинством русских? А нет ли в этом русофобии? Мы хотим их освободить от ига антирусской власти? Но как нам быть, если они никакого ига — вопреки очевидным фактам и здравому смыслу — не ощущают, а вернее сказать, ощущать-то ощущают, но признавать — отказываются?

До какой черты нужно бороться с совками, чтобы не навредить русским — при условии, что сегодня это во многом пересекающиеся множества?..

В поисках ответов на эти вопросы прочерчиваются разные «красные линии», формируются довольно шаткие концепции «приемлемого и уже неприемлемого», но, как и всякое сооружение, построенное на шаткой основе, доверия они не вызывают. Однако картина приобретет исчерпывающую ясность, если взглянуть на неё в логике религиозной борьбы — логике Крестового похода.

Реконкиста как идеал и метод

Наилучшим примером здесь будет Реконкиста — освобождение испанских земель от мусульманского ига. Процесс этот занял несколько столетий, и на определённом этапе вполне можно было сказать, что актуальная испанская идентичность — это идентичность мусульманская. Идентичность если и не вполне арабская, то, как минимум, арабизированная. С точки зрения абстрактного патриотизма, патриотизма родных холмов, камней, гумуса и компоста, крестовые походы против сарацинов были своего рода «испанофобией» - ведь они были направлены против сложившейся социально-политической и культурной реальности большей части тогдашней Испании.

Однако римокатолические монархи видели ситуацию принципиально иначе. В первую очередь, речь шла не об этнической принадлежности, культуре и прочих «традиционных ценностях». Речь шла о борьбе за истинную веру против лжи, борьбе за Бога против дьявола. И на этом уровне любая иная форма солидарности, кроме религиозной, была вторичной. Точно также не имели значения и практические резоны — давность владения, признание легитимности тех или иных эмиров и прочие «реалии, сложившиеся на земле».

Ибо в Крестовом походе, если он действительно является таковым, определяющими являются лишь реалии, сложившиеся на Небе.

По этой причине, даже когда все христианские владения на Пиренейском полуострове сжались до маленькой Испанской марки, истинной Испанией оставалась, для всего христианского мира, именно она. Всё же остальное — и все остальные — пребывали в том состоянии, которое современное международное право называет временной оккупацией. Даже если она и длилась сотни лет.

При этом любой житель освобождённых от сарацинского ига земель мог остаться там и стать полноценным членом общества — через принятие Христианства. Или, иначе, через смену своей религиозной идентичности.

Малый остаток — Русская марка

Наша борьба за пробуждение и освобождение русского народа будет вполне логична и осмыслена лишь в логике Крестового похода. Современная изуродованная масса русских людей — это пространство нашей всесторонней Реконкисты. Это еще не наш народ, и уж, тем более, не наша страна. Но они должны стать нашими людьми и нашей страной. На нас, по праву и долгу крови, лежит обязанность освободить их от рабства, и в первую очередь — от рабства духовного. Малый остаток русского народа, рассеянный и

среди советской массы, и в диаспоре — наша Русская марка, последний бастион нашего народа, потопленного сатанинской советчиной. Если угодного, мы — «малый народ». Но, в отличие от «малого народа» Огюстена Кошена, наша задача состоит в том, чтобы трансформироваться в большой. В отличие от французских «философов» XVIII века и российских революционных бесов XIX-го, мы не пытаемся создать противоестественный социально-экономический конструкт — мы стремимся вернуть изуродованное общество к его естественной норме.

Сделать это невозможно без милосердия и сострадания. Но не менее важно осознавать, что подавляющее большинство нынешних советизированных русских являются для нас враждебной территорией. Чаще всего, это враждебность пассивная, выражающаяся в нежелании знать свои истинные корни, подлинную историю своей семьи и народа, ну и в пассивной же поддержке неосоветской власти. Но не так уж редки и примеры активных неосоветских лоялистов.

Как к ним относиться? Точно также, как относились средневековые испанцы к своим собратям, перешедшим в ислам и вставшим на сторону врага. Никакого примирения с ними, до деятельного покаяния, быть не может, ибо тут уже мы имеем дело с экзистенциальным предательством.

Идеальная цель, к которое мы стремимся — полное очищение русского пространства от вирусов советчины и неосоветизма. Русская Реконкиста должна завершиться также, как и испанская — в том смысле, что мы, разумеется, не будем уничтожать какие-либо памятники материальной и нематериальной культуры, оставшиеся от времен коммунистической тирании или неосоветизма. То, что мы сочтём хоть сколько-нибудь ценным, мы сохраним. Но мы приспособим их для своих нужд и выхлостим настолько, насколько этого будет необходимо, чтобы в них не осталось ни капли красной скверны.

В общем, мы сделаем все то же самое, что испанцы сделали с арабским наследством на Пиренейском полуострове.

Такова логика Русской Реконкисты, и она не имеет альтернатив, за вычетом тех или иных форм коллаборационизма, национал-большевизма и просто приспособленчества. Все прочие попытки нащупать смычку между Белой Непримиримостью и «любовью к своему народу» неизбежно приведут к отказу от Белой Непримиримости и, далее, к постепенному скатыванию в красное болото.

Подтверждений чему за последние десять лет было даже слишком много.

(Источник: <https://harbin.lv/russkaya-rekonkista>)

«МЫ ИДЁМ РАЗДАВИТЬ ЧУДОВИЩЕ»: КРЕСТОНОСНЫЕ ХРОНИКИ XX ВЕКА

«Потому что если вы оцениваете такие события с этой точки зрения, то, тем не менее, придётся признать, что борьба, которую ведет национал-социалистическое движение, сегодня является ИСТИННЫМ КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ ЗА ХРИСТИАНСТВО ГОСПОДА, в самом высоком и благородном смысле» (Адольф Гитлер, в своём письме к пастору Магнусу Гёмту 4 февраля 1927, в «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte Jahrgang 42 (1994) Heft 3», стр. 487)

«И мы поднялись на твердь (небесную), я и он, и там я увидел Самаэля и воинство его, и была там великая битва, и ангелы сатаны завидовали друг другу. И как наверху, так и на земле; ибо подобие того, что на тверди, есть здесь, на земле. И я сказал ангелу, (который был со мной): «(Что это за война и) что это за зависть?». И он сказал мне: «Так было с тех пор, как был создан этот мир, до сих пор, и эта война (будет продолжаться), пока Тот, Кого ты увидишь, не придёт и не уничтожит его» (Вознесение Исаяи)

Рыцарь... Все представления о благородстве души, внутренней свободе, чести, возвышенной красоте заключены для Европейской культуры (даже секулярной) в этом слове... **Рыцарь-Крестоносец** – самая, пожалуй, репрезентативная фигура славной эпохи Средних веков, роскошный плод синтеза нордической расовой души с Арио-Христианством. Собственно, арийское рыцарство невозможно замкнуть «в рамки» одной эпохи (даже столь чудесной, как Средневековье), оно поистине «всевременно», ибо «пока родственная кровь течёт в миллионах граждан нордической Европы», **«вечная истина» Рыцарства не исчезнет**, а Рыцарский идеал не померкнет, ибо «благородная душа, внутренняя свобода и честь остаются и определяют всё остальное» (А.Розенберг).

Трансцендентальный смысл Крестовых походов вскрывает философ-традиционалист барон Юлиус Эвола в одноименной статье (*Significato della Crociata*), помещённой в газете *Il Regime Fascista* в номере от 9 июля 1935 года. «...Культурный контекст Крестовых походов изобилует элементами, выдающими их высший, духовный, символический смысл... Знаменитый историк Крестовых походов Куглер писал: «Это была не борьба за земные королевства, а борьба за Царствие Небесное: крестовые походы были делом не людей, но Бога – поэтому о них нельзя судить с тех же позиций, что и о других событиях человеческой истории».

Священную войну, по словам автора старинной хроники, нужно сравнивать с «омовением в пламени Чистилища, но ещё пред смертью». Погибшие в Крестовых походах символически описывались Папами и проповедниками как «золото, трижды испытанное и седмижды очищенное пламенем». Они прошли очистительное испытание такой силы, что пред ними открылся путь к Всевышнему Господу... Крестоносцу обещалось достижение абсолютной славы – на провансальском диалекте *glorie asolu* – и «покоя в раю» – а *conquerre lit en paradis* – то есть достижение сверхжизни, сверхъестественного состояния бытия... В сей связи Иерусалим – вожделенная цель завоевания – выступает в двух ипостасях: как град земной и как символический, небесный, неосязаемый град, а Крестовый поход обретает внутреннюю ценность, независимую от внешних форм, оснований и видимых мотивов».

Помимо высших, «трансцендентальных» аспектов, Крестоносная эпопея имела, разумеется, ряд «проекций» и на сугубо имманентном плане... Их также не обходит своим вниманием барон Эвола. В том числе и такой крайне важный аспект эпохи Крестовых походов, как *Европейское Единство, зримо проявившееся в них*: «тот, кто сражается из соображений «Священной Войны», выходит за пределы любой частности и существует в духовном климате, который в лю-

бой момент может легко породить и вызвать наднациональное единство действий. Именно это мы видим в Крестовых походах, когда принцы и герцоги всех земель объединились в героической и священной кампании, невзирая на частные утилитарные интересы и политическую раздробленность, впервые проявив великое Европейское единство, верное общей цивилизации и самому принципу Священной Римской Империи».

Работа барона Ю.Эволы о смысле Крестовых походов явилась, поистине, *пророческим предвосхищением Нового Крестового похода 1941-45 гг.*, похода Новой Европы, объединённой Германией, супротив иудо-большевицкого Красного Дракона, угрожавшего поглотить весь Белый Мир-Рим... Похода, под древним знаком Гамматического Креста, кой явил *те же* «трансцендентные и имманентные» черты, что были свойственны Священной войне Средневековья – се и *великое Европейское Единство в борьбе с Красным Зверем, и верность общей Белой Цивилизации, и Имперскому принципу Вечного Рима etc.*

Дабы хотя бы частично представить «*духовный климат*» сего Нового Крестового похода, приведём ряд свидетельств, принадлежащих «франкским» со-участникам оной «героической и священной кампании» на Востоке... На съезде «Народной Французской Партии» 1 июля 1941 года, ея глава Жак Дорио заявил: «Эта война – наша война, мы пройдем её до конца, до победы». Се – не были пустые слова. Первоначально под эгидой НФП начал формироваться «Легион Французских добровольцев против большевизма» (к деятельности ЛФД в той или иной степени примкнули и все иные ультра-правые французские круги). Правительство Виши выпустило в летние дни 1941 года специальное обращение, в коем подчёркивало, что не будет чинить никаких препятствий тем французам, кои изъявят желание «поучаствовать в Европейской борьбе против коммунизма», ибо «Война против Советского Союза является войной Ев-

ропы; поэтому она ведётся для Европы в целом, плодами победы в сей Священной Войне должны будут воспользоваться не только лишь немцы, но и все европейские нации, что примут участие в Новом Крестовом походе»... Характерной в сей связи является церемония принятия Присяги двумя первыми подразделениями Легиона 5 октября 1941 г. Церемониалу предшествовало два Богослужения – протестантское и католическое, последнее проводил капеллан Легиона легендарный монсеньор Жан Майоль де Люпе (известный, в частности, и тем, что каждую Мессу завершал своеобразным «отпустом»: «Heil Hitler!»), призывавший в молитвах Господа «сохранить защитников Христианской цивилизации». После Богослужения выступил командир полка Лабонн, подчеркнувший в своей речи, что Германия сражается за цивилизацию и Новую Европу против азиатско-большевицкой угрозы. Завершив своё выступление словами: «Легионеры, да здравствует Германия и да здравствует Франция!» (на присяге третьей группы добровольцев Лабонн назвал их «наследниками Готтфрида Бульонского»). На церемонии присутствовал также немецкий генерал Г. Хальм, также сказавший своё слово: «Солдаты французского легиона. Сплочённые священной клятвой, которую вы только что принесли, глядя на знамёна германских полков и на ваше собственное знамя, как братья по оружию, мы пойдём в бой плечом к плечу, веря, что эти знамёна приведут нас к окончательной победе. Да здравствует Франция! Да здравствует Германия! Да здравствует Фюрер, главнокомандующий германской армии, Адольф Гитлер! Sieg Heil!». Выразительный пример, говоря словами барона Эволы, **«наднационального единства действий»!**...

18 октября во французской коллаборационистской газете «L'Oeuvre» были опубликованы слова одного из легионеров: «Мы на пороге непокорённой страны, на границе двух... реальностей: арийской цивилизации и семитского варварства. По ту сторону этой границы существует другой народ, иде-

ал, противоположный нашему: разрушение общества. Мы пришли, чтобы раздавить чудовище».

«*Мы пришли, чтобы раздавить чудовище*», замечательные слова, подлинный *девиз Нео-Крестоносцев*. О том, что Восточный поход осознавался именно в «крестоносной парадигме» ярко свидетельствуют слова кардинала Альфреда Бодрийара, произнесшего панегирик французским Нео-Крестоносцам, в декабре 41-го, когда Легион уже получил «боевое крещение» в боях под Москвой: «Как священник и как француз я имею смелость заявить, что сии легионеры принадлежат к числу лучших сынов Франции. Идя в авангарде решающего сражения, наш Легион представляет собой живое воплощение средневековой Франции, нашей Франции возрождённых Божиих храмов. И я подчеркну, потому что я в этом уверен, что эти солдаты внесут свой вклад в грядущее великое французское возрождение. Воистину этот Легион представляет собой своего рода новое рыцарство. Легионеры – это крестоносцы XX столетия. Да будет благословенно их оружие. Гроб Господень будет освобождён!». (См. подр.: Р.-Д. Мюллер. На стороне Вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940-45 гг. М., 2012).

Собственно, подобные идеи и чувства разделяли не только Нео-Крестоносцы из Франции, но и «новое рыцарство» из *всех* Европейских стран и наций, принявшее участие в Новом Крестовом походе против иудо-большевизма... Не исключая, разумеется, и *Русских рыцарей*, принявших в нём участие... [Вот, кстати, как описываются Русские рыцари в газете «французских нацистов» «Je suis partout» от 3 июля 1943 года: «По первому взгляду понятно, что эти светловолосые высокие юноши атлетического телосложения, сбежавшие из советского ада и завербованные в Русскую Освободительную Армию, были прирождёнными солдатами»]. Видимое «поражение» Новокрестоносцев XX века, на самом деле, также поразительно коррелирует с высшим смыслом «Священной

войны», как он раскрывается бароном Эволой. «Развитие Крестовых походов, - отмечает он в вышеуказанной статье, - сильно связанное с общей идеологией эпохи, вело к очищению и осознанию истинного духа кампании. Первоначальное представление о войне за «истинную веру» подразумевало непременною победу, и первые военные неудачи армий крестоносцев стали источником растерянности и смятения; но в конечном итоге, однако, они послужили выявлению высшего аспекта «священной войны». Несчастья крестового похода сравнивались римским духовенством с добродетельными неудачами, которые даруют награду лишь *в иной жизни*. Но, избрав такой подход, они уже стали близки к признанию чего-то высшего по отношению и к победе и к поражению; к пониманию наибольшей важности такого аспекта героических действий, который независим от любых видимых и материальных последствий, почти как жертва, коя чрез мужественное закляние всех человеческих элементов ведёт к бессмертной вечной славе»... *«Поражение» на материальном плане не всегда есть поражение в высшем смысле: подобно тому, как сие было с Крестовыми походами Средневековья – Новокрестоносцы XX в. стяжали «вечную славу», и «вечную победу» на духовном, высшем уровне...* Заслуживает, впрочем, быть отмеченным и ещё один аспект осмысления «военных неудач» Крестовых походов... Средневековье знает изрядное количество «обращений», «трактатов», «проектов» и т.п. по организации очередного Крестового похода, составивших целый специфический «жанр» средневековой литературы... В подобного рода сочинениях «анализировались» (се конечно был скорее «мифо-анализ») в том числе и причины неудач предыдущих «кампаний». Любопытным было бы отметить проскальзывающие там *зачатки «расового подхода»*. Так, например, в адресованном Королю Франции Филиппу IV «Руководстве о том, как организовать Крестовый поход», среди прочего, содержится предупреждение, что *нельзя доверять «полукровкам»*, тем, «у кого

один родитель грек, а другой турок» и т.п. **Крестовый поход – есть сакрально-милитарная акция одновременно носящая и религиозный, и расовый характер...** И ежели для Средневековья расовый аспект Крестоносного движения был выражен слабее религиозного (хоть, как мы видели выше, и не был полностью отсутствующим), то для Крусады XX века расовый аспект равновелик религиозному (видимо, степень остроты расовых проблем резко выросла в сравнении со временами Средневековья).

Наш скромный Сборник, посвящённый «Крестоносной Идеологии» веков древних и новых, се – не только анализ «неудач» предыдущих Походов, но и своеобразное руководство по «организации» Новейшего Крестового Похода... Да будет же благословенно оружие грядущих Крестоносцев XXI века!... **Тех, кто ведомые волею Божией, несомненно придут, дабы завершить Священную Войну, дабы окончательно уничтожить Чудовище...**

протоиерей Роман Бычков

Приложение: СЛОВО В ГОДОВЩИНУ НАЧАЛА КРЕСТОВОГО ПОХОДА 1941 ГОДА

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

В Писании сказано: ***идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги своя***» (Еккл. 1, 6). Тот героический, крестоносный порыв гитлеровских армий 22 июня 1941 года, поистине, был подобен освежающему веянию Северного ветра на изсушённые семитическими ветрами Юга просторы Совдепии, обращённые в пустыню богоборчества и идолонеистовства... А трагические события весны 1945 года знаменовали «переход ветра к Югу», победу Юга над силами Норда... Но история подобна кругу, и возвращение на «круги своя» возможно в любой «точке» онаго священного Круга... Напрасно полагают, что «циркуль», отмеряющий круги Истории, есть атрибут боговраждебных, «подрывных» сил. Напротив, Бог

наш – есть Великий Геометр, и циркуль нераздельно держит Рука Провидения. И то, что нашему ограниченному зрению, представляется случайной «кривой» (будь то история Войны 1941-45 гг., или история Национал-социализма), есть на самом деле – часть Великой Окружности, коя замкнута будет в конце времён... И Северный ветер, бесспорно, **возвратится на круги своя**... Вчерашний день ещё не родился, его ещё не было по-настоящему. И Национал-социализм есть не немецкое прошлое, но русское будущее. Наш Миф XXI века, это арийская Мечта **«создать историю заново»** (М.Хайдеггер). И, быть может, здесь и сейчас, когда мы двигаем сей Огненный Крест, это **Великое Возвращение начинается**... «Если боги любят только тех, кто требует от них невозможного, то Господь благословляет только того, кто упорно остается верным в невозможном!» (Из речи АГ от 27 апреля 1942 г.). Слава Кресту! Слава Победе!

о.Р.Б.

UT UNUM SINT

«*Да вси едино будут*» (Ин. 17, 21), се пожелание-повеление Господа Христа, адресованное Его ученикам и последователям... Крупнейшее и длительнейшее (уже более 1000 лет) разделение в историческом Христианстве – разделение меж Католицизмом и Православием. Несмотря на многочисленные попытки «возсоединения», ежели мыслить реалистично, то практически *никаких перспектив* «уврачевания сего раскола» не просматривается. Конечно, церковные бюрократы могут закулисно сварганить какую-нибудь очередную «унию», но ея «жизнеспособность» крайне проблематична... Что сказать на сию малооптимистическую констатацию:

Во-первых, очень даже может быть так, что говоря о «единстве», Спаситель не имел в виду (или имел далеко не в первую очередь) единство «церковной администрации». *Возможно внутреннее единство Христиан при внешнем их разделении* – История Церковная неложно о сем свидетельствует. Можно иметь двух (и более) разных Епископов – но *Одну Веру*.

А, во-вторых, возможны такие *экстремальные обстоятельства*, при коих внутреннее единство внешне-разделённых Христиан может обрести и своё внешнее выявление. Правда, скорее всего такое же «экстремальное», как и вызвавшие его обстоятельства. Говоря про экстремальные обстоятельства, мы прежде всего имеем в виду *приход Антихриста*. Каждый век готов «явить» *своего* Антихриста (тут верна догадка Л.Тихомирова). Он бы и «являлся» ещё и ещё, если бы не препятствовали «удерживающие» факторы (2Фес. 2, 7). В разные эпохи что антихристова «программа», что программа «удержания», будучи, конечно, сущностно едиными, имеют, однако, некие «вариации». Скажем, в эпоху Вселенских Соборов, основная борьба велась «за догматы». А, скажем, XX век – явивший покамест никем и нечем не

преодоленный в Истории всплеск активности антихристовых сил – готов был «оставить церковникам их догматы» при условии их поступления *в агентуру Зверя* (что нагляднейшим образом проявилось в случае сергиян: все «каноны с догматами» они сохранили, а «иконе Зверя» (Откр. 13, 14) поклонились и поклоняются доселе).

Как не без проницательности написал в 1947 г. отечественный религиозный философ Ф.Степун: «Я верую, что каждая эпоха должна оставить Христу свои собственные вопросы и вправе надеяться на получение от Него нужных ей ответов. Главный религиозный, а потому и церковный вопрос нашей эпохи – вопрос политический. Ныне антихрист не занимается догматической разработкою ересей, а политическим изничтожением Христовой свободы в мире. В связи с этим защита политической свободы становится центральной задачей церкви. Если церковь отступится от этой задачи, антихрист победит. Пустогрудой секуляризованной демократии свободы не защитить»... «Политическую немому патриаршей церкви (МП) я безпрекословно принял бы. Но ведь она не молчит, а защищает власть. ЖМП полон славословий Сталину, который непрестанно величается не только самым славным и гениальным, но даже и самым мудрым вождем народа. <ЖМП> превозносит и советскую Россию как святую Русь... Может быть, мы этого и не имеем права осуждать, но присоединяться к юрисдикции, требующей возхваления Сталина и Ленина, как гениальных вождей человечества, мы, живущие на свободе, не смеем... Думать же, что единство русской православной церкви должно иметь своим внешним ознаменованием единую юрисдикцию, ... значит впасть в ту же ошибку, в которую, по мнению Киреевского, накануне разделения церквей впало католичество, не смогшее себе представить, что единство Церкви может быть представлено двумя епископами». Письмо Ф.Степуна написано в то время, когда по Русскому зарубежью шныряли эмиссары МП, зывая эмигрантов пойти под советскую юрисдикцию, моти-

вируя это в том числе тем, что «мол, все каноны и догматы у нас в МП целёхоньки». Каноны+догматы+антихрист – с таким «православием», очевидно, никакое «единство» не возможно. Но возможно и оправданно единство с теми Христианами (пусть у них и не все «каноны и догматы»), которые безкомпромиссно против Антихриста. Вышецитированный Ф.Степун – далеко не самый «правый» автор в Русском церковном Зарубежье, но примечательно, что аналогичный *«экуменизм справа»* исповедовался и на крайне-правом фланге. Показательно мнение о. архимандрита Константина (Зайцева), на протяжении ряда десятилетий бывшего главным идеологом «непримиримой» Русской Зарубежной Церкви.

О. Константин полагал, что пред лицом Антихриста, в период вырождения и экуменического перерождения Церкви, появится *катакомбное братство Христиан разных деноминаций*: «Потянутся друг ко другу те, кто хотел бы остаться верным Христу. Так экуменизму антихриста противостоит иное объединение – духовное родство верующих во Христа из разных Церквей, разных учений, даже далёких от полноты Истины. Будь то исполин католической Церкви или крошечные христианские общины на задворках христианства, если в недрах их зарождается протест против экуменизма антихриста в защиту истинного христианства – они найдут понимание и поддержку верующих, несмотря на разную степень их близости к Православию» (Та же мысль пронизывает последнее сочинение Льва Тихомирова (автора, внесшего изрядный вклад в православную антихристологию!) «В последние дни», писавшееся «в стол», в 1920-е гг. в Сергиевом Посаде, в эпицентре иудо-большевицких гонений на Веру Христову).

Собственно, *явление сего «катакомбного братства»* (возможно, предвещающее его грядущие воплощения) уже и «видел мир»: *в советском безбожном ГУЛАГе* (где ИПХ, католики, баптисты и прочие Христиане были поистине «едины-во-Христе»), и *в рядах воинства того Крестового*

Похода, что шло на Восток, дабы изничтожить ГУЛАГ.

Стоит в данной связи вспомнить Римского Папу Пия XII, чей понтификат длился с 1939 по 1958 гг., традиционно он считается последним Папой Римским, чьи взгляды дышали фашистским духом, последним Папой, коий был перед началом упадка Католической церкви с 60-х гг. XX столетия... Мы бы хотели напомнить его мнение касаясь «текущих событий» на момент сентября 1941 года:

«Сегодня мы видим, как мир разделился фактически на два лагеря, один из себя представляет сатанинско-марксистскую группировку, у которой есть две стороны медали в виде открытого дикого большевизма и скрытого, который якобы и не представляет угрозы для Церкви на первый взгляд, но тесно жмёт руку прямым врагам Христа (речь здесь идёт о Британии).

А с другой стороны мы видим воинов, которые идут Крестовым походом против всей этой чумы, мы видим как этот отряд европейских воинов Христовых под названием «Ось», освобождает народы Европы, особенно мы увидели это недавно в Украине, где немцы с ужасом обнаружили в каких условиях жили там люди и до чего их приучили в этом антибожьём мире, столько было умучено в тюрьмах от рук НКГБ во время освобождения этих территорий, что просто страшно представить...

Мы надеемся на победу фашистского движения в мире, так как это единственная мощная сила на данный момент, которая защищает нашу христианскую цивилизацию от рук большевизма и гнилой секулярной демократии, ***больше альтернатив у нас нет***».

...Что ж, за эдаким Папой, во всяком случае за приведённым его суждением, мы при всём нашем нарочитом православию, не усумнимся признать Infallibilitas...

Бет А. Грич-Полель

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ НА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Ночью 17 июля 1936 года в Испании началась гражданская война. Вскоре многие интерпретировали события в Испании как продолжающуюся борьбу сил демократии против сил фашизма; для других война представляла собой борьбу между западной христианской цивилизацией и большевистским Востоком. Как заметил один историк, «за пределами Иберии гражданская война воплощала и символизировала конфликт между фашизмом и демократией, который протекал по всей Европе».1

В 1936 году Европа была страной потрясений и перемещений, боровшейся с экономической депрессией и страхом перед бегством от иностранцев. Многие немцы, австрийцы и итальянцы бежали от Гитлера и Муссолини, румыны прятались от Железной гвардии, поляки боялись своего военного диктатора генерала Пилсудского, а венгры страдали от гнетущего правления адмирала Хорти. Многим из тех, кто бежал из своих родных стран, Испания казалась идеальным местом для того, чтобы занять позицию и бороться с фашизмом,2 в то время как другим Испания казалась плодородной почвой для распространения большевизма. В 1936 году Советский Союз удвоил свой военный бюджет, Франция ратифицировала союз с Советским Союзом, а население избрало правительство Народного фронта в Испании. 3 На фоне этой атмосферы события в Испании захватили воображение многих людей, неуверенных в своём будущем.

В этом эссе рассматривается вопрос о том, как немецкое правительство представляло гражданскую войну в Испании своим гражданам. Я уделяю особое внимание реакции

римско-католического епископата на изображение событий в Испании и тому, какое влияние это изображение оказало на отношения между нацистским государством и католической церковью. В 1936–1938 годах гражданская война в Испании предоставила возможность лидерам немецкой католической церкви более тесно сблизиться с нацистским государством. В рамках этого сближения многие лидеры церкви неявно приняли идею о том, что за республиканскими силами стоит обширный «иудео-большевистский заговор», направленный на уничтожение христианской цивилизации.

Гражданская война в Испании

Антиклерическая ярость, развязанная республиканскими силами, была неизбежна. В первые месяцы гражданской войны в Испании эти силы убили больше католических священников — примерно семь тысяч будут убиты к 1939 году — чем когда-либо в современной истории. Нападения на духовенство, церкви и связанные с церковью учреждения заставили иезуитского настоятеля в Риме Владимира Ледоховского сообщить Папе Пию XI, что гражданская война в Испании была «на самом деле вдохновлена Советской Россией как часть плана по уничтожению религии повсюду».4

Будучи лидером Римско-католической церкви, Пий XI видел, что большинство испанской правящей иерархии встало на сторону националистов. Он также видел, что они призывают к новому крестовому походу для защиты христианства. Пий XI благословил «тех, кто взял на себя трудную и опасную задачу защиты и восстановления прав и чести Бога и религии». Католики по всей Европе распространяли копии первого папского заявления Пия от 14 сентября 1936 года, произнесённого после встречи с пятьюстами испанскими паломниками в Кабель-Гандольфо, в котором понтифик выразил сочувствие страдающему духовенству, используя такие фразы, как «мученичество в полном объёме... сатанинская подготовка, похожая на ту, что была в России, Китае, Юж-

ной Америке и Мексике». 6 К 1937 году Пий провёл различие между справедливой и несправедливой войной, утверждая, что те, кто восстал, не были изначально злыми. В своей энциклике *Divini Redemptoris* Пий упомянул гражданскую войну в Испании только в одном абзаце, но в этом абзаце он написал: «Коммунистическая ярость разрушила церкви и духовенство, убивая людей в Испании, потому что они [были] хорошими христианами или, по крайней мере, выступали против атеистического коммунизма». 7 К маю 1938 года Пий официально признал националистический режим в Испании.

Министерство пропаганды и просвещения под руководством Йозефа Геббельса служило основным источником немецкого внутреннего освещения гражданской войны в Испании. В период с 17 июля по 31 декабря 1936 года Геббельс сделал в своём дневнике не менее семидесяти записей о событиях в Испании. В этих записях неоднократно упоминалась навязчивая идея, которую Геббельс разделял с Гитлером: так называемая связь между «еврейством» и коммунизмом.⁸

В июле 1936 года начался первый залп, когда министерство пропаганды Геббельса выпустило подробные инструкции о том, как немецкая пресса должна освещать гражданскую войну. Министерство сообщило прессе, что они не должны называть войска Франко «мятежниками», а восстание — переворотом или мятежом. Кроме того, они поручили репортёрам называть республиканскую сторону просто «большевиками» и не упоминать о немецком военном участии. 9 В дополнение к этим инструкциям, во время сентябрьского Нюрнбергского съезда Национал-социалистической партии Геббельс публично говорил о том, что Европа, возможно, никогда не оправится, если Германия позволит международному большевизму процветать. 10 После этого, 11 сентября 1936 года, национал-социалистическая газета *Völkischer Beobachter* сообщила, что Геббельс описал большевизм как «патологическую преступную чушь, явно придуманную евреями», и те-

перь под еврейским руководством он нацелен на уничтожение «цивилизованных европейских наций» и создание мира, в котором будут доминировать евреи.¹¹

14 сентября 1936 года во время того же конгресса Гитлер продолжил линию аргументации Геббельса, подчеркнув надвигающуюся большевистскую угрозу. Кроме того, он противопоставил события в Испании своим достижениям в Германии, заявив: «Какая разница с другой страной, где марксизм пытается захватить власть. Там города горят, там деревни погружаются в руины и обломки. Там люди больше не знают друг друга. Класс борется с классом, профессия с профессией, брат уничтожает брата. Мы выбрали другой путь: вместо того, чтобы разорвать вас на части, я вас объединил».¹² Используя такой манипулятивный язык и яркие образы, Гитлер связывал каждый удар, нанесённый по Республике, с победой в войне нацистской Германии против «еврейско-коммунистического интернационала».

Национал-социалистическая пропаганда

Чтобы обеспечить успех антибольшевистских целей своего правительства и партии, Геббельс инициировал в своем министерстве специальный отдел, просто названный «Антикоминтерн». К концу 1936 года он назначил Вилли Кона немецким атташе по пропаганде в штаб-квартире националистов в Саламанке. К 22 декабря 1936 года Кон создал контролируемую национал-социалистами радиостанцию. Геббельс призывал Кона работать быстро, так как он считал, что если Испания падет перед большевизмом, то за ней последует Португалия, а вскоре и вся Южная Америка. Это не только будет представлять собой драматическую идеологическую потерю для Германии, но и обернётся катастрофой с точки зрения получения сырья из этих стран.¹³ Следуя инструкциям Геббельса, Кон преуменьшал значение национал-социалистического неоязычества и подчеркивал крестовый поход, чтобы смести иудео-большевизм.¹⁴ Кон и Геббельс

согласились, что антисемитизм жив и процветает в Испании, самодовольно отметив, что испанские издательства перепечатали вымышленные «Протоколы сионских мудрецов» пять раз за шестилетний период.¹⁵

Брошюра Йозефа Геббельса «Правда об Испании» стала одной из его самых известных публикаций. На тридцати шести страницах он выдавал себя за объективного агента истины и реальности. Он говорил своим немецким и испанским читателям, что им нужно сделать прямой выбор между большевизмом с его «разрушением и анархией» или властью, состоящей из «порядка и строительства». Геббельс легко установил связь для лидера между большевизмом и иудаизмом, заявив, что «интернациональность большевизма» в основном «определялась евреями. Как большевик еврей действительно становится воплощением всего зла». Как будто этого было недостаточно, Геббельс подчёркивал, что это была не просто борьба за Испанию. Скорее, он утверждал, что евреи готовили эту борьбу всеми своими средствами, поскольку они «нуждаются в ней как вступлении к большевистскому мировому правлению».¹⁶

Как евреи планировали захватить мир, прокладывая себе путь через Испанию? Геббельс ответил на этот вопрос биологическим языком и образами. Неоднократно он использовал фразы, которые дегуманизировали евреев, превращая врага в безликую, абстрактную силу зла: «коммунизм отравляет мир», «рабочие заражены», «коммунистические агенты заражены», «международные носители бацилл», «коммунистическое общество предполагает вырождение и распад», «красные», «красная толпа», «красные еврейские приспешники», «сыны хаоса» и «красная чума».¹⁷ Это не оставило у его читателей никаких сомнений относительно их шаткого положения со здоровьем из-за этой быстро распространяющейся еврейско-большевистской инфекции. Однако Геббельс все же дал своим читателям лучик надежды, заявив, что есть один человек, способный вылечить эту болезнь: «Фюрер

приходит к нам как спаситель», который может спасти «нас от красного потопа». 18 С помощью такой аргументации Геббельс навязал связь между коммунизмом и иудаизмом и заверил своих читателей, что только Гитлер может спасти их от полного и окончательного краха.

Немецкая католическая церковь

В 1936 году гражданская война в Испании была не единственной проблемой, вызывавшей беспокойство у немецких католиков. Скорее, им также пришлось бороться с ростом спонсируемых правительством преследований их священников и объединений. Кроме того, немецкое правительство начало конфисковывать многие монастыри и обители Германии посредством действий, которые часто вынуждали её жителей выходить на улицы без каких-либо земных благ. Правительство также начало постоянную кампанию по дискредитации священнослужителей Церкви посредством широко освещаемых показательных процессов, включая печально известные валютные процессы и полупорнографические процессы по вопросам морали. Не менее пагубными, хотя и немного менее публичными, были бесчисленные случаи преследования и ареста священников за предполагаемое нарушение немецких государственных законов. Во всех этих действиях католики могли видеть признаки надвигающейся *Kulturkampf*, которая в конечном итоге заклеит католиков как врагов Рейха. Ввиду этих многочисленных спорных вопросов многие члены католической иерархии начали искать пути улучшения своих отношений с национал-социалистическим государством.

Одной из явных точек соприкосновения был вопрос немецкого патриотизма. 7 марта 1936 года, когда Гитлер ввёл немецкие войска в демилитаризованную зону Рейнской области, католические священники благословляли подразделения, приближавшиеся к мостам. Кроме того, Клеменс Август Граф фон Гален, епископ Мюнстера, заверил немецких ка-

толиков, что они должны идти в ногу со всеми «истинными немецкими гражданами». Он также напомнил им, что «большую часть национал-социализма следует приветствовать, особенно его антикоммунизм и национал-агрессивную внешнюю политику». Стремясь доказать, что католики лояльны национал-социалистическому государству, Гален указал на общего врага как для церкви, так и для государства: коммунизм.¹⁹

Как и многие другие лидеры католической церкви, Гален считал, что реальной угрозой будущему Германии, если не всей Европы, был атеистический коммунизм и социализм. Когда в Испании разразилась гражданская война, он доминировал в своих проповедях, выражая обеспокоенность по поводу христианства, которому угрожало распространение марксизма. Единственный способ борьбы с распространением радикализма, который он видел, состоял в том, чтобы поддерживать практику христианства. Он утверждал, что «атеизм и большевизм идут рука об руку». ²⁰ В этом отношении Гален всецело поддерживал национал-социалистическое изображение событий в Испании. Гитлер сказал немецкому народу, что поражение войск Франко будет означать победу большевизма над Европой. Поскольку национал-социалистическое правительство использовало гражданскую войну, чтобы получить поддержку для своей борьбы с большевизмом, Гален призывал католиков бороться против опасностей, исходящих от такой безбожной системы.

Цитируя 1 Коринфянам 12:27, «Итак, вы — тело Христова, но каждый из вас — часть его», Гален проповедовал, что судьба связала судьбу Испании с судьбой христианской Европы. Только молитвой и бдительностью можно было преодолеть «пагубную коммунистическую заразу». Рассказывая своим прихожанам, что коммунизм порождает отчуждение от учений христианства, ненависть к Богу и самоуничтожение, он молился, чтобы «зараза» не распространилась на его любимую Германию.²¹

Гален не ограничивал выражение своих страхов прихожанами и другими священнослужителями. Вместо этого он составил письмо Гитлеру, в котором спрашивал, почему канцлер одобрил Конкордат на одном дыхании и осудил ультрамонтанство на другом. Цитируя «Майн кампф» Гитлера, Гален стремился доказать Гитлеру, что католики были хорошими и истинными немцами, в отличие от врагов-большевиков. Гражданская война в Испании дала Галену возможность напомнить всем своим многочисленным слушателям, что коммунизм находится в прямой оппозиции к католицизму. Он выступал против изображения государством католиков как находящихся в союзе с коммунистами, и указывал, что у Церкви и Гитлера были схожие цели: Гитлер хотел уничтожить коммунистов, а папа хотел обратить их. Гален считал, что в конечном итоге у обоих лидеров была одна и та же цель: полное искоренение коммунизма с европейской земли. 22

Связывал ли Гален коммунизм с иудаизмом? Образы евреев, используемые Галеном в его проповедях, оставляют ощущение, что евреи сами виноваты в своём проклятии. Его постоянный страх перед «безбожным коммунизмом», тонкий намёк на то, что за силами коммунизма стоят евреи, и его ультранационализм «сделали его и всю немецкую епископию полезными для поддержки Третьего рейха». 23 Епископ смешал в одну кучу большевизм, коммунизм, марксизм, атеизм и либерализм. Для него все это были чуждые еврейские идеологии, которые постепенно работали над разрушением немецкой культуры и общества. В черновике петиции Гитлеру Гален согласился с тем, что Гитлер написал в «Майн кампф»: «Международный коммунизм — величайший враг народа». Широко цитируя работы Гитлера, Гален утверждал, что немецкие епископы продолжают бороться как со старыми, так и с новыми врагами, включая масонов, марксистов, рационалистов и либералов. 24 Подчёркивая общего врага коммунизм, Гален надеялся укрепить место католицизма

в государстве. Подобно Гитлеру, Гален видел связь между коммунизмом и еврейством.

В письме Альфреду Майеру, гауляйтеру Мюнстера, Гален снова продемонстрировал своё мастерство в «Майн Кампф», процитировав опасения Гитлера по поводу международного коммунизма. Однако в своём письме он пошёл ещё дальше, заявив, что, по мнению Гитлера, человек, который помогал создавать религиозную рознь, как это делали коммунисты, «сознательно или неосознательно был... борцом за еврейские интересы». Епископ сделал выговор Майеру и посоветовал ему прекратить распространять материалы, оскорбляющие «христиански мыслящих национал-социалистов».25

В августе 1936 года епископы собрались на свою ежегодную конференцию в Фульде. Обсуждение гражданской войны в Испании доминировало на встречах. Все присутствующие предложили принять участие в борьбе с распространением большевизма. Чтобы предупредить немецких католиков об этом страхе, немецкие епископы составили совместное пастырское письмо, в котором они в корне приняли национал-социалистическое представление роли большевиков в гражданской войне в Испании. В письме объединённое епископство заявило:

Мы исходим из очевидного факта и убеждения, что коммунизм и большевизм в настоящее время пытаются с дьявольской решимостью и жёсткостью продвинуться в сердце Европы, подвергая её серьёзной опасности. Поэтому германское единство не должно быть принесено в жертву религиозному антагонизму, ссорам, презрению и борьбе. Скорее, наша национальная сила сопротивления должна быть увеличена и усилена, чтобы не только Европа была освобождена нами от большевизма, но и весь цивилизованный мир мог быть обязан нам.26

В этом разделе пастырского послания епископы ведут сделку с национал-социалистическим режимом. В обмен на обязательство Церкви неустанно бороться с большевизмом

епископы ожидали, что национал-социалистическое государство прекратит преследование Церкви, ее институтов и объединений.²⁷ Пастырское послание епископов показало, как они приняли одностороннюю интерпретацию событий в Испании с одним существенным отличием: они заменили нацизм, как самого сильного противника большевизма, католической верой. Это было эквивалентно размахиванию красной рубашкой перед быком, поскольку Гитлер искренне верил, что он, а не католическая церковь, является лидером в борьбе с большевизмом. Наивно епископы думали, что их поддержка в борьбе с большевизмом приведёт к уменьшению государственного преследования Церкви. Этот манёвр не оправдал себя. Как заключил Герхард Безиер, «ни его лояльность государству, ни его поддержка антибольшевизма не могли убедить нацистское государство принять протест или критику его собственных действий». ²⁸ В результате включения довольно плохо сформулированного протеста против плохого обращения государства с католическими интересами государство запретило публикацию пастырского послания. ²⁹

Во время Нюрнбергского конгресса в сентябре 1936 года Гитлер, как и многие другие функционеры нацистской партии, выступил с нападками на большевистскую опасность. По совпадению, в тот же день, когда Гитлер произнёс свою речь, Папа Пий XI встретился с пятьюстами испанскими беженцами. В публикации Трирской епархии чиновник канцелярии написал: «Совпадение того, что эти две великие речи были произнесены в один и тот же день, и совпадение их основных идей кажутся нам убедительной демонстрацией того, чего требует время; а именно, сочувственного сотрудничества государства и церкви в Германии для совместной борьбы с общим врагом». ³⁰ Вскоре после этого Саймон Конрад Ландерсдорфер при своей интронизации в качестве епископа Пассау заявил: «Большевизм... сегодня был самым ярым врагом Католической церкви, как это достаточно доказали события в Советской России, Мексике и Испании. Если

ничего другого, то необходимость отразить этого общего врага диктовала гармоничное сотрудничество Церкви и Государства». 31 Посредством заявлений немецкая иерархия, по-видимому, приняла интерпретацию *Völkischer Beobachter* о гражданской войне в Испании. По словам её редактора, катастрофа в Испании была вызвана «еврейско-большевистской революцией», что Церковь должна была осознать как следствие «еврейско-марксистского вторжения в Германию и Европу и, следовательно, уничтожения западной христианской культуры». 32

Поворотный момент

Из-за растущей атмосферы потенциального сотрудничества между Немецкой католической церковью и немецким государством нунций Чезаре Орсениго организовал для кардинала Михаэля фон Фаульхабера, епископа архиепархии Мюнхена и Фрайзинга, личную встречу с Гитлером. 4 ноября 1936 года Фаульхабер отправился в горное убежище Гитлера недалеко от Берхтесгадена. Во время их встречи Гитлер выложил на все сто и сыграл роль любезного хозяина. Он произвёл на кардинала огромное впечатление своей рассудительностью. В результате этой трёхчасовой встречи немецкие епископы согласились исправить свои разногласия с национал-социалистическим государством.

Согласно отчёту Фаульхабера о встрече, атмосфера в течение первого часа была довольно напряжённой, поскольку Гитлер доминировал в разговоре. Темой повестки дня был возможный успех большевизма в Испании. Постепенно, в течение трёх часов, Фаульхабер заметил, что между двумя могущественными людьми произошло ослабление напряжённости. В конце концов, это привело к тому, что Гитлер пригласил Фаульхабера пообедать с ним. 33 Как мужчины пришли к такому благоприятному выводу в конце своего дня?

Гитлер сказал Фаульхаберу, что религия имеет решающее значение для государства, общества и солдата, заявив:

«Человек не может существовать без веры в Бога. Солдат, который три или четыре дня находится под интенсивным обстрелом, нуждается в религиозной опоре». 34 Хотя это было не совсем звучное одобрение ценности религии, Гитлер сказал кардиналу, что с прагматической точки зрения Церковь должна присоединиться к борьбе с большевизмом, иначе «Церковь и христианство в Европе тоже будут уничтожены. Большевизм является смертельным врагом Церкви, так же как и фашизма». 35 В ответ Фаульхабер объяснил, что Церковь традиционно и последовательно выступала против угрозы большевизма. Кардинал стремился напомнить Гитлеру слова папы против большевизма и его опасностей. По мнению Фаульхабера, как и епископа Галена, два подхода понтифика и фюрера не были несовместимы. Как заключил Безье, в этот момент «Рубикон был перейдён. В то время как епископальная конференция в Фульде тщательно избегала явного признания антисемитского элемента в нацистском антибольшевизме, теперь она приняла его неявно и молчаливо». 36 Выбрав согласие с национал-социалистическим изображением войны, католическая иерархия придала дополнительную легитимность опасениям относительно «иудеобольшевистского заговора».

Ближе к концу встречи Гитлер утверждал, что его целью является защита немецкого народа от «врождённо заражённых преступников, которые сейчас сеют хаос в Испании». Фаульхабер немедленно ответил: «Церковь, господин канцлер, не откажет государству в праве держать этих вредителей подальше от национального сообщества в рамках морального закона». 37 Довольный этим ответом, Гитлер прокомментировал:

Подумайте обо всем этом, кардинал, и посоветуйтесь с другими лидерами Церкви, как вы можете поддержать великое начинание национал-социализма по предотвращению победы большевизма и как вы можете достичь мирных отношений с государством. Либо национал-социализм и Церковь

оба победят, либо они погибнут вместе. Будьте уверены, я устраню все те мелочи, которые стоят на пути гармоничного сотрудничества. . . . Я не хочу заниматься торгами. Вы знаете, что я против компромиссов, но пусть это будет последней попыткой. 38

После того, как кардинал Фаульхабер покинул встречу с Гитлером, 18 ноября он встретился с ведущими членами немецкой иерархии кардиналов, чтобы попросить их предостеречь своих прихожан от ошибок коммунизма. 19 ноября Пий XI объявил, что коммунизм переместился во главу списка «ошибок» и что необходимо чёткое заявление. 39 Затем, 25 ноября, Фаульхабер сообщил баварским епископам, что он обещал Гитлеру, что епископы выпустят новое папское послание, в котором они осудят «большевизм, представляющий величайшую опасность для мира в Европе и христианской цивилизации нашей страны». Кроме того, он заявил, что папское послание «ещё раз укрепит нашу лояльность и позитивное отношение, требуемое Четвёртой заповедью, к сегодняшней форме правления и фюреру». 40 Первоначальное время, установленное для этого объявления, было 13 декабря; однако, прежде чем епископы опубликовали его, немецкое правительство скрыло его из-за ссылки на государственные нарушения Конкордата Рейха и Ватикана. 41

Это не остановило кардинала Фаульхабера. Он немедленно принялся за работу над другим проектом письма, которое он представил немецким епископам. 24 декабря 1936 года епископы преподнесли немецким католикам уникальный рождественский подарок. Германская объединённая иерархия приказала своим священникам прочитать папское послание под названием «О защите от большевизма» со всех своих кафедр 3 января 1937 года. 42 Текст папского послания раскрыл капитуляцию Фаульхабера перед желаниями Гитлера:

Большевизм начал свой марш из России в страны Европы, особенно в нашу страну, и его цель - свергнуть здесь, как и

езде, любую социальную систему и систему правления, разрушить экономическое влияние и уничтожить религиозную жизнь. Русский большевизм контролирует большое количество трудоспособных мужчин и сырье в изобилии, как ни в одной другой европейской стране. . . . Настал роковой час для нашей нации и для христианской культуры западного мира. . . . Фюрер и канцлер Адольф Гитлер видел марш большевизма издали и обратил свой ум и энергию на предотвращение этой огромной опасности для немецкого народа и всего западного мира. Немецкие епископы считают своим долгом сделать все возможное, чтобы поддержать лидера Рейха всеми доступными средствами в этой защите. Поскольку большевизм является смертельным врагом системы правления, поскольку он является прежде всего могильщиком религиозной культуры и всегда нападает на служителей и святыни церковной жизни, как это показали недавние испанские события, поскольку речь идет о выживании церковного порядка, то ясно, что поддержка борьбы с этой дьявольской силой должна стать важной задачей современной Церкви. 43

Епископы также предупредили католиков, что, мобилизуя свои духовные и нравственные силы на борьбу с дьявольским большевизмом, им не следует впадать в недовольство, поскольку «такое настроение всегда создавало плодородную почву для большевистских настроений»⁴⁴.

Этим письмом Фаульхабер выполнил свое обещание Гитлеру.

Немецкая католическая церковь теперь публично одобрила интерпретацию немецкого правительства гражданской войны в Испании и подтвердила готовность церкви бороться с распространением большевизма. Хотя письмо не содержало никаких внешне антисемитских заявлений, оно подкрепляло национал-социалистическую интерпретацию событий в Испании, а именно, что националисты вели доблестную битву против большевизма, который был «продуктом еврейства, намеревавшегося уничтожить христианскую европейскую культуру». 45

Обещание Гитлера Фаульхаберу прояснить «мелкие» проблемы между Католической церковью и нацистским государством так и не было выполнено. Тем не менее, Фаульхабер вместе с Галеном и папой Пием XI продолжал проповедовать против большевизма. Они не могли понять, почему национал-социалистическое государство и партия продолжали преследовать их церковь, тем более, что их борьба с большевизмом сделала их естественными союзниками.

Несколько католических священников, включая иезуита, отца Фридриха Маккермана, родом из Мюнстера, но живущего в изгнании в Нидерландах, выразили своё неодобрение позиции иерархии. Например, когда пастырское письмо против большевизма достигло Маккермана, изгнанный священник был ошеломлён. Он прокомментировал: «несмотря на бесчеловечные зверства, совершенные в концентрационных лагерях, несмотря на судебные процессы по делам о валюте и клевете, несмотря на личные оскорбления отдельных князей Церкви, Святого Отца и всей Церкви, и несмотря на все враждебные меры, равносильные ещё одному *Kulturkampf*... епископы находят слова признательности тому, что (после большевизма) является их злейшим врагом». 46 Маккерман пытался охватить более широкую аудиторию, публикуя *Der Deutsche Weg* каждую неделю со своими антинацистскими позициями. В этих начинаниях он не был совсем одинок, так как в Париже был аноним(ы), издававший *Kulturkampf* три раза в месяц. Даже в *Kulturkampf* была опубликована статья, в которой утверждалось, что «если бы нацисты прекратили свои атаки на Церковь, национал-социализм и немецкие католики могли бы снова стать союзниками». 47 Это действительно соответствовало взглядам большинства членов немецкой католической иерархии: если бы нацистское правительство прекратило свои антикатолические атаки, Германия могла бы стать сильнее, используя всю мощь католической идеологии, чтобы присоединиться к борьбе государства против большевистской угрозы.

Упрямое поведение гитлеровского режима, требующего полного подчинения нацистскому мировоззрению, заставило многих в католическом епископате сузить свою критику национал-социализма, а не осуждать собственное правительство. Однако они не молчали, когда государство распускало и запрещало католические профсоюзы, рабочие ассоциации и другие организации. Они не боялись высказываться, когда гестапо цензурировало и закрывало католические издательства и газеты. Они не молчали, когда гестапо и СС конфисковывали монастыри, семинарии и женские монастыри или когда государство убирало распятия из школьных классов. Они не молчали по вопросу развода или эвтаназии. Они не молчали и о том, что они считали величайшей угрозой из всех, — о мировом господстве большевистского Интернационала. Они молчали о преследовании меньшинств, всеобщем нападении на права человека и смертельной проблеме преследования евреев.

Весной 1939 года генерал Франко, страдающий гриппом в постели, объявил об окончании гражданской войны в Испании. Епископ Гален радостно воскликнул, что исход доказал силу Бога над атеистическим коммунизмом. Снова отметив, как его Церковь боролась с коммунизмом десятилетиями, Гален предупредил католиков, что безбожный коммунизм все ещё представляет угрозу из-за Москвы и ее желания победить христианство.⁴⁸ К этому времени нацистская пропагандистская машина замедлила свои атаки на мировой большевизм, поскольку министерство иностранных дел готовило основу для германо-советского пакта о ненападении. Вместо этого национал-социалистическое правительство решило сосредоточить свою атаку на западных либеральных демократиях, ещё больше разочаровав лидеров немецкой католической церкви. Многие лидеры церкви много раз шли на компромиссы, чтобы умиловить немецкое правительство, но ожидаемые награды так и не пришли. Наиболее позитивные из католических лидеров считали, что аннексия Гитлером

Австрии и Судетской области, которая увеличила католическое население Германии почти до 43 процентов, была достаточной наградой, чтобы кардинал Адольф Бертрам воскликнул: «Теперь мы действительно Народная Церковь». 49 Однако в июне 1941 года среди лидеров Немецкой Католической Церкви было гораздо больше радости, когда началась новая борьба с большевизмом с вторжением немецкой армии в Советский Союз. Затем, в очередной раз, лидеры Католической Церкви поверили, что они могут сблизиться с правительством Гитлера, объединенные страхом и ненавистью к общему врагу.

Заключение

Гражданская война в Испании вызвала сильные страсти в Европе

и за рубежом. Казалось, что боевые действия говорили с целым поколением. Историк Кит Уоткинс, писавший о всемирном влиянии гражданской войны в Испании, сказал, что это было «зеркало, в которое люди смотрели и которое отражало не картину реальности, а образ надежд и страхов своего поколения». 50 Хосе М. Санчес утверждал, что зеркало отражало проблемы, разделявшие их собственные нации, поскольку иностранцы пришли для наложения своих религиозных противоречий и отношений на испанскую войну. Протестантам в англосаксонских странах и антиклерикалам по всему миру было легче поддерживать республиканцев, потому что — помимо политических и социальных вопросов — республиканцы были антикатолическими или антиклерикальными. Католики пришли, чтобы поддержать националистов, не потому, что они одобряли авторитарные политические взгляды националистов, а потому, что националисты поддерживали церковь, институт, подвергавшийся атакам в их собственных странах.⁵¹

Что касается членов католической церкви в нацистской Германии, они, конечно, чувствовали, что подвергаются на-

падкам в своей собственной стране. Они желали иметь рабочие отношения со своим правительством и трудно было поверить, когда Гитлер использовал их в своих пропагандистских целях, а затем бросил их с пустыми обещаниями.

30 января 1939 года преуспевающий Гитлер, наслаждаясь своими внешнеполитическими достижениями, выступил перед Рейхстагом. Он ответил на обвинение в том, что Германия является антирелигиозным государством, заявив, что правительство не закрыло ни одной церкви, не прекратило церковные субсидии и не прекратило никаких церковных служб. Затем он смело бросил вызов западным правительствам: «Если некоторые демократические государственные деятели заступились за нескольких немецких священников, они молчали, когда сотни тысяч священников и монахинь были вырезаны в России и Испании. Это были факты, которые нельзя было отрицать, однако демократические государственные деятели молчали, когда многочисленные добровольцы национал-социалистов и фашистов предоставили себя в распоряжение генерала Франко, чтобы предотвратить распространение кровавых преследований большевизма по всей Европе».52

Образы гражданской войны в Испании легко попадали в черно-белые категории «фашизм против демократии» и «католицизм против коммунизма» для многих людей, включая членов Римско-католической церкви в национал-социалистической Германии. Игнорируя сложность войны, немецкий католический епископат всецело поддерживал борьбу с силами большевизма, и тем самым они неявно принимали национал-социалистическое определение того, что предположительно стояло за атеистической системой. Они принимали изображение Гитлером «иудео-большевистского заговора», направленного на завоевание мира: «Мы, немецкие национал-социалисты, никогда не боялись коммунизма. Мы одни признавали эту позорную еврейскую доктрину мировой агрессии, мы изучали её дьявольские методы и преду-

преждали о её последствиях». Иерархия католической церкви считала, что Гитлер упустил момент, когда католическая церковь и государство могли объединиться в битве против их общего врага иудео-большевизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Michael Jackson, *Fallen Sparrows: The International Brigades in the Spanish Civil War* (Philadelphia: American Philosophical Society, 1994), 12.

2. *Ibid.*, 42–43.

3. Gerhard Besier, “Bolshevism and Antisemitism: The Catholic Church in Germany and National Socialist Ideology, 1936–37,” *Ecclesiastical History* 43 (1992): 448.

4. Jose M. Sanchez, *The Spanish Civil War as a Religious Tragedy* (Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1987), 123.

5. Guenter Lewy, *The Catholic Church in Nazi Germany* (New York: McGraw-Hill, 1964), 312.

6. Sanchez, 123.

7. *Ibid.*, 126–27.

8. Robert H. Whealey, “Nazi Propagandist Joseph Goebbels Looks at the Spanish Civil War,” *Historian* 61 (1999): 1.

9. Christoph Eykman, “The Spanish Civil War in German Publications during the Nazi Years,” in *German and International Perspectives on the Spanish Civil War: The Aesthetics of Partisanship*, ed. Luis Costa et al. (Columbia, S.C.: Camden House, 1992), 166.

10. Zbynek A. B. Zeman, *Nazi Propaganda* (London: Oxford University Press, 1964), 94.

11. *Ibid.*, 94.

12. Eykman, 168.

13. Whealey, “Nazi Propagandist Joseph Goebbels,” 3.

14. *Ibid.*, 4.

15. *Ibid.*, 8.

16. Peter Monteath, "The Nazi Literature of the Spanish Civil War," in L. Costa, et al., 131–32.
17. Eykman, 174–75.
18. Monteath, 133.
19. Kirchliches Amtsblatt für die Diözese Münster, March 7, 1936; Stefan Rahner et al., *Treu deutsch sind wir—wir sind auch treu katholisch: Kardinal von Galen und das Dritte Reich* (Münster: Wurf, 1987), 30; "Predigt v. Galens," February 23, 1936," Bischof Clemens August Graf von Galen: *Akten, Briefe und Predigten, 1933–46*, vol. 1, ed. Peter LoeDer (Mainz: Matthias Grünewald, 1988), 350.
20. "Hirtenbrief v. Galens," October 1, 1936, LoeDer, 1:451.
21. "Hirtenbrief v. Galens," August 14, 1936, LoeDer, 1:424.
22. "Predigt v. Galens," March 6, 1938, LoeDer, 1:609 and 612.
23. Rahner et al., *Treu deutsch sind wir*, 48.
24. "Entwurf v. Galens für eine Denkschrift an Hitler," May 1935, LoeDer, 1:206–21, here 206.
25. "Galen to Meyer," June 3, 1935, Loeder, 1:228–29
26. Cited in Besier, 451.
27. *Ibid.*, 452.
28. *Ibid.*, 453.
29. Lewy, 206–207.
30. *Ibid.*, 207.
31. *Ibid.*
32. Besier, 449.
33. Ludwig Volk, S.J., ed., *Akten Kardinal Michael Faulhabers, 1917–1945*, vol. 2 (Mainz: Matthias Grünewald, 1978), 184–94.
34. *Ibid.*, 236.
35. *Ibid.*, 207.
36. Besier, 453.
37. *Ibid.*
38. Lewy, 208.

39. Peter Godman, *Hitler and the Vatican: Inside the Secret Archives that Reveal the New Story of the Nazis and the Church* (New York: Free Press, 2004), 128.
40. Lewy, 208.
41. Godman, 131.
42. Ernst C. Helmreich, *The German Churches under Hitler: Background, Struggle, and Epilogue* (Detroit, Mich.: Wayne State University Press, 1979), 279.
43. Besier, 454–55.
44. Lewy, 210.
45. Besier, 456.
46. Lewy, 211.
47. Ibid.
48. “Hirtenbrief v. Galens,” April 1, 1939, *LoeAer*, 1:713–14.
49. Richard Grunberger, *The Twelve Year Reich: A Social History of the Third Reich* (New York: Da Capo, 1971), 449.
50. Sanchez, 159.
51. Ibid.
52. Cited in Helmreich, 299.

Beth A. Griech-Poelle. The Impact of the Spanish Civil War upon Roman Catholic Clergy in Nazi Germany.

Перевод - Райан Гузз

ТАЙНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (ОПРИЧНИНА В XIX ВЕКЕ)

В разгар еврейской революции 1905 г. ярый ненавистник всего православно-самодержавного и национально-русского В.И.Бланк-Ленин написал: «Старый порядок разбит, но он ещё не уничтожен, а новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя» (ПСС, т. 12, с. 115). Здесь матёрый русоненавистник едва ли не безсознательно проговорил некую важную истину. А именно, то, что Опричнина не есть лишь «эпизод» давно прошедшего царствования Государя Иоанна Васильевича Грозного, но что «следы» опричного присутствия различимы в Русской Истории и в XIX, и в XX вв.

Ниже об Опричнине в XIX веке пойдёт разговор особый.

В конце 1870-начале 1880-х гг. в России (по точному в данном случае “диагнозу” всё того же Ленина) складывается “вторая революционная ситуация”. Страну охватывает волна крестьянских выступлений, почти все университеты охвачены студенческими беспорядками, активизируется земское либеральное движение, некоторые деятели которого открыто потребовали созыва учредительного собрания, оппозиционные настроения охватили славянофилов, крайне раздражённых итогами русско-турецкой войны 1877-78 гг., выступивших с резкой критикой всего внешнеполитического курса России (речь Ив. Аксакова в Московском славянском комитете), и, наконец, развернулась террористическая деятельность народовольцев.

В августе 1879 года возникла “Народная воля”. В порядок дня был поставлен и “центральный акт”-цареубийство.

Рубеж 70-80-х годов отмечен лихорадочным состоянием элиты. В формуле - “кризис верхов” - не только аспекты политические и административные, но и спектр настроений и чувств.

Смятением дышат страницы дневника будущего Александра III, тетради с толстым кожаным переплётом и металлическим замком: “Просто ужас, что за милое время!”, “Самые ужасные и отвратительные годы, которые когда-либо проходила Россия- 1879 и начало 1880 г.” Схожие настроения отпечатлелись в записях некоего мемуариста: “Мы живём как на вулкане. Спаси, Господи, Россию от страшного внутреннего зла!” А военный министр сетовал, что многие официальные лица “бездействуют и потакают” опасным происшествиям.

Как всегда в революционную ситуацию все были недовольны существующим положением, но каждый видел свой путь спасения России. Охранители были также недовольны существовавшим в стране положением и выражали свою обеспокоенность уже не только в виде верноподданнейших прошений властям. В русской правой среде вызревает идея *активного противодействия революции*. Причём не столько при помощи карательного аппарата государства (весьма часто, как показала практика, дававшего сбой), сколько *незаконными методами*.

В частности, была создана на конспиративных началах тайная организация «Священная Дружина». Не являясь официальным государственным учреждением, обладая значительными средствами, подчиняясь только министру внутренних дел, она состояла из множества представителей знати и купечества. Главной задачей «дружины» была борьба с революционным движением с помощью «грязных» методов. Например, «дружинники» пытались устранить с помощью террористических актов ряд видных революционных деятелей, за границей издавались провокационные газеты «Правда» и «Вольное слово», ставившие целью дезориентацию лево-радикальной оппозиции и дискредитацию её в глазах общественного мнения.

В терминах современной политологии это движение можно назвать праворадикальным национальным монархическим фронтом. Логика правого радикализма, активной кон-

трреволюции, привела сторонников «законности и порядка» к использованию самых незаконных методов борьбы. Некоторые исследователи усматривают аналогии «Священной Дружины» в знаменитых латиноамериканских «эскадронах смерти» или контртеррористических «бригадах анти-ОАС» в голлистской Франции начала 1960-х гг. Но это лишь аналогии, а вот, применительно к Опричнине следует говорить о прямом «генетическом» родстве...

Созданная вместе с «Дружиной» «Добровольная народная охрана», чинов которой обычно называли хоругвеносцами, просуществовала до конца Российской монархии, но она носила чисто церемониальный характер, созываясь лишь во время государственных праздников.

В августе 1879 года, чуть ли не день в день с возникновением «Народной воли» возникла ещё одна праворадикальная контрреволюционная «опричная» организация – *Тайная антисоциалистическая Лига*.

Основоположников-народовольцев было одиннадцать-двенадцать. Они задались целью ниспровергнуть самодержавие и самодержца. Опричников-«лигеров» было тринадцать. Они решили «парализовать зло, образовать железный круг около Его Величества и умереть вместе с ним, если ему суждено погибнуть».

«Мы,-заявлял один из тринадцати, - торжественно поклялись, что никто и никогда не узнает наших имён... Мы основали лигу, род ассоциации, управляемой тайно и неизвестной даже полиции, которой, впрочем, и без того многое остается неизвестным».

Жалобы на плохое состояние политической полиции, как и желание добиться её высокого профессионализма, тоже одна из примет «кризиса верхов».

После халтуринского взрыва в Зимнем дворце (февраль 1880 года) был призван на спасение династии «варяг»- М. Т. Лорис-Меликов. Граф, называл Третье отделение «гнусным учреждением» (надо полагать, за «бездействие и потакание опасным происшествиям»).

Его союзницей в деле совершенствования тайной полиции явилась княгиня Юрьевская – морганатическая супруга Государя Императора Александра II. “В этом надо отдать ей полную справедливость,- признавал Лорис-Меликов.- Она подготовила почву и однажды сказала мне: “Теперь говорите Государю, я уже говорила ему”.

Почему княгиня Юрьевская поддержала Лорис-Меликова? Существует упоминание, что у неё были давние счеты с Третьим отделением: когда-то шеф жандармов, державший сторону императрицы, грозился “истребить” соперницу “девчонку”. Если это и верно, то всё-таки слишком невесомо, чтобы определять поведение княгини Юрьевской. Нет, она, лично она, и, вероятно, горячее прочих, жаждала сильной и всепроникающей полиции. Только сохранив Царя от покушений террористов, она могла рассчитывать на корону.

В августе 1880 года Третье отделение собственной Его Величества канцелярии было заменено департаментом полиции министерства внутренних дел, бразды которого принял генерал Лорис-Меликов.

Тот же аноним из числа тринадцати, письмо которого мы цитировали выше, сомневался в надёжности далее “хорошей полиции”, ибо: “Полиция - это институт, где каждый отбывает свою повседневную обязанность, только о ней и думая”. Иная статья, подчеркивает аноним, “мы, наши агенты”. Ибо: “...все избраны из заклятых врагов социалистов. Полиции бегут нигилисты, нас они не знают и принимают за своих собратьев”.

Приведённые строки адресованы княгине Юрьевской. Будучи союзницей Лориса, она приняла и роль посредницы между “Т. А. С. Л.” и Александром II.

* * *

Письма, лежащие перед нами, внешне красивы.

Голубоватая бумага, в левом верхнем углу монограмма, увенчанная короной. Чернила плотные, на растворе нигрозины, и, как сказал бы каллиграф, «хорошо сходящие с пера».

Слегка наклоненный вправо, «приятный во всех отношениях» почерк человека, привычного к кабинетным занятиям и вполне владеющего французским. Никаких помарок на всех тридцати страницах. На двух из них - увесистая печать красного сургуча того добротного качества, который придает оттиску глянцевищность. На печатях отчетливы и лавровый венок, и звезда с лучами, и крест, похожий на орденский, и надпись: «Т. А. С. Л.», «БОГ И ЦАРЬ», «1879», «СПБ. ОТДЕЛЕНИЕ».

Первое письмо датировано 18 мая 1880 года, последнее - лишь числом и месяцем - 17 декабря. Есть вовсе не датированные, есть с оборванным текстом.

Едва перелистав эту таинственную корреспонденцию, определяешь два обстоятельства. Архивная подборка неполна: в одном из писем упомянута некая предыдущая информация, а между тем её не обнаруживаешь! (Еще досаднее то, что мы не знаем, где письма княгини Юрьевской к этому анониму. А письма были! «Я имел честь получить ваш любезный ответ», - свидетельствует аноним, каковой для княгини Юрьевской, конечно, не был анонимом.)

Неизвестный автор принадлежал к «высшим сферам». Это явствует не только из его прямых заявлений, но и из мелочной осведомленности. Так, например, он сообщает княгине Юрьевской, что такая-то депеша, ночная и спешная, «была отправлена на Английскую набережную», а в другом месте называет мадемуазель Шебеко как возможный, так сказать, канал связи.

На Английской набережной квартировал князь М. М. Долгорукий, старший брат княгини Юрьевской; одно время, до переселения в Зимний, она тоже жила в этом особняке. А Варвара Шебеко подвизалась компаньонкой у княгини Юрьевской - дел рачительница, детям - нянька, к тому же один из братьев княгини был женат на сестре В. И. Шебеко.

О чём же сообщал рыцарь с опущенным забралом в своих конфиденциальных французских письмах? О чём извещал он

даму-патронессу, неоднократно напоминая о необходимости хранить всё в секрете от всех, кроме Государя, и столь же неоднократно подчёркивая полное доверие «Т. А. С. Л.» к той женщине, чувства которой к Царю не могут не внушать высокого уважения?

Возникновение «Т. А. С. Л.» корреспондент княгини Юрьевской объяснял «безмятежной дремотой общества», в то время как «адский мир нигилистов, революционеров, социалистов, коммунистов - этих российских санкюлотов» “раздавался вширь и бурлил на всю Россию”.

“Что же делать? Как предупредить мятеж, революцию?” - вопрошал аноним. “В эту годину кризиса”, повествует он, тринадцать человек “не впали в общую одурь и решились спасти того, кто слишком хорош для народа, не знающего признательности”.

“Название нашей лиги,- писал он позже,- “Тайная антисоциалистическая Лига”. Наш девиз - “Бог и Царь”, наш герб - звезда с семью лучами и крестом в центре. Ныне нас насчитывается около двухсот агентов, и число их непрерывно растёт во всех уголках России. При желании, мадам, вы могли бы составить представление, хотя и смутное, о нашей лиге, вспомнив об обществе франкмасонов и других подобных обществах и ассоциациях с их девизами и гербами”.

Некоторое представление о структуре лиги дают нижеследующие строки из очередного письма: “Великий лигер, два высших лигера и младшие лигеры, деятельные члены, депутаты, секретари канцелярий, агенты администрации - одним словом, вся административная часть лиги (за исключением её членов) в молчании собираются в большой зале собраний, где происходит молебен. У каждого чёрные уставные одежды, на груди знак с серебряными лигистскими литерами, у некоторых гербовые знаки на левом рукаве... После молебна исполняются различные церемонии, каковые происходят в молчании, и лица у всех закрыты, ибо, по законам лиги, никто не должен знать, кто именно его непосредственный на-

чальник, дабы избежать уколов самолюбия и предупредить измены. Именно здесь я имел честь сообщить ассамблее милостивейшее слово Его Величества. (Отсюда нетрудно заключить, что письма, посланные княгине Юрьевской, были читаны Александром II и что деятельность лиги, неизвестной официальной полиции, одобрялась Царём.- С.Ю.) В ответ, как знак нижайшего подчинения и признательности, все эти чёрные фигуры склонились. Затем началось обсуждение. (Очевидно, каких-то очередных дел.- С.Ю.) Под конец, по обычаю, члены лиги и свиты удалились. Лигеры последовали в полуосвященный “Чёрный кабинет”, и двери были закрыты. Они (лигеры.- С.Ю.) заняли места вдоль стен, на которых висят гербовые знаки... Всё, что решается в “Чёрном кабинете”, неотменимо - скорее Нева потечёт в Ладогу, чем не исполнится в назначенный час приказ, здесь данный... Вот, мадам, пример наших церемоний, которые напоминают церемонии обществ, известных в истории, и которые не могут быть иными в лиге, члены которой связаны клятвой”.

В посланиях к княгине Юрьевской рассеяны и другие “организационные моменты”. Встречаются упоминания о филиалах в городах европейской России. Агенты обозначаются номерами (даже трехзначными!) и литерами. Есть известие о том, что “под развевающимися знаменами лиги” действует пара великих князей, близкие друзья графа Лорис-Меликова, один из членов подчинённой ему Верховной распорядительной комиссии.

Сам граф не был взыскан особой милостью лигеров: “Мы хорошо знаем, каков его характер и кто он есть. Это смелый и добрый человек, но малоэнергичный и лишённый талантов, хотя он и споспешествует благу, ибо наделён доброй волей и предан делу (что ныне встречается редко). Однако он не относится к тому роду людей, которых следует назвать железными и из которых состоит наша лига. Не знаю, хватило бы у него духу умереть за благо. Поэтому было бы бесполезно посвящать его в наши тайны и в данный момент причислять к нашей лиге”.

Обратимся к методам лиги. Одним из приёмов “железных людей” было проникновение и внедрение в подполье: “Отмечу, мадам, что четверть наших агентов находится среди революционеров”; “...наша лига располагает примерно двумястами особами, которые действуют не силой, но тем не менее способствуют падению социалистов”.

Корреспондент княгини осведомляет Зимний, что лигеры избавили Императора от беды, захватив “многие личности”, “в частности, двух руководителей”. И далее: “Снаряд, о котором я говорил, прибыл прямо из Америки в ящике с ярлыком фирмы швейных машин. Ещё в декабре 1880 г. (ошибка, так как письмо помечено маем 1880 г.- С.Ю.) нам телеграфировали, что русские социалисты состоят в переписке с американскими (обратим внимание на эту деталь! Поистине, Америка – есть настоящая родина всех антирусских революций – С.Ю.). Ящики хранились в петербургском магазине, и никто не подозревал об их содержимом”.

“Великий лигер” заявлял, что лига “никогда не присваивает себе права жизни и смерти”, что она не намерена “марать руки в крови”.

В письме - тоже майском, 1880 года - аноним бьёт во все колокола: он умоляет княгиню Юрьевскую уговорить Царя не ездить на развод караулов в Михайловском манеже.

Почему “великий лигер” лишает Монарха привычного удовольствия? А потому, что “возник новый план злодеяния” - на пути к манежу “квартиры заняты” революционерами и, вероятно, будет брошена бомба.

Каждый, кому известны перипетии народовольческой охоты за Царём, поневоле насторожится. Да, в начале 1880 года путь к манежу еще не был заминирован, но Исполнительный комитет уже “составил,- как пишет В. Н. Фигнер,- проект снять магазин или лавку на одной из улиц Петербурга, по которым наиболее часто совершался проезд императора: из лавки предполагалось провести мину для взрыва... Так как царь обязательно должен был ездить в Михайловский манеж, то магазин искали по улицам, ведущим к нему”.

Сохранилась тетрадь начальника государева конвоя капитана К. Ф. Коха, где зафиксированы все маршруты Александра II. Они не изменились и после сообщения “великого лигера”. Больше того, 1 марта 1881 года полиция осмотрела сырную лавку, из которой шла минная галерея под Малой Садовой. Осмотрела и... ничего не обнаружила. Уместно ещё раз вспомнить, как “великий лигер” отмежёвывался от официальной полиции, приносящей “один вред”...

* * *

Степень осведомленности Лиги хорошо показывает пример с Исполнительным комитетом “Народной воли”.

Пятый параграф её устава, принятого в Липецке, гласил: “Комитет должен быть невидим и недосягаем”. Члены комитета, по свидетельству В. Н. Фигнер, обязывались “ни в сношениях частного и общего характера, ни в официальных актах и заявлениях (то есть на следствии и суде.- С.Ю.) не называть себя членами Исполнительного комитета, а только агентами его”. Пополнение производилось без огласки, кооптацией сверху вниз. Разумеется, архисекретной была и численность комитета. Когда один из революционеров спросил члена Исполнительного комитета А. И. Баранникова: “Как велико число членов Исполнительного комитета?” - последний поступил невежливо, зато по уставу: ничего не ответил.

На вопрос этот ответили другие. Но уже после трагедии, когда занавес опустился.

В. Н. Фигнер: 28 человек.

Л. А. Тихомиров: 26 человек.

А. П. Корба: 17 человек.

Историк В. А. Твардовская определила число членов комитета в 31 человек. Поскольку в разное время в тесной, сплочённой руководящей группе было неодинаковое число находящихся в строю, возьмём за среднее 25 человек.

Существуют сведения и об активных бойцах, готовых по знаку комитета выступить на улицу с оружием в руках: 500 человек. А тех, кто “принадлежал к партии или находился под сильным ее влиянием”, было в несколько раз больше.

Всё это, повторяем, строжайшие секреты народовольцев.

В письме “великого лигера” численность Исполнительно-го комитета **н а з в а н а**: 24 человека. Названо и число активных бойцов: 600 человек! И тут же оговорено: к ним следует прибавить 900, а возможно, и 1500 человек, «которые принадлежат к группам и действуют, как солдаты в бою, согласованно и безостановочно, не считаясь с препятствиями».

Указанное письмо лигера не датировано. Но оно следует за январским 1881 года и ещё одним, тоже недатированным. Стало быть, вероятнее всего, писано весной 1881 года. А в феврале того же года Исполнительный комитет, собравшись на конспиративной квартире у Вознесенского моста, как раз и насчитал 500 активных бойцов. Не поразительное ли совпадение фактических данных?

* * *

Факт давний, непреложный, отмеченный и архивными документами, и мемуаристами, и комментаторами: «Священная дружина» возникла в марте 1881 года, после смерти Александра II. Возникла и была, как красочно выражались советские «историки», «выкидышем реакции с её зловещим шорохом «совиных крыл» Победоносцева».

Но письма «великого литератора», всё, что в той или иной степени, пусть пока и недостаточной, из них выясняется, - не есть ли свидетельство того, что «Священная дружина» продолжательница «Тайной лиги»? В самом деле, сходство разительное.

Цель - одинаковая: **«тайный крестовый поход против врагов порядка»**, как формулировала «Хроника социалистического движения». «Хроника», кстати сказать, составлена под главной редакцией генерала Шебеко, родного брата В. Шебеко, которая гнездилась подле княгини Юрьевской и о которой писал «великий лигер».

Иницианты - если не одни и те же (именной список лигеров покамест не обнаружен), то и там и здесь люди с весом и положением. Структуры - родственные: центр, филиалы, агенты.

Генерал и публицист Р. А. Фадеев, близкий к Александру III, указывал, что идея «священной дружины» носилась в воздухе еще до «Священной дружины».

Небезынтересно следующее. П. А. Кропоткин в «Записках революционера» говорил, что для «охраны царя была основана тайная лига». Правда, тут речь о временах Александра III. Но вот что примечательно: Кропоткин различает «Тайную лигу» и «Священную дружину». Может быть, он имел в виду «Добровольную охрану», это дочернее «предприятие» при «Священной дружине», а может что-то слышал о «Т. А. С. Л.»?

Мы решаемся лишь предполагать следующее: лигеры, в отличие от дружинников, были малочисленны; лигеры, опять-таки в отличие от дружинников, не были связаны с официальной полицией, чурались, избегали её. И хотя однажды «великий лигер» пожаловался на то, что ассоциация «уже становится достоянием света», она в этом отношении пользовалась большей секретностью, нежели «Священная дружина»...

Несмотря на временное торжество антирусских революционных сил, наследников «народовольцев» и разномастных социалистических – тайный Крестовый Поход продолжается. Преемником активной контрреволюции дореволюционных лет – Антимасонской Лиги и Священной Дружины – является Опричное Братство св. преп. Иосифа Волоцкого.

С.Р.Юрьев

д-р Димитрий Донцов

ДЕЛЕНИЕ НА РЫЦАРЕЙ И СВИНОПАСОВ

(глава из книги

«Где искать наши исторические традиции»)

Есть народы-господа и народы-плебеи, или, как их – этих последних – называет Шпенглер, феллахи. Шевченко их обозначает также своим названием. Плебеев называет «свинопасами», «гречкосеями», народы – господские – «рыцарскими сыновьями», «козаками», понимая их как особый человеческий тип, созданный властвовать, не *над* кем-то, а *на* своей земле; быть субъектом жизни, не ея объектом, не глиной в чужих руках, не «мусором» и «грязью». Мотивом деятельности этого человеческого типа была «слава», её добывание. Мучает его более всего не экономическая «несправедливость», а отнятие свободы, посрамление, то, что « в ярмах рыцарские сыны».

Это деление на «рыцарей» и «свинопасов» среди народов, на аристократов, господ и плебеев не является делением классовым, социальным, но лишь *психологическим, типологическим*. Каждый народ представляет – в определённое время – его руководящий слой. Он может состояться из касты жрецов, феодалов, мелкой шляхты, бюргеров или «крестьянско-рабочей» бюрократии, – это всё равно. В каждой из них – в разные эпохи – может быть воплощён тип или один (плебейский), или другой (господский). Напр., накануне великой революции 1789 г., тяготящаяся господством и жаждущая материальных утех, французская феодальная аристократия клонилась уже к феллахскому типу. Так же козацкая аристократия на Украине – выразительный аристократический тип в лице Богунов и Дорошенко, становится типом плебейским в лице панов Халявских... [пан Халяв-

ский – главный персонаж одноимённого романа Г. Квитки-Основьяненко – прим. Пер.]

Дабы различать эти два типа, ничто не является таким хорошим пробным камнем, как их отношение к общественно-политическому идеалу. Плебея – познаете по его тоске по «социальной справедливости», по равенству (хотя бы и под тираном). Господина познаем по его тоске по свободе, всё равно какой ценой. Любовь крестьян к «батюшке царю», который их защитит против панов или старшин – это любовь плебея. А эхо ее откликается в восхвалении царизма Драгомановым, в припадании наших социалистов к ногам большевицкого царя, который «всё же таки сделал кое-что положительное на Украине» («Трудовая Украина»). Плебея познаете, в особенности, и по тому, что он недооценивает значение политического самодержавства (власновладства)...

Это сугубо-«свинопасское» міровоззрение целиком овладело нашей либеральной интеллигенцией прошлого века и удерживает её ещё и теперь. Костомаров считал государство прежде всего за орудие насилия, оно возникало как «плод завоеваний». Его идеалом был не государственный союз, а «свободные человеческие общины», то есть примитивные союзы, до коих только и может подняться мысль плебса. [И. Крип'якевич, М. Костомарів, Львів, 1925, «Стара Україна», V].

Такой же антигосударственный, насквозь анархический идеал проповедовал и Драгоманов. Антигосударственный характер носит и концепция Липинского – «трёх Русей». Всё, что было соединено с высшей формой народной организации – с государством, представлялось той нашей интеллигенции, как проявление насилия; их отвращал «инстинкт государственного насилия», зато увлекала туманная утопия «народоправства». [Д. Дорошенко, Огляд української історіографії, Прага, 1923 ст. 175 – 6, примітка про П. Житецького].

Так же и «в исторической концепции Грушевского усилия к образованию собственного государства и вообще го-

сударственные устремления стоят на втором плане в сравнении со стремлениями народных масс достичь максимум удовлетворения своих социально-экономических интересов». Он считал, что «социально-экономическую и национальную эмансипацию украинского народа можно достигнуть и в пределах чужой государственности (российской и австрийской)», поэтому «он мало ценит государственные усилия украинских князей и гетманов и осуждает их», поскольку они «требовали жертв» от масс народа. Грушевский сам признаётся, что «был воспитан в строгих традициях радикального украинского народничества, которое вело свою идеологию от кирило-мефодиевских братчиков и твёрдо стояло на том, что в конфликтах народа и власти вина лежит на стороне власти... Из этих принципов исходит проф. Грушевский... в оценке движений украинских народных масс... и выступает против собственных князей – таков, например, его взгляд на движение «татарских людей» XIII ст. против короля Даниила [там же, стр. 190 – 91].

Эти же «выводы» помогли ему пойти навстречу новым «татарам» – большевикам в 1919 году, потому что он поддался их обещаниям. И не была это некоторая «человеческая ошибка», не какой-либо неожиданный «скок в гречку», – это вытекало, как видим, из его общих взглядов, из целой психики... Люди той психики думали, что и чужое татарское войско могло принести освобождение нашим древним «болоховцам». И – паки и паки – насколько интеллигентнейшим и мудрейшим был автор «Истории Русов», коий писал: «всякий народ должен иметь своих воинов, чтобы поручить свою судьбу и безопасность не чужеземному, а своему воинству», а поручать сию безопасность и судьбу ордынским воинам – это всё равно, «будто приставить коршуна стеречь голубей, а волков – овец» (ст. 18).

Радикал Пушкарь предостерегает «перед чрезмерным предоставлением государству, как таковому, слишком большого значения в жизни народов», дескать, обойдётся и без него [К. Пушкарь, *op. cit.*, стр. 60].

Ненависть к козацкой эпохе – одной из наиболее блестящих в нашей истории – разделяют все современные феллахи – интеллигенты, начиная от новозорянцев и кончая радикалами. Козацкое время для ««Нової зорі» является «периодом наихудшей анархии». Шельменко-денщик, который задаёт тон «Новой звезде», столь ненавидит эту нашу эпоху, что хвалит погромщицу козачества, московскую царицу Екатерину, потому что «царица Екатерина сделала большую услугу украинскому народу, разрушив разрушительное гнездо разбойничества на Запорожье. Здесь наш поэт Тарас решительно ошибался, думая, что она «доконала вдовусиротину». [«Нова зоря», 1933, ч. 34, 1936 ч. 42]. Становясь в позу культурника, глядячи сверху вниз на хлопа «Тараса», несчастный «доктор» Шельменко даже не подозревает, каким подлинным аристократом, в сравнении с ним, типичным в смысле Шевченко «свинопасом» – является гениальный автор «Кобзаря»...

Той же самой мысли на державное строительство держится и другой «гречкосей» Никита Шаповал. Уже в эмиграции он хвалится, как это он «писал ещё в 1913 р.: «у нас нет предков, достойных почёта... Разные хамы-разбойники, гетманы... Культуру наших предков... смело бросаем в печь» [«Українська хата», Київ, 1913, стор. 305 – 306]. Ещё одно ослиное копыто!

Так же проповедают и наши разные Тагоры. Наши князья – были «насильники и чужеземцы». Напротив всецелая симпатия их лежит на стороне «бродников», которые в XIII в. «помогали татарам против русинских князей» (терминология «русинский» – не из краковского «Курієрка», а из книги «украинского социологического института в Праге»). Все их симпатии лежат не на стороне строителей княжеской Руси, а на стороне «болоховцев», которые «лучше соглашались признать власть татарскую, чем власть чужого (?) тяжкого им Даниила. «Болоховцы» – это были не сволочь, не голытьба, а «свободолюбивые элементы». И всю эту тюрю пишет под

заголовком «Украинская национально-государственная традиция» г. Никифор Григорьев, апостол нашего феллахства, *persona grata*, и постоянный сотрудник «Громадського Голоосу». [Український соціологічний інститут в Празі, «Народознавство», I – III, 1931].

Потому что когда Даниил приносил твёрдую руку и требовал твёрдой дисциплины, татары приносили «свободу», подобно, как и большевики, за которыми тоже и по тем же самым причинам пошли новейшие «болоховцы» Винниченко и Грушевские... Конец, очевидно, везде был одинаковый: «татары» жестоко надругались над «болоховцами», но то, что союз с татарами не даёт социального освобождения – этой науки «болоховцы» извлечь не смогли...

А за ними ещё и ещё! В полном согласии с новозорянцем выступает и радикал. Какой-то – пусть ему простит великий Нестор – какой-то Р. Летописец позорит память великих строителей княжеской Руси в «Общественном голосе». Нельзя же допустить, чтобы деятельность тех строителей «идеализировали»! Потому что среди них царило «братоубийство», они «уничтожали народ» и вообще были представители «средневековой реакции», а на войне были такие жестокие, что жгли города и «рубил в капусту» трудящийся народ и воинов противника. Те, что строили нашу государственность, были просто преступниками, которые никак не хотели ввести «новый порядок правды, справедливости и свободы».

Правда, сам наш «гречкосей» Летописец утверждает, что «наши князья были такие же, каковыми были тогда все другие князья и у других народов», а когда наш народ достиг некоего уровня культуры, то это совсем не благодаря тем князьям, но «наперекор преступной работе тех князей», тех «хамов и разбойников», наперекор всяким Мономахам, Ярославам, Мазепам и Хмельницким... [«Громадський голос», 1938, ч. 3, Р. Літописець, Які були способи діяльності в нашій середньовіччі?]. Эти князья – то были феодалы, дармоеды и бездельники, которые лишь пили, гуляли, ненужную «славу

добывали», расточали народное добро на дворцы, крепости, соборы и армию (такие были проклятые милитаристы), резались с половцами и печенегами (такие были ненасытные империалисты), не давая работать трудящемуся народу.

Итак, территориальное объединение нашего народа, его оборона перед кочевниками, обеспечение возможности мирной работы плугу пахаря, эпосы о полку Игоря и прочие, которые появились на фоне их военных походов, величественные церковные здания, христианство, наша «латынь» – церковно-славянский язык, который впервые – вместе с церковью – объединил нацию в один организм, памятники нашей книжности, воспоминания страданий и борьбы – всё, чем мы живём до сих пор, что нас всякими способами хотят, но не могут, лишить противники, всё, что сделало из нас нацию и с потерей чего мы ею перестали бы быть, – те настоящие новейшие «хамы и разбойники» называют мусором, который надо бросить в печь!

И чем это заменить? Наукою кретинов, которые воюют с «идолопоклонническим культом наций», славят царицу Екатерину, борются с «инстинктом государственного насилия», проповедуют «любовь к северной Руси» и мудрость смиренных индусов; наукой тех, что советуют «стать выше всяких обид и издевательств»; которые говорят, что патриотизм имеет «неприятный для постепеновца» привкус, которые предлагают уничтожить, как «реакционную», концепцию борьбы за существование, а ввести наоборот идею, что с «демократическо-прогрессивными элементами» других народов «надо дружить»... Себе же оставить лелеять «литературу, национальные песни, национальные гимны, национальные обычаи, одежду, любимые блюда национальной кухни и прочее». [«Нова зоря», 7 XII 1933]. Колбаса, чарка, гопак и вышиванка, – как признаки правильного, не хищнического патриотизма.

**(Дм. Донцов. Де шукати наших історичних традицій.
– Львів: Українське видавництво, 1941 р.)**

Приложение: Дмитрий Донцов
Поэт рыцарства украинского Тарас Шевченко

*«Мельчают люди на земле,
растут и высятся цари...»*

Это слова Шевченки. Когда он появился на Украине со своим словом, – на мелких людей напал ужас. От истинной Украины, которую им открыл Шевченко, – им стало «больно и страшно», как писал один кирило-мефодьевец. Так страшно как тем «дядькам», которые «от страха и сожаления немели», слушая рассказы Шевченкового деда о Гайдамачине. С тех пор не было такого мелкого человека, который не старался бы уменьшить величие Шевченки, сделать его таким же маленьким», как он сам. Чтобы не было страшно и чтобы критики не проигрывали от сравнения.

В эмиграции оказалось много таких критиков. Один из них (Шевчук) провозгласил, что козаки XVI – XVII вв. это были люди «железного пафоса», и Шевченко совсем не их возвеличивал, а «маленького человека», такого маленького как сами эти критики; что от него он ждал спасения для Украины.

Это одна из наиболее циничных фальсификаций Шевченки, с которым в паре может идти разве что большевицко-московская фальсификация поэта. Так как из каждого его стиха сквозит его религиозность, как и его увлечение украинским рыцарством, коего бардом был сам он. Слово – «рицари святїї» при определении козачества, употребляет он всегда и без усталости с удивлением и адорацией. Их поставляет за пример нации, их добродетелями восхищённый, их Украиной, от них лишь ждёт избавления. «Маленького человека» – когда он был из из «душевнобогих» и «тёмных хлебопашцев», – любил, мучился его темнотой и рабством. Когда он был из стаи мерзавцев и плембеев, – казнил и таковым брезговал.

Большевики и наши «маленькие люди» представляют Шевченко «необразованным мужиком», «водочный дух и вытерт кожух» (П. Карманский). Таким он никогда не был,

ни в произведениях, ни в своей индивидуальности. Все чужеземцы, что его знали, да и свои тоже, – представляют его нам, как человека – « в котором не было ничего тёплого, наоборот был он сухой и холодный»; имел «выражение козака, взгляд суровый, изредка лишь нежный», с «натурой страстной и неутихомиренной»; не имел ничего от плебейского «хитрунства», был «зажигательный и безстрашный», «жил козацким духом, который одушевлял его», жил «как в походе и не мечтал о скупом комфорте»; был «пылким в своей ненависти», любил всё «благородное и прекрасное», не интересовался разговорами «о мелких интересах»; вылазило из него не раз «запорожское чудачество» и не терпел он «лубочного и балаганного» жанра в театре и в литературе...

Так писали о нем Костомаров, Тургенев, Полонский и прочие. Это тип запорожца! Мог бы, как Гоголь, сказать о себе, которому казалось, что кровь запорожская «гарцует в душе» его.

Таким был батько Тарас и в своих произведениях. Основной тон его поэзии – это вера в Бога, страстная любовь к своей стране и к понятию чести, личному достоинству. И разве сие не напоминает лозунг старой «шевальерии» французской? - «*Mon ame a Dieu, ma vie au Rois, l'honneur – pour moi*» – то есть по-теперешнему говоря: «Богу моя душа, отчизне – жизнь, а честь – уже моя». Это был лозунг французских шевалье, но так же и козацких «рыцарей и кавалеров», это же было и смыслом Шевченкова творчества, его завещания.

Всем кодексом своей веры отличался он от голытьбы. Он молился Богу, голытьба – молится или матери, или собственному телесному Я, своему уму, или тирану, от которого зависит её физическое благосостояние. Против всех этих форм идолопоклонства – выступал Шевченко. В «Неофитах» казнит «плебеев хлебопашцев», которые молились на языческого цесаря:

«Горе с вами!

Кого умолять вы пришли?

Свои надежды принесли?
Горе вам, рабы незрячие, слепые...
Молитесь Богу одному,
Молитесь Правде на земле,
А больше на земле никому!»

«Плебеи хлебопашцы», тиранохвалыцы, рабы слепые – голытьба, которая забыла Бога, – вот против кого гремел он, вот кому противопоставлял своё козацкое «верую».

Противопоставлял своё «верую» и тем «живым и неродившимся» атеистам, которые кричали тогда, а ещё больше кричат ныне, – «нет Бога, только Я!». Противопоставлял своё «верую» и тем, которые – идя за своим плотским «умом» – поставляли блага материальные превыше всего; которые могли продать мать и самого Бога – «за шмат гнилой колбасы»; которых за ту «колбасу» можно было и в рабство впрячь – «потому что говорят, лишь бы кнут в руках был, а хлопа, как того вола в плуг голодного запряжёшь...».

Не против народа, а против тех «плебеев», «холопов», «рабов», что забыли Бога, обращался своей пламенной проповедью Шевченко. Плебеями были и те хлебопашцы, которые молились на Нерона; плебеями была и, выродившаяся в конце 18-го века, старшина козацкая, которая – «царицыны черевички лизала»; плебеем был и царь Ирод, «романский золотой плебей», что целовал голенище римским ликторам... их жизненному кодексу противопоставлял свою рыцарскую мораль и свою веру в «единого Бога» Шевченко. Знал, что лишь божественная, духовая сила даёт мощь «рукам нетвёрдым», что лишь она помогает «возстать на палача снова»; что даёт силу языку, чтобы «огненно заговорил», чтобы огнём зажжёт сердца. Это же было то «верую», та самая мораль, с которой когда-то собирались на «поганных» Игорева «вои», запорожские братчики или западные Крестоносцы освобождать Гроб Господень.

Богу – душа, Отчизне – жизнь... Это значит, что – после Бога – родной край наивысшая ценность, которая стоит пре-

выше всего, даже жизни человека. «За неё душу погублю» – за свою страну, – это вершина любви к ней, потому что «нет большей любви, чем кто душу свою положит за други своя». Эту мораль противопоставляется морали плебеев, которые продадут право первородства на своей земле, как Исав за «миску чечевицы»; которым лишь бы позволили в міру «рожь господам сеять», которым безразлично, свободна ли их земля, или в рабстве, – «лишь бы добра была для огорода». Он гнушается миром в рабстве, «благоденствием» под ярмом чужеземца. Предпочитает, чтобы послал Бог карающую руку своей справедливости на Украину, если бы она «омерзилась, чужим богам пожрала жертвы». Смеётся над теми воинами московскими, что – «накормленные и обутые» но и – «в кандалы закованы». Аргумент «лучшей жизни» экономического благополучия хоть бы и под кнутом чужеземца – это идеал илотов – но не его, внука гайдамака .

Идеалом илотов – является «сидеть украдкой», «спать ходячему», вегетировать как «капуста головастая» – се растительный идеал. Он не был таким «демократом», чтобы уважать илотов, только потому что их было много. И бесов может быть «легион»! О таком илотском коллективизме, говорил: – «а на общину хоть наплюй, она капуста головастая»... Хотел – «сердцем жить, людей и Бога любить», если же нет – «то проклинать и мір поджечь». Когда нет Божией справедливости, то – бороться за неё и уничтожить зло. Борьба рыцаря с «погаными» – это его стихия, его жизнь. Не благосостояние его идеал, – а слава. Кроме Бога пожалуй чаще всего встречается у поэта это слово – ненавистное «реальным» людям... Его рыцари не имеют «ни житья, ни стана, ни сада», пренебрегают ими. Взамен предпочитают «золото и славу». Поэт не улекается запаханнми степями и крепостными ширителями «культуры плуга». Предпочитает чтобы вместо полей пшеницы «тирсы шелестели», чтобы паслись кони козацкии, нежели жить в неславе и неволе.

На воспоминаниях бывшей славы – пусть и в огне войны – его «сердце покоится». Было бедствие, кровь, пушки? - но «жаль, что то бедствие прошло». Украину представляет себе «землёй козацкой». Как артист, как поэт погружается в её прошлое, увлекаясь прежде всего памятниками старой гетманщины, – дворцами, портретами, церквами, могилами, наполненными «благородными трупами» рыцарства украинского, которое «врага деспота под ноги топтало и нерастленное умирало», которое стремилось к свободе и к славе отчизны, а не к «физическому сохранению» нации. Потому что «слава заповедь моя»... Как эта жизненная философия была понятна хмельничанам, мазепинцам, полуботковцам, проклятыми Швейками «людям освободительного движения», поэтам «вістниківства». И как она далека нынешним поборникам «романтики», «мистики борьбы», адораторам Гахи и Бенеша.

Меч, не плуг – была душевная стихия Шевченки. С теми, что «в ярме падали», что лишь «пахали и пахаря судьбу проклинали», – был он сердцем и душой; жалел их, ненавидел их мучителей. Но духом – принадлежал тем, духом и рукой сильным, которые способные были «розкувать сестру свою», и мать и брата. К этому последнему слою, к «рыцарям», принадлежал он весь и во всём. Песни, которые поют его герои – козацкие песне, о Сагайдачном, о других «вождях» (гл. «Никита Гайдай»). И даже его слеза – козацкая слеза. От «козачьего плача» Шевченки – «Босфор трясётся» и «регочется Днепр»; его дума становится «огнём-слезой», притчей разпинателям народа, «грядущим тиранам»; из его слёз вырастают ножи, которые «раскромсают гнилое сердце» плебейской философии жизни, с её слезами жалкого сожаления, с её невольничьим скулежом, с её страхом перед тиранами и ещё больше перед «ножами», перед действующим сопротивлением тиранам и продажным человекам; с её страхом перед всякой «нетолеранцией» и «хищничеством».

Богу – душа, жизнь родному краю, а честь – для себя. Он знал, что тех «невидящих, душевбогих хлебопашцев», которых так любил, – никто не освободит, кроме как как те «рицари святїї», отдельная духом порода людей.

Он отличает этих людей, как людей отдельного духа, благородной души, людей чести, с «благородными костями», с «чистым сердцем», не будничного характера, характера героического. Приравняв их к орлам, то «козацкое панство», с опричным кодексом чести, голытьбе непонятном.

Особенно той, которая всосала в себя яд московской ментальности.

Это же москалю К. Леонтьеву принадлежат слова осуждения западного «рыцарства с его культом личной чести». Примета рыцаря – это высокое понятие личного достоинства. Его не так гнетёт физический гнёт, как моральное пренебрежение. Поэтому в угнетении, которое испытала Украина, – Шевченкова и бывшая, – он ощущал прежде всего не гнёт экономический, а стыд за неволю. Его обижало, что козак «сам не стыдится конать в ярме», что «стыд козаку» перед престолом Всевышнего «быть в кандалах». Его обижает не нужда, а то, что «в ярмах рыцарские сыны», потому что рыцарю стыдно ходить в ярме или в батрачестве: выживу или пропаду, и «не продамся никому, в батрачество не наймусь»!

Не надо думать, что поэт рыцарем зовёт лишь давнее рыцарство запорожское. Того «одного козака из миллиона свинопасов», что в «Юродивом» на деле пренебрёг царском сатрапом, тоже Шевченко зовёт «святым рыцарем», ведь это у него категория не связанная с некоторыми временами. Противопоставляет он того «рыцаря святого» – «миллионам полянинов, дулебов и древлян», которые молча господство Николаевского сатрапа сносили, «смотрели и молчали и молча чухали чубы». Это отдельная высшая духом порода – те его рыцари. В новейшие времена, в Англии, а частично и вне неё, – из понятия рыцаря образовалось понятие «джентельмена». И это принимает Шевченко, – когда хочет сделать

кому-то наилучший комплимент, говорит, что он «джентельмен первой породы» («Музыка»).

Тех «свинопасов» или «лакеев» он различает очень точно от «рыцарей», и в давности, а в своей современности радуется, когда встретит «благородное лицо» («Варнак») «не крепостное»; вместо того, явно сразу чует во всём приметы плебея, – так называемого «маленького человека», которого Швейки советуют уважать и за его добрые свойства, и за его канальство. Шевченко ненавидит «всё никчёмное и ординарное» («пошлое»), ему импонирует «рыцарская скромность». Приходит в негодование против «мерзящих человека мелких людских страстей», ненавидит «лакейство», он против эгалитаризма, против «выравнивания и выглаживания» всех под одну мерку, против «моральной гадости», против «жалких рабов напрасных узеньких страстей» («страстишек»). Он против того всего, что новейшие пророки плебейства считают за конечную, интегральную часть «целого человека».

Не терпит «простецких людей», «плебейских физиономий», не выносит «людей степенных» с их «ежедневной, однообразной, воловьей деятельностью», а безбожников просто зовёт «полу-мужчинами...». Одним словом презирует и отрицает как раз того якобы «целого человека», «разностороннего» полу-человека, полу-скота, которых как образец человека «родного грунту» захваливают современные апостолы хама.

Говорит, что на поганца надо указывать пальцем, его демаскировать. Кто того не делает, сам становится таким. Ненавидит «корыстолюбцев», приказывает «сторониться всякого негодного человека», всего, что «обижает человеческую благородную природу». Против «толеранции» плюгавцев и предотвращения благосклонности их, – предпочитает даже индусских «браминов, которые будут околевать, а воды у парии не попросят», то есть у того, кем пренебрегают. Понятие чести...

Эти его рыцари с «благородными костями», с отдельной «козацкой, чистой, святой кровью», имеют согласно своему

отдельному характеру, и отдельные требования к искусству. Его герои поют «боевые песни», сам он увлечён был изначально историческими Думами козацкими, любил «песни давности, песни славы». В ихней суровой науке должны были воспитываться и дети козацкие, чтобы росли «козачеству на славу, врагам на расправу». В древней Спарте молодёжь руководящего слоя не должна была слушать расслабляющих, «гуманизирующих» душу, усыпляющих волю мелодий (это было для илотов). Спартанское же юношество должно было воспитываться в духе героизма, в духе «боевых песен», чтения Гомера, в почёте к героическим поступкам предков и к богам. В таком духе закаливались кадры будущих правителей и воинов.

Так же смотрел на это и Шевченко. Не любил ни «солодковато-нудкого» искусства, ни «слащавой» литературы; один знакомый томит его, как «сладкий к дурноте старец...» Слащавость, расслабленность, сентиментальность – это нравилось плебеям, никогда – козакам. Поэтому Шевченко противопоставляет той «слащавости» – твёрдый лаконизм языка, увлекается героями и ментальностью Плутарха, рыцарским эпосом Вальтер Скотта, где бы можно было насытиться тем, что является для него «найчарівнішим», кроме красоты, в жизни, – «гением и славой». «История крестовых походов» Мишо нравится ему «более всех романов». Ещё у Брюллова делает эскиз, как монах Пётр Амьенский ведёт вагатагу крестовых рыцарей...

Гнушался средней дорогой, захваливаемой нашими Швейками (ни Да, ни Нет, ни белое, ни чёрное, ни биться, ни мириться, ни коммунизм, ни антикоммунизм, немного честный, немного подлый!). Гнушался сею философией илота и мещанина; утверждал, что «в духовной деятельности средняя дорога не приведёт к ничему»; говорил, что «застарелый недуг можно излечить лишь героическим лекарством».

Являлся сторонником суровой душевной дисциплины. Советует – «не показывай людям слезу, терпи к гибели». Когда

общество голытьбы слишком надоедало ему, писал – «в дулеви́ну себя закукуй, а на общину хоть наплюй», не учитывай её, когда она составляется из тех, кого он звал «грязными душами». Та самая внутренняя дисциплина и чувство чести вырывала у него и большие слова: – «наказываюсь, мучусь, но не раскаиваюсь!» - не становлюсь на колена перед идолами и тиранами. Чужд был ему плебейский эксгибиционизм, выставление на прилюдное зрелище своих болей. Пренебрегал плебейской эстетикой, в церковных пениях – отличал и любил «взнеслі мотиви», которые поднимают дух горе, крепят его и делают мужественным.

Думы козацкие импонируют ему потому, что они «возвышенные, простые и прекрасные». Ему нравились исторические фигуры «могущественного характера и воли богатырской», но одновременно «скромные рыцари», которые «не рассказывали широко о своих геройствах». Женщины нравились ему те, которые имели «грацию в манерах и безупречную чистоту». Давнюю Украину любил не за её садики, а за то, что была «могущественная и вольнолюбивая»; что не была рабской, холопскою. Искусство уважал лишь «высокое». Любил древний Киев и за то, что принёс мір христианского учения и за его «осуровлено сердце, сердце варяга», – что так отвечает теории Максимовича, о сопряжении двух стихий на Украине – христианско-духовной и «наїздницько-вояцької». Это соединение – это же и есть стихия того рыцарства, которое Шевченко возвеличивал, с которым был родной духом, характером, идеями!..

Это же и есть та стихия, которая должна снова восстать на Украине и какая уже восстаёт. И потому против неё бунтуют идеологи голытьбы. Этих последних приход с сожалением предвидел Самойленко, когда писал, что они – «наилучшие порывы, горячие чувства» – разложат «ножом холодным соображения». Они «без глубины мыслей, без силы порыва», уничтожат творчество, унижат поэзию, философов осмеют. «А гений – на что он для роя мошкары! Нам будут фабри-

ки ковать идеалы!». Совсем как философия Багряного, который радуется, что москали загнали Днепр «в шлюзы, будто в штаны» (и в шоры некоторых поэтов!); который молится на «электрификацию» и советует Шевченке (устарел, говаривал!) слазить с постумента, чтобы самому там сесть. Потому что – «зачем гений для роя мошкеры? Им будут фабрики ковать идеалы».

Всё у них – негация Шевченки. Тот молился Богу, они фабрике; он кланялся героям, они – «рою мошкеры» (да здравствует колхоз!); Шевченко славил борцов, они – швейков или чужих господ. Идеалом первого был – человек характерный, который гнушался нечистью, всем грязным, мелким у нас, они – ставят на показ «маленького человека», выразительно подчёркивая, что должны его принимать и на нём строить, на таком как он есть, хотя бы глупый и подлый, за то – «разностороний»! Тарас – идеолог рыцарства, они – идеологи плебейства.

И что наиболее интересное! Одеваясь в плащ «прогресса», они просто плачевно повторяют своих предшественников, которые бросали колоды к ногам Тараса. Швейки против «заговорщиков», и «романтиков» борьбы и «ножа»? Так же и при Шевченке были «людомори», которые прозывали «розбойниками, врагами» гайдамаков! Швейки идут за «прогрессом», за «нашим веком»? Да уже Шевченко клеймил современных ему «прогрессистов», что хотели «просветить Украину современными огнями, повести за веком» – атеистическим и плебейским.

Швейки не любят «фанатизма» и «нетолеранции»? Это же и Драгоманов ставил в укор поэту! Швейки современные против того, чтобы погрязать в древностях, а за то, чтобы искать «модернейших» идеалов? В самый раз за то самое ставил в укор Драгоманов Шевченке, койй искал своего идеала «позади себя», в давности, а не впереди себя, не в атеистическом социализме? Модерные Швейки говорят, что не всё у врага надо отбрасывать, не каждый тезис его – и то же самое

предъявлял Шевченке Кулиш – зачем-де пишет против Царя. Да ежели б не царская милость – «нам идохнуть бы не дали!» Разве не клеймил Шевченку за его «козакофильство» Кулиш – «провинциальным мракобесом»? Не доказывал ли, что «теперь уже не такое время настало, чтобы брэнчать «шабляками»... Пришло время потрудиться головой!» Или же не так это недавно новейшие людоморы из просовецкой печати радовались, что повстанческие группы отошли на Запад? Что уже, дескать, пришло время для политиков «с холодным лбом», с «трезвой главой»? Что глупую героинку надо уже оставить?

Не упрекал ли Кобзаря Кулиш за его «шовинизм», за его «ненависть к москалям», как к «народу грубому, неспособному ни к чему высокому»? Разве не носил Шевченко того же «духа ненавистничества» и «шовинизма», против которого бесятся и нынешние Швейки? Не упрекали ли Шевченку, что «он не легко мирился с теми, кто думал иначе нежели он»? И это же та самая «нетолеранция» и «догматизм мысли», что хочет её «навязать всем», что так ненавистны в «вістниківстві» нынешним «людоморам» и идеологам голытьбы! Ещё бы не ненавистною должна быть им и завзятая ненависть Шевченко к перебежчикам до «дядьків отечества чужого», – им, которые проповедают, что коммунисты это «больные люди», или наши «заблудшие братья»?

Міровоззрение рыцарства украинского, – и міровоззрение «рабов с кокардой на лбу», міровоззрение древней, воюющей, гордой Украины, и міровоззрение Шельменков...

Между ними и идеями Шевченко не было ничего общего, не может быть и ныне. Он, что умер почти сто лет тому назад, в тысячу раз более актуальней всех живых Шельменков и шельм. Он оставил завещание, по коему национальная «семья вольная, новая» на Украине должна быть семьёю людей свободного духа, а не плебейского; добытая, а не выторгованная Швейками (потому что утопия это!); построенная на идеалах нового рыцарства, людей с «чистым сердцем», с

твёрдой на врага и на собственную нечисть душой. Не должна это быть Украина голытьбы.

В одной поэме Шевченко декларирует: «любят одно! Не делят прекрасную любовь на двое; Так должно быть! Кто из вас, что говорит, будто всё он любит, холодный камень он, он врёт! Ничего он тогда не любит, он богохульствует!».

Так всегда было в нашей истории. Когда побеждала героическая идея («Слово о Полку», «Милость Божия») – сильная и пышная была Украина. Победили плебеи – была Украина Барабашей, Киселей, Кулишей, и тех, что в наши времена ездят на поклон к красному Кремлю... Спонтанный взрыв давней Украины в 1917 году (осёдланный Швейками) – вызвало ничто другое, как героика Шевченки. Она и должна быть нашим Завещанием, ежели хотим быть нацией, а не миллионнами подневольных «свинопасов».

Перевод с укр. – Роман Раскольников

Приложение: Гражданская война, «Великая Отечественная» или Крестовый поход?

(Данный текст появился в далёком 2014 г. в ЖЖ автора-ИПХ, предпочитавшего называть себя Ugunskrusts83. Несмотря на то, что с написания сего текста прошло уже множество лет (вместивших в себя много чего разного), и на то, что сам Автор вряд ли сегодня «подписался» бы под сим текстом (во всяком случае, не без «оговорок»), основные тезисы оногo (на наш взгляд) доселе остаются верными (что не исключает того, что ряд моментов ныне могут и должны оцениваться иначе).

Антитеррористическая операция, ведущаяся Украиной, вступила в критическую фазу. Откровенное и наглое вмешательство войск РФ по сценарию, опробованному Китаем в Корейскую войну, появление вражеского плацдарма на, казалось бы, умиротворённом южном участке фронта, окружение и кровоточащие потери добровольческих батальонов в Иловайске – всё это если и не хоронит украинскую победу,

то, по крайней мере, отсрочивает её. Отсрочивает на неопределённый срок. С одной стороны, это удручает. Но с другой – даёт время на размышления: о том, какая победа нужна национальной Украине и какая война должна к этой победе привести.

Можно найти разные характеристики конфликта, разразившегося на Востоке (шире: Юго-Востоке и в Крыму) Украины. Для кого-то это гражданская война, для кого-то этническая. Безпристрастный взгляд позволит усомниться в обеих оценках, тем более, что чаще всего они звучат из лагеря сепаратистов и их фан-клуба в РФ. Гражданской войной стоило бы назвать гипотетический конфликт между администрацией президента Порошенко и «Правым сектором» (в будущем всё возможно), но никак не войну на Донбассе. Да, с двух сторон сражаются граждане Украины, хотя удельный вес их среди сепаратистского командования минимизируется наличием там граждан РФ (возьмём, к примеру, И. Гиркина или «засланного казачка» Бабая). Но ни гражданство бойцов, составляющих враждующие армии, ни признаваемый мировым сообществом суверенитет Украины над Донбассом не являются, однако, критериями гражданской войны. Ибо данная война ведётся против Украины не просто её бывшими субъектами при поддержке красного Кремля, но субъектами, сбросившими с себя всё украинское и провозгласившими своё тотальное неприятие украинской национальной (да и просто государственной) идеи. Даже те сепаратисты, которые провозглашают целью своей борьбы «единую антифашистскую Украину», не влезают в формат того, что мы называем «гражданской войной», т.к. едва ли такая «Украина» будет Украиной в традиционном понимании. Разве что реанимированной из правового забвения УССР, но украинское национальное движение, начиная с 1920-х гг. настаивало на оккупационном характере этой структуры. Путину и его янычарам нужен не Донбасс (нытьё про «ирредентизм» рассчитано на ручных советско-русских националистов), а вся

Украина – как геополитически важный «перекрёсток народов». Экстраординарный статус украинских земель подчёркивал один из столпов геополитики британец Хэлфорд Маккиндер (британский верховный комиссар при денкинской армии в 1919 году), на том же, уже со своей «колокольни», настаивала украинская геополитическая школа, в частности такой видный её представитель как Юрий Липа. Не будем вдаваться в тонкости затронутой нами науки и при очевидных сомнительности и архаичности геополитического подхода в XXI веке, заметим лишь, что его и по сей день принимают во внимание «правители мира сего». В первую очередь это относится к РФ, где советоида (Дугин, Стариков и т.д.) произвели рецепцию немецкой геополитической классики, весьма бездарно приспособив академическую шмиттиану к утилитарным нуждам «золотой, дремотной Азии» (термин «суверенная демократия», активно продвигаемый Сурковым, напрямую почерпнут из учения о Суверене Карла Шмитта). От безысходности и интеллектуальной нищеты, Кремль использует захваченные в 1945 году «трофеи» Рейха, и геополитика в её немецком изводе является, пожалуй, главным из них.

На своих знамёнах банды ДНР и ЛНР начертали лозунги кардинально несовместимые с украинской государственностью даже в самых «розовых» её тонах. Всё это даёт нам право говорить не о гражданской войне между сознательными и несознательными гражданами Украины, а о войне Украины с иногосударственными образованиями, которые субсидируются (оружием, наёмниками, управленцами, пропагандистами) из РФ.

Ещё большей глупостью, граничащей с провокацией, необходимо признать «этнизацию» конфликта. Конечно, этнический компонент присутствует, но он вовсе не свидетельствует об этнической поляризации или, иными словами, о войне «хохлов» и «кацапов». Напротив, необъяснимый с первого взгляда факт участия множества русских (а также русскоя-

зычных и русскокультурных) в войне на стороне Украины, причём не в регулярных войсках, а в добровольческих батальонах, говорит о том, что этническая русская константа, которую Кремль хотел использовать в своих интересах, ведёт себя независимо и своевольно. Если и выискивать в конфликте некую «этничность», то ни в коем случае нельзя подводить её под обоснование «этнической» русско-украинской войны. Русский командир батальона «Донбасс» Семён Семенченко или проводимая не кем-то, а русскими патриотами Украины кампания по восстановлению разрушенного Славянска – всё это должно учитываться исследователем этноса, наблюдающим за этническим состоянием Востока Украины. Но этнолог и «русский адекватный националист» холмокрыловского замеса – персоны, как можно догадаться, разные. Наукообразный инструментарий в руках последнего – верный путь в пропасть. А потому, признавая важность (и неоднозначность) этнического фактора в ситуации на Юго-Востоке Украины, нужно отказаться от спекулятивной трактовки конфликта в терминах «межнациональной» розни.

Как уже было сказано, «гражданской» и «этнической» называют войну на Украине представители, преимущественно, антиукраинского лагеря. От желания произвести на Востоке «этнические чистки» отказались даже самые горячие из украинских радикалов, которые и словечко «москаль» стали в последнее время толковать иначе: отныне «москалём» официально зовётся не этнический великорус, а россиянский империалист и советский патриот. Нагнетание животной, биологической вражды между русскими и украинцами можно заметить только в кремлёвско-сепаратистском стане. Экзотическое изображение войны как «битвы с мировым капитализмом» оставим на совести особо увлечённых реконструкцией сталинистов, вроде заместителя министра обороны ДНР и по совместительству писателя-фантаста Ф. Березина.

Украинская сторона выдвигает свои концепции и курсы. Так, некоторые лица из батальона «Донбасс» пред-

ложили объявить АТО «(Великой) Отечественной войной» и в недавней речи президента Порошенко эта идея нашла отражение. Несомненно, «отечественные» войны являются сильным мобилизационным импульсом для всего общества. С «отечественностью» той или иной войны тесно связана фигура Партизана или Ополченца, – иррегулярного солдата, встающего на бой, когда привычные военные методы уже бессильны против превосходящего числом и техникой оккупанта.

Но для провозглашения «отечественной войны» нужно иметь весомый повод: этим поводом должно стать вторжение врага в самый heartland национальной территории, туда, где хранятся святыни нации. Народом должна сознаваться сакральность территорий, временно примятых сапогом противника, святость предметов, находящихся в зоне оккупации. И здесь у Украины появляются трудности. Ведь едва ли территория Донбасса (и тем более Крыма) является terra sancta украинского социокультурного пространства. Крайние националисты могут сколь угодно выискивать в старинных летописях упоминания о запорожских станицах на Донетчине, но это будет попыткой выдать желаемое за действительное. В отличие от того же Харькова («украинского Мюнхена»), где в стенах местного университета зародился украинский национализм, или от Днепропетровска, который народная молва переименовала в «Сичеслав», Донетчину и Луганщину приходится искусственно привязывать к украинскому национальному мифу. Примечательно, что упомянутый выше украинский националист-геополитик Юрий Липа честно выносил территорию нынешнего Юго-Востока Украины за пределы украинского этнотерриториального ядра. Сердца украинцев трогает происходящее на этих землях, но не сами земли, которые словно отсутствуют в «карте памяти» украинской нации. Или «присутствуют» в ней так же, как и Кубань со Ставрополем: исключительно на эмоционально-декларативном уровне, потому что «так надо». При потере

этих регионов они отнюдь не станут для украинцев тем «Косово», ради которого стоит готовить реванш. Ибо «реванш ради реванша», а не ради святой земли предков – занятие, которое быстро надоедает...

Кроме того, в украинском историческом опыте есть сложности с поиском «отечественных» войн. «Руина» XVII столетия не даёт благодатной почвы для интерпретации (тем более «интерпретации постфактум», т.к. в XVII веке термин «Отечество» был на задворках политической риторики): эпоха распрей внутри казацкой старшины на фоне польско-русско-шведско-турецко-татарско-молдавских интервенций не тот пейзаж, где можно узреть «отечественную войну». Если сравнивать с Германией, история которой имеет немало параллелей с Украиной, то напрашиваются аналогия с Тридцатилетней войной 1618-1648 гг. (Андрусовский мир 1667 г. – своего рода эквивалент Вестфалия для востока Европы), а не с Освободительной (что почти равнозначно «отечественной») 1813 года. Отечественные войны РИ 1812 и 1914-1917 гг. либо не затронули Украину, либо не имеют тесной связи с украинской национальной идеей (забывается, что первая мировая война стала Гражданской для тысяч украинцев, сражавшихся друг против друга в русской и австрийской армиях). Советская «ВОВ» – не тот маяк, к которому стоит привязывать, наверно, самую важную войну Украины в XXI веке. К слову сказать, решение объявить советско-германскую войну «отечественной» было принято Сталиным не сразу; на первых порах агитпроп вещал привычную чушь о том, что «немцы везут в обозе царя». Большевикам, при всём их таланте к мимикрии, было трудно имитировать историческую Россию в экстремальных условиях, а отождествление Гитлера с Наполеоном – неизбежное при развёртывании дискурса «отечественной войны» – создавало серьёзные помехи: ведь такое сравнение не только не дегуманизировало Гитлера, но, напротив, облагораживало его (к тому же Бонапарт – личность в марксистской историографии традиционно ува-

жаемая). Но, несмотря на колебания, эксперимент прошёл успешно и одурманенные национал-большевизмом русские массы послушно поднялись в бой за своих рабовладельцев (надо отдать должное неумению руководства Третьего Рейха задать пропаганде среди народов СССР подходящий тон).

Единственная война украинской истории, к которой подходит эпитет «отечественная», это, пожалуй, война УНР и советской России 1917-1920 гг. В украинской эмигрантской историографии она проходит под обозначением «визволні змагання» (дословный перевод на русский – «освободительные борьбы» – режет слух). Однако маршруты войск УНР и УГА практически не затронули территории современных Донецкой и Луганской областей, а пребывание их под контролем украинских властей (Гетмана или Центральной Рады) было фрагментарным. Донетчина и Луганщина служили людскими резервуарами для РККА, белых армий и махновских повстанцев, но не для национально-украинских формирований. Географические нестыковки, отсутствие у жителей Юго-Востока Украины (в т.ч. и лояльных) потомственной памяти об УНР едва ли способствуют интерпретации АТО в качестве новых «визволних змагань». Риторика «отечественной войны» смотрелась бы выигрышно, если бы Донбасс к началу противостояния уже был интегрирован в Украину (хотя в таком случае не было бы самого противостояния). Но Украине ещё только предстоит вместить в себя Донбасс, а для этого нужно предложить его пёстрому населению, как и не менее пёстрым борцам за целостность Украины, привлекательный образ будущего.

Вероятно, подобным образом имеет все шансы стать... Крестовый поход. Эта, мягко говоря, необычная для XXI века идея выглядит не так странно в контексте растущего спроса на археофутуризм. Поразмыслим сами: раз россиянская пропаганда (и не только она) делает упор на «феодализме» нынешнего украинского общества, то почему бы не приукрасить сей «феодализм» настоящим, исторически выверенным

Крестовым походом? Чем крестоносцы хуже ростовщиков-олигархов, раз уж на то пошло?

В истории Украины-Руси уже встречался пример крестового похода: именно им был поход Владимира Мономаха на половцев в 1111 году. В результате масштабных изменений в религиозном сознании Европы на рубеже XI-XII столетий родилось крестоносное мышление, требовавшее от христиан совершенно иного отношения к войне, чем это было заведено ранее. Окольными путями оно проникло и в Киев, где острое крестоносной пропаганды было приспособлено для нужд войны с половцами. Не половецких ли каменных баб в степи напоминают изваяния Ленина в городах и сёлах Донбасса? Если украинский национализм хочет отыскать в своём противнике нечто, что на 100% говорило бы в пользу его «казиатчины», то памятники Ильичу подойдут как нельзя лучше. В Луганске есть парк половецких каменных баб, но что как не парк истуканов помешанного метиса-сифилитика являет собой весь Донбасс? Не станем подробно останавливаться на религиозном измерении большевистской идеологии, скажем лишь, что шаманство сергианских попов синтезируется в ней с ближневосточной мегаломанией. Гораздо важнее заявить, что религия опрокидывается только религией, боги (демоны) низвергаются только Богом. Слуг сатаны с православными крестами и красными пентаклями на камуфляжах, все эти «Русские Православные Армии», остановит лишь тот, кто имеет реальное, а не фиктивное представление о крестоносном подвиге.

То, что творится на Восточной Украине паствой «патриарха содомского и гомморского» поистине чудовищно. Ещё больше потрясает картина зверств, если знать об уникальной религиозной картине этого региона, который с давних пор был вмещилищем не только разных народов, но и разных христианских деноминаций: помимо православия это ещё множество протестантских толков, старообрядчество (среди казаков Луганской станицы) и католицизм (костёл в Донецке

был закрыт сепаратистами). Причём протестантское влияние так глубоко вошло в плоть Донбасса, что в некоторых главарях ДНР/ЛНР (из «аборигенов») легче разглядеть истеричных проповедников-харизматов, нежели сусальных прихожан РПЦ МП. Полюбуйтесь на П. Губарева и всё поймёте. Шутки шутками, но объёмный неправославный пласт нельзя в миг заменить «православием» сергианского пошиба. Историческая, а не бутафорская Новороссия виделась имперским архитекторам (в частности, князю Потёмкину) «новой Элладой» или даже «новым Эдемом», т.е. региону изначально придавался полиэтнический и поликонфессиональный ореол. Таким образом, живой альтернативой укоренившемуся пролетарскому имиджу Донбасса может быть только его религиозный имидж. Реконструкция сложной поликонфессиональной структуры, построение «Эдема» на руинах советского «Вавилона» – вот такая «духовная» пицца годится для идеологического обрамления будущих «великих строек» на Юго-Востоке. Как ни странно, но целенаправленное привлечение в новый регион религиозно мотивированных колонистов (в т.ч. нонконформистов из РФ) не только удержит регион в составе Украины, но и послужит идейному «наведению мостов» между исторической Россией, Украиной и Донбассом. Используя подзабытые идеологемы прошлого, Юго-Восточная Украина имеет шанс преобразиться из сточной канавы люмпен-пролетариата в украинскую Юту или Техас, где перетасованные, но глубоко самобытные группы населения смогут нести пограничную службу на благо украинской державы.

Не надо бояться обвинений в «мракобесии». История наглядно показывает, что миф Крестового похода может стоять на вооружении и секулярного государства. Государственная пропаганда США времён первой мировой войны взывала ни к чему иному как к Crusade против центрально-европейских монархий. При этом власть находилась в руках демократической партии, о которой Сталин как-то отозвался, как о бли-

жайшем заместителе партии коммунистической; недаром в администрация Вильсона, при её громадном моральном весе (а этот вес – прямое следствие грамотно «раскрученной» риторики Крестового похода во имя гуманистических ценностей) после 1918 года, отличалась заметным попустительством по отношению к большевикам. Украина 10-х гг. XXI века – не США 10-х гг. XX-го, но гибкость «крестоносного» подхода на Украине, пожалуй, нужнее, чем в вильсоновских Штатах. Хотя бы потому, что украинское государство подходит к черте, за которой конфликт между либеральным правительством и национал-радикальными энтузиастами перерастает в форменное «двоевластие». Между тем, идея Крестового похода свободно сопрягается как с доктриной правого либерализма, так и в ещё большей степени с традиционалистскими построениями украинского национализма. В случае поднятия на стяг, подобные идеи будут выглядеть в Свободном Мире вполне по-«вильсоновски», в то время как внутри самой Украины им гарантировано пульсирующее прочтение в духе Донцова и Бандеры. Заметим, что мысли о придании АТО некоей «крестоносности» впервые были концептуально озвучены батальоном «Азов», львиная доля бойцов которого – последователи «рун-виры» (украинского неоязычества). Речь идёт о «Реконкисте», которую громогласно провозгласил «Азов». При полной отрешённости от собственно религиозной составляющей (что опять-таки подтверждает возможность секулярного использования крестоносной тематики), криптохристианский подтекст этого заявления очевиден, ибо не надо иметь особых познаний в испанской истории, чтобы связать Реконкисту с католическим рвением испанского народа.

Отметим любопытную деталь: одним из признаков наступающей эпохи крестовых походов в XI веке стала кристаллизация ряда военно-религиозных орденов. Возникшие в Европе, они в полной мере развернутся на Святой Земле, а также на восточноевропейской (Пруссия, Прибалтика) и

западноевропейской (Пиренеи) ойкуменах. Примерно такой же интерес к орденским структурам мы наблюдаем в современной Украине. Это отнюдь не болезненное влечение к «властелинам мира» и их «тайнам», что мы видим на примере популярности конспирологической писанины в РФ, а живая политика, совмещающая управленческий интерес к Ордену с серьёзным мировоззренческим базисом. Так, несомненно тяготеющий к ордену парамилитарный «Тризуб» Д. Яроша стал ядром массового «Правого сектора». Православное «Братство» Д. Корчинского также обзавелось «Сотней Иисуса Христа», которая влилась в ряды батальона «Азов» (сам Корчинский с сыном воюет в «Шахтёрске»). Налицо ренессанс крестоносной психологии, переход от стадии туманных планов к стадии прямого политического действия, где Орден (или ордены) выполняет ту же ударную функцию, которую они выполнял в Средневековье.

Итак, Крестовый поход выше гражданских и этнических войн, он снимает противоречия и позволяет достичь той заветной «соборности», о которой мечтали лучшие государственные мужи Украины. Подтверждение «крестоносной» доктрины на официальном уровне при поддержке всех украинских конфессий (не только христианских; например, Крусада Франсиско Франко поддерживалась также исламским марокканским духовенством) – таков наш финальный рецепт.

Смертельный удар будет нанесён по путинскому «традиционализму», который, вероятно, вернётся к обычной коммунистической пропаганде о комплоте «украинских фашистов» и «церковников» (таковая, впрочем, уже ведётся, но, так сказать, «превентивно»).

Необходимо конвертировать непонятные миру причины конфликта, на которые при всём желании трудно отозваться (признаемся честно, никого не интересует «сохранение территориальной целостности Украины»), да и «противостояние путинскому фашизму» нивелируется в сознании европейцев

кремлёвскими агитками о «многополярности» и якобы комплементарном с соседями «русском мире»), – в понятные, на которые не откликнуться может только прожжённый евро-троцкист.

Кремлёвский дьявол мёртвой хваткой уцепился за Донбасс. Его орды вряд ли двинутся дальше, т.к. военную оккупацию исконной Украины легче заменить оккупацией косвенной, тем самым «режимом внутренней оккупации», которым успела побывать свергнутая диктатура Януковича. Толком не десоветизированный и не украинизированный за 23 года Донбасс обречён на ещё пущее ментальное и материальной закрепощение. Так кто же сметёт «отцов звездониев» со Слободской Украины (т.е. Донбасса)? Кто поставит крест на московском сатанизме? Наш ответ: только новые крестоносцы могут поставить такой крест, который также станет и Крестом новой украинской державности, устремлённой к востоку. Крест в наши дни не мыслим без Меча, а потому время вспомнить слова казацкого полковника Ермоленко (вынесенные в эпиграф статьи Д. Донцова «Крест против дьявола»): «На дьявола крест, на неприятеля сабля!».

(<https://od-varyag.livejournal.com/59169.html>)

СЛОВО О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ

“Я хочу видеть тех, кто навстречу врагу
вскинет красное знамя со знаком креста”
(*М.Струкова*)

Евпатий Коловрат – это не только замечательное лицо нашей отечественной истории, но и весьма высокозначимый символический образ. В его лице скрещиваются “токи” высочайшего архетипического и эсхатологического напряжения. Дело в том, что эсхатологическое предание Православной Церкви усваивает, в качестве одного из сопутствующих “последним временам” явлений, сведения о неких “нечистых народах”, инфернальных недочеловеческих ордах, агрессии коих и подвергнется с наступлением “последних времён” христианский “крещёный мир”. На Руси именно данный пласт Священного Предания изначально был глубоко усвоен и постоянно пребывал предметом напряжённой богословской рефлексии, благо катастрофический элемент, изобилующий в русской истории, преподавал к тому изрядную “пищу для размышлений”. Не было исключением и татарское нашествие. В очах древнерусских книжников монголо-татары были однозначно отождествлены с вышеупомянутыми апокалиптическими “нечистыми народами”. Как отмечают исследователи древнерусской литературы, язык летописных сообщений о монголо-татарах преисполнен прямыми текстуальными заимствованиями из таких распространённых в древнерусском книжном обиходе памятников эсхатологического предания как “Откровение св. Мефодия Патарского” и “Житие св. Василия Нового”. По заключению одного из исследователей: “совпадение не буквальное, но заимствуя определённые места текста “Жития”, летописный рассказ повторяет эти отдельные места буквально” (С.Г.Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911). Коль

скоро мы коснулись темы “нечистых народов” в русской литературе, небезполезным кажется отметить её отголоски и в позднейшее время. Хотя русская литература в свой “классический” период (XIX в.) и была сильно поражена антитрадиционными влияниями, но и тогда оставалось некоторое число авторов, не скатившихся до “безпочвенности”, сохраняющих верное православно-русское духовно-расовое мировоззрение. Одним из таковых авторов, Львом Меем, сочинена нарочитая “Песня про боярина Евпатия Коловрата”, в которой обретается следующая примечательная характеристика татарской орды: “...кишмя кишат *люди-нелюди* (выд. нами – о.Р.Б.) – нет на них образа Божия, / А какое-то племя проклятое, / Как зверьё окаянное якобы... / На Руси экой нечисти сроду не видано...”. Перед лицом подобной ярко-выраженной *расовой агрессии* недочеловеческих орд, “людей-нелюдей”, особенным образом вставал вопрос о возможности и допустимости православного сопротивления злу силой. Ибо данное “зло” (как мы уже указывали выше) опознавалось тогдашним православно-русским церковным сознанием как зло апокалиптическое, попущенное Богом “грех ради наших и неправды, за умножение беззаконий наших”, как явный признак наступления “кончины мира” и приближения Страшного Суда. Допустимо ли в принципе, не греховно ли сопротивление орудию Божиего гнева, не обречено ли оно изначально на поражение – все сии вопросы для православного сознания обладают значимостью чрезвычайной. Нам хотелось бы отметить исключительно содержательную работу В.Н.Рудакова “Восприятие монголо-татар в летописных повестях о нашествии Батыя” (Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000). Автор данного исследования взял на себя труд проанализировать все имеющиеся на сегодняшний день в наличии летописные источники по указанной тематике, причём анализ свой проводил на отношении того или иного источника к *проблеме спасения человека в условиях разящего “батога Божьего”*. Отдадим должное проницательности

исследователя, поскольку, по его собственным словам, “проблема спасения человека в условиях развернувшихся на его глазах “казнях Божиих”, действительно, важна для средневекового книжника. В известном смысле поиск возможных путей решения данной проблемы и являлся одной из важнейших целей художественного осмысления действительности составителем <летописной> повести”. Соппротивление или покорность – выбор между ними, как видим, предопределяет не только временную, но и вечную участь христианского народа. В.Рудаков выделяет две, как он называет, “концепции спасения”. Первая из них (поразительно напоминающая толстовское “непротивление злу насилем”) – отказ от всякого сопротивления, абсолютная покорность, мотивируемая тем, что “кара за грехи настолько тяжела, что уже одно это даёт “гарантии” спасения...”. “Таким образом увиденный книжником путь спасения человека предполагал отказ от активного сопротивления “поганым”: спасение будет даровано тому, кто подвергнется “казням Божиим”, отсюда пассивное, в молитве, ожидание “казни” – вот идеал должного поведения христианина”. Если бы данная “концепция спасения” возобладавала в тогдашней Руси, то нет сомнения, что о Руси мы бы больше ничего не услышали, поскольку отказ от сопротивления (действительно, допустимый, при определённых обстоятельствах для *отдельного человека*), на уровне нации и расы равносителен добровольному самоубийству. Проявила себя, однако, и иная “концепция спасения”, предполагающая как раз активное сопротивление врагу и именно в сопротивлении видящая верный путь ко спасению. Одним из наиболее ярких проявлений оной концепции может послужить летописный рассказ об обороне Козельска. Анализ данного повествования, произведённый В.Рудаковым, действительно, вскрывает множество интереснейших смысловых пластов. Дадим ещё раз слово сему исследователю: “...уже на подступах к стенам города, Батый узнав, что жители Козельска “оумь *крепкодушный* имеют”, понимает, что “словесы лестными

не возможно град прияти”. “Крепкодушные козляне” совет “створше не вдатися Батью, рекше яко аще князь наш млад есть, но положим животь свои за нь, и зде славою сего света приимше, и там небесные венца от Христа Бога приимем”. Жители Козельска героически защищают свой город, от их рук гибнет, по словам летописца, четыре тысячи “поганых”, и, несмотря на то, что город всё-таки оказывается взятым (татары “изби вси и не пощаде от отрочать до сосоущих млеко”), захватчики не смели “его нареши град Козлескъ, но град злыи, понеже бишася по семь недель”. Итак, в случае с Козельском жители города поступают прямо противоположным, в отличии от владимирцев (руководствовавшихся другой “концепцией спасения” – Р.Б.), образом. Решившись на героическую, пусть и безнадежную, борьбу с татарами и будучи готовыми “положить живот свой” за юного князя (судя по всему, также, как и они участвовавшем в защите родного города), козляне выбирают “гибель в бою”. Именно эта их решимость и должна, по мысли летописца, обеспечить им и “зде” “славу міра сего”, и на небесах “жизнь вечную”, “венцы от Христа Бога”. Таким образом, для того, чтобы обеспечить себе то самое “не скоро минуоущее житие”... необходимо... активно противостоять “поганым”.

Важно отметить, что определение козлян как “крепкодушных”, видимо, не является случайным. Сам термин, судя по всему, не часто встречается в русских средневековых памятниках. Тем более интересно обнаружить указанный термин в памятнике, синхронном рассказу Ипат. (Ипатьевской летописи – о.Р.Б.) и также посвящённом событиям ордынского нашествия. В четвёртом “Поучении” Серапиона Владимирского встречается слово “крепкодушие”: “*врагъ нашъ дьяволъ*, видевъ ваш разум, *крепкодушье*, и *не възможетъ* понудити вы на грехъ, но посрамлень отходит”. Таким образом, можно предположить, что, по замыслу автора Ипат., жители Козельска не просто обладали мужеством, необходимым в борьбе с захватчиками, но и имели более важное для православных

христиан качество, позволявшее им противостоять даже проiscaм дьявола. Кстати, подобная интерпретация является вполне адекватной пафосу рассказа Ипат. Автор повести в целом ряде случаев проводит, правда, неявные, параллели между татарами, Батыем, с одной стороны, и слугами дьявола, самым “лукавым”, антихристом, с другой... Таким образом, <в рассмотренном летописном рассказе> совершенно определённно проводится... мысль о том, что борьба с нашествием татар является праведным делом, а гибель при сопротивлении – настоящим христианским подвигом, способным обеспечить воинам “жизнь вечную”. Для автора рассказа Ипат. совершенно очевидно, что “малодушные губят себя”, для людей же “крепкодушных” лучше погибнуть в бою и обрести “царство небесное”, чем, рассчитывая на милость “поганых”, попытаться спастись или же погибнуть смирившись, лишившись тем самым “венцов нетленных”...”.

Именно эта “концепция спасения” возобладала в конце-концов на Руси, что предопределило и свержение ордынского ига, и последующий имперский расцвет Русского Царства. Но и факт появления “пассивной”, антигероической “концепции спасения” при начале исторического бытия России в качестве христианской державы достаточно тревожен. Мы не случайно выше уподобили сию “концепцию” толстовству – появление сего последнего накануне крушения исторической России показало, что эта “концепция спасения” не исчезла окончательно, более того, тому именно, что она получила перевес в русской психее в тот исторический момент, мы в значительной мере и обязаны русскому поражению перед игом новых “поганых” из иудо-марксистского Интернационала. Дело, впрочем, не только во временном, земном поражении. Дело в том, что за выбором между сопротивлением или покорностью кроется выбор между двумя принципиально различными эсхатологическими и сотериологическими доктринами. И надобно прямо заявить, что “концепция покорности”, и стоящие за ней сотериологические и эсха-

тологические смыслы, не является в полной мере христианской. Несмотря на то, что на первый взгляд, она и может *казаться* таковой и быть соблазнительной именно в качестве якобы “христианского” выбора (как, напомним, в случае с толстовством, претендовавшим на то, что это “очищенное” учение Христа). Как почти всякая ересь, это рационалистическое упрощение, “редукция” той полноты, коя содержится в Евангельском Благовестии. Нетрудно заметить, что учение, преподанное в Евангелиях, на взгляд рационалистического, “плотского” ума распадается на пары несочетаемых, взаимопротиворечивых утверждений. Типа: “чти отца своего и мать” и “если не оставит человек отца своего и матери своей, не достоин Меня” или же “взявший меч от меча и погибнет” и “не мир пришел принести Я, но меч” и т.п. Истиною, как то утверждает Православная Традиция, являются *одновременно обе* части антиномии. Ересь же, как правило, будучи неспособной “вместить” всю полноту Истины, ограничивается какой-либо одной её частью, абсолютизируя её. Христианское ратное служение столь же, если не более антиномично, нежели жительство по прочим заповедям Евангелия. Воин-христианин, прежде всего, вступает в антиномические отношения с заповедью “не убий”. Но не только. Антиномично вообще христианское отношение к результату вооружённой борьбы. Христианство никому не обещает неперменной победы *здесь*, в этом мире. И одновременно требует борьбы до конца. Героическое сопротивление до последнего в условиях абсолютно безнадежных – так можно с некоторым приближением описать воинский этос Христианства (выше обозначенный как *крепкодушие*). “Здесь” герои могут рассчитывать не столько на победу (и на пользование плодами победы), сколько на славу, зато “там” – их увенчивает небесными венцами Сам Христос-Господь. Необходимо отметить также, что подобным образом разумеваемое “крепкодушие” составляет и сердцевину воинского этоса Арийства (на это указывал такой, например, арийский мыслитель как Х.С.Чемберлен). Триста

спартанцев Царя Леонида в Фермопильском ущелье сдерживавшие натиск многотысячной азиатской орды, безо всякой надежды уцелеть. Сербский Король Лазарь, исходящий со своим воинством на верную смерть на Косово поле. “Песнь о Роланде” – образцовое произведение западно-европейского рыцарского эпоса – описывает по сути ту же ситуацию. О том же самом повествует и наше “Слово о полку Игореве”. На взгляд позитивно-исторический, трудно понять, чем мог привлечь автора “Слова” неудачный поход второстепенного новгород-северского князя. А привлёк, на деле, тем, что русский бард, автор “Слова” усмотрел во внешне проигранном походе Игоревой рати реализацию указанного древлесвященного арио-христианского героического архетипа. В том же ряду, вне всякого сомнения, и подвиг Евпатия Коловрата. При этом значимость его в качестве арио-героического священного образца является совершенно исключительной в силу крайней напряжённости эсхатологического фона – нашествия апокалиптических орд людей-нелюди и “погибели Русской земли”.

Следует напомнить и о том, что тот же самый выбор между сопротивлением и покорностью, между крепкодушием и малодушием и сегодня предлежит каждому христианину, каждому арийцу. Пришла гибель не только Русской земли, но и всего круга земель, принадлежавших Белой христианской цивилизации. Катастрофичность ситуации верно передаёт живущий в Канаде (и таким образом имеющий возможность взглянуть на состояние Белого мира и с Запада, и с Востока) русский учёный и публицист Кирилл Резников. “Если говорить о человеке европейском и белом,- пишет он,- то двадцатый век принёс ему психологические и культурные утраты, не жизненно важные на первый взгляд, но низведшие его из полубога в разряд заурядного и не слишком перспективного обывателя. Утратами этими были конец ренессанса античной цивилизации и окончательная гибель европейской феодальной этики. В результате белый человек

потерял право стоять в авангарде человечества и неизбежно идёт к безславному концу... XX век открыл эпоху краха духовных ценностей христианской белой цивилизации. В качестве альтернативы белая элита предлагает глобализацию человечества, выравнивание культур и смешение” (Лукошко с трухой. Ярославль, 2002). Соглашаясь в основном с приведённым диагнозом, нелишне уточнить, что подлинной белой элиты не существует во властных структурах ни в одной из некогда христианских стран. Подлинная Белая элита невозможна (по верному слову того же К.Резникова) “без веры в превосходство духа и породы над процветанием и стяжательством”. Современная псевдо-элита, втянутая в глобалистский проект “Нового мирового порядка” в “белой” своей части состоит из расовых предателей, находящихся под контролем “сионских мудрецов”. Гибельный процесс, онаученно поименованный выше “выравниванием культур и смешением” на деле означает, что Орда уже за порогом! Всё та же inferнальная Орда цветной нелюди, апокалиптические “нечистые народы”, из-за кулис направляемые пархатой кликой Антихриста, как-то и предсказано для последних времён поглощает пространство Христианского мира. И в этих жутких условиях для подлинной Белой элиты, аристократов духа и породы остаётся лишь один выбор – идти по пути Евпатия Коловрата, вскинуть навстречу врагу апокалиптическое красное знамя со знаком Креста. Самое прозвище этого Белого героя “Коловрат” (т.е. Свастика) отсылает к обречённой, но преисполненной подлинного Величия попытке спасения Белой цивилизации, предпринятой европейскими консервативными революционерами, объединившимися под красным стягом с этим страшным для всех врагов нашей Веры и Расы знаком.

И хотя нынешнее “иго” так же, как и древнее, есть Божие попущение, но так же, как и древле спасительным является только сопротивление, но никак не покорность. “То, что ценно в человеческой жизни, возникает не из разумного рас-

суждения, но в состоянии войны, у людей, которые будучи воодушевлены великими мифическими образами, участвуют в борьбе” (Карл Шмитт). И хотя силы более чем неравны, и хотя нет ровно никаких шансов на успех борьбы, для нас довлеет единственно лишь крепкодушное решение лучше погибнуть в бою и войти в Небесный Чертог, нежели, малодушно рассчитывая на милость “поганных”, попытаться спастись, утратив Честь, или же безславно погибнуть смирившись, лишившись тем самым “венцов нетленных”. Великий мифический образ, предлагаемый нами себе и соратникам нашим по Белому Сопротивлению – это образ Евпатия Коловрата – Арийского Партизана, посреди всеобщей гибели безстрашно выходящего на Последнюю Битву.

о.Р.Б.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ

Intro: Когда подох «протоиерей» Дмитрий Смирнов, зело преизвестный своими «резонансными» телегами в СМИ (его скверной кончине мы посвятили отдельную заметку на «Поручах»), на какой-то момент показалось, что «замены ему не найти»... Хотя пидарасов в МП в преизбытке, но способных «выдать на гора» какой-нить «креатифф» средь них немного... Однако, долго «горевать» по сему поводу не пришлось: на смену Митьке Смирнову пришёл некто «митрополит» Красноярский и Ачинский Пантелеимон (Кутовой). Конечно, по степени своеобразного «артистизма» гонего Смирнова превосходит то, что «выдаёт» оный Пантелей. Но по степени «мудаковатости» телеги сего «митрополита» обставляют не токмо Смирнова, но и Чаплина и прочих из своры «медийных попов», в последние годы «вещавших» от имени МП. Читаем и «ловим кайф»...

Дети - враги народа? Митрополит утверждает, что голод и смерть лучше, чем сапог НАТО

Очередное скандальное высказывание православного священника обсуждается в социальных сетях. На этот раз «героem» стал митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон (Кутовой).

В своём выступлении на заседании Общественного совета при Красноярской митрополии он обвинил российских подростков в предательстве и антигосударственной позиции. Кроме того, сей почтенный муж заявил, что голод лучше, чем американский сапог:

«А вот слушаю Соловьева, мне так интересно, чем до конца закончится его программа. И понимаю, либеральное движение – это же ад. Это дно ада! Они сами говорят это. <...> Я не знаю, как вы относитесь к Михалкову, к его «Бесогону». Но я после определённых его представлений по определённым во-

просам нашел отклик. Как наши милые подростки, иначе не скажешь, настроены антигосударственно, антиисторически, штрейкбрехерски и, более того, скажу по-русски, предательски. 14-15 лет человеку, милое дитя. Я недавно услышал рассказ, как в одной школе прошла встреча с генералом, дети начали задавать вопросы не о том, как и почему что-то случилось, а в духе осуждения всего в стране».

Деньги заработали родители, могут по Европам ездить и по Азиям, а деньги-то народные, земля Божья, надо понимать. Лучше смерть, чем сапог американский и страх. Полуголод, а то и голод — но чтобы правда. Они не видят ничего опасного, а видят опасность в том, что государство само себя защищает в лице законов, президента, губернатора и специальных силовых структур

Разумеется, столь лихие высказывания пастыря не остались без внимания в социальных сетях.

Дьякон Андрей Кураев напомнил, что митрополит – это креатура (миньон, говоря простецки – о.Р.Б.) патриарха Кирилла (Гундяева):

«Сибирью прирастают запасы российского дна. При Сталине были «дети врагов народа». Сейчас все проще: дети - враги народа. Этот митрополит - личный грех патриарха Кирилла. Он некогда выбрал его в свои калининградские викарии...»

А журналист и религиовед Сергей Чапнин обратился к детям:

«Дорогие дети (да-да, знаю, вы все уже давно ушли из ФБ в ВК и Тик-Ток, но тем не менее)!

Внимательно прочтите слова доброго дедушки из Красноярска. Он предельно доходчиво и подкупающе искренне рассказывает, как на самом деле к вам относится РПЦ. Такое не часто услышишь, но если вдруг услышишь, следует запомнить на всю свою жизнь:

Дедушку зовут митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон.

Этими словами он легко и непринужденно перечеркнул всю ту работу, которую Церковь вела с молодежью. Далеко не всё у Церкви получалось, но ситуация была небезнадежная.

Учитывая, что скепсис в отношении РПЦ растёт и молодёжи в церквях практически нет, выступление митрополита Пантелеимона следует понимать как ясный сигнал:

«А нам и без молодёжи хорошо, РПЦ - это клуб для старичков, в лучшем случае мы готовы потерпеть юных патриотов, а все остальные - предатели и они нам не нужны».

Поэтесса Ольга Седакова удивилась, зачем митрополиту понадобилось отворачивать молодых людей от православия:

«Это кроме прочего пропаганда инославия. Молодые люди, которые хотят верить (а такие есть), пойдут в какое-то другое место...»

Публицист Кирилл Лодыгин саркастично заметил:

«Российские подростки - молодцы. Учат их учат Родину любить, а они всё равно настроены антигосударственно. Пантелеимон этот правильно дергаётся. Всё правильно он понимает. Это могильщики его подрастают. Могильщики всего вот этого...»

Попутно, кстати, выяснилось, что митрополит Пантелеимон не совсем верно понимает значение слова «штрейкбрехер». Под это определение никак не попадают «российские подростки, которые настроены антигосударственно».

(Streikbrecher - нарушитель стачки. Лицо, обычно нанимаемое на стороне во время забастовки, отказывающееся участвовать в забастовке и поддерживать забастовщиков, занимающее сторону администрации в её споре с забастовщиками и поддерживающее её...)

Получается, что штрейкбрехер, это как раз-таки, сам митрополит Пантелеимон (Красноярский и Ачинский).

(Источник: <https://newizv.ru/news/society/04-03-2021/deti-vragi-naroda-mitropolit-utverzhdает-chto-golod-i-smert-luchshe-chem-sapog-nato>)

Commentarium: Талантливый русский поэт Георгий Боровиков написал некогда такой замечательный стих:

МАРШ БЕЛЫХ ДЕТЕЙ

Ни прошедшие тюрьмы и плети,
Ни матерые, те, что в теме,-
Безоружные, белые дети
Объявили войну Системе!
Попирая убогую лунность,
Разбивая ночи оковы,
Солнцеокая, светлая юность
Выступает в поход крестовый.
За священную память крови,
За сородича-единоверца,
За тебя, что в одном лишь слове,
Русь, скрываешь весь пламень сердца!..
Прорывая кордоны ОМОНа,
Порывая с надеждой наивной,
Вы поставили вне закона
Всё, что вашей душе противно.
Обращаться негоже к старшим,
Вы и так сговоритесь дружно.
Чтоб пройти по Арбату маршем
Разрешенье ничьё не нужно!
И пускай перед взводом ОМОНа
Ты один, как перст, безоружный,
Всё равно, для смелого бона
Разрешенье ничьё не нужно!..
Немощная старуха в корсете,
Власть ментов, твоё кончилось время.
Безоружные, белые дети
Объявляют войну Системе!

Сам Георг, и сейчас далеко не старый человек, написал сей стих несколько лет назад, когда он, во главе колонны правой русской молодёжи, прорывал полицейские кордоны во время одного из «Русских Маршей» в Москве... И в самом деле:

за последние годы все сколь-нибудь значимые выступления «русских против Системы» свершаемы были совсем молодыми людьми: от тех давних «Русских Маршей» до выступлений «Навальнеров» в 2021... Мы предельно далеки ото всякой «политики», не потому, что у Истинно-Православной Церкви отсутствуют суждения касаясь должного устройства общественно-государственных дел, но оттого, что в области современной «политики» в РФ напрочь отсутствуют такие силы и фигуры, кои заслуживали бы даже минимального одобрения, не говоря уж о Благословении Церковном... «Молодость», ежели разсматривать её символическое значение, прообразует собою Будущее. Будущее народа, страны, государства... Есть ли Будущее у государственной системы РФ, ежели именно Молодость всё чаще и чаще «объявляет войну» этой Системе? Символично и то, что первой «мишенью» оной Войны избираются фигуры «охранителей» Системы, полицейских-«ментов»... Молодость, по стародавнему выражению ветий церковных, се «весна жизни». То, что посеет земледельец весной, то и пожнёт он, егда приспеют сроки сбора урожая. Нынешняя Система, как мы видим, «сеет» в русских молодых сердцах великую Ненависть. Будет ли удивительным, ежели «пожнёт» она – смертельную для себя Войну... «Правоохранителям» Эрефии следовало бы «превентивно» разстреливать каждую встреченную ими колыбель с белым младенцем, как таящую смертельную для них Угрозу... И, вполне возможно, они до этого иродова изуверства (Мф. 2, 16) скоро и дойдут... А «слуги народа» из Госдуры всё это «законодательно» утвердят... Едва ль сии преагональные судороги Системы возымеют иной финал, нежели у древнего Детоубийцы-Ирода... Долго ль быть Белым детям, объявившим войну Системе – безоружными? Откуда вообще – возьмётся оружие у «детей, что объявили войну Системе»? Не знаем ответа для каждого конкретного случая, но ведаем общий ответ: когда в сердце пылает столь великая Ненависть, то «оружие» с неизбежностью появится «из ниоткуда», из

сжатого кулака... В чём-то очень даже точно сработала «чуйка» у «митрополита» Пантелея. Он своей «разработанной» жопой, сука, чувствует, что «это могильщики его подрастают, могильщики всего вот этого». Всей этой чекистско-ментовско-поповской Системы... И се – истинно так. Посему: «никто да не пренебрегает юностью» (1 Тим. 4, 12), сие небезопасно! Аминь.

ИЕЗ. 25, 17

По «правым» пабликам в ТГ (может и ещё где, «за всем не уследишь»), пронеслась недавно волна «глума» по поводу выступления «министра войны» САСШ Питера Хегсета, в коем он якобы «попутав», процитировал фрагмент из тарантиновского «Криминального чтива», приняв его за текст из Св. Писания... Переслал нам «отклик» один наш корреспондент, в свою очередь, переславши его из тг-канала под «именем»: «Курбан Мирзаханов». Настоящее ли сие «имя» иль «никнейм», не столь важно, очевидно, что выступающий под таким «именем» едва ли является «симпатизантом» Христианства, а вот «другом народа Палестины» и «сионифобом» является. О «сионборцах» и «фрипалестайнерах» погугарим чуть ниже, а покамест воспроизведём глаголемый пост: «Министр войны США Пит Хегсет решил блеснуть духовностью и процитировал... выдуманный стих из «Криминального чтива». Которого нет в Библии. Совсем. Тарантино написал его за обедом. «Путь праведника труден, ибо им преграждает путь эгоистичные злодеи, и блажен тот, кто во имя милосердия и доброй воли ведёт слабых через долину тьмы, ибо он — истинный хранитель брата своего и искатель пропавших детей. И я обрушу на них великое отмщение и лютую ярость, если они отравят кровью моего брата. И тогда познают они, что я есмь Господь». Похоже, у них не только победы голливудские, но и религия» (<https://t.me/shiawarrior>).

Прежде нежели се «комментировать», сделаем небольшое «отступление»... С позднесоветских времён (кои мы застали), соприкоснувшись с «русским национально-патриотическим движением» (неким участником коего и мы стали), мы вынесли «наблюдение» (в верности коего все последующие годы и десятилетия нас только пуще утверждали): ежели чел заиклен на «борьбе с сионизмом» и вдобавок является «палестинофилом», но се – случай не «идеологического», а «ме-

дицинского» порядка... Нам привелось знать (сугубо «шапошно», правда) Валерия Емельянова. Собственно, его «Десионизация» (изданная на арабские деньги) была одним из первых «подпольных» изданий, попавших в наши руки году эдак в 1979, а может в 1980-м. Это был ксерокс, снятый с сей книги, вроде как выпущенной «Организацией освобождения Палестины» в Париже (так значилось в «выходных данных»). Т.е. тов. Емельянов был и ярым «сионоборцем» и «фрипалестайнером» в одном, так сказать, «флаконе» (надо сказать, «флакон» и не один, играл в его жизни изрядную роль: хотя в последние годы, вроде как, В.Е. стал борцуном ещё и за трезвость, исходя из того, что «сионисты спаивают русский народ»). Зная, как шились и шьются дела в СССРФ, не станем никак ни подтверждать, ни отрицать версию «советского следствия», гласящую: «10 апреля 1980 года Емельянов был арестован по обвинению в убийстве и расчленении топором своей жены, судим, признан невменяемым с диагнозом «шизофрения» и помещён в Ленинградскую спецпсихиатрическую больницу на шесть лет. По позднему утверждению присутствовавшего на суде наблюдателя, изрубить тело супруги топором на части и сжечь его на стройке Емельянова мотивировали подозрения в её соучастии с сионистами. Свидетелем по этому делу проходил Александр Дугин. Емельянов был выпущен на свободу в 1986 году. После выхода из психиатрической больницы в 1986 году Емельянов примкнул к Обществу «Память» Дмитрия Васильева и непродолжительное время считался одним из его лидеров» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Емельянов,_Валерий_Николаевич). Но то, что Валерий Николаевич был ебанутым на всю голову – свидетельствуем пред Крестом и Евангелием...

Не станем более никого «называть по имени» и тем паче обзывать «ебанатом», отметим лишь, что повышенный градус «сионифобии» и «палестинофилии», как правило, влечёт за собою нечто патологическое. А в связи с недавнею «сионироанскою» войною к сему болезненному комплексу добави-

лась ещё и совершенно некритическая восторженность в отношении ИРИ и тамошней «муллократии», на том шатком основании, что Иран-де шмаляет ракетами по Израилю... Да и вообще, скоро «сбросит сионюг в море»... Меж тем, как трезвомысленный, здравый взгляд, именно «русский взгляд» на происходящее на Ближнем Востоке должен был бы быть примерно таков: «Искренне и от всего сердца желаю победы благородному и древнему народу Ирана. Победы на коррумпированной и агрессивной муллократией. Победы над тиранией хомейнистов и КСИР. Победы над уродливым арабским суеверием, искалечившим древние традиции Ирана. Будем надеяться, что израильская военная операция этому поспособствует и, воистину, народ восстанет, как лев!»; «Если по гамбургскому счёту, то наше отношение к Ирану определяется, в первую очередь, тем, что Иран - это союзник Пекина и Москвы. Да, Тегеран ведёт свою игру, но при этом он сознательно встроился в коалицию неосоветских и неокommунистических режимов. И стрекотание шахедов в украинском небе напоминает нам об этом каждый день и каждую ночь. Муллократия и мафия КСИР давно и однозначно сделали свой выбор. И этот выбор не предполагает ничего иного, кроме их уничтожения»; «Не будем забывать простые и очевидные истины нынешней войны: если бы не иранские шахеды, если бы не северокорейские снаряды, если бы не финансово-экономический хаб красного Китая, то РФ давно бы потерпела поражение. Ну а дальше каждый выбирает сам линию фронта: кому Нео-Совок родина, тому и Тегеран с Пхеньяном - милые друзья. Ну а кому этот Нео-Совок суть главный враг, у того и к его первейшим товарищам отношение соответствующее» (https://t.me/dimitriy_savvin/). Се пишет Димитрий Саввин – ныне политэмигрант, а в бытность свою в России – один из возглавителей «Союза Русского Народа» («забайкальского», кажется, Отдела, но не суть – важнее всего, что Д.С. не был одержим сионоборчеством, что позволило ему сохранить христианское трезвомыслие).

...Вернёмся, однако, к спичу Хегсета. Ссылку на него нам прислал не «евразиец» (не «курбан» какой-нить), а вполне себе «ариец», к тому же считающий себя ИПХ. Но – синдром «синоборчества» сказался, к прискорбию, и на нём (и не только, увы-с, «на нём одном»). Не станем, впрочем, никого персонально ни «обсуждать», ни «осуждать», а прокомментируем, наконец, историю с «цитатой»... На наш взгляд, Хегсет – таки «блеснул». Евда ли он не знал, что цитирует «не по Библии», но обращение именно к данной цитате говорит о его некоем довольно утончённом культурологическом бэкграунде. Пит Хегсет – отнюдь не «сапог» с одной извилиной, и той, «натёртой фуранькой». Неверно, кстате, что в Писании «ничего подобного нет». Как раз есть. Се – книга Пророка Иезекииля, глава 25, стих 17: «и совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я Господь, когда совершу над ними Моё мщение». Собственно, то что Тарантино включил подобную «цитату» в свой культовый фильм свидетельствует в т.ч. и о том, что даже «масс-культ» в САСШ весьма сильно проникнут христианскими смыслами и ценностями. Сию цитату, напомним, произносит герой Сэмюэла Л. Джексона, Джулс, в фильме Тарантино «Криминальное чтиво»... и совершенно неверно утверждать, что «к Библии это никакого отношения не имеет...». Ещё как «имеет»! Молодчик Тарантино лихо в одну фразу фильма нарезал всю 25 главу книги св. пророка Иезекииля. Фраза из фильма это не стих 17, это именно сочная нарезка из всей 25 главы с усреднением, так что по сути он именно предельно точно передал смысл всей 25 главы! А так как фильм популярный, то все гуглят именно стих 17, думая что фраза из фильма - это то, что написано в книге Иезекииля, но - нет - фраза из фильма, это выжимка всей 2 главы с 1 го по 17 стих. И се – «жирный плюс» что Тарантине, что Хегсету...

Надобно ещё отметить, что не токмо культурологический, но и кой-какой историософский background у Пита Хегсета имеется. Он, можно сказать, записан на «плотных скрижалях».

лях» (ср. 2Кор. 3, 3). Напомним, что на теле сего Большого Белого человека нанесено множество татуировок на тему религии и патриотизма: от герба Иерусалимского королевства Крестоносцев и Креста с Мечом до американского флага и отсылки к основанию США. Также там имеется надпись на латинском «Deus Vult!» (Так хочет Бог!). Паки напомним, что «Deus Vult!» - се девиз Первого Крестового Похода. То, что Пит Хегсет ассоциирует себя с Крестоносцами, не есть его персональный «заскок» или «прихоть», а – плод некоей целенаправленной «окультурной стратегии», принятой американской «закулисой» («арио-масонской» ея частью) некоторое время тому назад по «реабилитации» и «ореализации» Крестовых походов. Приведём некоторые сведения на сей счёт: «Геополитические и военные доктрины оказывают влияние на развитие исторической науки в США. В контексте современных стратегических интересов американского империализма разрабатываются новые подходы к преподаванию истории в учебных заведениях, в частности, предпринимаются попытки оправдания целей и средств средневековых крестовых походов. Не исключено, что «в американском мире после 11 сентября» идеология крестовых походов может стать одним из направлений военно-патриотического воспитания молодёжи. «Средневековыми миротворцами» называет крестоносцев известный в США профессор Вильям Урбан в обращении к американским преподавателям истории, распространённом Американской исторической ассоциацией (William Urban, Rethinking the Crusades, Perspectives newsletter of the American Historical Association, 36/7, October 1998, 25-29). По мнению В.Урбана пропаганда «положительного исторического значения» крестовых походов призвана убедить американцев, в первую очередь школьников и студентов, в неизбежности военных операций против стран, составляющих так называемую «ось зла». Призывая разработать новую программу преподавания истории крестовых походов, В.Урбан пишет: «Без использования военной силы невозможно обуздать дик-

таторов, подобных Саддаму Хуссейну, который претендовал на роль рыцаря Ислама в борьбе с Западом. Я верю, что современные вызовы затронут то, что мы хотим преподавать о прошлом, особенно о крестовых походах. Я спрашиваю студентов: почему американцы сравнивают свою миссию с крестовыми походами? Потому что действия США основаны на христианских добродетелях и направлены на борьбу с врагами западных ценностей. Когда средневековые римские папы, монархи, священнослужители и миряне поняли, что Святая Земля не может быть защищена без применения военной силы, Запад сформировал рыцарские ордена крестоносцев. Сегодня мы направляем международные силы по поддержанию мира в Кувейт, Боснию, Либерию и другие страны мира. Мы организуем войска быстрого реагирования, состоящие из настоящих профессиональных бойцов, а не наблюдателей, обозревателей и потенциальных заложников. Если исламский фундаментализм становится серьёзной угрозой, то это будет отражено в наших классных комнатах и учебниках. Отвечающая современным задачам США интерпретация истории крестовых походов займет подобающее место в учебном процессе» (см. подр.: <https://radonezh.ru/analytics/srednevekove-mirotvortsy-yu-klitsenko-48115.html>).

...Так что те боевые действия, что ведут против иранской «муллократии и мафии КСИР» САСШ, их руководством воспринимаются как очередной Крестовый Поход. Так понимает сие и Президент Трамп, так понимает дело и его «министр войны»... «Ось Зла» как-никак, а «надломлена» в нескольких местах... И ежели оный «Крестовый поход» Хегсета со товарищи, пусть косвенно, но приведёт к ослаблению, к надлому, к дезинтеграции режима сатанократии в России – то русские ИПХ не смогут не возрадоваться сему. Повторив вослед Пророку: «да узнают совки мщение Его»!

О «КОМПЛЕКСЕ ИШМАЭЛЯ» И НЕ ТОЛЬКО...

Ислам, как ни крути, есть религия, «производная» от Юдаизма и Христианства. Сохранились смутные свидетельства, что их «пророк» Магомет признавал, что адаптировал постулаты и правила сих более «продвинутых» вероучений к примитивному уровню своих дикарей-сородичей. Было ль сие «признание» апокрифическим иль нет, не столь уж важно, ибо *de facto* так оно и есть. Отнюдь неслучайно, Византийские богословы, ранее, нежели прочие христианские круги, столкнувшиеся с «вызовом» Ислама, квалифицировали его как очередную «христианскую ересь». В «каталоге» ересей, принадлежащем св. преп. Иоанну Дамаскину, «ислам» фигурирует под номером 101... Один из наших корреспондентов недавно прислал такую вот «наводку»: «Есть такой современный философ Жакоб Рогозинский. Мне в руки попала его книга, которую он посвятил исследованиям феномена джихадизма. Одной из основных предпосылок этого явления он предлагает считать «Комплекс Измаила». Если кратко, это чувство рессентимента по отношению к «людям Писания», появившееся в исламе из-за непризнания истинности Корана как последнего Откровения. И в главе, в которой он формулирует этот комплекс, он предлагает одно из возможных решений — признание за всеми тремя авраамическими религиями веры в «Единого Бога», который, дескать, просто проявляется под разными именами»... Ну, насчёт того, что некий «общий знаменатель» авраамизма можно под указанные религии подвести, «это вряд ли». Но рассмотрение «авраамизма» уведёт нас здесь далеко «в сторону» (нам доводилось писать об этом в другом месте). А вот догадка про «комплекс Ишмаэля», на наш взгляд, весьма перспективна и заслуживает более тщательного осмысления и углубления. Не вдаваясь опять же в подробные рассуждения, отметим лишь, что безсомненно, некий «комплекс» изначально присущ Исламу в силу отмеченной «вторичности» его происхождения... Подробнее сим

«комплексом», чаем, займутся нарочитые исследователи, мы же сосредоточимся лишь на одном аспекте. В случае с Исламом, как и с многими иными (не столь «успешными») еретическими «проектами», наблюдается ещё один момент: те или иные «ереси», в то или иное время отколовшиеся от «Вселенской Церкви», ими же веся судьбами, сохраняют у себя некие элементы древнего Предания, кои в ортодоксальном «мейнстриме» либо были «позабыты», либо были «маргинализированы» и т.п. С Исламом поизошло нечто подобное. Например, доктрина «Священной Войны», «Джихада», восходящая к ветхозаветным ещё «Войнам ЯХВЕ», в Исламе прекрасно сохранилась, и очищенная от арабизированной «словесной шелухи» являет собою древнее Христианское учение, почти текстуально неповреждённое. А в современном «эмпирическом» Христианстве, напротив, доктрина сия не то чтобы «забыта», но активно отвергается и порицается. Современные «недо-христиане» готовы «каяться» за Крестовые походы. Но выступить в новый Крестовый поход (кой остро необходим!), в большинстве своём неспособны. Лишь малое меньшинство Христиан в современном мире сохраняют адекватное представление о сути Священной Войны. Стоит, впрочем, отметить неуклюжие попытки идеологов МП (в связи со «спецоперацией» красной армии в Малой Руси) реанимировать риторику и дискурс «священной войны», но сергиянская милитарная пропаганда восходит к сталинско-советской «священной войне» времён ВОВки, но никак не к «Крестовым походам» и «войнам Божиим» Рима, Византии и Древней Руси...

В качестве примера из «мира ислама» сохранности древлехристианского наследия приведём примечательную молитву, составленную в Османской империи по случаю войны с Российской Империей 1977-78 гг. Ея «откопал» небезызвестный экс-«диакон-всея-руси» г-н Кураев. В своём блоге озаглавленный «экс» сообщает:

«Сильная молитва. Турецкая: Молитва Турок по случаю войны с Россией сообщена корреспондентом, по свидетель-

ству которого эта молитва читается в Константинополе во всех мечетях ежедневно, причем, после каждого прошения, народ шумно произносит: аминь. «Во имя Бога милости, милостивого! Милующий милующих, помилуй и облегчи Оттоманов! Сильный и державный, будь немилостив к неверным! Благоутробный и податель благ, удержи державца Оттоманов! Герой и завоеватель, сотри дерзкое и погибельное воинство нечестивых! Слава Богу, Господу мира! Обетование и благословение Божие на угоднике Божиим, нашем Мухаммеде и на всех его благочестивых приверженцах. Боже, удержи раба твоего султана нашего, вождя верных твоих, и обезопась нас в отечестве нашем, и погуби с лица земли всех неверных врагов наших, Твоих и священной и истинной веры нашей. Уничтожь, державный Боже, всякий след нечестивых Русских и Эллинов, воспитываемых во тьме нечестия, на подобие свиней в грязи, дерзающих поднять скверную руку свою на ослабление верного народа твоего и твоего пророка Мухаммеда. Боже, разгони союз их, разсей сборища их. Боже, сокруши оружие их, Боже, умали и уничтожь множество их. Боже, отними скоро их в назначенную им муку. Боже, излей на голову их все твои гнев и мщениа, Боже, поставь их в средину вреда и озлоблений. Боже, накажи их теми мщениа, какими Ты доселе мстил врагам своим. Боже, смешай языки их. Боже, пусть кровь их льётся как поток, и головы их да попруны будут ногами верных рабов твоих Оттоманов. Сокруши начальства их, дворы их, убежища их. Истоци их силы, сделай детей их сиротами, жён— вдовами, матерей—рыдающими. Смешай всю мыслительную способность их. Боже милости! пусть не будет остатка на земли Русских, Эллинов, Славян и единомысленных и союзных им Франков. Боже, окружи их отовсюду Твоим страшным гневом, грабежом, виселицей, заразою, голодом, всеми поветриями, холерою, горячками, землетрясением. Сделай города их без жителей, колебли их восьмью злоторными бесами. Боже, поелику злоумышляющие скотоподобные эти нечестивцы желают вреда нашего, пусть получают сами вред в глазах их, в чувствах их, в женах

их, в детях, в имуществе и в самой жизни их, Проклятия и вредения брось на них как град. Боже, сделай их и всё, что у них есть, добычею верующих в Тебя и в пророка Мухаммеда, на которых да будут обеты и благословения великаго Бога» (публ. в «Церковном Вестнике» (№ 45): републ.: Древняя и новая Россия. 1878 [Т. 1], № 4 сс.89-90).

Далее г-н АК даёт свои ехидные, как ему представляется, комменты: 1. Такие же зложелательные формулы были в грамотах св. патр. Григория Пятого и его синода, проклинавших восставших греков в 1821 году; 2. У греков это обряд псалмокатара — проклятие псалмами; 3. Во дни русско-турецких войн греческие епископы на османской территории тоже читали молитвы о победе султана и поражении русских. Интересно, это была та же самая молитва с небольшой редактурой?; 4. Читают ли такую же молитву сегодня жители Газы и Ирана, заменяя русских и союзных им франков на евреев и союзных им американцев?; 5. Могут ли эту молитву взять на вооружение муллы-капелланы для нужд СВО? (зри: <https://diak-kuraev1.livejournal.com/142100.html>).

Здесь совершенно справедливо указаны греко-православные «образцы», по коим турки составляли свои «сильные молитвы»... Насчёт красноармейских «муллкапелланов» не знаем-с, пусть доколе попущено им вместе с «отцами звездониями» из МП исполняют «меру беззаконий» своих. А вот Истинно-Православные Христиане вполне могли бы позаимствовать тут нечто для своих священно-военных надобностей, памятуя конечно, что первоисточник для «сильной турецкой молитвы» - был древле-Христианским!...

Напоследок – несколько нетривиальных суждений касаясь персоны Кураева, высказанных одним ИПХ-интеллектуалом дней сих: «Кураев - представитель редкой разновидности сергианства. Троцкистского... Поясню: Кураев - сторонник идеи «раннехристианского коммунистического интернационала», к которому надо вернуться. Для него государство - онтологическое зло, в отношениях с которым надо придерживаться принципа «ни мира, ни войны». История Церкви после им-

ператора Константина, таким образом, - это «преданная революция»; и как следствие - «перманентная революция». Он даже договорился до того, что Ленин и Троцкий спасли Русь от православного фашизма (а в фашизме религия, нация и государство - взаимообусловлены). De facto сей рясоносный диссидент видит себя интеллектуальным вождём, условно говоря, - «диктатуры социального Евангелия». Поэтому так активно раздаёт поучительные интервью левацким СМИ (это одна из причин). Конечно Кураев не троцкист в том смысле, что хочет канонизировать Троцкого, тут с «православным сталинизмом» ничего общего. Более того - ко многим православным святым (к таким, как преп. Иосиф Волоцкий например) и, как следствие, Святым - у «диакона всея Руси» много вопросов (осмелимся предположить, что тем самым он скорее намекает на необходимость проведения процедуры тотальных деканонизаций, нежели канонизаций)... Можно вспомнить и то, что Кураев пацифист, каковым Троцкий не был... etc. Но это скорее начётнические критерии. Внимание необходимо сфокусировать на троцкистской методологии в историко-софских мыслепостроениях Кураева - сторонника идей Грамши о «безкровной революции». В связи с этим отметим, что Троцкий оказал сильное влияние на революционную доктрину Грамши, с которым был лично знаком и даже заказал ему статью об итальянском футуризме, которую использовал в книге «Литература и революция». В свою очередь, - Грамши часто цитирует в своих текстах Троцкого (в том числе его биографию «Моя жизнь» от 1929 г., когда Троцкий уже был диссидентом). Конечно, были у них и разногласия, но ни тот ни другой, насколько мне известно, не «выписывали» друг друга из коммунистов... Делая вывод, можно уточнить мой предыдущий тезис так: Кураев как интеллектуал - это синтез идей «социального Евангелия», Троцкого и Грамши» (д-р Олаф Хольмгардссон).

ЗЭ ХЭ БИБИ!

Ныне покойный выдающийся русский расолог Вл. Авдеев, помнится, любил приветствовать камрадов «полуэзотерическим» приветствием: «Зэ Хэ» (что означало «Sieg Heil»). Вот и мы, Deo Juvante, вознамерились обратить сие приветствие к израильскому «примеру» Беньямину («Биби») Нетаньяху, ныне демонстрирующему свою «крутизну» (на пару с «Донни» Трампом) в «специальной военной операции» супротив Ирана... Сие «СВО» вызывает бурю эмоций, в т.ч. в русской «национал-патриотической» среде. Не сказать, что мы через меру «удивлены», но «огорчены» точно: тем, что в сообществах якобы русских «крайне правых» обнаружилось немалое число любителей «детей палестины», фанатов иранских дядек-«аятолл» с «полотенцами на главах» и т.п. Верна древняя поговорка: «скажи мне, кто твой друг, и аз скажу, кто ты». Но верна она и в «отрицательной» своей огласовке: «скажи мне, кто твой враг...». Кто на Западе выступает супротив «фашиста» Трампа и «фашистского» Израиля? Крайне «характерная» публика: всякоразное левачьё с петушиными хвостами, розовыми власами, фрипалестайном и мигрантофилией... Нам представляется, что «позиция ИПХ» тут должна быть однозначной, но на практике мы наблюдаем некие «разброд и шатания» даже на уровне тех малых «консорций», что вроде бы ориентировались на ИПХ-идеологию. Что ж, им надлежащий «отлуп» даёт как раз «пример» Биби. ТГ-канал «Wotan Jugend» комментирует: **«Докатились: Президент Израиля укоряет европейцев, что те утратили свою идентичность, потокают дикости исламистов, и прочих тожелюдей. Вне контекста рассуждений о внутривидовом конфликте сионистов и ортодоксов, подобная прямота слов со стороны Израиля выгядит возможной лишь как констатация факта необратимости процессов упадка Европы. Так или иначе, необратимость злого рока, неотвратимость судьбы -**

никогда не были значимы для подлинного европейского духа противопоставляющего себя им. Подобно тому, как это манифестировали индоевропейские боги древности, противостоя судьбе - обретали жизнь в борьбе» (<https://t.me/wotanjugend>).

А вот-с и сама речь:: «Мы защищаем Европу, Европу, которая так много забыла со времён Холокоста. Она может многому у нас научиться, и прежде всего главному — чёткому различию между добром и злом, которое в решающий момент требует вступить в войну за добро, за жизнь. Европа, поклявшаяся после Второй мировой войны защищать добро, сегодня поражена глубокой моральной слабостью. Европа теряет контроль над своей идентичностью, своими ценностями, своей обязанностью защищать цивилизацию от варварства. Но эту вечную обязанность Израиль не забывает» (Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху). Ну, про «лохокость», это Биби, пожалуй, зря задвинул, а в остальном — ну прав же, щучий сын...

Кстати, к вопросу: «кто чей сын»: отец Биньямина Нетаньяху — выходец из Польши профессор истории Бенцион Нетаньяху (Милейковский), который был личным секретарём Зеэва Жаботинского. Его старший брат, Йонатан (Йони) Нетаньяху, национальный герой Израиля, погиб в ходе операции по освобождению израильских заложников в Энтеббе. Младший брат доктор Идо Нетаньяху — врач-радиолог и писатель. Дедом Биньямина был родившийся в Крево раввин и проповедник сионизма Натан (Нетаньяху) Милейковский.

Нетаньяху-старший, тот что историк, написал, помимо прочего, монографию «Происхождение Инквизиции» (1959), в коей уделил повышенное внимание именно «расовому аспекту» и концепции «чистоты крови» (исп. *limpieza de sangre*), коей руководствовалась Испанская Инквизиция. «Данная концепция была сформулирована в Испании в середине XV в., чтобы отличать «старых христиан» (католиков) от конверсо — новообращённых христиан еврейского либо исламского происхождения. Изначально планировалось,

что человек, желающий заключить брак с католиком (католичкой), вступить в религиозный или военный орден, стать чиновником либо офицером, должен доказать, что среди его предков нет евреев и мусульман — на несколько поколений назад. Статуты, основанные на «чистоте крови», действовали в Испании вплоть до XIX в. Они характеризовались разной частотой применения, имели разную эффективность и пользовались разной степенью общественного одобрения. При этом испанское государство не придавало данным нормам характер закона, обязательного для всех. В целом, указанные ограничения приняла лишь небольшая часть испанских церковных и светских институтов. Дискриминационные механизмы работали плохо, постоянно наталкиваясь на критику и сопротивление со стороны монархии, духовенства и отдельных интеллектуалов. Тем не менее, сейчас очень популярен тезис о том, что Испания изобрела современный расизм с помощью статутов о чистоте крови. Он тиражируется в публицистических статьях, тиктоках и популярной литературе. Однако мало кто знает, откуда на самом деле взялся данный тезис. Спойлер: вовсе не из испанских архивов. Главный источник — книга «Происхождение Инквизиции» (1959) Бенциона Нетаньяху (отца Биньямина Нетаньяху). В России она издана в 2015 г. под названием «Истоки инквизиции в Испании XV века». Нетаньяху-старший утверждал, что Испания преследовала евреев не на религиозной, а на расовой основе, — тем самым изображая Испанию XV в. как протонацистское государство, хотя наука о расах появилась лишь несколько веков спустя. Подавляющее большинство историков отвергло данный тезис. Концепция «*limpieza de sangre*» не являлась биологической. Конверсо занимали должности и вступали в смешанные браки. К тому же, статуты сильно различались, — да и в Новое время не существовало понятия расы, идентичного современному. Однако многие англоязычные учёные согласились с идеей Бенциона, поскольку это показалось им «полезным». Тезис Нетаньяху играл на руку

«чёрной легенде» — англо-протестантской традиции, изображающей Испанию как исключительно жестокую страну. Благодаря парадигме Нетаньяху, «чёрная легенда» получила наукообразное оправдание, которого у неё никогда не было. Вскоре к англичанам присоединились университеты США — и инфлюенсеры, рассуждающие на тему деколонизации и некритично транслирующие чужие идеи. Бенцион Нетаньяху пересмотрел историю Испании XV в. через призму сионистской идеологии. Евреи были изображены как биологическая нация и раса; религиозные преследования — как расовые, а Испания — как государство расизма и геноцида. Данная анахроничная интерпретация не была научной, потому что проецировала идеи XIX в. на XV в., хотя иберийский католицизм никогда их не принимал. В Испании иудейство (еврейство) понималось как религия, а идентичность — как духовный, а не биологический конструкт. Англоязычные академики нашли нарратив Бенциона Нетаньяху привлекательным, ибо он переносил истоки современного расизма с протестантского Севера, — где на самом деле возникли наука о расах, евгеника и сегрегационизм, — на католический Юг. С развитием интернета описанное сочетание идеологической интерпретации и академического конформизма свелось к упрощениям и породило тезисы: «Испания изобрела расизм». «Limpieza de sangre равно расовой чистоте», «Инквизиция — это ранний нацизм». Те, кто произносят данные тезисы, ссылаются на идеологическую и пропагандистскую интерпретацию испанской истории за авторством Бенциона Нетаньяху» (<https://t.me/NashPut83Reserve/3499>).

В приведённой справке «христиане» ставят в вину Нетаньяху-старшему то, что он «обвиняет» испанский Католицизм в «изобретении расизма» и т.п. Хотя, «стыдиться»-то тут нечего. Наоборот, здорово, что в недрах католической Испании вывели и развились прообразы последующих европейских «расовых доктрин». Понятно, что еврейский автор судит «со своей колокольни», но примечательно, что он при-

знаёт, что «вопросы крови важнейшие в мире»... Нетаньяху-мл., бесспорно, еврейский фашист. «В папашу». И тут следует вспомнить, что Муссолини определял своих фашистов как «элигу траншей». Биби Н. отнюдь не «кабинетный персонаж». Стоит напомнить, что Нетаньяху в молодости служил в рядах Армии обороны Израиля. Он был бойцом элитного подразделения «Сайерет Маткаль» — спецназа Управления разведки Генерального штаба — и завершил службу в звании капитана. Отсюда, следует, что братец Биби таки имеет полное моральное право отправлять солдат в бой, то есть туда, где есть шансы не вернуться живым, так как он сам был солдатом и из многих операций мог точно так же не вернуться. Капитан спецназа Нетаньяху — много раз ходил туда, откуда запросто можно не воротиться. Это всё мощный мотиватор. «Израильские солдаты, ещё даже будучи молодыми курсантами, всегда помнят, что элита и руководство государства состоят из тех, кто был точно такими же курсантами когда-то. Посылать людей на возможную смерть имеет моральное право только тот, кто сам ходил туда, где были все шансы погибнуть. Это один из фундаментов Армии обороны Израиля» (Игаль Левин). Вот такой он, «еврейский фашизм».

Когда мы спросили одного из наших корреспондентов, позиционирующего ся яко «ИПХ», но яростно «топящего» за «аятолл» и кроющего «сионюг»: свистели ль пули у яво «виска»? – в ответ мы услышали: «а мы слыхали, що у вас таки дедушка раввин»... «Дедушки раввина» у нас и в заводе не было (был, правда, дедушка-власовец), и «пара пуль» некогда у нашего виска «просвистели и ага»... «Хвалиться» сим не пристало, отметим лишь «характерную» реакцию «литературного монархо-фашиста»... «Литература», оно, дело неплохое, но «Кровь, Почва и Судьба» важнее... Не отрицаем, что существует не токмо «еврейский фашизм», но и «арабский фашизм», и «исламо-фашизм». И со всеми сими «фашизмами» Европейский (в т.ч. Русский) Фашизм может вступать в некие «тактические союзы». Но надобно чётко

осознавать: в ситуации днешнего дня что арабский, что исламский «фашизм» однозначно нацелены против Европы. А вот «еврейский фашизм» объективно (вопреки чьим-то чувствам и эмоциям, м.б. и самих сионо-фашистов) выступает в роли «Щита Европы» (что совершенно верно отметил братец Биби). Из сего факта и следует исходить в «наших» био- и геополитических «разчётах».

Спору нет: было б куда лучше, ежели «Щит Европы» ковался в самой Белой Европе... Быть может, та черта арийского, «подлинного европейского духа», что отмечена коллегами из «Вотан-Югенда»: приятие «вызова Судьбы» и ответный «вызов» ей, что тевтонский любомудр М.Хайдеггер обозначил как «бытие-без-укрытия-в-максимально-возможном-риске», и сможет «пробудиться» под влиянием того опрокидывания геополитической The Grand Chessboard, кое принял «тандем» дядюшки Донни и брата Биби – и мы сие могли бы лишь «приветствовать»...

А покамест: Хайль Нетаньяху!

А фрипалестайны нехай идут на хуй!

ПОЛУНОЩНЫЙ МЛАТ: ОТ МИСТИКИ К ПОЛИТИКЕ

Всё, что предстаёт внешнему взору, как война и политика, имеет началоположение – в мистике... Война, кстати, это отнюдь не «продолжение политики другими средствами», а «самый крайний, исключительный случай самой политики» (Карл Шмитт). Но – всё начинается с мистики... Бывают такие исторические моменты, когда внешняя оболочка из «политики» истончается до того, что даже и для тех, кто не обладает достодожным «духовным зрением», приоткрываются мистические истоки войны и политики... Днешний день, как раз, и предоставляет такую возможность всем тем, кто не безнадежно «слепоглухи» к импульсам мистической первореальности... «Мы все живём во власти старых формул, которые никак не соответствуют нынешней реальности. Например, наперегонки люди пишут: «Третья мировая началась». Но если тормознуть и секунду подумать, то мы увидим, что в мире, в отличие от ситуации Первой и Второй никак не наблюдается двух чётко очерченных противостоящих альянсов. Даже Запад сейчас не един. А уж противостоящий ему блок существует только в голове Дугина. Да, и он уже сомневается - печалится, что явно исламский мир в своих реакциях никак его чаяниям не соответствует. Так что, можно выдохнуть - Третьей мировой не будет? Не будет, но выдыхать не стоит. У нас, похоже будет не мировая война, а мир войн. Они снова становятся вполне допустимым средством решения вопросов. И их некому остановить - нет ни внешней некой инстанции, ни внутренней склонности к компромиссам» (Дм. Тараторин). Верно. Вот, наступивший «мир войн» полыхнул атакой Израиля на ядерные объекты Ирана, а затем – 22 июня, «ровно в четыре часа», Президент САСШ Д.Трампа долбанул по Ирану же, окончательно «похоронив» тамошний «атомный прожект»...

Нам представляется небезполезным краткословно коснуться именно мистической подоплёки сих бранных обстоятельств... Типовая «православно-патриотическая» реакция на свершающееся выглядит примерно так: «В ночь на 22 июня 2025 года США в очередной раз проявили себя как прокси Израиля, атаковав в его интересах суверенный Иран. Вся вина которого лишь в том, что Иран обращает внимание на геноцид палестинцев, не желает “петь под дудку” сионистов, и строит независимую от них страну. Как некогда, именно также международным еврейским капиталом США было ввергнуты в войну против Германии и её союзников. Пренебрегая интересами своего народа, американское правительство снова втягивается в войну совсем не за свои интересы на других континентах. Что может опять привести к гибели множества белых людей на фоне торжества иудейского племени» (<https://t.me/s/rfopamyat>). «Кстати, Мессия (Машиах), может прийти только после войны Гога и Магога. Расскажем вам немного об этом: Согласно талмудическим текстам, Гог из страны Магог — это правитель неких «северных земель», который объединит сынов веры Ишмаэля (мусульман) и сынов Эдома (европейцев) в войне против Израиля. И тогда должен прийти Машиах, еврейский лидер, который спасёт евреев и победит их врагов. Христиане и мусульмане, бывшие в коалиции, наоборот, будут разорены и погружены в междоусобные войны, которые приведут к их взаимному концу. Сегодняшняя агрессивная политика Израиля и обещания Нетаньяху «постараться» для прихода Машиаха явно говорят о том, что свои обещания он сдерживает, делая всё, чтобы ускорить предсказание и самостоятельно спровоцировать войну в регионе. А Трамп, вполне возможно, станет тем самым Машиахом, учитывая его преданность израильским хозяевам союзникам» (<https://t.me/s/narodbozhiy>).

Тут неверно примерно «всё»... Апокалиптика завершающей мировую историю Битвы между ордами Гога и Магога и Народом Божиим есть эсхатологический мифообраз, «проек-

ция» коего на текущие политико-военные обстоятельства не столь уж «просто» решаемая задача... Постараемся разставить, хотя бы в первом приближении, «крупки понад і». Нам доводилось немало писать о сем, посему выдвигаем следующие тезисы без развёрнутого обоснования, в качестве неких «аксиом»: на днешний день Катехоном-Удерживающим (2Сол. 2, 7) являются САСШ и его благочестивейший Президент Трамп... Главной же «стройплощадкой» воздвижения Царства Антихриста является даже не Неосовок-РФ, а Красный Китай, в отношении коего и РФ и Иран являются «вассалами» (теми самыми «Гогами с Магогами»). Ядром китайской Компартии (как и всех прочих компартий в мире, но тут воистину «особеннейший случай»), от дней основания и доселе являются тамошние жидаы. Какие-то их «потерянные колена», во время оно переселившиеся в Китай. О жидовской диаспоре в Китае практически ничего не известно, се составляет великий секрет, в отличие от «сионистского» Израйля, что паки заставляет помыслить, что Израиль и «сионисты» есть «ложная мишень»... Мы не знаем, есть ли представители «колена Данова» в современном Китае, и какова истинная родословная «председателя Си» (возможно, он является «подставной фигурой», а может имеет (как-то в обыкновении у жидов) соответствующую «есфирь» в жёнах). Хуйло, как известно, по происхождению как минимум «полтинник», и тесно связан с хасидами, кои являются врагами как Сионистов, так и «сионистского проекта» в лице Государства Израиль... Весьма «своевременно» увидел свет трактат В.Дёмина «Происхождение антисемитизма: Сионо-христианский традиционализм и иудейская мифология» (М.: Самотёка, 2025), доказывающий, что «еврейство» не является «монолитом», что на этом расово-религиозном «поле» происходит жесточайшая распря меж «израэлитами» (нынешним воплощением коих являются Сионисты) и талмудическими жидаы (инкарнацией коих являются как центр сегодняшней «Оси Зла» - Китай, так и его «младший брат» - СССРФ). Шиитский Иран, ко-

нечно, не является в полной мере «жидовским произведением», но некоторые особенности именно шиитской доктрины, а также определённые «геополитические расклады» привели его также в состав означенной «Оси Зла»...

На ряд особенностей «шиитской эсхатологии» применительно к противостоянию Израиль-Иран обратил внимание проф. И.Л.Димитриев (кажется, се тот Димитриев, что был вторым лицом в «Русской Фаланге»). Слово – сему квалифицированному эксперту: «Трамп во время телефонного разговора с «президентом» Пу уделяет ядерной программе Ирана едва ли не большее внимание, чем Украине. Почему так? Что Запад так пугает в ядерном Иране, что не пугает, например, в Пакистане? Дело не только в угрозе Израилю. Существование его действительно будет под большим вопросом, но уничтожение Израиля — это только часть большой иранской программы, заложенной в шиитском эсхатологическом мифе. В то время как западный мир воспринимает ядерное оружие как крайнее средство сдерживания или последний аргумент в геополитической борьбе, для радикального шиитского сознания атомная бомба приобретает сакральный смысл. В центре шиитской философии лежит учение махдизма, опирающегося на мусульманский эсхатологический миф — представление о конце света. Главной фигурой этого учения является Двенадцатый имам Мухаммад аль-Махди. Согласно доктрине, он родился в 868 году, но в возрасте пяти лет “исчез” — вошел в состояние гайба (сокрытия), где пребывает уже более тысячи лет. Шииты верят, что Махди вернется в “конце времен”, чтобы установить справедливость на земле. Но предвестником его возвращения станет глобальный хаос, войны и страдания. Христиане ожидают Второе Пришествие как Божественное явление, не зависящее от воли людей, но радикальные шииты развивают идею “ускорения возвращения” через человеческие действия. Если мир ещё не достиг дна — значит, он не готов. А если не готов, то нужно помочь ему погрузиться. В современном Иране,

особенно в Корпусе стражей исламской революции (КСИР), эта доктрина приобрела прикладной характер. КСИР прямо называет себя “инструментом подготовки пути для появления Имама времени”. Согласно их логике, мир сегодня делится на два лагеря: сторонников “трансцендентного порядка” во главе с Ираном и “высокомерных сил”, включающих “сионизм, ваххабитский сионизм и христианский сионизм”. США — это “великий шайтан”, Израиль — “малый шайтан”. В этом контексте ядерное оружие становится не просто средством устрашения, а катализатором апокалиптической трансформации мира: как инструмент глобального хаоса, провокация войны между державами; как способ устранения препятствий с помощью ядерных ударов по Израилю и США; как символ божественного возмездия — современный аналог “меча Махди”. Эта логика накладывается на шиитскую сакральную географию: Самарра (место исчезновения Махди), Кербела (место мученичества Хусейна), Дамаск (будущее поле финальной битвы), Иерусалим (город, который должен быть “очищен”). Каждая из этих точек может приобрести ядерное измерение. КСИР готовит рекрутов к тому, что шииты-мусульмане будут воевать против евреев и что уничтожение еврейского государства это условие прибытия Махди. Ядро шиитского самосознания - культ мучеников. Поэтому идея коллективного мученичества, даже в ядерной форме, может быть воспринята как очищающая жертва, предшествующая триумфу справедливости. Классическая теория ядерного сдерживания исходит из предпосылки рационального выбора: никто не нажмёт кнопку, потому что хочет выжить. Но что, если актер видит в гибели мира исполнение пророчества? КНДР, Пакистан или даже Россия играют по понятным правилам, но радикальный шиитский режим может оказаться “неиграющим игроком” — субъектом, для которого правила не имеют значения. Важно понимать, что в иранской системе власти далеко не все разделяют идеи радикального шиизма, конечно есть более прагматичные силы.

Но КСИР — это государство в государстве, со своей логикой и кадрами, воспитанными в духе мадхизма. И значит у кнопки может оказаться не политик, а верующий фанатик. Именно поэтому ядерная программа Ирана вызывает такой страх у западных элит и в соседних с Ираном странах. Ведь ядерное оружие попадает в руки тех, кто видит в апокалипсисе не угрозу, а обещание»... Отметим, «в скобках», что фигуры «Махди» или «Дадджала» из исламского эсхатологического мифа довольно «амбивалентны»: но в случае с мистическим бэкграундом КСИР в современном Иране - их «антихристовая» маркировка однозначна...

Посему, и Израиль и «Биби» Нетаньяху – се «бело-синие» гвозди в «рёбра Антихристу», их атака на Иран – прямо, се атака на обрисованных выше пизданутых адептов доктрины «ускорения возвращения Махди», а косвенно – атака на средоточие Царства Антихриста – драконопоклонников Красного Китая, вкупе с «драконышами» из РФ... Истинно-Православные Христиане не могут не желать успеха «сионянам» в данной «борьбе». Ну и кольми паче - ИПХ всемолитвенно желают «покорити под нозе его все и всякия враги и сопостаты» христианнейшему Повелителю Белой Америки – Президенту Д.Трампу. Левота давно уж припечатала Фредыча кликухою «Гитлер». Что ж, «Гитлер»-Трамп, ебанувший по иранскому звену «Оси Зла» именно 22 июня, показал себя тем, кто нечто «шарит» в метаполитике и кто не чужд «правильной» мистике. Ко всему прочему, «операция США по бомбежке исламистских объектов называлась “Полуночный Молот”. А время, соответственно - в ночь с 21 на 22 июня, когда ещё отблёскивает летнее Солнцестояние. Неплохо, господа американцы, неплохо. Интуитивно тянутся к миру правильных символов» (Роман Попков).

Его высочество, наследный принц Реза Пехлеви: «На этой планете есть две нации, которые могут претендовать на библейские отношения друг с другом. Одна из них — Израиль,

другая — Иран. Это восходит к временам Кира Великого, который освободил еврейских рабов в Вавилоне и помог им восстановить свой храм в Иерусалиме». 42000 невинных иранцев, убитых в январе режимом исламской республики, стали для нас тем, чем когда-то стало откровение для пророка Заратуштры. Они позволили нам собственными глазами увидеть абсолютное Зло, уже не прячущееся за риторикой о справедливости. Благодаря их крови пелена спала с наших глаз. Мы наконец поняли: между Светом и Тьмой нет середины. Именно из зороастризма пришло в мир это фундаментальное разделение. Именно Заратуштра впервые провозгласил, что Аша (Истина, Порядок, Свет) и друдж (ложь) — две изначальные и непримиримые силы, и долг человека — сознательно выбрать сторону Света. Сегодня иранский народ своей кровью продолжает эту миссию: убитые режимом шахиды нашей революции, подобны Пророку, напоминаящие людям, что зло существует и для победы над ним Добру нужны кулаки, нужно оружие, нужно осознание нахождения в состоянии войны. И в этой битве, битве Человечности против ахримана, мы сплотились вокруг тех, кого провидение поставило во главе армии Света: вокруг принца Резы Пехлеви — наследника трона кеянидов; вокруг президента Дональда Трампа, который нанёс удар по гнезду врага; вокруг премьер-министра Биньямина Нетаньяху. **Каждый из них — меч Ахура Мазды.** Но как мы дошли до того, что перестали различать Добро и Зло? Кто ослепил нас? Интеллектуальные игры нового и новейшего времени, тень Ницше и тени его последователей столетиями внушали человеку, что истина относительна, что зло и добро не более чем конструкции. Многие упивались этой кажущейся глубиной, но ныне для нас более нет моральной и интеллектуальной возможности принимать её за нечто реальное. Мы можем почтительно относиться к Ницше и к другим мыслителям, не соглашаясь с ними в том в чем они категорически не правы. Возможно именно их критика дуализма позволила нам сегодня

явственно осознать его реальность. Истина упрочняется в споре, в войне; и стойкость в истине, которую зороастрийцы называют Artha, почитая как Изеда, произрастает из крови упорных в истине, облаченная в одежды учёной женщины (Изеда, буквально Достойные почитания небожители в зороастрийской традиции представляют различные ипостаси единого Господа Ахура Мазды – прим. Изд.) (<https://t.me/haurvataural>).

К прежде сказанному надлежит сделать ряд важных оговорок. Да, Штаты выдвинулись на роль «Удерживающего» после 1945 г., когда рассыпалась «антигитлеровская коалиция» и США воленс-ноленс должны были сдерживать натиск безбожного Коммунизма по всему свету. В качестве «Удерживающего», напомним, Штаты признавали духовные авторитеты как Русской Зарубежной Церкви в изгнании, так и Катакомбной Церкви в подъяремной России. Но с тем вместе, следует признать, что Штаты были и есть весьма, так сказать, «непоследовательный Удерживающий». США приняли активное участие в уничтожении предшествовавшего «Удерживающего» (Третьего Райха), что, очевидно, «не могло не сказаться». Трамп «за Рузвельта», конечно, «не отвечает», но общая «размытость» функции Катехона присуща и ему. При всём при том, перефразируя Дядюшку Джо: «других Катехонов для вас сегодня нетути»... Также и сионистское Государство Израиль в роли «наконечника копья» Европы превесёма непоследовательно. Догадка Дёмина о некоем остатке «израэлитов», послужившем «закваской» Сионистского Движения, на наш взгляд, верна, но неверно, конечно же, отождествлять полностью современный Израиль и древних Израэлитов с предполагаемыми их «наследниками» (надобно принимать во внимание всё писанное про «британо-израэлизм», да и русскую версию «израэлизма» по-сильно развивать: связь с «коленом Гада-Гота», тему «земли Арсарет» и т.п.). И «Биби» Нетаньяху «как до звезды» (Да-

выда?) далековато до роли некоего «Тамплиера», «Хранителя Святой Земли»... Тем не менее, волею Промысла, именно Штаты и Израиль (при всех своих изъянах) поставлены на передний край борьбы с Осью очевиднейшего Зла. Немецкое *Ent-scheidung* («решение») буквально означает меч (*Schwert*), вынутый из ножен (*Scheide*), символизируя то, что некто решился и осмелился принять Решение... Уничтожение (или по крайней мере – существенное ослабление) Оси Зла – есть работа «отрицательная». «Руны Нового Порядка» принесёт Некто «Грядый же по сим иже креплий сих есть» (ср. Мф. 3, 11; Лк. 3, 16). Но и «работа по разружению» башен Вавилона необходима и оправдана, и «высокое, жестокое наслаждение нашего времени состоит в том, чтобы принять участие в этой разрушительной работе» (Эрнст Юнгер, «*Der Arbeiter*»).

Остаётся добавить лишь расово-антропологические характеристика «кузнецов» Полунощного Млата, глав нынешнего Израйля и САСШ от Черепомерни им. Вл. Авдеева:

Дональд Джон Трамп – американский политический деятель, предприниматель и телеведущий, 45-ий президент США.

Этническое происхождение: Немецкое, шотландское

Цефальный индекс: Долихоцефалия (≈ 76)

Высотный индекс: Гипсикрания ($\approx 75,2$)

Лицевой индекс: Мезопросопия ($\approx 86,6$)

Носовой индекс: Лепториния ($\approx 57,4$)

Форма спинки носа: Прямая

Высота лба: Низкий ($\approx 29,4\%$ от общей высоты лица)

Форма лба: Наклонённая

Наклон глазной щели: Горизонтальный

Скулы: Широкие

Челюсть: Средняя

Подбородок: Слабо выраженный волевой

Форма затылка: Выраженная

Цвет глаз: Светлый оттенок, №11 по шкале Бунака

Посадка глаз: Глубокая
Цвет кожи: ≈ 12 по шкале Лушана
Толщина губ: Тонкие
Строение тела: Мезо-Брахиморфное
Рост: Очень высокий (188 см)

Расовый тип: Брунн с незначительным влиянием гальштатского нордида

Беньямин (Биби) Нетаньяху – действующий премьер-министр Израиля с 29 декабря 2022 года.

Этническое происхождение: Еврейское
Цефальный индекс: Мезоцефалия ($\approx 79,2$)
Высотный индекс: Гипсикрания ($\approx 76,8$)
Лицевой индекс: Лептопросопия ($\approx 93,1$)
Носовой индекс: Лепториния ($\approx 60,8$)
Форма спинки носа: Прямая
Высота лба: Высокий ($\approx 37,1\%$ от общей высоты лица)
Форма лба: Умеренно наклонённый
Наклон глазной щели: Горизонтальный
Скулы: Средние
Челюсть: Умеренно узкая
Подбородок: Слабо выраженный волевой
Форма затылка: Умеренно выпуклая
Цвет глаз: Тёмный оттенок, №4 по шкале Бунака
Посадка глаз: Средняя
Цвет волос: Тёмно-смешанный оттенок
Толщина губ: Средние
Строение тела: Долихо-Мезоморфное
Рост: Высокий (184 см)

Расовый тип: Восточный атлантид с влиянием арменоида

ADDENDA: Ирано-Израильская Война. Эсхатологический и Метафизический Аспекты

«В глазах шиитского мира Израиль и сионизм воплощают приход Даджала - лжеца, антихриста. В глазах сионистов

шиитский мир - главное препятствие на пути к их глобальному господству. Мы стоим на перекрёстке двух эсхатологических осей, где сталкиваются непримиримые видения конца времён» (Чарльз Аптон)

Помимо очевидных геополитических и экономических причин войны с Ираном, которые многие уже достаточно описали, ее обращают внимание почему-то на эсхатологический и религиозный аспект этого противостояния. Ведь ещё Христос сказал: “По вере вашей да будет вам”. Известно что некоторые пророчества могут сбываться локально как прообраз или предтеча грядущего. Так изначально сионизм создавался Теодором Герцелем на основе ветхозаветных иудейских пророчеств и еврейской каббалы, где центральным моментом есть восстановление Третьего Храма Соломона, разрушенного Богом, за богоотступничество евреев, как и пророчествовал об этом Христос, а также идея о мировом господстве евреев над всем миром через воцарение там Машиаха (всемирного Мессии иудеев который и установит господство евреев над миром). В этой связи празднование Пурима, праздника посвященного уничтожению врагов евреев (и всех, чье имущество им приглянулось) и связывание имени персидского Царя Амалика врагов евреев с именем Хаменеи происходит неспроста. С другой стороны Исламская Республика Иран, тоже не лишена религиозной, исламской основы. Долгое время шииты-двунадесятники, которые внесли значительный вклад в формирование иранской национальной идентичности считались пассивным меньшинством среди исламской уммы, но всё изменилось с приходом аятолы Хаменеи? который кардинально изменил богословскую основу шиизма, сделав из него революционную идеологию и мировоззрение. Можно говорить что Исламская Революция в Иране 1979 года это формирование Исламского, Ирано-Шиитского Третьего Пути, и Консервативной Революции в исламском мире, направленной против глобализма-сионизма с одной стороны, а также разложения которое несут либе-

рализм и коммунизм с другой. Центральной идеей Революционного Шиизма в Иране является пророчество о приходе Имама Времени (Махди), который сокрыт от мира, но должен прийти чтобы “обновить веру” и восстановить поправную справедливость и правду, повести мусульман за собой в бой против мирового зла. Для шиитов сакральной предтечей этого времени и явился Имам Хоймени. Вторым немаловажным аспектом в мировоззрении иранских шиитов является сакральное почитание имама Али-ибн-абу-Талиба, одного из 12 праведных имамов, наследников пророка Мухаммеда, которых признает шиитская традиция (что является фундаментальным отличием от суннитской традиции и причиной отрицания шиитами идеи восстановления Всемирного Халифата), фигура имама Али важна для иранцев не только поэтому. В 628 году произошла знаменитая битва при Хайбаре между войсками пророка Мухаммеда и иудейскими племенами, где Али сыграл решающую роль, по приданию победив иудейского богатыря, в ходе битвы он потерял свой щит и вырвав тяжёлые ворота крепости Хайбар, использовал их как щит и прикрытие, что позволило войскам Халифата зайти внутрь крепости и одержать победу. Интересно что погибший верховный лидер Хаменеи происходил из священного для мусульман рода Сейедов, по преданию от этого же рода и пророк Мухаммед, а также Хаменеи носит имя - Али. Хаменеи мученически погиб от сионистов-евреев что он может вызывать ассоциации среди шиитов и вызывать сакрализацию фигуры Хаменеи. То есть здесь мы видим столкновение не только политическое, но и религиозное, столкновение двух противоположных эсхатологических-мессианских идей и традиций связанных как у иудеев так и у мусульман с концом мира, приходом Мессии и Апокалипсисом (<https://t.me/NashPut83>).

Вышеприведённый «анализ», хотя и содержит некоторые верные положения, неверен в целом. Имеет ли место «ра-

венство» Дадджала мусульман и Антихриста христиан? Не более ли похож на «Антихриста» как раз глаголемый «Махди»? Имеет ли проблема «Третьего Храма» эхтатологическое значение для Христианства? Ниже мы приводим два опыта анализа. Первый сугубо рационально-политический, принадлежащий соратнику Братства и юрисконсульту «Движения Националистов» Вл. Ратникову, а второй – метаполитический и религиозный, принадлежащий перу небезызвестного «Славика» Крыжановского. Се – редкий случай, егда мы практически во всём (исключая свойственную ВК хамскую «подачу» материала) со «Славиком» согласны.

Почему я считаю, что атака США на Иран — это благо, как минимум с точки зрения национализма? Причины, почему я поддерживаю Трампа в его действиях против Ирана, разнообразны. Начну с самого банального и закончу неочевидным. 1) Война с Ираном — это война демократий против автократий, которыми являются США и Израиль, и Иран соответственно. Конечно, имеются второстепенные участники событий, которые не подпадают под эту дихотомию, причем с обеих сторон, если взять Испанию, евролеваков, Демпартию США и наших либералов. Но в целом противостояние идёт именно по линии демократия — диктатура. Причем с учётом кровавого подавления протестов в Иране, он переплюнул многие другие диктатуры. 2) Увеличение числа стран с ядерным оружием, безусловно, делает мир более опасным и непредсказуемым. То, что Иран шёл к созданию ядерного оружия и создал бы его, если бы не удары по нему, — это факт. Еще один неадекватный режим с ядерным оружием — безусловная проблема для мира. 3) Банально: США — это Белая христианская страна, тогда как в Иране от слова «арии» осталось лишь название. 4) Иран сам провоцирует нападение на себя, являясь источником постоянной нестабильности в регионе, продвигая экспорт исламской революции и ставя, непонятно зачем, цели по уничтожению целых стран вместо

того, чтобы просто сосредоточиться на развитии собственного государства. 5) Иранский режим, подобно венесуэльскому, — это один из главных союзников Путина, который ныне находится под угрозой. 6) В США, по крайней мере на уровне федеральной власти, сейчас установлен довольно правый режим. Трамп в открытую называет себя националистом, борется с тем, что мы ненавидим. В принципе, и в Израиле сейчас довольно правый режим. В то же самое время в Иране установилась универсалистская диктатура, которая определяет именно ислам источником легитимности. Ценностью обладает не нация, а умма мусульман; история Ирана, с точки зрения режима, началась будто бы только после принятия ислама. Националистическим и светским был как раз режим до исламской революции, о котором я ранее писал. 7) Пожалуй, самое неочевидное. Нам на руку, чтобы Трамп и его окружение всё больше смелели, чувствовали себя увереннее. Тогда они смогут идти на более решительные шаги и во внутренней, и во внешней политике. При этом и остальной мир должен видеть силу Трампа. Особенно это важно в контексте поведения Путина. На мой взгляд, один из факторов, почему Путин решился на вторжение в Украину, — это то, что он не относился серьёзно к западным лидерам. Для него Байден — маразматик, Макрон — извращенец, Зеленский — клоун, Шольц — беспонтовый овощ, британские премьеры и вовсе менялись так часто по пустяковым поводам, что за ними и уследить трудно. Трамп же демонстрирует силу, которую Кремль понимает и которой боится. Чем больше демонстрация силы США, тем больше гарантий, что Путин не пойдёт дальше. В принципе, то, что Кремль не оказывает даже моральной поддержки союзникам, — это уже показатель (https://t.me/s/ratnikov_vladimir)

ИРАН И «АНТИХРИСТ»

В связи с разразившейся войной на Ближнем Востоке слышится всё больше и больше дурацких конспирологических

теорий, которые связывают эту войну с подготовкой прихода иудейского Машиаха и возрождением III Храма, а сам Иран при этом рассматривается как якобы бастион против мирового сионизма, стоящий в авангарде борьбы с ним. Сразу выскажу свою позицию насчёт Ирана: это царство отвратительного исламского мракобесия, где правят религиозные фанатики, и если оно ведёт какую-то борьбу с Израилем, вызвано это историческим противостоянием между семитскими религиями. Основное население Ирана — сильно отюрченные и отчасти арабизированные персы, которые утратили значительную долю арийской крови ещё в древнейшие времена, не говоря уже о том, что эти смешанные персы составляют ныне всего ок. 50% населения страны. Иранцы не являются сейчас представителями европейской культуры и религии! Только уничтожив ислам и его духовных лидеров, Иран мог бы теоретически вернуться к ней при условии очищения крови. Видеть в современном Иране некую цитадель арийского мира, противостоящую еврейству — глубочайшее заблуждение! Режим проклятых аятолл, угнетателей иранского народа, нужно свергать, и это однозначно, если только этот народ не хочет дальше прозябать в варварском исламском рабстве.

Что касается «Антихриста» и III Храма, в этом случае мы тоже сталкиваемся со сплошными суевериями, лжеучениями и недоразумениями. Я хочу прежде всего напомнить, что вера в приход еврейского Мессии (т. е. Машиаха, которого ждут иудеи) — еврейский миф, в который христианин верить не обязан. Было бы странно увидеть в Символе веры пункт «верую в приход еврейского Машиаха» — нет, мы верим совсем в другие вещи: в Отца, Сына и Св. Духа, а позже прибавили к сему веру в Церковь как Тело Христово и жизнь будущего века. Вот предметы нашей веры! Всё прочее, в лучшем случае, является богословским частным мнением, в т. ч. и касательно толкований личности «Антихриста», прихода еврейского Машиаха и т. п. А что если этот Машиах вообще никогда не придёт и это просто еврейская иллюзия,

которой никогда не суждено сбыться? Вы никогда не думали об этом? А надо бы подумать.

Первое, над чем следует поразмыслить, — каково реальное соотношение между «Антихристом», о котором много рассуждали разнообразие теологи, и еврейским Машиахом. Многие удивятся, если узнают, что и «Антихрист» является точно такой же религиозной спекуляцией, как и вера в приход Машиаха. Также я утверждаю, что между ними нет никакой связи. «Антихрист» как эсхатологическая фигура целиком и полностью вымысел иудеохристианских экзегетов, не более того. Напомню, иранцы-мусульмане верят в приход Даджала — такого же призрака, как и Антихрист, только исламского. Так что, я полагаю, всем иудеохристианам стоит обогатить свои знания об Антихристе знаниями о Даджале.

Я полностью отрицаю, что пресловутый «Антихрист» как-то связан с еврейством религиозно и этнически, всё это бездоказательная чепуха теологов. В новозаветных писаниях нет никаких указаний на то, что «Антихрист» будет евреем и иудаистом. Число 666, которое ему приписано в книге Откровение Иоанна Богослова, — это число имени римского императора Нерона. Сам по себе этот факт (равно как и то, что семь голов «Дракона» — суммарное количество голов четырёх зверей из Дан 7:4–7, олицетворяющих четыре языческие мировые державы) свидетельствует о том, что ранние христиане не связывали «Зверя» с евреями как таковыми, не говоря уже о том, что в книге Откровение вообще нет даже самого понятия «Антихрист».

В иранском контексте весьма интересно объяснение Откр 13:3 о смертельном ранении одной из голов зверя, которая была исцелена. Вот что по этому поводу пишет протоиерей Иоанн Павловцев: Слова о ранении и исцелении одной из голов загадочны. Многие древние толкователи видели в них указание на первого лютого гонителя христиан, императора Нерона. Нерон был приговорён в 68 году к смерти, однако казнь не состоялась, так как император покончил жизнь са-

моубийством. Обстоятельства смерти Нерона многим представлялись загадочными, и среди народа распространилось мнение, что император не умер, а ушёл за Евфрат к парфянам, откуда он имеет вернуться. Может быть, кроме прочего, и по этой причине христиане, читая Апокалипсис, истолковывали 13:3 применительно к Нерону и на основании этого стиха считали, что Нерон в конце времён (первые христиане ожидали скорого наступления этого конца) «исцелится от раны», придёт из-за Евфрата, снова подчинит себе Римскую империю и будет царствовать в ней в качестве Антихриста. Это так называемая идея «Nero redivivus», то есть возрождающегося Нерона (Толкование Апокалипсиса. М.: Дарь, 2017).

Мне возразят: но ведь Нерон не стал «Зверем» в том смысле, как это описано в Откровении, значит это был не он. Да, не стал, как и не сбылись все предсказания Нового Завета о скором пришествии Иисуса в век апостольский, при жизни первосвященников Анны и Каиафы, в первое поколение христиан! (Мф 16:28; Мк 14:62; Ин 21:23 и др.). Обратим внимание, что Лука в 21:27, 22:69, писавший после событий 70 г. н. э., когда Храм был разрушен, но Иисус не вернулся, исправил текст так, чтобы относительно времени Второго пришествия всё выглядело уже неопределённо. Все эти пророчества — плод фальсификаций и мошенничества. Но из них мы узнаём по крайней мере многое о том, какие эсхатологические представления разделяла церковь I–II веков. Они не имеют ничего общего с тем, что наворотили ортодоксы позднее — в частности, с попыткой связать происхождение «Антихриста» с коленом Дановым, впервые предпринятой раскольником-антипапой Ипполитом Римским в III столетии. Мало того, что такая привязка была сильно притянута за уши — весьма комично выглядит тот факт, что, как показали археологические раскопки в Тель-Дане, т. н. «колени Даново» было не кем иным, как осколком индоевропейских «народов моря», людьми, прибывшими из Эгейского регио-

на. Этот народ назывался Дануна, а по греческой мифологии он известен как данайцы. Вполне возможно, что эти Дануна заключили союз с Израилем (поэтому позже были включены в его состав как «колено»), однако этнически они не были ни евреями, ни семитами.

Относительно термина «Антихрист» отмечу, что он обнаруживается только в 1 и 2 Посланиях Иоанна, причём в контекстах, никак не связанных со «Зверем» Апокалипсиса и эсхатологическими временами. Иисус говорил о многих лжепророках и ложных Мессиях, но не о конкретной личности «Антихриста». Апостол Павел тоже не знал такого термина, он писал о «человеке греха, сыне погибели», но и Павел ничего не заявлял об его мнимом еврействе и связи с ожидаемым иудеями Машиахом. В самом деле, во 2 Фесс 2:3–4 о нём сказано, что этот человек будет богохульником и безбожником, отвергающим всё, что как-то связано с Богом и святынями. Еврейский Машиах, однако, ни в коем случае не может быть атеистом, он должен исповедовать Тору и почитать Яхве. Кроме того, Павел ещё говорит о том, что этот богохульник «сядет в храме Божьем, выдавая себя за Бога». Когда писалось это Послание, Иерусалимский храм ещё не был разрушен, поэтому под «храмом Божьим» апостол разумел, конечно же, именно это святилище. Но иудейский Машиах никогда бы не покусился на то, чтобы сесть в Храме, иначе он тотчас был бы отвергнут евреями и убит за оскорбление их веры и святого места. Тем более исключено поклонение Машиаху, и если это «Зверь» Апокалипсиса, которому поклоняются (Откр 13:4), значит последний — не Машиах. Очевидно, под человеком, воссевшим в Иерусалимском храме, подразумевался какой-то язычник — то ли римский император, то ли римский полководец. Но во всяком случае это не еврей!

Экзегеты, конечно, стремятся «выкрутить руки» Писанию и придумывают всякие уловки, чтобы устранить эти противоречия. Они полагают, что Антихрист поначалу будто бы

станет исповедовать иудаизм и лишь позже обнаружит своё подлинное лицо богохульника. Проблема этого взгляда (как и прочих, связанных с фигурой «Антихриста») в одном и том же — в отсутствии конкретных указаний в новозаветных текстах о чём-то подобном. Всё это — очередные фантазии, которые, однако, не устраниют тезиса, что «Антихрист» не состоится как еврейский Машиах. Напротив, возникает парадокс касательно того, что «Зверь» Апокалипсиса оказывается не спасителем еврейства (каковым должен стать подлинный Машиах), а его гонителем. Исходя из Откр 14:1, следует, что евреев из двенадцати колен Агнец спасает от «Зверя». В таком случае этот «Зверь» никак не может быть еврейским Машиахом ни в каком смысле, в такой роли выступает скорее Агнец. Спасённые 144 000 евреев — единственные евреи в книге, других «плохих» евреев нет. Причём эти «запечатлённые» евреи — вообще одни в мире люди, кто будет спасён в эсхатологическую седмицу. Таким образом, в книге Откровение полностью отсутствуют признаки существования в последние времена мирового еврейского заговора, который должен возглавить Машиах-Антихрист. Евреи никак и нигде в ней не осуждаются, систематически осуждаются только «языческие» народы! (в Откр 2:9 и 3:9 говорится вовсе не об этнических иудеях, а о тех, кто себя за них выдаёт, т. е. прозелитах из язычников, принявших иудаизм, но нарушающих предписания Торы).

Если принять аллегорическое толкование о Тысячелетнем царстве (Откр 20:1–5), то его окончание знаменуется освобождением из темницы Сатаны, который соотносится с Драконом и Зверем Откр 12 и 13 глав (ср. 20:2), т. е. это тот же самый «Антихрист», Дьявол во плоти. Далее его воинство Гога и Магога нападает на «стан святых и город возлюбленный», но погибает от небесного огня (20:8–9). Под этими станом и городом понимаются Израиль и Иерусалим, поскольку сюжет повторяет сказанное о войске Гога в земле Магог в Иез 39:1–6. Но еврейский Машиах ни в коем случае не соби-

рал бы нееврейские народы Гога и Магога против Израиля. Наоборот, он сам должен находиться в Израиле, на Сионе, и возродить Иерусалимский храм и культ Яхве. Народы Гога и Магога не просто никак не связаны с евреями, они являются их врагами, что для еврейского Машиаха, их вождя, просто немыслимо. И это не какие-то «людоеды» из Азии или Сибири, как фантазировали средневековые писатели, а северные племена индоевропейцев, о чём и свидетельствуют их названия Гог и Магог (Магог — сын Иафета в Быт 10:2). Стало быть, «Антихрист» представлен в иудеохристианской эсхатологии арийским вождём. Еврейский Машиах не может носить арийское имя Гог (Иез 38:3, 39:1).

Так же пуста и вера в возрождение III Храма. Например, в книге Откровение тоже нечем подкрепить это очередное заблуждение. Это произведение (или какие-то его части) писалось так же до разрушения Иерусалимского храма, и у автора (им не мог быть апостол Иоанн Зеведеев), судя по всему, даже в мыслях не было предполагать его уничтожение в тот момент. Из Откр 11:1 следует, что Храм ещё функционирует. В 11:19, однако, появляется ещё один храм — на небе, и из него является ковчег Завета. Но это, очевидно, два разных храма. В новозаветных текстах никто нигде не говорит о строительстве Иерусалимского храма неким «Антихристом», потому что разрушение этого Храма расценивалось евангелистами как главное знамение конца мира (Елеонское откровение связывает гибель Храма и Второе пришествие воедино). В новозаветной эсхатологии III Храм не предполагается вообще, ни в каком качестве!

Здесь я хочу напомнить читателю о хорошо известном, но не усвоенном некоторыми должным образом трактате св. Иоанна Златоуста «Против иудеев», где он много рассуждает о том, что Иерусалимский храм не будет восстановлен и что это суетное чаяние иудеев, которому никогда не суждено сбыться (см. V 1, 4 и др.): «Достаточно бы и сказанного нами для доказательства, что (иерусалимский) храм никогда не

восстановится». В своих сочинениях константинопольский архиепископ не употребляет термин «Антихрист» и ни разу не цитирует книгу Откровения Иоанна, потому что он считал её апокрифической и подложной. Очевидно, ссылаясь на слова Дан 9:26 (пер. LXX) «отнимется помазание», он не верил и в приход иудейского Машиаха: «уничтожилось помазание так, что никогда уже не восстановится» (V 10). Святитель исходил из того, что иудейским царём-помазанником нельзя стать без божественной санкции, как и нельзя без неё восстановить Храм. Бог не допустит этого, поскольку это стало бы посрамлением христиан, продемонстрировало бы тщетность христианской веры, а так быть не может. И никакие «желающие» не изменят окончательного Божьего приговора!

В заключение отмечу, что евреи очень долгое время свои мессианские надежды связывали именно с Ираном. В Ветхом Завете персидский царь Кир прямо назван «Помазанником», т. е. Машиахом (Ис 45:1). В межзаветный период (втор. пол. II в. до н. э. — I в. н. э.) некоторые иудейские раввины ожидали эсхатологическую развязку в противостоянии между Римом и иранской Парфией, ожидая повторения спасительной для Израиля миссии иранцев. Но в книге Откровение парадоксально Вавилон, которым владели тогда парфяне (их столица Ктесифон находилась поблизости) неожиданно обретает негативные коннотации, причём имя «Вавилон» написано на челе «блудницы», которая сидит на «Звере» (Откр 17:3–6). Если иудеохристиане считают этого «Зверя» Антихристом и по совместительству еврейским Машиахом, то каким образом парфянский Вавилон (а это те же иранцы) в апокалиптических судьбах делается фактически союзником Антихриста-Машаха? Получается, что современный Иран, наследник Парфии, должен быть, наоборот, непосредственно связан с фигурой грядущего еврейского Машиаха. Почти наверняка мы можем сказать, что этот Машиах в контексте книги Откровение должен родиться в Иране (подобно тому,

как в Иране родился другой официально признанный евреями Машиах — Кир!).

Таким образом, всё идиотское кликушество об иудейском Машиахе и III Храме, ныне размовляемое православными и подобными им мракобесами на почве войны США и Израиля с Ираном, является от начала и до конца абсурдным, будучи следствием абсолютно неадекватного восприятия испорченных библейских писаний!

Л. Л. Гифес

(Источник: <https://t.me/entjudung>)

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ТРАМПИЗМ: ЕЩЁ ОДНА ГРАНЬ (ЛЕДЯНАЯ)

«Я прошу лишь кусочек Льда» (Д.Трампа)

Тот, кто видит в «трампизме» лишь политическое (или того хуже, экономическое) явление, жестоко заблуждается. Есть «эзотерический трампизм», и время от времени его глубинные импульсы каким-то образом выявляются «вовне». Вот и «рубилOVO» Дядюшки Донни «за Гренландию» изобнажило, что в недрах «эзотерического трампизма» содержится и зерно «гёрбигерианства» с его доктриной «извечного Льда». Когда-то Алина Витухновская удачно анаграммировала слово «Германия» как «Мания-Гер». Вот и у Дядюшки Донни, его германские корни, похоже, расцветают целым «букетом» нордических «маний»... В личной «молельне» пресвитерианина Трампа, похоже, горит арио-православная «Ледяная Лампада» (как и у нашего Дедушки, кстати, с которым Донни то и дело «сравнивают»: масштаб сих исторических фигур, конечно, несоизмерим, но некая «сродность» имеется). Напомним: «Одним из центральных аргументов сторонников «Доктрины извечного Льда» (Welteislehre) служило обращение к космогонической модели «Старшей Эдды» (Sæmundaredda), где ключевым элементом выступает первичный хаос (Ginnungagap) – между ледяною Обителей туманов (Niflheimr) и Огненной землёй (Múspellheimr). В интерпретации изобретателя Ханнса Хёрбигера (Hanns Hörbiger (1860-1932)) данная схема рассматривалась как свидетельство древнего взаимодействия гигантских космических масс Льда и Огня. Скандинавская мифология акцентирует роль существ ледяного происхождения – инеистые великаны (hrímþursar) и Аургельмир (Aurgelmir). В рамках теории Хёрбигера эти фигуры интерпретировались как «мифологизированная память» о космических катастрофах. Однако в традиционном

мифологическом контексте великаны функционируют как антропоморфные силы хаоса, а их ледяная природа определяется географическим контекстом Севера, а не космологическими моделями. Катастрофический характер *Welteislehre* способствовал сопоставлению падения гипотетических ледяных спутников с эсхатологическим сюжетом «Сумерек богов» (*Ragnarök*). Популяризация таких параллелей была обусловлена идеологическим контекстом XX века: попытки создать «альтернативную космологию» сочетались с опорой на нордическое этнокультурное наследие как источник «подлинного» знания. Мотивы скандинавской мифологии использовались как символический ресурс, выводимые из примордиального контекста и адаптированные под заранее заданные космологические схемы».

Создавая доктрину «Вель» Гёрбигер (чаще всего именно так его фамилию транскрибируют на русском, будем далее придерживаться сего и мы) пытался претендовать на универсальное отражение законов мироздания и эволюции («Вель» (сокращённо от нем. *Welteislehre*) – «учение о мировом льде»). Любое событие или развитие, происходящее во вселенной, объяснялось извечной борьбой огня и льда, которая приводила к катастрофическим изменениям. Согласно этой теории, в результате взаимодействия гигантской огненной сферы и космического льда образовалась наша Солнечная система. Гёрбигер так описывал этот процесс: «В бесконечной пустоте покоилось огромное тело с высокой температурой, в миллионы раз больше нашего теперешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, состоявшей из скопления космического льда». Проникнувшие в сверхсолнце массы льда вызвали водяные пары, и заставили сферу взорваться. Осколки, согласно Гёрбигеру, разлетелись на огромное расстояние и затерялись в ледяном пространстве. Однако часть из них осталась недалеко от центрального тела, впоследствии образовав планеты Солнечной системы. Гёрбигер считал, что изначально было тридцать состоящих

изо льда планет. Только одна из них – наша Земля – была охвачена продолжающейся борьбой льда и пламени, что впоследствии привело к образованию на ней условий для зарождения жизни. Учёный также предполагал, что за всю свою историю наша планета имела четыре спутника, которые последовательно сменяли друг друга, отмечая тем самым геологические эпохи. Каждая Луна вращалась вокруг Земли в течение нескольких сотен тысяч лет, меняя при этом орбиту. Когда спутник приближался к планете практически вплотную, по словам Гёрбигера, наступал период гигантизма: в конце первичной эпохи появились огромные растения и насекомые, в конце вторичной – динозавры и человек. Причём происхождение человека Гёрбигер объяснял мутацией животных под воздействием сверхмощного космического излучения. Автор «ледяной теории» пишет, что первые три Луны упали на Землю, вызвав всемирные катаклизмы. Четвёртой только предстоит упасть, что, как считает Гёрбигер, было предсказано св. Иоанном Богословом в «Апокалипсисе». В результате Луна взорвётся и превратится в огромное кольцо из камней, льда, воды и газа. Пережить последний апокалипсис дано только избранным, кем и являются Арийцы, подытоживает Гербигер. В общем, «мы ждём падения Луны на обречённую планету, и продолжения войны – Огня и Льда, Зимы и Лета»...

Взгляды Гёрбигера удивительным образом переплелись с повседневной жизнью национал-социалистической Германии. В частности, отголоски его доктрины можно было увидеть в празднике летнего Солнцестояния, главным ритуалом которого являлось поклонение Огню. Также в положениях теории Гёрбигера существует определённое сходство с идеями основателя германской школы геополитики генерала-профессора Карла Хаусхофера (1869-1946). Что объяснимо: доктрина мирового льда являлась официальной космогонической теорией тайного общества «Врил» (нем. Vril-Gesellschaft) образованного в конце 20-х Хаусхофером.

Создатели этого общества позаимствовали своё название из научно-фантастического романа английского писателя Булвер-Литтона «Грядущая раса», в котором термин «Врил» означал некую магическую энергию. Немецкий инженер-ракетчик Вилли Лей писал, что ложа «Врил» объединяла разного рода медиумов, а также «посвящённых», прибывших с Индии и Тибета. «Вриловцы» считали, что люди используют лишь незначительную часть космической энергии, но при развитии сверхчувственных способностей ей можно овладеть в полной мере и тогда человек становится хозяином своей судьбы и повелителем мира. Одним из показателей пробуждения скрытой силы должна была стать способность посвящённого влиять на скорость прорастания зёрен. Некоторые исследователи Третьего Райха считают, что ложа «Врил» стала предтечей общества «Аненербе», где оккультно-мифологические идеи о превосходстве германской расы и разработка программ переустройства мира по арийскому образцу достигли своего апогея.

Приверженность Вождя Адольфа Гитлера паранаучным теориям наподобие «ледяного мира» или «магической энергии» отнюдь не означала, что его мировоззрение питалось одним лишь мифотворчеством. В 1936 году, критикуя руководителя «Аненербе» Германа Вирта, наш Фюрер заявил: «Мы не имеем ничего общего с теми людьми, которые понимают национализм лишь как набор легенд и мифов и в результате слишком легко подменяют его расплывчатыми фразами нордического содержания». Для Гитлера в первую очередь важны были не идеи, а знания способные подтвердить исключительность арийской расы. Отсюда такой интерес руководства Райха к технологиям исчезнувших цивилизаций, которые, по их мнению, могли бы обеспечить перевес над любым противником. Для поисков сокровенных знаний национал-социалисты отправляли экспедиции в Скандинавию, Абиссинию, Тибет и на Ближний Восток. Если не считать различных спекуляций на эту тему, мы тол-

ком не знаем итогов этих экспедиций. Все они проводились в режиме чрезвычайной секретности, позднее значительная часть документов была уничтожена сотрудниками главного управления имперской безопасности. Действительно, при всей своей «экзальтированности», Гитлер в первую очередь был прагматичным и рациональным политиком, который каждую идею рассматривал с точки зрения её полезности для дела Райха. Доктрину «Вель» в Райхе принялись активно использовать накануне 1941 года. Согласно сим трактовкам, Советская Россия объявлялась оплотом вечного Льда, то есть всего мёртвого, враждебного и злого. Германия же, разумеется, представляла страной животворящего Огня. Одним из «доказательств» был усвоенный НС древний знак Свастики, в индуизме символически обозначавший Солнце. Правда, национал-социалисты развернули солярный символ и заставили его «катиться» с заката на восход. Но в те времена, воистину, Солнце Ариев «восходило» на Западе...

Присуд Норт был таков, что «наследником» Третьего Райха выпало стать Американской Империи: при всех чудовищных порою отклонениях от оной нордической Manifest Destiny, Штаты доселе являются эрзац-Удерживающим... И, кстати, при Трампе в этом своём качестве, похоже, САСШ наконец выступают с некоей «повышенной» долей «осознанности»... В сей связи, конечно, дико выглядят опыты «православно-совецкой» конспирологии последних лет, в коих САСШ изображается “оплотом жидо-масонства”, когда очевидно, что именно Америка - та единственная сила, которая сдерживает широкомасштабное наступление тех самых “жидо-масонов”, которых любят на кухне, под рюмку водки, поругать «узкие» поцтреоты. Это же как день ясно: подрывные, нивелирующие, inferнальные идеологии, более известные как “мировой заговор” или “субверсия”, не то что не исходят из Вашингтона, но направлены как раз на полный демонтаж Pax Americana - последнего заслона перед окончательным торжеством планов сатанизма. Каким же “выдаю-

щимся” идиотом нужно быть, чтобы последнюю христианскую страну рисовать “масонской цитаделью”, а государства, принадлежащие к т.н. “цивилизации пирамид”, выросшие из недр мемфисского масонства и по его лекалам возведшие в ранг божества культ шудры-раба-пролетария, наоборот, “последними традиционными обществами”. Это-то государство, где МУМИЯ на главной площади лежит, всё испещрено пентаклями и вечный огонь из недр земли вырывается - “традиционное общество”? При сопоставлении с этими иллюминатскими мутантами, Джордж (по нашему Георгий) Буш и Митт Ромни кажутся Ричардами Львиное Сердце или Людовиками Святыми. Не говоря уже про Джея Ди Вэнса или Питера Хеггеса, а также САМОГО Big Donald-a!... Те, существа, которые сидят в Кремле, Пекине, Тегеране, Пхеньяне, горах Афганистана и песках Египта - уже не люди, мы даже и затрудняемся сказать, кем их назвать, это какие-то лавкрафтовские монстры, поклонение князю мира сего у них исчисляется тысячами лет и если они победят, то мир накроет невиданная до этого волна каннибализма, в прямом и переносном смыслах. Не говоря уж про расовый аспект: как бы то ни было неудобно ватным «нацикам», но именно Америка выглядит нормальной Белой страной по сравнению с “осью зла” - исламизмом, Китаем, латиносами, Чекистаном-РФ, т.е. с тем кругом стран, где аккумуляция недочеловеческой биомассы достигла самой высокой отметки. И вот для «патриотовщины» эти миллиарды расовых и социальных дегенератов более “белые”, чем Белое население США, всего лишь потому что военной колонией этой страны является ненавидимое ими государство Израиль (отношение между США и Израилем подобны отношениям сюзерена и вассала)? Борьба между США и ними есть безусловно расовая борьба. Поцтреотов нужно мудохать до тех пор, пока не поймут следующих азов настоящей конспирологии: Война ведётся между христианской Америкой и мировым заговором Мемфис-Мицраим, орудиями которого выступают РФ (центр сатанизма), исламский мир, Китай

и другие страны “оси зла”. В историософском разрезе, это война буржуазно-христианской цивилизации и цивилизации безбожно-пролетарской. В конспирологическом, между шотландским/шведским ритуалом (христианство) и египетским ритуалом (сатанизм). В случае поражения Америки и победы мирового иллюминатского заговора нас ждёт просто тотальнейшее рабство, высшие формы уродства и вырождения, открытое дьяволопоклонничество, жетончики с лагерным номером, расовая смерть Белого человечества. Мы и так с вами живём в Мордоре, а после краха США этот Мордор расплзётся на весь мир. И тогда живые позавидуют мёртвым, ибо размах сатанизма будет несслыханным. Сразу Замятина и Орруэла вспомните, голубЧКи. Так что, выбирайте пока есть время (хотя после начатой чекистской хунтой «СВО», похоже, «времени-то и не осталось»): или Каин, Вейсхаупт, Папюс, Маркс, Бланк, Джугашвили, Аль-Кайеда, Хамас, Мао, Чучхе и Хуйло с оккультными пирамидками, вечным (т.е. адским) огнём, каббалой, мумиями и лагерными жетончиками, или простые тexasские парни из Белого Дома, приносящие присягу на Библии. Американцы не поклоняются мумии и не подпитывают её энергией как совки. Американцы не поклоняются лунному богу как муслимы. Американцы не практикуют культового гомосексуализма и не совокупаются с ишаками как те же муслимы и сергианские попы. Американцы не едят младенцев как китайцы. Американцы не выращивают героин как латиносы. Вся мощь этих подрывных сил направлена против Америки. Вы думаете, случайно ли Франкфуртская школа культур-марксизма после войны перебазировалась из Германии в США? Вовсе не случайно, а для того, чтобы подтачивать основы их, американцев, традиционной жизни. Почему именно именно их башни протаранили муслимы 11 сентября? Да потому что США - это бельмо на глазу иллюминатов. Ваша воля выбрать жизнь вашим детям в Рах Америгана или в “земшарской республике”/комунно-гностическом Халифате/рабоче-крестьянском Имамате,

«Русском мире», или как там будет называться “то”, за что “они” бьются. А оно будет страшным...

Когда Дядюшка Донни заявил, что ему нужна Гренландия для того, чтобы она не досталась китайскому Красному Дракону и неосовецкому Кремлю, он рекл сие как истинный Катеxон... Ни жёлтым комми-муравьям, ни чекистской мрази из СССРФ не владеть Арктикой, не протиснуться во Врата Севера, не видать Полюса как собственных «ушей Мардохея» (не говоря уж про «ушки Амана!»). А фраза Дядюшки Донни про «кусочек Льда» обречена войти в герметический вокабулярий... Наш бывший соратник Дм. Тараторин верно не столь давно заметил: Трамп не есть строитель Нового Порядка, он есть разрушитель псевдо-порядка ветхого... Сие воистину верно: но никакое «строительство» невозможно, ежели предварительно не разчистить под него «стройплощадку»...

Как знать, не «эзотерический» ли «трампизм» держал пред умственным взором наш великий нордический поэт Сергей Яшин когда слагал сию «Песнь Льда и Огня»:

ГОРОД БОГОВ

Город Богов из полярного Льда,
Мы возвратимся в него навсегда.
Станут здесь призмами наши мечты,
Льдом первозданным сковавши черты.
Здесь открывается роскошь чудес,
Нет здесь ни моря, и нет здесь небес.
Есть только воля и стылая твердь,
Право погибнуть и даровать Смерть.
Право личины и право лица,
Право героев идти до конца.
Право на речь и отсутствие слов,
В Городе этом лишь право Богов.
Здесь и вино, но, отпивши глоток,
Твёрдо стоишь и не валишься с ног.

Здесь и любовь, но для тех, кто посмел
Смело любить вне податливых тел.
Город Богов из полярного Льда,
Видишь, над ним серебрится Звезда.

P.S.: Основной эксперт от Братства в области «Тёмного Просвещения», Алексей Ильинов, ознакомившийся с черновиком вышепомещённой заметки, дал свой комментарий: «Текст, конечно, весьма жёсткий, но... справедливый. Тем не менее, ведь и Ельцин, и даже «ранний» Путин заявляли, что постсоветская Россия вполне могла бы вступить в НАТО. И европейский вектор очень чётко проговаривался. Таки не взяли нас в «белые человеки». Впрочем, ведь причина сего понятна. Россия своим континентальным гигантизмом пугает, увы, Альянс. А раз нас Запад оттолкнул, то пришлось, к несчастью, «евразийцами» заделаться, пойти на поклон к Китаю с его бешеной футуристической энергией, создать БРИКС. Что нам делать? Скорее, полагаться на некое архефутуристическое прогнозирование. Нам важно возродить Россию как Империю. Важно узреть Империю и на месте нынешнего «Евросоюза». Важно и узреть Американскую Империю - консервативную, правую, христианскую, футуристическую. И Трамп здесь, безусловно, важен как визионер. Но Будущее, тем не менее, за Илоном Маском, который критикует Трампа за его зависимость от «палеоконсерваторов». Россия должна рано или поздно излечиться. И войти как могучая Империя в планетарный Империум Северо-Запада. А из «советского» мы должны взять все «наше» - Философию Общего Дела, авангард, футуризм, космизм. Царь грядет! Будущее безопасно!».

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ

Большинство историков, так или иначе касавшихся проблематики Крестовых походов, занимались главным образом экономическими, колониальными и военными аспектами темы. Причём, равным образом это утверждение касается историков как советских (принужденных следовать материалистическим марксистским “догмам”), так и историков западных (чьё сознание в большинстве случаев не менее материалистично, нежели у их советских коллег, но на свой буржуазный манер). И лишь малую часть представителей исторической науки занимало то, что в Крестовом движении подлинно важно – именно, аспекты теологические, церковно-юридические, культурно-исторические и мировоззренческие (связанные с т.наз. “историей ментальности”, в нашем случае, очевидно, “ментальностью людей Средневековья”). Но даже и те историки Крестовых походов, что входят во “вторую группу”, чаще всего демонстрируют, увы, неспособность адекватного восприятия идеи Крестового похода, того духа христианского воинского служения, что одушевлял Крестовосцев, что надлежит, видимо, увязывать с духовной немощью самих этих историков, со слабостью их веры, с их заражённостью всякоразличными “гуманистическими” предрасудками. Так, например, известнейший британский историк (что примечательно, специалист по Византии и официальный католик по-вероисповеданию), действительно, серьёзный историк, Стивен Рансимен, находит возможным закончить свою 3-х томную “Историю Крестовых походов” следующей странной сентенцией: “Победы крестовых походов были победами веры. Но вера без мудрости опасна... В длинной истории взаимодействия и взаимопроникновения Запада и Востока, из которой выросла наша цивилизация, крестовые походы были трагическим и разрушительным эпизодом... Там было много отваги и мало че-

сти, много набожности и мало понимания. Высокие идеалы пятнались жестокостью и жадностью, предприимчивостью и живучестью слепого и узколобого самодовольства. Сама священная война была ничем иным, как актом нетерпимости во имя Бога, что является грехом против Святого Духа” (S.Runcimen. A History of the Crusades. 3 vols. Cambridge, 1951-1954). Не станем здесь вдаваться в спор, что является большим грехом против Святого Духа – “нетерпимость во имя Бога” или же “теплохладность” (во имя чего? – прогресса? комфорта? политкорректности?), отметим лишь тот несомненный факт, что в сознании современных европейцев (не исключая и тех, кого (как того же С.Рансимена) можно небезосновательно назвать европейской интеллектуальной элитой) всё более и более укореняется чувство как бы “стыда” за предков-крестоносцев (таких “нетолерантных”!), а сами Крестовые походы воспринимаются не как величайший взлёт европейского христианского духа, но как, в лучшем случае, “трагический и разрушительный эпизод”... В данной связи, уместно привести выдержку из работы ещё одного британского историка, редактора-составителя сборника научных трудов, посвящённых Крестовым походам, вышедшего в исторической серии издательства Оксфордского университета, проф. Джонатана Райли-Смита, который в своём очерке “Изучение Крестовых походов” отмечает: “... трудно было поверить, что люди искренне следовали такой отвратительной идеологии, как идеология крестоносного движения. Гораздо легче было поверить в то, что они были слишком глупы и не понимали, что творили, или в то, что ими двигало, несмотря на все их заверения в обратном, желание захватить новые земли или богатую добычу, хотя последнее было бы очень трудно доказать. Все давно уже знали, что средневековая война требовала колоссальных материальных затрат, ведь было опубликовано много работ, свидетельствовавших о больших финансовых расходах, требовавшихся от крестоносцев и их семей для участия в походах.

Другими словами, неприятие историками идеологического насилия и неспособность понять, что оно могло привлекать массы людей, не позволяли им поверить фактам и свидетельствам. Они, впрочем, как и все вокруг, забыли о христианской теории позитивного насилия, к которой христиане раньше относились очень серьёзно. И для всех явилось сюрпризом возрождение этой теории в 1960-х годах в южноамериканских движениях Христианского освобождения, некоторые из которых были довольно воинственны и считали использование силы (в данном случае – бунта) актом милосердия в соответствии с тем, что было задумано для человечества Христом, и даже моральным императивом. Исследователи крестоносного движения неожиданно заметили, что рядом с ними живут искренние и набожные современники, придерживающиеся взглядов, очень близких к тем, приверженцами которых были средневековые апологеты, являющиеся предметом их изучения. И в результате историкам стала вполне очевидна уязвимость их аргументации в пользу материалистической мотивировки и недостаточность доказательств, на которых они основывали свою интерпретацию событий... Поняв, что многими, а вероятно, даже и всеми крестоносцами руководили другие мотивы (и в первую очередь идеализм), историки оказались перед задачей изучения идей, лежавших в основе движения... И в области изучения крестовых походов настал такой момент, когда назрела необходимость ответить на самый главный вопрос, а именно: что такое “крестовый поход”...” (The Oxford Illustrated History of the Crusades. Edited by Jonathan Riley-Smith. Oxford University Press, 1995). Мы ещё вернёмся к попытке ответить на обозначенный “главный вопрос”, но прежде совершим краткий экскурс в покамест незатронутую нами область изучения крестоносного движения – то, какие воззрения на феномен Крестового похода проявили себя в православной церковной историографии.

Приходится с сожалением признать, что в православной церковно-исторической науке также превалирует представ-

ление о идее Крестового похода, весьма далёкое от адекватного. Крестовые походы здесь рассматриваются как атрибут только лишь Западного Христианства, при этом “латинянам” довольно скрупулёзно припоминаются все сколько-нибудь значимые “обиды”, кои они чинили восточным христианам. Спору нет, были события в истории Крестовых походов, не красящие западных христиан-крестоносцев (навроде взятия и разграбления Константинополя в 1204 г.), но их должно скорее признать *отклонениями* и *искажениями* той *центральной идеи*, что лежала в основе Крестоносного движения.

К посильному раскрытию сей центральной идеи мы и перейдём, но прежде приведём суждение современного православного историка, чей взгляд на Крестовые походы приятно поражает своей конфессиональной непредубеждённостью и известной духовной углублённостью (см. также нашу работу: Последний Крестовый поход // Переиздана в наст. изд. /*/). Итак, Владимир Махнач совершенно справедливо, на наш взгляд, утверждает:

“Я убеждён, что мы преподаём неправильно крестоносную идею. Она оказывается и антихристианской, и захватнической. Почему-то крестоносцы – оккупанты на Ближнем Востоке, а арабов мы не называем оккупантами на Ближнем Востоке. Я глубоко убеждён, что крестоносное движение в конце XI века – это следствие одного из *самых светлых побуждений в истории христианства* (выделено нами – Р.Б.). И в мою пользу свидетельствует знаменитый ответ предводителя первого крестового похода Готфрида (или Готфруа) Бульонского, когда ему предложили королевский венец в Иерусалиме, его ответ с отказом: “Я не могу носить королевский венец в городе, где носил терновый венец единственный подлинный Король”. И правил он с титулом: “Готфрид Бульонский – защитник Гроба Господня”. То есть, он и оставался правителем, и умер с христианским титулом. В храме Гроба Господня он был погребён под плитой с этой надписью.

Но крестоносцы собирались ведь не только освободить Святыни христианского мира, захваченные мусульманами. Мы забываем, что они шли и освобождали братьев своих – восточных христиан. Смотрите тексты этой эпохи – это бесспорно. Восточные христиане-грузины и армяне участвовали в первых походах. Но крестоносной идеи хватило на сотню лет. К четвёртому крестовому походу она догорела окончательно. И в 1204 году уже можно было венецианским купцам спровоцировать крестоносцев на взятие Константинополя. Я представляю, что было бы с венецианцем, если бы он предложил это Готфриду в конце XI века.

После падения Константинополя разрыв становится явным, потому что он в ощущении людей. Ещё один пример. Очень показательно, что церковное ощущение до конца XII века сохраняло представление о едином христианстве. Первый латинский епископ в Палестине был рукоположен православным патриархом Иерусалима по просьбе крестоносных вождей. То есть, для него латинский клирик был клириком канонически поставленным” (В.Л.Махнач. Исторические корни культурной агрессии Запада // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Т. II. Белгород, 1999).

Подбираясь к познанию идеи, содержащейся в основании этого одного из самых светлых явлений в истории Христианства, укажем на то первостепенной важности обстоятельство, что феномен Крестового похода не должно заключать в ограничительные рамки. Будь то рамки хронологические, ибо, как правило, под “крестовыми походами” понимают только лишь тезоименное движение в западном Христианстве периода XI-XIII вв. (с “первого” по “восьмой” крестовый поход). Или будь то рамки географические, ибо, очевидно, что крестоносное движение никоим образом не сводится к попытка овладения Палестиной и установлением христианского контроля над тамошними святынями (Гробом Господним и проч.). Под Крестовым походом, с точки зрения Христи-

анской Традиции, надлежит понимать *меченосную борьбу с врагами Христа, где бы те не находились, вооружённую защиту любых рубежей Христианского мира*. Упомянутый выше проф. Дж. Райли-Смит верно пишет про “богословие христианского насилия и то, как оно повлияло на идеи христианской священной войны вообще и на идеологию крестового движения в частности... Хотя часто внешне крестовые походы выглядели не менее пышными, чем турниры, они были и актом покаяния так же, как и военной экспедицией. Война – как акт благочестия – форма религиозного служения, которое можно сравнить с вознесением молитвы” (см. также: о.Р.Бычков. Священная Война // Белый Порядок, #4(6)’2005). В данном ракурсе, Крестовый поход – есть нечто, что невозможно заключить рамками лишь западно-христианского ареала, очевидно, что свои аналоги крестовых походов знала и история Православия (нам неоднократно доводилось их перечислять в других наших работах: это и Казанский поход св. блгв. Царя Иоанна Грозного, и Прутский поход Императора Петра Великого, и Балканская война 1878-79 гг. и мн. др.; да и Белое Движение времён Гражданской войны и Русское Освободительное Движение времён Второй Гражданской войны (1941-45) имеют несомненные черты, роднящие их с крестовым движением). Собственно, и в западной части Христианского мира, дух Крестовосца проявлял себя не менее многократно и многообразно: это и Реконкиста в Испании, и борьба с турецким нашествием в XVI-XVIII вв., и крестовосная борьба объединённой Европы с коммунистической чумой в 1941-45 гг. и многое другое, вплоть до того, что какие-то проблески крестовосной идеи угадываются, как то отмечено было выше, в латино-американской “теологии освобождения”... Не будет слишком большим преувеличением сказать, что образ Крестовосца, образ рыцаря Христова должно счесть, пожалуй, центральной символической фигурой Христианства (причём, как западной, так и восточной “ветвей” оною). Крестовые походы, помимо прочего, явля-

ют собой наглядное выражение *европейской соборности*. Той соборности, что заповедана Господом нашим Иисусом Христом – подлинным Высшим Императором Европы – для всех своих последователей из числа народов иафетического, европейского происхождения. Той соборности, что, к прискорбию нашему, почти совсем исчезла в Европе, по мере удаления ее от средневековых арио-христианских начал, по справедливому слову одного из глубочайших идеологов Священного Фашизма, “с расколом <христианской> традиции и возникновением национальных государств был утрачен священный смысл... и Запад погряз в противоборстве народов, потерявших свой высший символический центр” (Гвидо де Джорджио). На протяжении т. наз. Нового времени в Европе неоднократно предпринимались попытки сакральной реставрации, попытки заново утвердить посреди сумерек Запада, по слову того же Г. де Джорджио, “ценность того, что действительно священо” (последней такой масштабной попыткой явился Священный Фашизм). Более ранняя подобная попытка связана с эпохой “романтизма”, представляющей собой *реакцию* на одномерность и поверхностность “эпохи Просвещения”. Закономерно, что с среде романтиков отмечается резкое возрастание интереса к идеологии и образности Крестовых походов. Приведём, в качестве характернейшего примера, преломление крестоносной эпопеи в творчестве польского поэта-романтика и философа-мессианиста К.Бродзиньского (1791-1835). По мысли Бродзиньского: “Нужны были чрезвычайные средства, чтобы вывести человечество из этого плачевного состояния” (разъединения, разобщённости во всех сферах жизни, отсутствия соборности).

“Переломными моментами в истории средних веков христианства, способствовавшими консолидации европейских народов, усвоению ими основ религии и развитию просвещения, писатель считал *возникновение рыцарских орденов и начало крестовых походов* (выделено нами – Р.Б.). “Институты рыцарства были внутренним лекарством, крестовые

походы – жестокой, но практически неизбежной и спасительной операцией больного тела. Оба этих средства весьма сильно повлияли как на состояние общества, так и на просвещение и вкус...”.

Крестовые походы и рыцарство, по мнению Бродзиньского, сыграли важнейшую роль в преодолении средневековой разобщённости: “Наконец объединённые общим делом... европейские силы... выступили под единым знаменем Святого Креста, чтобы, жертвуя собой... привести народы к внутреннему миру, какому-то порядку и сплочению”... “Необходим был энтузиазм рыцарей, чтобы с помощью просвещения выбраться из той ужасной тьмы, в которую была погружена несчастная и униженная Европа... Помогать вооружённым рыцарям разгонять тьму вышли трубадуры, как рыцари света”... Согласно Бродзиньскому, рыцарство, этот “спасительный институт”, несмотря на его “дикое буйство” и крайности, объяснявшиеся духом времени (“каким диким и военным было то время, такой должна была бы быть и сила, призванная утихомирить его”), выступило в средние века носителем нравственных основ. Учёный писал о его возникновении следующее: “Сердца благороднейшей молодёжи, оскорблённые попранием законов гостеприимства, неверием и жестокостью, почувствовали потребность самоотверженно защищать угнетённую невинность, отражать несправедливые нападения, мечом и презрением мстить неверным, чтить святые законы гостеприимства даже с самим неприятелем и высоким понятием чести вдохновить всё, из чего впоследствии произошли учтивость, порядок, послушание законам и светские правила”. Крестовые походы средневековых рыцарей Бродзиньский сравнивал с путешествием аргонавтов. “Защита невинных, рыцари, поступки которых вызваны полнотой чувств, а не расчётом, а слава основана не на почестях, а на необычайности приключений”, – вот что, по его мнению, сближает эти предприятия... В целом писатель считал, что рыцарство и крестовые походы “вывели Европу из дикости”.

Времени крестовых походов, писал он, “вся Европа с её цивилизацией обязана зарождением того, чем она теперь является”...” (Н.М.Филатова. От Просвещения к Романтизму. Исторический лексикон Казимежа Бродзиньского. М., 2004). Легко себе представить, какие бы бичующие глаголы, нашлись бы у сего просвещённого мужа, ценителя рыцарской чести и благородных добродетелей, в адрес нынешней Европы, в которой отнюдь не религиозно-одушевлённая полнота чувств, а циничный расчёт и прочие самые низменные побуждения определяют мысли и поступки недостойных потомков великих предков-крестоносцев. Где сами Крестовые походы официально предлагается считать чем-то постыдным и достойным сожаления и извинений перед (якобы) “жертвами религиозного фанатизма”.

Вот два разительных и ужасающих примера той жуткой антихристовой тьмы, в кою сегодня погружена несчастная и униженная Европа: “Весной 2004 года Католическая Церковь Германии сама устроила в музее епископства города Майнца выставку под названием “Святых войн не бывает”, предлагая посетителям “критически взглянуть” на “безславные деяния” крестоносцев. Кошунственное утверждение, что обрекших себя на нечеловеческие тяготы в Святой земле рыцарей толкала в путь не вера, а “жажда власти и обогащения”, высказал на открытии кардинал Карл Леман. Чем ещё, как не предательством христианства, можно назвать это оплёвывание могил? Выслуживаясь, вероятно, перед влиятельной мусульманской диаспорой Германии, кардинал особо подчеркнул, что экспозиция выставки станет “началом новых контактов между исламом и Европой”.

В том же году в Испании по инициативе церковного капитула из кафедрального собора Галисии – Сантьяго-де-Компостелла убрана статуя Сант Яго Матаморос (мавробойца). Святой Иаков, на вздыбленном белом коне, рубит мечом головы мавров в тюрбанах. Под копытами – бездыханные тела мавров. По мнению капитула, скульптура “может задеть

чувства мусульман, которые также посещают храм, являющийся известным архитектурным памятником”.

Для всех подобных случаев характерна игра в поддавки – то, что может раздражать мусульман, убирается ещё *прежде*, чем они начинают этого требовать” (Е.Чудинова. Мечеть Парижской Богоматери. М., 2005).

Если и возможно у Европы какое-то Будущее, то оно состоится в том лишь случае, когда европейские силы, объединённые общим Арийским делом, выступят под единым знаменем Креста в последний Крестовый поход. Священная жертвенность арийских рыцарей сего Крестового похода способна будет положить основание Нового Порядка. Белого порядка Нового Средневековья. Отличительные черты подобного желательного нам Белого Порядка неплохо перечислены в работе революционно-консервативного французского автора Гийома Фая “Археофутуризм” (1998): “возврат архаических ценностей; возрождение этнических и народных традиций; организация культа и духовности с чётко оформленной иерархией; разделение ролей между полами; культ предков, обрядов и испытаний при посвящении; восстановление органических общин на уровнях от семейной сферы до народа; престиж военного класса; открытое и идеологически узаконенное неравенство общественного статуса; пропорциональность обязанностей правам”. Последним трубадурам Европы (к числу коих, по справедливости, должен быть причислен и упомянутый выше Г.Фай) надлежит всеусильно помогать вооружённым рыцарям Крестового похода в будущее Европы разгонять обступившую нас Тьму. Помогать своим словом, своей песнью, своей мыслью, как то и подобает ариохристианским рыцарям Света. У Дмитро Корчинского есть отличная статья “Наше место в походе Европы”, в которой на роль авангарда европейских сил, авангарда Крестового похода в будущее Европы, высказана претензия украинской нации. Примечательно, что всё то, в чём Д.Корчинский усматривает высшую миссию Украины применительно к Европе

и всему Белому миру, практически дословно совпадает с тем, что предполагали относительно миссии Русского народа (хотя до начала XX столетия мало кто сомневался в том, что “украинцы” это тоже Русские), и именно мировой миссии, русские мессианисты (такие как Достоевский, Тютчев и иные, вплоть до того убогоныкого автора, чья подпись проставлена под настоящим текстом). Мы вовсе не станем здесь спорить о том, кому всё таки – малороссам или великороссам – суждено возглавить последний Крестовый поход, пусть на полях сражений проявят себя достойнейшие. Современные же Украина и Россия пока что равно далеки от высоты подобного жребия.

Отметим, в заключение, ещё один – самый, впрочем, важный – аспект идеи Крестового похода. В крестоносных хрониках заметны многочисленные типологические совпадения с житийной литературой: крестоносцам постоянно являются всеразличные небесные знамения (падающие звёзды, сияния, кометы и т.п.); постоянны также явления Христа, Пресвятой Богородицы, святых и душ погибших крестоносцев. Так, Матфей Эдесский описывает в своей “Хронографии” следующее событие: “Ночью... одному благочестивому франку явился святой апостол Пётр и сказал: “В левой части той церкви хранится оружие, которым безбожное племя иудеев пронзило Христа в ребро. Это копьё находится пред алтарём. Выкопайте его и с ним идите в бой, им вы одолеете ваших врагов, как Христос сатану”. Видение повторилось, оно явилось и в третий раз, о нём рассказали Готфриду и Боэмунду и всем князьям. Они стали молиться и, вскрыв указанное место, нашли там в церкви, называемой храмом святого Петра, копьё Христа”. Помимо сего, очевидцы событий Крестовых походов активно используют в описаниях обстоятельств походов сравнения и обороты речи, свойственные аскетической литературе, такие как: Христово воинство, крестный путь, Небесный Иерусалим, брань духовная etc. Всё преждеотмеченное есть явление в высшей степени неслучайное. Ибо то, что внешние именуют “богословием христианского на-

силія”, а вернее бы называть христианской доктриной Священной Войны, имеет два уровня – внешний и внутренний. Внешний уровень, или “малая священная война” – это, предельно обобщая, всё то, что относится к завоеванию земного Иерусалима, Гроба Господня и подобных им святых мест. И сия брань имеет своё достоинство и свою ценность в очах Божиих. Она досточестна и спасительна. Но, конечно, куда важнее внутренний аспект подобной Брани, “великая Священная Война”, происходящая в сердце воина-христианина, чья цель – Небесный Иерусалим. Ибо в глубинном смысле “гроб Господень” – это сам человек и именно он нуждается в освобождении внутренним Крестовым походом. Царствие Небесное, Горний Иерусалим, то, что “внутри нас есть”, сие Царствие, по глаголу Господню, силою берётся (Мф. 11, 12). Обладание им требует от человека – стать воином-крестоносцем – стать им и извне, и изнутри. *“Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною”* (Лк. 9, 23). Награда – только лишь отчасти выразима языком человеческим: *“На Израили велелепота Его, – на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, – и сила Его на облацех* (Пс. 67, 35), – на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в Седящего одесную Отца, Который, осиявая их, подобно тому, как солнце озаряет лучами своими чистые облака, являет достолюбезнейшими” (преп. Исихий Иерусалимский. О трезвении и молитве, 35).

Ныне мы видим двоякое поругание наследия Христова. Поруганы, во-первых, те земли, где некогда Крест Христов сиятельно властвовал, приобщая тем самым земли сии Небесному Иерусалиму (и в первую очередь тут надлежит вести речь о Европе, включая, разумеется, Россию). И поруганы, во-вторых, святыни Христианства в душах огромного большинства Белого человечества, самим фактом своего рождения предназначенного быть избранным уделом Христовым на земле, “гроб Господень” в сих душах, погребённый под грудю душевных нечистот вопиет об Освобождении от

“внутреннего сарацина”... Но в сердцах последних рыцарей Белого мира всё явственней и отчётливей, всё повелительнее звучат огненные слова, чем-то схожие с древней песнью времён Второго Крестового похода: “Господь был тяжело опечален потерей Своего наследия. Он желает испытать друзей Своих и вассалов Своих на верность. Если кто-либо имеет феодал от сеньора своего и бросает сеньора, когда тот подвергается нападению и теряет своё наследство, такой вассал по всей справедливости должен быть лишён феодала. Вы владеете своим телом, своей душой и всем, что есть у вас, по благосклонности Высшего Императора; сегодня Он призывает вас на помощь в бою и, хотя не связаны вы с ним по феодальному закону, он предлагает вам такие богатые награды, как отпущение всех грехов ваших, как бы тяжело вы не согрешили и какое бы наказание не заслуживали, и как жизнь вечную, что должны вы поспешить на помощь Ему по доброй воле”.

И да окажемся мы, последние на этой земле друзья и вассалы Христовы, верные паладины Честного Креста, достойны пред лицом грядущего на нас огненного испытания. Amen.

о.Р.Б.

(*) – В указанной работе нами приводится ряд свидетельств, показывающий благоприятные отношения Древней Руси к крестоносному порыву христиан Запада. Надобно заметить, что степень заинтересованного внимания ко всем перипетиям крестоносной борьбы, а равно и степень осведомленности об оной, у нас на Руси была исключительно высока. Приведём здесь ещё один пример в подтверждение сказанного. В результате третьего крестового похода 1192 г. было образовано королевство Кипр, с правящей в нём католической династией Лузиньянов (1192-1489). Из королей сей династии особо известен Пьер I Лузиньян, “успешные крестовые походы которого в Египет, Сирию и Турцию принесли ему большую славу, восхищение современников и память потомков”. Вообще, по замечанию современного историка, отличитель-

ной чертой Кипрского королевства было то, что “дух крестовых походов, который в Западной Европе начал затухать ещё в XIII в., сохранился на Кипре и поддерживался правителями острова”. Король Пьер I, по мнению того же историка, “олицетворял собой рыцарский дух, который преобладал над политическим мышлением” (см.: P. Edbury. *The Crusading Policy of King Peter I of Cyprus 1356-1369 // The Eastern Mediterranean Lands in the Period of the Crusades*. Ed. P.M.Holt. Warminster, 1977). В 1365 г. кипрскому королю-крестоносцу удалось отвоевать у сарацинов Александрию, что было крупнейшим успехом в его военных предприятиях. Так вот, имеется примечательный русский отклик на сей поход короля Кипра. Под 1366 г. в Никоновской летописи значится: “В лето 6874 (1366). Бысть убо тогда въ та лѣта Кипръ князь Андрей, нарицаемый Пигоръ, имѣя силу многу кипрьскаго воинства и плъни многихъ окрестъ себя сущихъ, также осилевъ наипаче и поиде ратью на Александрию Египетскую, и изби и пожже и плъни всѣхъ тамо живущихъ Сарацынъ, Татаръ, Аравить и Армены, и Торки, и Фрязь, и Дикаты, и Формасы, и Черкасы, и Бармены и Жиды” (ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897). Аналогичное упоминание содержится также в Троицкой летописи.

Приложение 1:

Крестовый поход против славянской анархии

В то время, пока малограмотная, возомнившая себя архаичными «белыми воинами» чуждъ предается примитивному неоязычеству и из рук в руки муссирует исторические новоделы, мы с вами попытаемся непредвзято взглянуть на ситуацию и провести очередную демаркационную линию между европейцами и славяно-финскими язычниками, хоть наша позиция и не будет однозначно совпадать по всем пунктам с аргументацией автора статьи. Итак, Вендский Крестовый поход. Экспансия и колонизация. «В 1147 году папа Евгений III провозгласил крестовый поход против восточно-балтийских язычников. Этот указ наделял полномочиями и развязывал

руки латинским христианам [католикам] Северной Германии и Скандинавии, позволяя им экспансивно расширять свои границы вглубь территории вендских славян, проживавших вдоль северной границы христианской ойкумены. Этот мандат надолго определил дальнейшую политику крестовых походов на севере. Несомненно, что в землях славян северо-восточной Европы, Скандинавии и северных государств Священной Римской империи, Рим видел возможность для своей политической и экономической экспансии. Кроме того, при помощи крестовых походов Рим намеревался обрести новых приверженцев католической веры и подчинить их своей региональной политике. Кампания 1147 года против вендов открывала первый из четырёх театров военных действий на Балтике. После покорения вендов, крестоносцы обратили свой взор на земли ливонских и эстонских язычников, а в последствии организовали кампанию против всех пруссов и литовцев. Внешние причины священной войны не могли полностью скрыть политической подоплеки этих кампаний. Интерес к балтийским границам был обусловлен расширением альянса, а религиозные идеалы стали стремительно уступать место территориальному вопросу. Сложившаяся напряжённость между религиозным и политическим идеалами способствовала росту уникальных инноваций на севере: сочетанию агрессивной экономической экспансии, христианской колонизации и принудительному обращению язычников. Комплекс таких мер надолго определил политику на северных границах христианского мира, и по мере развития этих нововведений, участники Северных крестовых походов постепенно отдалялись от первоначального эдикта Евгения III о священной войне. (В Википедии имеется хорошее замечание по этому поводу, что «Эти земли направленно заселялись колонистами из других регионов, например, Нидерландов, с целью экономического развития территорий. Аборигены же, то есть славяне, отождествляли христианство с рабством и иностранным господством, что делало невозможной [мир-

ную] миссионерскую деятельность.» — DA.) Неоднозначность между религиозными и временными целями была совершенно очевидна с самого начала Вендского Крестового похода. (Возможно, что под временными целями следует обозначить также периодические трения на германско-славянских границах. А именно, грабительские набеги мультикультурной языческой шушеры на развивающиеся немецкие города. — DA) Однако, это совсем не означает, что религиозная и политическая власть были диаметрально противоположны друг другу. Светских политических лидеров времён крестовых походов не следует рассматривать в свете современной концепции светского правительства, действующего независимо от религиозных авторитетов: тогда церковь и государство были неразрывно связаны между собой. Тем не менее, существовали и противоречивые мотивы экспансии латинского христианства в земли вендов к востоку от Саксонии. В 1147 году папа Евгений и харизматичный Бернар Клервосский, после падения Эдессы, проповедовали крестовый поход в Утреме. Прибыв в марте 1147 года во Франкфурт, Бернард не нашёл среди аристократии желающих отправиться на (Ближний) Восток, зато он встретился с саксонской знатью, которая предложила начать Священную Войну против славянских язычников на границах Саксонии. Под влиянием их доводов, Бернард воспользовался своими законными полномочиями, чтобы объявить крестовый поход против вендов, заявив: что при совете короля, епископов и князей, собравшихся во Франкфурте, силы христиан должны вооружиться против поганых (язычников), до полного их уничтожения или, по крайней мере, обращения этих народов, дабы привести их под Крест, символ нашего Спасения. В письме Бернарда описывается начало кампании по обращению вендов-язычников в христиан. Таким образом, «нанеся крест на одежды своя», дворяне начали священную войну против «нечестивых языческих сыновей», которые должны были стать «частью Израиля, обретшего Спасение». Такая анти-языческая полемика

отклонялась от того, что провозглашалось в крестовые походы в Иберии и на Востоке; она поощряла принудительное обращение, и это было неканоническим нововведением, хотя оно и приобрело законченную форму политики относительно вендских поселений, основанных императором Оттоном I в 937 году. Эти селения давно вернулись к язычеству, что позволяло обосновать легитимность крестовых походов и выставить славян как отступников. (Т.е. по праву освобождения христианских земель от язычников). В целом, это отображает идеологическую основу крестовых походов: любая война, объявленная христианским миром, должна быть праведной и божественно вдохновленной. На основании Вендского Крестового похода для освоения земель и завоевания душ для христианского мира Бернард обозначил принципы этой войны. Последующая за этим булла папы Евгения предоставляла крестоносцам индульгенции для северной кампании и, таким образом, предрешила судьбу вендов. Призывы саксонской знати к крестовому походу против вендов не были чем-то новым. Адам из Бремена повествует об обращении язычников ещё в середине одиннадцатого века, и в 1108 году фламандский советник издаёт свой призыв к войне с вендами. Последний даёт чёткое определение конфликту религиозных и политических интересов, с которыми столкнулись крестоносцы в Балтийских странах, и предписывает колонизацию, сопровождающую завоевания: «Эти язычники самые что ни на есть нечестивцы, но их земля хороша, она богата мясом, медом, зерном и птицей; и если бы она была возделана должным образом, то ничто не смогло бы сравниться с ней по изобилию продуктов ... Итак, прославленные саксы, франки, лотарингцы и фламандцы, завоеватели Мира, это повод для вас, чтобы спасти свою душу, и если вы того пожелаете, приобрести лучшую землю для жизни». В этом письме выступают политические аспекты Священной Войны — религиозные опасения есть некий фасад, за которым аристократия империи на приграничных территориях управляла приращением

земель — так называемым процессом «германизации». Тем не менее, эта перспектива даёт более широкое понимание [мотивов] крестоносцев и поселенцев, и оформляется в более сложную картину взаимоотношений латинских христиан, славянских язычников и православных русичей в Прибалтике, а также религиозной напряжённости в этом регионе. Несмотря на то, что шёл процесс «германизации», объединяющая сила христианского мира и Римской церкви была более непреклонна в расширении балтийской границы, чем зарождающееся признание общенемецкой идентичности. Хотя германские княжества взяли на себя ведущую роль на Балтике, Северные крестовые походы никогда не были только немецкими походами. Папские буллы, объявляя крестовый поход, призывали людей со всего христианского мира, и Тевтонский орден [Слава ему!] привлекал людей из Англии, Франции, Италии и Рейнских областей. В частности, скандинавские королевства выступали как постоянные партнёры (а также соперники) немцев в Балтийской кампании. В Вендских крестовых походах датчане боролись с немцами за светское и церковное влияние, как в конфликтах, так и в последующем управлении на завоеванных территориях. Действительно, к концу Вендского крестового похода именно датчане были более политически успешными, тогда как немцы доминировали в церковной власти. Таким образом, в 1147 году, на призыв папы Евгения, в наибольшей степени отозвались датчане и саксонцы. (Википедия говорит о привлечении 100 тыс. немецких крестоносцев, столько же датчан и 20 тыс. польских рыцарей. — DA)... И Хельмольд из Бозау, и Саксон Грамматик проявляют озабоченность обращением балтийских язычников. Для Хельмольда, когда он описывает светскую политику, он осуждает преступников. В то же время, он расточает похвалы саксонскому герцогу Генриху Льву и насмехается над датским королем Вальдемаром I. Здесь он проливает некоторый свет на ситуацию. Гражданская война поглотила все датские ресурсы в первые же годы Вендского крестового по-

хода, и Дания не могла принять эффективное участие в кампании вплоть до 1157 года. Саксон же характеризует территориальную экспансию датчан как признак возрождения и изображает Вальдемара как реставратора былой славы Дании. Нет никаких сомнений, что Вальдемар рассматривал крестовые походы как возможность объединить Данию через внешнюю войну, аннексировать территории и отомстить за набеги, совершенные славянами во время политической нестабильности Дании. Эти светские цели вступают в противоречие с идеалистическим духовным видением крестовых походов Хельмольдом... Хельмольд писал в контексте междоусобной пограничной войны между саксонцами и славянами, в которой крестовый поход 1147 года и последующие экспедиции являются просто её частью. Вскоре, после аннексии Оттоном вендских земель в X в., произошла децентрализация политической власти, и славяне вернулись к язычеству, а влияние империи ослабло. Для саксонской церкви крестовый поход способствовал восстановлению потерянных земель и людей, а для Генриха это был хороший шанс утвердить политическое влияние саксонцев над славянами». Matt Firth ((Перев. DA)

(Источник: <https://telegra.ph/Krestovyj-pohod-protiv-slavyanskoj-anarhii-05-31>)

Приложение 2:

Крестовые Походы и Мультикультурализм

Какое-то время назад, в эпоху расцвета у нас в России «чёрного» видеобизнеса, когда уличные прилавки буквально ломились от «пиратских» кассет, я как-то купил по случаю несколько записанных на видео телевизионных фильмов Би-би-си на исторические темы, и в том числе серию под многообещающим названием «Крестовые походы». Однако не удостоился их сразу же просмотреть (как говорится, все руки не доходили), и сделал это лишь совсем недавно. Просмотрел — и был буквально поражён. То, что увидел, а главное —

услышал ваш покорный слуга при просмотре этих видеокассет с телеэкрана, показалось мне поразительным, нет, мало того — непостижимым! Подобно абсолютному большинству моих современников и соотечественников, хотя и выросших и духовно сформировавшихся ещё при советской власти, антинациональной, по сути, или, во всяком случае, подобно большинству окружавших меня с детства русских людей (в самом широком смысле этого слова), я как бы с молоком матери впитал в себя сознание того, что существует связь времен, соединяющая нас непрерывной цепью поколений с нашими предками. Невзирая на все идеологические ухищрения жрецов государственного марксизма, вдалбливавших в наши головы заскорузлые красные догмы, мы всегда считали историческую (то есть дореволюционную, старую, существовавшую раньше Россию) той точкой опоры, на которой строилось всё наше мирозерцание. Мы привыкли сравнивать нашу достаточно неприглядную действительность эпохи «развитого социализма» с тем, что было в старой доброй Российской Империи. И даже в пору «позднего Совдепа» это чувство духовной опоры на прошлое, на русскую историю, на славную пору Средневековья всемерно культивировалось и развивалось. А что же ваш покорный слуга узрел в документальном сериале Би-би-си «Крестовые походы»? Причем не просто сериале, а сериале, предназначенном для учебных целей и популяризации истории (ведь именно с помощью подобных сериалов уже несколько десятилетий формируется сознание западных европейцев, а теперь вот они и до нас, грешных, дошли!). Буквально с первых же кадров меня поразила, как видно, задающая тон всему повествованию фраза ведущего сериала — мистера Терри Джонса: «Крестовые походы являлись, по сути, варварскими вторжениями и были явным проявлением нецивилизованности». И это говорилось англичанином — человеком, чей национальный флаг — «хоругвь святого Георгия» с красным крестом на белом поле — осенял в славные былые времена именно рати крестонос-

цев и, в частности, рыцарей ордена Христа и Храма Соломона! — о Крестовых походах — самом легендарном и героическом периоде истории Западной Европы, благодаря которым сложились европейские нации и Европа осознала себя таковой! Да славный король-крестоносец Ричард Львиное Сердце не иначе как сто раз перевернулся в гробу, услышав эти слова! Впрочем, и ему в сериале досталось от благодарных потомков по первое число! Чего стоят жуткие кадры, изображающие восстающего из гроба Ричарда в виде какого-то чудовищного коронованного вурдалака, со вскрытыми внутренностями, набитыми человеческими останками! Впрочем, тема «людоедства» крестоносцев будет, как навязчивая идея, постоянно повторяться и варьироваться авторами фильма на все лады. Даже у нас, в России, в советское время, да и ныне, критикуя католиков за ересь папизма, хотя и выходили антикрестоносные и даже прямо антихристианские фильмы Эйзенштейна (где также смаковалась тема «людоедства» крестоносцев — вспомните незабываемую сцену «мини-холокоста», устроенного, по воле автора — который, будучи старым рижанином и вдобавок дворянином с фамильным гербом, мог бы уж не столь беззастенчиво превращать историю своих предков в идеологический «ужастик»! — в Пскове ливонскими рыцарями — безжалостными биороботами, под пение псалмов швыряющими в «огнь поядающий» невинных младенцев!) и др., а также антикрестоносные книги Заборова и др., они ясно осознавались всеми мало-мальски мыслящими людьми как идеологический заказ враждебной христианству богоборческой власти, а мы ещё детьми, как поется в известной песне Высоцкого, с восхищением запоем читали любимые книжки сэра Вальтера Скотта, Роберта Льюиса Стивенсона, Райдера Хаггарда, сэра Артура Конан Дойля и многих других — о славных рыцарях, королях и героях, которые в тяжелейших условиях Средневековья отправлялись на край света сражаться с сарацинами за освобождение Гроба Господня, верно служили своим государям, защищали сла-

бых и обиженных, честь прекрасной дамы и пр. Даже в пропитанных когда воинствующим, когда подспудным атеизмом советских книжках по истории порой оплакивалась судьба захваченного крестоносцами в 1204 г. православного Константинополя-Царьграда (хотя неизменно восхвалялись победы над теми же православными византийцами киевских князей Олега, Святослава и Владимира, оставляя за скобками вопрос, что бы эти славные русские князья учинили в случае захвата ими Царьграда!), но никогда не издевались, а уж тем более так откровенно не глумились над периодом Крестовых походов как таковым! Разумеется, мы далеки от мысли утверждать, что советская историография превозносила крестоносцев (или хотя бы воздавала должное их подвигам, их мужеству и их идеализму), но даже из советских школьных учебников истории и последующих книг мы выносили некую неуловимую атмосферу невольного восхищения идеей безкорыстного подвига рыцарей во славу какой-то идеи. Возможно, это и было причиной: советская историческая наука, отнюдь не поощряя в подсоветских людях религиозность, старалась в то же время — исходя из чисто прагматических целей политики безбожного государства, сводившего потребности своих подданных к минимуму, — воспитать в них преклонение перед идеей безкорыстного подвига, служения идеальным целям — и потому не поднимала, в общем, руку на рыцарство и, в частности, на Крестовые походы (по крайней мере, в Святую землю; в отношении прибалтийских крестоносцев, тевтонов и ливонских рыцарей, действовал иной «идеологический заказ», о котором речь пойдёт несколько ниже). Ещё более наглядно означенная тенденция прослеживалась в художественной литературе и послевоенном кинематографе, где рыцарство откровенно воспевалось (вспомним хотя бы такие замечательные фильмы, как «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», «Стрелы Робин Гуда» — с чрезвычайно симпатичным образом безкорыстного рыцаря-крестоносца Алана-э-Дэйла, «Последняя реликвия», «Чёрная

стрела», «Талисман», «Квентин Дорвард» и многие другие). А вот в сериале Би-би-си «Крестовые походы» мне довелось «понюхать» совершенно иной «букет» и столкнуться с совсем иным, с позволения сказать, «взглядом на историю». Речь идёт не просто об иронии, не просто о неприятии и даже не просто об отрицании «всеми фибрами души»! Нет, мало того! Речь идёт об откровенном глумлении, об омерзительном опошлении, сдобренном скабрёжными шуточками сомнительного свойства (не делающими чести авторам, увидевшим свет в стране знаменитого тонкого английского юмора, славного традициями Свифта, стерновского сэра Тристрама Шенди, Шеридана, Теккерея и Диккенса!), высмеивающих всё и вся карикатурного описания этого беспрецедентного по героизму и размаху исторического феномена! Именно такое, шумливо-ёрническое, отношение красной нитью проходит через все серии телефильма Би-би-си. С самого начала сериала нам заявляют с телеэкрана (вот уж подлинно — «икона Сатаны»!), что вот-де в Средние века в Европе сформировался слой «профессиональных убийц», которым не хватало «заказов» дома, так что папа римский решил сплавить как можно больше этих «безработных киллеров» куда-нибудь, как можно дальше от Европы! И этот термин — «убийцы» — вновь и вновь повторяется в сериале в самых различных комбинациях применительно ко всему рыцарству как сословию в целом! Причем авторы сочли необходимым специально разъяснить «невежественным» телезрителям, что само слово «рыцарь» означает «всего-то» навсего «воин на лошади». Это сказано как бы между прочим, но тем самым разом перечёркивается вся идеология рыцарской доблести, рыцарской чести, рыцарского служения и рыцарственности вообще. «Оклеветанные либеральными историками средневековые крестовые походы были великим духовным движением, направленным не только к освобождению Гроба Господня из рук неверных, но и к освобождению Европы от ставшего к этому времени невыносимым иудейского засилия. Используя

темперамент своих женщин и свои ростовщицьи способности, иудеи захватили многие позиции в средневековых государствах. Поэтому движение крестоносцев всюду сопровождалось подчас жесточайшими еврейскими погромами» (Родзаевский К. В. «Завещание русского фашиста»). И ни слова о том, что рыцарство — первооснова европейской кавалерии, было создано для отражения нашествий с юга и востока — в противовес кочевым конным ордам арабов, аваров, мадьяр, печенегов и половцев, молниеносно совершавшим на своих быстрых конях опустошительные набеги на христианские земли Европы, чтобы снова исчезнуть с добычей и пленниками в безкрайних просторах степей породившей их Азии! Вместо этого нам ничтоже сумняшеся преподносится идея о том, что рыцарь — это не более чем профессиональный и патологический убийца, киллер, готовый убивать всегда, везде и любого, кто препятствует его обогащению. Таким образом, авторы сериала как бы уравнивают рыцарство с наёмничеством — те же мотивы, те же традиции поведения, та же мораль, та же безпринципность, та же жажда крови и денег. Но мало того! Через весь сериал красной нитью проходит, постоянно повторяясь, презрение к религиозному пылу и рвению, трактуемым как тупой фанатизм. Как будто не сказано было в Евангелии: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих... Итак, будь ревностен и покайся» (Откр. 3, 15—16, 19). Эта мысль внедряется в умы телезрителей исподволь, малыми порциями, но постоянно. Фразы вроде: «Из лагеря изгнали всех женщин, но даже это не впечатлило их Бога» или: «Отрезанные от мира, они остались умирать наедине со своим Богом», постоянно вставляются в авторский текст за кадром в разных местах, имея своей целью внушить телезрителю следующую мысль: 1) никакого Бога на самом деле не существует; 2) даже если Бог есть, то это «их Бог», а не наш. К тому же авторами сериала периодически и крайне иронически употребляется

термин «посланцы Господа» и «слуги Божии», что, вероятно, с точки зрения авторов фильма, является чем-то очень смешным и несерьёзным. Постоянно и настойчиво проповедуется «мультикультуризм», то есть противопоставляются друг другу утончённые и высокоцивилизованные восточные народы — источник и хранитель всяческой культуры, чистоты, ума и благородства! — и тупые «западные варвары»! Вы не ослышались — именно этим уничижительным термином постоянно третируют крестоносцев. Для авторов фильма они — «варвары» и — мало того! — даже «людоеды»! В самом начале фильма на фоне зловещей фигуры мрачного «воина Христового», подозрительно напоминающего чудовищные карикатуры на тевтонских рыцарей из фильма Эйзенштейна, голос за кадром сообщает леденящую историю о том, как осенённая крестным знаменем «армия людоедов» сожрала всё население захваченного малоазиатского городка — кого в вареном, кого в жареном виде, с подробным описанием того, как взрослых разрубали на куски, прежде чем их бросить в котлы, а детей насаживали на вертел, и пр. Кошмарность этой сцены затмевается разве что упомянутыми нами выше кадрами восстающего из гроба вурдалака «Мелек-Рика» с утробой, набитой человеческими останками! «Те, кто воспринимает крестовые походы с негодованием, как один из самых безумных эпизодов «тёмного» средневековья, не имеют ни малейшего подозрения, что то, что они называют «религиозным фанатизмом», было видимым признаком присутствия и действенности духовности и решительности — тех качеств, отсутствие которых как раз более характерно для настоящего варварства. В действительности человек крестовых походов был в состоянии восстать, сражаться и погибнуть ради того, что по своей сущности было надполитическим и надчеловеческим, и посвятить свою жизнь не частному, а универсальному, вселенскому» (Юлиус Эвола)

<https://telegra.ph/Krestovye-Pohody-i-Multikulturalizm-07-31>

... Что ж, продуцентам подобных дегенеративных «историй» zelo пользительно было б крестоносным мечём в возгласом «*Deus Vult!*» выпотрошить их гнусный ливер... Как знать, быть может, с помощью Божией сие благое деяние смогут осуществить участники Крестового Похода в Будущее Европы... **Παράσχοι, Κύριε!**

ЛЕВ ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ?

На днях исполняется первые «сто дней» понтификата Римского Папы Льва XIV. Справочно: «Лев XIV (лат. Leo PP. XIV, итал. Leone XIV; в миру — Роберт Фрэнсис Превост (англ. Robert Francis Prevost; род. 14 сентября 1955, Чикаго, Иллинойс, США) — епископ Римско-католической церкви, Папа Римский с 8 мая 2025 года. Первый в истории папа из Соединённых Штатов Америки и из Северной Америки в целом, второй после своего предшественника Франциска (2013—2025) папа из Нового Света, второй после Адриана IV (1154—1159) понтифик, происходящий из англосферы, и второй после Евгения IV (1431—1447) папа из монашеского ордена августинцев» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Лев_XIV#CITEREFCorsi2012).

В связи с **First hundred days Папы Льва**, известный «вселенский дьякон» А.Кураев поместил небезлюбопытный материал у себя в ЖЖ: «Первые 100 дней Льва XIV – наблюдения католических медиа. 1. «Меньше Роберта, больше Петра» – в отличие от непосредственного предшественника, Лев XIV подчинил свою индивидуальность папскому служению. Он не разрушитель и не сеятель хаоса, как говорил о себе Франциск, а следует заявленному курсу на возвращение мира, единства и гармонии. Проявлять индивидуальность в служении он себе позволяет в определённых границах. 2. Он одевается как Папа и живёт в положенных Папе местах. Правда, ботинки черны, на поясе не появился герб (в отличие от папамобиля), и пока не было объявлено о возвращении в папскую квартиру на третьем этаже Апостольского дворца. Выбрав свою старую квартиру, Лев XIV избежал упреков в разрыве с наследием Франциска (этаж из нескольких люксов в ватиканском отеле) и потакании консерваторам (возвращение Папы в папские апартаменты). Сохранив за дворцом в Кастель-Гандольфо статус музея и живя на одной из вилл комплекса,

новый Папа также ни с кем не поссорился, а жителей городка сильно обрадовал – они были обижены на Франциска и многие разорились за 12 лет отсутствия туристов. 3. Выступления и заявления Льва XIV не провокационны, а христоцентричны и кому-то могут казаться банальными. Папа снова (спустя 12 лет) больше говорит о вере, чем о политике, климате и т.д. Конечно же, как сформированный орденом августинцев пастьер, он чаще всего цитирует (помимо Писания) св. Августина. 4. Папа пока что избегает принятия решений: – до сих пор не назначен новый префект дикастерии по делам епископов (Пий XII назначил своего преемника на посту госсекретаря спустя месяц после своего избрания; Иоанн XXIII выбрал нового патриарха Венеции через 14 дней; Павел VI назначил нового архиепископа Милана через 50 дней; Иоанн Павел II выбрал своего преемника на краковской кафедре спустя 74 дня; Бенедикт XVI назначил нового префекта конгрегации вероучения через 24 дня; Франциск назвал нового архиепископа Буэнос-Айреса спустя 15 дней после своего избрания); – не было и других значимых кадровых решений; – Синодальный процесс обсуждается и прорабатывается секретариатом; – не было отмены скандальной декларации *Fiducia supplicans*, открывшей путь к благословению однополых пар (подробнее: <https://vk.com/@chelcatholic-episkopy-i-odnopolye-pary-kto-blagoslovit-kto-net>); – нет явного решения по *motu proprio Traditionis Custodes*, которое де-факто запретило Мессу по миссалу 1962 года (Традиционная латинская Месса, TLM, она же Тридентская) и стало сильным ударом по огромному количеству верующих, монашествующих, священников. Похоже, что Папа решил делегировать епископам решение вопросов с разрешением или ограничением совершения Мессы по дореформенному чину. Это больше напоминает понтификат Иоанна Павла II. При этом Лев XIV явно любит латынь и григорианский хорал, направил поздравление с 50-летием священства на латинском языке известному своим консерватизмом кардиналу Бёрку, а другого лидера консервативного

крыла, кардинала Робера Сару, назначил своим делегатом на празднования во Франции; – как уже упоминалось, Лев XIV не спешит с переездом в Апостольский дворец, хотя намёков и слухов было предостаточно. Пока что он лишь посещал старую папскую квартиру и дважды выезжал в отпуск на виллу в Кастель-Гандольфо. 5. Понтифик старается стать строителем мостов и в мире: он не принимает ту или иную сторону в международных конфликтах, но предлагает своё содействие в их разрешении, и постоянно (начиная с первых слов сразу после избрания) призывает к миру. 6. Лев XIV проявил заботу о ватиканских работниках, возродив премии после конклава (Франциск отказался их выплачивать) и несколько раз выразив благодарность за службу (Франциск предпочитал ругать курию), а также подписал несколько документов на тему ватиканских финансов (наблюдатели указывают, что некоторые из них были подготовлены ещё покойным кардиналом Пеллом, но игнорировались 10 лет). 7. Пока что единственными заметными решениями по персоналиям стали подтверждения ранее утверждённых канонизаций (Карло Акутис, Пьер Джорджо Фрассати, Бартоло Лонго) и присвоения св. Джону Генри Ньюману титула учитель Церкви. 8. Другим заметным решением стало введение в миссал формуляра Мессы о защите творения, которая, опять же, была задумана ещё при Франциске. 9. Постепенно Лев XIV возрождает практики, отвергнутые Франциском – не только ношение моцетты и отдых в Кастель-Гандольфо, но и наложение паллиев на новых митрополитов в торжество свв. Петра и Павла. 10. Папа активно пользуется возможностями Юбилейного года и часто встречается с паломниками – 16 публичных Месс за 14 недель плюс регулярные аудиенции. Главные выводы: Льву XIV присущи осмотрительность и взвешенность; он не мелькает в новостях, но и не затворник; соблюдает протокол, но при этом сохраняет баланс между традиционным и прогрессивным крыльями в одежде и инсигниях, и вообще стремится объединять всех и никого не оттолкнуть; однако однажды

ему придётся начать принимать решения и тогда станут яснее его взгляды и приоритеты, и будут неизбежны первые аргументированные разочарования какого-либо лагеря (<https://www.facebook.com/share/p/1XrdAqYAWR/>). Это сайт если и не раскольников, то оппозиционных католиков» (см. подр.: <https://diak-kuraev1.livejournal.com/154362.html>).

Памятуя о том, что *Nomen est omen*, стоит вспомнить и о том, что имя «Лев» на Престоле Римских пап обладало особой «значимостью». Нам попались на просторах Сети два разсуждения отечественных «экспертов» на сию тему, кои показались нам довольно содержательными, посему воспроизводим их ниже, снабдив своим «опричным» комментарием:

Некто Сергей Ходнев (ex officio: «заведующий отделом культуры «Ъ») составил нарочитое разсуждение «о том, почему папское имя Лев XIV — сенсация и революция»:

Возвращение имени

Новый папа римский принял тронное имя Лев XIV. Это довольно радикальный шаг: большую часть последних пяти десятилетий престол святого Петра занимали понтифики, носившие подчёркнуто новые имена, не связанные напрямую со столетиями предшествующей истории римской кафедры. В случае теперешнего папы выбранное им имя образует, напротив, очень примечательные связи с ключевыми событиями не только католической, но и общехристианской истории. Сначала летом 1978 года кардинал Альбино Лучани после своего избрания на римский престол, объединив имена двух своих предшественников (Иоанна XXIII и Павла VI), предпочёл называться Иоанном Павлом I. Это было первое двойное имя в почти двухтысячелетней истории папства, решение, не имевшее прецедентов, на первый взгляд неудобное, странное, но тут уж вмешались другие обстоятельства. Раннехристианские римские мученики IV века Иоанн и Павел — популярная пара святых, многочисленные Жан-Поли и Джан-

паоло не дадут соврать, так что это двойное имя было для слуха и для произношения куда более естественным, чем сочетание каких-нибудь ещё старых папских имён (представьте себе папу по имени Климент Бонифаций или Сикст Каликст). После безвременной смерти папы Лучани кардинал Кароль Войтыла решил последовать этому примеру — и на протяжении 27-летнего понтификата так прославил имя Иоанн Павел, что о первоначальной странности и непривычности этого имени тем более быстро забыли. В 2013 году кардинал Хорхе Марио Бергольо, избранный римским папой, пошёл значительно дальше, выбрав «одинарное» имя, которое тем не менее прежде не носил ни один понтифик, — Франциск. И, разумеется, отсылка к образу массово известного и любимого католического святого, апостола бедности, простоты, братской любви, была манифестом ещё более красноречивым. Да, конечно, между Иоанном Павлом II и Франциском I был ещё Бенедикт XVI — Йозеф Ратцингер, выбравший славное, почтенное, освящённое традицией папское имя. Но тут принято вспоминать, кто именно это имя носил в прошлый раз. Папа Бенедикт XV занимал римский престол недолго, восемь лет (1914–1922), его набожность и его миротворческие инициативы не подлежат сомнению, но всё-таки Первая мировая война и её последствия этот понтификат явно затмевают. И совсем другое дело — предыдущий римский епископ по имени Лев, папа Лев XIII (правил в 1878–1903 годах). Время Льва XIII (в миру Джоаккино Печчи) — это торжествующий секуляризм, данный епископу римскому, что называется, в ощущениях. Италия объединилась, вековая светская власть папы в его государстве (Папской области, занимавшей всю Центральную Италию) была ликвидирована, а государства-города Ватикан, появившегося только позже, уже в 1930-е годы, ещё не было, так что отношения Святого престола с Итальянским королевством были чудовищно трудными; многие европейские государства принимали решительно антиклерикальные меры в том, что касалось, на-

пример, образования или заключения браков. В отношениях с правительствами Лев XIII использовал в этих обстоятельствах не анафемы, а дипломатию, причем его хитрость, такт и ловкость при этом современников неоднократно удивляли. Но ещё больше всех удивила его решительность по отношению к самой болезненной теме века. Лев XIII впервые обратил внимание на рабочий вопрос, который к 1880-м годам превратился в жупел для общественно-политической жизни многих и многих европейских стран, включая и Россию. Он — внимание! — не поддержал социализм, настаивая на том, что законность частной и государственной собственности не подлежит сомнению (в то время как многие католические прелаты XX века к социализму относились с симпатией, что, в частности, породило в Латинской Америке традицию «богословия освобождения», связанную со взглядами покойного папы Франциска, хотя и не совсем однозначным образом). Но он же — внимание! — не поддержал и капитализм, настаивая на уважении к правам и требованиям людей, базирующемся на христианском понимании человеческой личности и её достоинства. Никто прежде из пап нового и новейшего времени не обращался с такой конкретностью к социальной доктрине, как Лев XIII, посвятивший этому вопросу энциклику с красноречивым названием «*Regum novarum*» («Вещей новых...», 1891). Никто из них не пытался сделать эту доктрину внятным для широких масс «средним путем», нравственно мотивированным способом примирить противоборствующие социальные движения. Никто из них не пытался сделать Ватикан глашатаем этой доктрины, арбитром общественных движений в западном обществе развитого капитализма. Исторический успех этого начинания, наверное, спорен, потому что после смерти папы европейская и мировая история уж так понеслась, что никакими буллами её оперативно обуздать было заведомо невозможно. Но само намерение нового понтифика — стать наравне с папой энциклики «*Regum novarum*» — сенсационно и даже революционно. Это намерение может

также означать, что социально-реформистские принципы и желание модерировать базирующийся на них общемировой диалог окажутся для Ватикана в предстоящие годы самыми важными. Гарантий, правда, здесь нет никаких, в конце концов, далеко не каждый папа, взявший имя одного из своих предшественников, к концу своего понтификата выглядел в смысле своих действий прямо-таки дубликатом своего тезки. Если вспоминать и предыдущих носителей избранного новым папой имени, то имя Лев XIV тоже кажется обязывающей заявкой на роль в мировой истории. Самый первый папа Лев (годы понтификата — 440–461), Лев Великий, — фигура колоссального масштаба, папа, отчеканивший, по преданию, великую формулу о соединении двух природ (божественной и человеческой) во Христе, которая в конце концов провела христианство через чудовищные богословские смуты V века. И это же папа, который (опять-таки по преданию) спас с помощью дипломатических талантов и божественной помощи Рим от уничтожения, когда к стенам Вечного города подступили гунны во главе с Атиллой. А папа Лев III (правил в 795–816 годах) изменил историю Европы, короновав Карла Великого римским императором — и тем восстановив Западную Римскую империю, просуществовавшую, пусть и во всё более символическом обличье, до наполеоновских времен. Конечно, далеко не все папы этого имени были так счастливы или хотя бы так заметны; один из них, Лев XI, и вовсе папствовал только 27 дней. Из заметных можно ещё вспомнить папу Льва X (в миру Джованни Медичи), которого мы знаем по рафаэлевскому портрету и по байкам о его щедрости, легкомыслии и сластолюбии — но также и по зловещим для католичества начальным событиям Реформации. Новому папе этот контекст вряд ли незнаком, но потребность вспомнить папу Печчи и его социальный меседж явно оказалась более важной. Тем более что папы Лев XIII и Лев XIV, если приглядеться, даже внешне похожи. Но принято думать, что выбор папского имени — это ещё и пожелание относительно

продолжительности собственного понтификата. Если так, то 69-летний Лев XIV рассчитывает на долгое правление: его тёзка и предшественник возглавлял римскую церковь 25 лет и 5 месяцев — рекорд, который не был побит никем вплоть до Иоанна Павла II» (<https://www.kommersant.ru/doc/7711811>).

Львиная доля

(Станислав Белковский — о жизненном задании Папы Римского Льва XIV. Материал из номера: «Горби» №23): «У всякого человека любого пола и расы — будь то слесарь или скрипач, хирург или блогер — есть две миссии: субъективная (что он сам о себе думает) и объективная (что думает о нем Господь Бог). Объективную миссию человек осознает не всегда. Чаще даже нет, чем да. Но когда две миссии совпадают — субъекта ждёт максимальный успех. Когда противоречат одна другой — увы, горькое поражение. Особенно это относится к большим лидерам, светским и духовным. Чего хочет от самого себя папа Лев XIV, в миру Роберт Френсис Превост (по французской версии Прево. — Ред.), гражданин США и Перу, этнический француз, итальянец и испанец в одном флаконе, — говорят его самые первые шаги. Из которых наипервейший — выбор тронного имени. В день избрания нового папы, когда объявлено было, что он Лев (XIV), подавляющее большинство наблюдателей указало на концептуальную преемственность с предыдущим Львом (XIII), занимавшим святой престол с 1878 по 1903 год. И новоизбранный верховный понтифик очень быстро и публично согласился с такой версией. Ответ его звучал как-то вроде: да-да-да, конечно-конечно, только не копайте (ещё) глубже. Что ж, вероятно, здесь есть значительная доля правды. (Хотя и не вся правда, о чём — ниже.) Лев XIII был, прежде всего, незаурядным дипломатом. Например, он сделал немало для прекращения Kulturkampf — кампании против католической церкви/католицизма, начатой Отто фон Бисмарком в 1871 году. «Железный канцлер» полагал, что истинный католик,

подчиняющийся папе и покорный догмату о папской непогрешимости (принятому в 1870 г. на Первом ватиканском соборе), не может быть в полной мере лоялен новому всегерманскому государству. В конечном счёте компромисс по многим вопросам — от назначений епископов Римом до возстановления духовных семинарий — был достигнут, и Kulturkampf к 1880 году свернули. Безспорно, немалую роль в том сыграли внутригерманские успехи католической Партии центра, наращивавшей своё представительство в рейхстаге. Но и Лев XIII, наградивший Бисмарка высшей церковной наградой — Верховным орденом Христа (с 1966 года вручается только главам государств католического вероисповедания), сделал свой принципиальный взнос. Худо-бедно и с оговорками, но предыдущий Лев (почти) примирил католиков со светским государством во Франции. Несмотря на вопиюще антиклерикальный характер последнего в новейшие времена. Дальше. Он пошёл путём сближения религии и науки, веры и разума. Пусть нерешительно, «пугливыми шагами», но всё же. Не случайно главным католическим философом (вновь) был провозглашён «ангельский доктор» Фома Аквинский, чью академию Лев XIII учредил в 1879 году. Ещё. Понтифик понял, что в его эпохальном воздухе пахнет социалистической революцией. И справедливо рассудил, что церкви, чтобы она не осталась на исторической обочине, придётся возложить на себя двойное бремя идеолога и глашатая социальных реформ. О том — его самая известная энциклика *Regum Novarum* (1891). Ключевые тезисы её таковы: Права трудящихся должны быть защищены; профсоюзы — это хорошо. Столь же надёжно должна быть защищена — теоретически и практически — частная собственность; её обобществление, особенно руками государства, — от лукавого. Социальные классы существуют в реальности / на самом деле, но классовая борьба вовсе не обязательна; классы должны жить и действовать в мире и гармонии, подобно разным органам одного человеческого тела. (Это не дословные цитаты, но

мысли переданы верно.) Сейчас это кажется замшелой банальностью, но для католической паствы конца XIX века, недавно вышедшей из ультраконсервативного понтификата Пия IX, — звучало сногшибательно. В энциклике *Libertas Praestantissimum* Лев XIII поставил вопрос, который сегодня, например, Еврокомиссия задаёт Илону Маску: что важнее — неограниченная свобода слова или избежание ошибок (в современном варианте — фейков и манипуляций)? Понтифик считал, что второе: социальные сети без тщательной модерации он бы решительно не принял. Он вообще был большой сторонник концептуального/доктринального высказывания. И потому огласил 88-м энциклик — больше, чем все (!) другие папы. Лев XIII вплотную занимался и вопросами христианского единства, примирения с другими конфессиями и деноминациями. Он часто обращался к трудам/образу кардинала Виссариона Никейского, идеолога Ферраро-Флорентийской унии 1439 года, и цитировал фразу последнего: «Что ответим Богу, когда Он потребует от нас отчёта за разрыв с нашим братьями?». Наконец, Лев XIII занимал святой престол очень долго, особенно по тогдашним меркам, — 25 лет, уйдя к Господу в 93 полных года. Вероятно, все эти пункты невидимой повестки дня Господнего примеряет на себя Лев XIV. Который, вестимо, хочет быть большим дипломатом. Едва ли не первое, что он сделал, — встретился с Владимиром Зеленским и предложил Ватикан как место переговоров по прекращению большой ***. РФ это дело ожидаемо отклонила, но важен был сам посыл. И, вероятно, стремится стать умиротворителем важных социальных конфликтов этих дней. Поглядим, с чего он начнёт на этом пути. А также доктором внутрехристианского раскола. Он уже заявил о необходимости ввести единый для всех христиан день Пасхи. Ход столь же символический, сколь и политический. Но вот здесь — самое место вспомнить, а чем таким отметились в церковной/мировой истории предыдущие Львы — с I по XII. Всех трогать не станем — ни статейного пространства, ни смысла нет.

Отметим двоих. Лев I Великий. Понтификат (440–461) спас Рим от варваров-гуннов в 452-м. По преданию, буквально уговорив — не имея никакой грубой физической силы, тех самых «дивизий папы римского» (И.В. Сталин), — их вождя Аттилу не входить в город, никакого не трогать / не обижать. Такой же фокус с королём вандалов Гейзерихом — который, кстати, в отличие от язычника Аттилы, был христианин-арианин, — в 455-м не совсем удался. Вандалы всё же разграбили Рим. Но, по преданию, не слишком жестоко — не очень злобствовать убедил их вроде как папа Лев. Стал одним из главных идеологов Халкидонского собора (451). Сформулировав — в Томосе к константинопольскому Патриарху Флавиану, на момент получения документа скончавшемуся, — принцип единства человеческой и божественной природы во Христе. Так что большой миротворец и богослов одновременно. Не случайно — первый папа, которого стали называть Великим. В наши информационные времена величие раздают как-то уж слишком просто, не придавая этому слову должного веса. Но всё же. Папа же Лев III в 800 году в римской базилике Святого Петра возложил на короля франков Карла I (впоследствии тоже Великого) императорскую корону. Так возникла Западная Римская империя — прототип христианского Евросоюза. Важно ли это воспоминание сегодня, когда Единая Европа, готовясь защитить себя от полчищ нелегальных иммигрантов, а также мелькающей на горизонте военной опасности (не)понятно откуда, — так нуждается в восстановлении христианской идентичности, на содержательном и символическом уровнях сразу? В общем, мы можем догадываться о подлинно львином масштабе амбиций нового папы. Чего Ватикан пока вслух, ясное дело, не произносит. Папа. Ирония. Хитрость. Вернемся к тому, что объективная миссия человека, особенно если он большой начальник уровня папы римского, определяется тем, что думает о нем Самый Большой Начальник. Это Г.В.Ф. Гегель назвал Хитростью Разума, оно же Ирония Истории. В чём же может

быть хитрость со Львом XIV? Сказать точно, конечно, невозможно, потому сформулируем приблизительно. Он весь — воплощённый, предзаданный компромисс. Будучи типичным, статусным и титульным порождением североамериканских Соединённых Штатов, долгие годы служил в Латинской Америке, проникнувшись бедами Глобального Юга и флёротом Теологии освобождения христианства во имя бедных, которому столь близок был усопший папа Франциск, наинтриговавший-таки избрание кардинала Превоста своим преемником, — хотя всё решила воля Божья, кто бы спорил. Так что диалектическое снятие противоречий между Севером и Югом, между богатыми и бедными — безспорное поле духовной и политической битвы нового папы. Будучи с юных лет монахом, а потом и генералом ордена августинянцев, он проявил исключительную лояльность конкурирующей теологической фирме — Фоме Аквинскому / томизму. Окончил римский университет святого Фомы, взял имя «Лев». Значит, ему суждено всемерно углубить интеграцию августинианства и томизма. Что с точки зрения богословия — задача столь же масштабная, сколь и верная, и благодарная. По первому образованию Роберт Френсис Превост — математик. Кому же, как не математику, надлежит двинуться сильно дальше в снятии противоречия между научным и религиозным познанием мира. В чём отчасти и состоит особый смысл наступающей (наступившей?) Эпохи Возвращения. Как папакомпромисс, папа-диалектический синтез он просто не может не способствовать сближению Римской церкви с православием (ортодоксией) и протестантскими деноминациями. Нашей РПЦ МП как фактической госкорпорации, всецело подчинённой светским РФ-властям, это не касается. Но других общин верующих, локальных и глобальных, — вполне. Объективно в этом своём базовом качестве Льву XIV, вероятно, суждено способствовать развитию и расширению Соглашений Авраама, затеянных Дональдом Трампом ещё в 2020 году для примирения Израиля с большинством исламских

стран Ближнего Востока. Однако сегодня видится так, что смысл и значение Соглашений Авраама могут стать куда глубже. Здесь — на базе доктрины исторического примирения трёх авраамических религий (в хронологическом порядке иудаизма, христианства и ислама) — может возникнуть новая архитектура международных отношений и безопасности, а в приложении к ней — альтернативы и ООН, и НАТО. США уже прозрачно намекнули, что к Соглашениям Авраама вскоре примкнут наряду с Саудовской Аравией Сирия, Ливан, Ливия и даже Армения с Азербайджаном. Ну а Европа, кхе-кхе? Почему бы странам Евросоюза не прийти сюда же, качественно подняв планку? И этот проект как раз был бы по силам папе римскому. Если и коль скоро он дипломат, мастер синтеза и компромисса. Конечно, прямо сейчас мы не знаем, когда и как закончится война Израиля с Ираном. В которой не только США (ясно), но и суннитские монархии Персидского залива (скрыто и явно одновременно) — на стороне Израиля. Но будем исходить из презумпции, что «весь Израиль спасётся, как написано: придет от Сиона Избавитель». Впрочем, миссия нового папы окажется действительно успешной, если о христианских основаниях своей идентичности вспомнит Евросоюз. Что позволит ему точнее сформулировать внутренние цели и правильнее отбиваться от внешних угроз. Критерий: включение христианских образов в основополагающие документы и символику ЕС. Время для того объективно настало, независимо от уровня понимания нынешнего поколения светских политических боссов. Подлинное (пред)назначение папы — и концептуальное, и политическое — здесь видится насквозь. А субъективно? Дерзнёт ли? Может, по идее, дерзнуть. Потому что альтернатива — дальнейшее падение влияния Римской католической церкви, утрата большей части паствы и шагреновое съезживание. Хотя и такое тоже вполне реально. Эпоха Возвращения, в которую вошел мир (хотим мы того или нет), будет среди прочего означать умаление иерархических структур за счёт нарастания

сетевых. О краткости, сестре нашего брата. Римская католическая церковь — иерархическая структура *par excellence*. С тоталитарной системой управления. Где всё решает один человек с неограниченными полномочиями по любым вопросам и пожизненным правлением. Стало быть, Римской церкви придётся или реформировать себя, или потерять — по крайней мере, как глобальную силу (узко-сектантской модели, охватывающей немногочисленных ультраконсерваторов, практическое место всегда останется). А значит — Риму придётся пойти путем сетевизации и демократизации. И здесь самый очевидный шаг — ограничение полномочий папы одним долгим и кратким сразу сроком. Скажем, 12 лет. Лев XIV воссел на святой престол в период технологической революции, кардинально меняющей облик мира. Именно поэтому — он первый за всю историю (!) папа с родным английским языком — базовым коммуникативным инструментом этой самой революции. «Совпадение? Не думаю». Но с некоторыми важными революционными принципами верховный понтифик пока что не нашёл общего языка. Он уже занял фактически позицию евробюрократии в полемике вокруг искусственного интеллекта: жёстко контролировать, а то нами же созданное чудовище нас сожрёт. Об этом говорилось и в его первой официальной речи на коллегии кардиналов, и в последующем общении с журналистами. Перед нами — не факт, что папа римской так это бы описал, — типичное проявление так называемого синдрома Франкенштейна, который возник в эпоху Просвещения как реакция на отказ человечества от (гипотезы) Бога. И постепенное обретение (с)мутной уверенности, что не Бог создал человека, а ровно наоборот. Возомнив себя верховным разумом во Вселенной, человек вскоре охвачен был бессознательным страданием на тему: а не создам ли я сам какое-нибудь разумное существо, которое борзнет и выкинет меня, отняв престол мироздания, — точно так же, как я, такой офигительный, поступил со своим органическим Отцом, Богом? Одно из первых развёрнуто-достоверных описа-

ний этого синдрома — «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли, отсюда название. Все последующие истории про роботов-вершителей, всемогущих инопланетян (которые ведь тоже есть плод нашего человеческого воображения), планеты обезьян и т.п. — такая же соборная манифестация синдрома Франкенштейна. Исцеляется синдром одним-единственным способом — восстановлением в себе религиозного сознания. Которое даёт нам осмыслить, что: Человек, потому что и поскольку он создан Богом, — эксклюзивный субъект; он наделён особой интуицией для коммуникации с Создателем; такая интуиция — канал и механизм доступа к глобальному резервуару знаний, сформированному ещё до начала времени, а стало быть — и человеческого познания. Потому никакой субъект, даже самый разумный, если его придумал человек (а не Бог), не может оказаться сильнее человека и отобрать его уникальное место в мироздании; но только при одном условии: естественный человек находится в альянсе с Создателем и признаёт его всемогущество. Разумеется, если человек будет настаивать, что его — а не Божественный — разум есть наивысший во Вселенной, то он может быть подчинен ИИ просто в порядке наказания; путь к предотвращению которого понятен, см. выше. Кому же как не верховному понтифику донести до многомиллиардной паствы, актуальной и потенциальной, эту мысль! И тогда станет ясно, что ИИ — несмотря на все ответвления и флуктуации его развития — играет в судьбе человечества фундаментально позитивную роль. Поскольку он: избавляет человека от бремени обязательного технического труда, освобождая огромное пространство для людского творчества; культивирует смирение, напоминая, что человеческий разум — не самый главный. Без смирения же, как известно-понятно, не бывает истинного могущества. Доля папы Льва XIV как лакмусовой бумажки Высшего Замысла — проста на уровне постановки задачи, но весьма сложна в практическом измерении/воплощении. Ему потребуется не

только неотомизм для синтезирования с августинианством, но и постоянная технология воспроизводства внутренней энергии — неутомизм. Есть шанс(ы), папа, с учётом его амбиций, талантов дипломата и примирителя, совладеет с роковыми вызовами периода Смены Эпох. Правда, всё зависит от того, нужна ли Господу в мире в новую Эпоху Римская католическая церковь. Или она слишком устарела, чтобы ждать от неё программного водительства в будущее. Вот и посмотрим. Свято место пусто не бывает» (<https://gorby.media/articles/2025/07/31/ivinaia-dolia>).

...В связи с *courbettes* папика Франциска (кой был культур-марксистом, не забудем), нами было высказано «Несколько мыслей о Латинстве», кои небезполезно повторить здесь, уже в «контексте» понтификата Льва: Отношения Православия и Католицизма не лишены некоей «неопределённости»... Вроде бы «латинство» се «ересь», и существуют суждения довольно многих авторитетных мужей с «православной» стороны о еретичестве «латины». Но, вместе с тем: никаким Вселенским Собором «латинство» не было осуждено, Апостольское преемство в Католичестве несомненно, действительность Таинств и Рукоположений, ежели исходить из «практики чиноприёма в Православие от латинян приходящих», позволяет, скажем так, делать «разные выводы»... «Филиокве»? – но се скорее вопрос «лингвистический» (связанный с разницей «богословского языка» Востока и Запада, коя стала проявляться буквально с первых веков Христианства), нежели «догматический»... Более серьёзный аргумент – «папизм», но учитывая, что в «Православном мире» давно существует свой, «восточный папизм» (днесь, в «исполнении», скажем, гражданина «патриарха» Гундяева в России принимающий вовсе уж омерзительные «виды», на фоне сего «*anus-a*» любой с самой сомнительной репутацией Римский папа выглядит «*agnus-om*!»), данный аргумент использовать становится не больно

то «прилично-с»... Мы бы предложили взглянуть на сей вопрос с несколько иной «точки зрения». С точки зрения Европы. Католицизм, так как он «исторически сложился» - есть Религия Средневековой Европы. С сим связаны и его необычайно привлекательные черты, и его современные «недуги», органически связанные с «недугами» самой Европы. Обаяние Католичества для Русского сердца и ума – се обаяние «второй Родины»-Европы (Достоевский). Стоит обратиться, в рамках «нашей темы», к размышлениям К.Н.Леонтьева. Сего мыслителя частенько причисляют к «поздним славянофилам», но (и помимо того, что сам термин «славянофильство» грешит неточностью) Леонтьева с куда большим основанием следовало бы считать «Русским Европейцем». «Славян» К.Н., мягко говоря, недолго любил, да и к Русским оносился зело «критически», а вот Европу (Традиционную Европу, не современную!) и любил, и ценил... Сделаем выписку из работы Н.Дамьё «К.Леонтьев и классическое славянофильство»; там содержатся некоторые важные суждения по «нашей теме»: «Леонтьев считал, что предпосылки гибели Европы возникли из условий формирования её цивилизации, которая «сложилась из византийского христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии (к которой не раз прибегала Европа для освежения) и из римских муниципальных начал. Борьба этих четырёх начал продолжается и ныне на Западе. Муниципальное начало, городское (буржуазия), с прошлого века победило и исказило (или, если хотите, просто изменило) характер и христианства, и германского индивидуализма, и кесаризма Римского, и эллинских, как художественных, так и философских преданий» («Восток, Россия и славянство». М., 1885). Леонтьев любил средневековую Европу, рыцарские турниры, замки, иерархический строй и придворный церемониал. Но, отдавая должное европейской духовной культуре и былым социально-политическим институтам, он всё же никак не мог принять однотипность

черт индустриальной цивилизации, подчиняющей жизнь соображениям практической пользы, вытесняющих национальные особенности различных стран Европы. Он никак не мог примириться с тем, что великая некогда европейская культура, чьё духовное наследие «вечно и до того богато, до того высоко, что история ещё ничего не представляла подобного», стала апофеозом царства обыденности, утилитарности и прагматизма. И в этом царстве потонуло всё неординарное, яркое и героическое; его идеалом стали мещанская умеренность и сытость. А буржуазность как культ денег, «золотого тельца» и стабильность делового преуспеяния, поглотила блеск и благородство некогда великолепной аристократии. В результате в этом обществе отныне и навсегда понизился уровень героического сознания. Серый средний человек, находящийся в большинстве, сумел навязать свою серость всему обществу. Европа сделалась космополитической, однообразно безнациональной, с господством одних и тех же мод, вкусов, производств и политических структур» (см.: «Кентавр. Историко-политологический журнал», №1'1994). Современной РФ, натужно и лицемерно декларирующей свою приверженность «традиционным ценностям» (коих «по факту» нет), решительно нечем «гордиться» пред современной Европой, коя имеет хотя бы то «преимущество», что в отрицании Традиции «не лицемерит». Поучительно взглянуть на трёх последних Римских понтификов... Папа Войтыла стяжал сомнительную «славу» тем, что ввёл категорию «покаяния-от-имени-Церкви» за всё то, что не одобряет «религия политкорректности». Хотя «покаяние Церкви» (именно Церкви *in toto*, а не отдельного Ея «члена») есть экклезиологический абсурд (ибо Церковь есть «Тело Христово» с Главою-Христом, Кому ничто морально-неприемлемое не может быть вменено «в вину»), папа Войтыла с энтузиастом закоренелого мазохиста демон-стрировал это «покаяние» с прямо таки «стахановскими» показателями. Некий Луиджи Аккатоли,

журналюга-итальяшка, избравший своей специализацией «комплекс вины» папы Войтылы, провёл подсчёты мазохистских деяний оного. По его подсчётам, к концу «понтификата» Войтыла «просил прощения» сорок раз за «грехи и ошибки» Церкви: за осуждение Галилея, за жидов и муслимов, за Гуса и Лютера, за индейцев, за Инквизицию, за расизм, колониализм, особенно за «дискриминацию» ниггеров и т.п. нелепообразные «грехи». (Подробнее можно посмотреть в анти-житии Войтылы, кое для всякого не утерявшего здравый разум доброго Христианина, выглядит как что то среднее меж учебниками демонологии и психопатологии: Эдвард Стоуртон. Иван-Павел II. Человек-история. М., 2007). Папа Рацингер, сменивший на Римской кафедре маразматика-мазохиста Войтылу, был весьма достойный и благоразсудительный муж... Одно то, что он в юности был НС, делает ему изрядную честь... Но, видимо, осознав, насколько «сгнило» всё в Ватикане, он свершает довольно беспрецедентный шаг в истории Папства: добровольно «уходит в отставку». Папик Франциск, сменивший Папу Рацингера, троцкист из Латинской Америки, хотя и номинально «белый», но душонка его (по знаменитому каннибальскому изречению) «чёрная» как кожа ниггера... При нём Католицизм всё менее и менее становится Религией Европы... И здания готических соборов, в коих пред разной черномазой мразью, покуривающей «план путена», будут кривляться разные «тов. бергольи», имитируя «мессу» (а такой эпизод у папика Франциска был), эти здания ежели и будут иметь отношение к Европе, то только как некое «надгробие» над былой Белой Европой... Впрочем, современному Православию (также как РФ пред ЕС) нечем «хвалиться» пред современным Католичеством... Христианство ныне – очевидным образом «умирающая религия», и «оживить» его может лишь переосмысление Христианского Благовестия в радикально-расовом ключе. Необходимо перестать верить в чудо (которого всё равно не произойдёт, если Бог не увидит

прилагаемые нами волю и усилия) и взглянуть в мрачную правду современности — Христианство в его современном состоянии обречено на исчезновение. Оно больше не отвечает на запросы современности, для него вполне нормальна логика рассуждений, что если арабов и негров мигрантов научить христианской духовности, то не страшно и распрощаться с белыми европейцами. В своей самоуверенности Церковь ослепла и перестала встречаться с живой реальностью, творимой по Божьей Воле. Она в упор не видит элементарнейшего исторического факта — только Белая раса является глубинным носителем Христианской Веры. Исчезнет Белая раса — исчезнет Христианство, вернётся в подпольное состояние как в стародавние римские времена (хотя некоторые этого даже с упоением ждут, будучи абсолютно уверенными, что смогут перенести мученичество за Христа — позвольте считать это завуалированным желанием самоубийства) и вряд ли уже будет иметь шансы пережить новый 313 год. У современного Христианства есть один и очень простой выбор: стать расовой религией (какой Оно и является в своей глубинной сути), дать мощнейший толчок Возрождению Веры через связание намертво Расы с Религией, возглавить со знаменем Спаса борьбу против разлагающего влияния других рас (как некогда московский князь Димитрий Иванович на Поле Куликовом, Поле Расовой Битвы) и пережить новый 313 год, новый расцвет духовности и христианской философии, раскрывающей великую мистерию Плоты Белого Богочеловека или быть уничтоженной в ближайшее столетие. И раз Христос сказал “На сем камне созижду Церковь Свою и врата ада не одолеют её”, то победа первого пути абсолютно неизбежна и мы продолжим бороться за победу этого пути, сколь одиноки бы мы ни были и сколь не велики были бы наши враги, “ибо всё могу в укрепляющем меня Иисусе Христе”. Как говорил ариохристианский мыслитель д-р К.-Г. Юнг: «Не всё то, что похоронено, является мёртвым»... Чаем, что и Расовое Хри-

стианство, по воле Божией, возстанет из своего «мнимого гроба», возстанет «на страх врагам и на славу нам»...

Конечно, вышесказанным «задана» весьма «высокая планка», и, откровенно говоря, мало оснований полагать, что новоизбранный Папа Лев XIV сможет ежели не «одолеть», то хотя бы «приблизиться» к одной. Вдохнув в параличное современное Христианство «дух жизни», «дух расы»... Некое «чаяние паче чаяния» внушает лишь имя – ЛЕВ. Выбор имени есть «свободный выбор» нового Папы, а сие имя – и многозначимо, и многообязывающе. В частности, касаясь «вдыхания духа»: животные в средневековых Бестиариях часто описывались не столько с чисто биологической точки зрения, сколько с богословско-дидактической. Яркий пример — это т.н. «Физиолог». Эта дидактическая энциклопедия была составлена в II-III вв. в Александрии в христианской среде. В Средние века «Физиолог» пользовался большой популярностью по всему Средиземноморью. Вот пример такого текста, в данном случае как раз про львов: «Когда львица рождает львёнка, то рождает его мёртвым и сторожит детёныша, пока на третий день не придёт отец, не дохнет ему в лицо и не воскресит его. Так и наш Бог Вседержитель, всеобщий Отец, на третий день воскресил Своего первенца...Исуса Христа, чтобы спасти заблудший род человеческий»... Как показано выше, имя «Лев» играло в «истории Папства» особливую роль. Носитель сего имени под номером «13», непосредственный «*antecessor de nomine*» **сегодняшнего «Льва», отметил**ся безкомпромиссной борьбой с масонерией, попыткой вырвать у социалистов знамя «социальной справедливости» и предложить некое прообразование «фашистского», Третьего Пути помимо капитализма и коммунизма *etc.* **Примечательно**, что количество энциклик, изданных Львом XIII за свой долгий понтификат, было 88 (!). Некто «Виктор Куковенко», описывая борьбу Льва XIII с масонерией, **считает возможным**, даже постулировать, что сим Папою был провозглашён

«Крестовый Поход» (провозглашён, 20 апреля!) супротив жидо-масонов, кой доселе «никто не отменял». Впрочем, имеет смысл привести данный небольшой текст целиком:

Владимир Куковенко
Папа Лев XIII и масоны

...20 апреля 1884 года, папа Лев XIII обнарудовал энциклику «Род людской», в которой он осудил масонство и призвал к борьбе с ним. Начавшаяся в начале XVIII века борьба римского престола и мирового масонства усиливалась год от года и в конце XIX в. приняла характер ожесточённого противостояния. Принципы масонской деятельности были признаны губительными для человеческих душ и откровенно враждебными для церкви и государственного устройства. Папа Пий IX в публичной речи, произнесённой им в 1865 г. заявил, что все войны, восстания и смуты, потрясшие в последнее столетие Европу и причинившие огромный вред церкви — дело рук масонов. В апостольском послании 1873 г. он писал: «Всякий, кто знаком с духом этой секты (масонской), под какими бы наименованиями она не скрывалась, не должен сомневаться в том, что нынешние тяжкие для церкви времена обусловлены злостной деятельностью этой секты. Это ничто иное, как синагога Сатаны». Масонство им было названо «скопищем еретиков и сатанистов». Во Франции в поддержку этого папского заявления было организовано антимасонское братство. Возможно, что восстание Гарибальди, захват им Рима в 1870 г. и лишение папы светской власти было ответом масонов в этом непримиримом конфликте. В 1875 г. Пий IX выпустил бреве, короткое послание с обвинением в адрес масонов. Лев XIII (Папа Римский с 20 февраля 1878 до 20 июля 1903 года) в апреле 1884 г. обнарудовал знаменитую энциклику «*Humani generis*» — «Род человеческий», озаглавленную «Осуждение философского релятивизма и морали масонства», в которой говорилось, что борьба Царства Божьего на земле и царства Сатаны продолжается с неослабевающей яростью. Воплощением царства Сатаны является

масонство. Далее говорилось о духе ненависти и мести Богу, которым пропитан Сатана и который находит свое воплощение в деяниях масонов, и высказывались опасения о судьбе тех государств, где масоны укрепились. В энциклике отмечено, что в современную эпоху масонство «распространилось с невероятной быстротой; и, проложив себе дерзостью и обманом путь во все гражданские сферы, обрело такую силу, будто оно властвует над государствами». Лев XIII определяет главную цель масонов следующим образом: «Разрушить до основания весь религиозный и общественный порядок, созданный христианством, и создать свой порядок, придав ему имя и основание натурализма». Подтверждая суждения своих предшественников, Папа Лев XIII пишет: «Кому дорого католическое вероисповедание и собственное спасение, пусть не питает иллюзию, что может со спокойной совестью записаться, по какой бы то ни было причине, в масонскую секту. Никто пусть не обманывается показной порядочностью: ибо некоторым может показаться, будто масоны не навязывают ничего, что противоречило бы вере и нравственности. Но поскольку сама цель и натура подобных сект является по сути своей коварной, - недопустимо ни упоминать о них, ни действовать им каким бы то ни было образом». Стоит напомнить, что через десять лет после этой энциклики папа объявил Крестовый поход против масонства. Продолжается ли он до сих пор и кто его возглавляет - это остается одной из самых волнующих загадок нашего времени. Во всяком случае, этот крестовый поход не отменен папскими эдиктами (<https://kukovenko.ru/primechatelnye-daty/papa-lev-xiii-i-masonry>).

Богоборческий советский Коммунизм (захвативший в свои кровавые лапы на какой-то исторический момент пол-мира), был в некоей мере «плодом» той жидо-масонской подрывной работы, коей отмечена «окультурная история» XIX в., и «Крестовый поход» коей объявил Папа Лев XIII. Некий католик-традиционалист назвал борьбу Церкви и Коммунизма в XX

столетии – «Столетней войной». Его суждения на сей счёт также заслуживают нашего внимания:

Брайан Краник (Brian Kranick)

Столетняя война: Церковь и коммунизм

Последние сто лет - с 1917 по 2017 гг. - в сжатой форме осуществили в себе протоевангелие, в котором Бог сказал змию: «вражду положу между тобою и между женою». Эта столетняя война обозначила самый отчётливо выраженный период сей вражды. Её началом стал год 1917-й, когда произошло - вероятно ли такое совпадение? - сразу два события: фатимское откровение Богородицы и русская революция, поворот к безбожному коммунизму. За прошедшее столетие мистическое тело антихриста приобрело, пожалуй, самый готескный свой облик в виде атеистического материализма, воплощённого в социалистических и коммунистических режимах по всему свету. Змий сделался левиафаном. Накануне «Октябрьской революции», в июле 1917 года, Мария в Фатиме предупредила, что Россия «распространит свои ошибки по всему миру, вызывая войны и гонения на Церковь». Всё остальное, как нам ведомо, - история. В месяц и год 100-летия Октябрьской революции уместно вспомнить “сатанинский бич” (как назвал его Пий XI), обрушившийся на мир кознями социализма и коммунизма. Особенную важность придает этому то, что западные культурные элиты и их приверженцы давно уже пытаются приуменьшить пагубные черты марксизма: так, недавно “Нью-Йорк Таймс” разразилась, по выражению онлайн-журнала “Федералист”, “чередой милых ностальгических воспоминаний о добрых славных днях коммунизма XX века”. Возможно, сейчас самое время вспомнить, как весело было жить в “красном веке”, почитав на ночь что-нибудь вроде “Чёрной книги коммунизма” или солженицынского “Архипелага ГУЛАГ”. Или лучше выбрать что-нибудь духоподъёмное, на тему “большого скачка” и “культурной революции” Мао Цзэдуна? М-м! Или взять ведёрко поп-корна и посмотреть легкий развлекательный фильм вро-

де “Полей смерти” (о геноциде, устроенном в Камбодже красными кхмерами. - Прим. пер.) Ну хорошо, говорит кто-то, а как же социализм XXI века? А вы взгляните на заголовки репортажей из Венесуэлы. Ещё недавно это была процветающая, богатая нефтью страна - социалистический рай! Теперь, спустя 18 лет марксистского правления Чавеса-Мадуро, это социалистический ад. Многим там приходится голодать (на этом коммунисты специализируются), доходит до того, что люди похищают и съедают животных из зоопарка - особенным деликатесом считаются ошейниковый пекари и буйвол. Увы, это не отклонение в ходе социалистического эксперимента, а нормальный результат. Хотя, пожалуй, мясо зоопарковских животных повкусней, чем диета из травы и древесной коры, на которой живут в государстве-тюрьме КНДР. Голые факты показывают, что демагоги-коммунисты погубили до 140 миллионов человек (эту цифру приводит в “Неполиткорректном путеводителе по коммунизму” д-р Пол Кенгор). От Ленина - до Сталина, до Мао, до Пол Пота, до Чавеса, до Че Гевары и Фиделя. Этот список можно долго продолжать. В конце концов, ведь Ленин говорил, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца. 140 миллионов разбитых яиц - вот это изрядная вышла яичница! Что же до Церкви, обмануть её мошенническими фокусами социализма и коммунизма никогда не удавалось. С самого начала энциклика за энцикликой обрушивалась на ложную идеологию Маркса и Гегеля. Да и в самом Катехизисе всё сказано: “Церковь отвергла атеистические и тоталитарные идеологии, в наше время ассоциирующиеся с “коммунизмом” или “социализмом” (ККЦ, 2425). Но если Катехизис краток, папские энциклики богаты подробностями и изобилуют осуждениями. В 1846 г. Папа Пий IX обнародовал документ “Qui pluribus” (“О вере и религии”), опередив тем самым Маркса, опубликовавшего “Манифест Коммунистической партии” только в 1848-м. Пий IX писал о “постыдном учении так называемого коммунизма”, “кое совершенно противоречит естественному закону и,

если будет когда-либо принято, полностью уничтожит права, собственность и имущество всех людей и само общество”. Он предупреждал о “темнейших умыслах людей в овечьих шкурах, под которыми скрываются алчные волки”. В 1878 г. Папа Лев XIII писал о зле социализма в “*Quod apostolici muneris*”. Свою энциклику он начал словами о “пагубной чуме, проникающей в кости человечества, лишь чтобы привести его к гибели”. Затем Папа Лев выделил “секту тех, кто называется различными, почти что варварскими именами - социалистами, коммунистами или нигилистами - и, распространившись по всему свету, будучи связаны между собой самыми тесными и порочными узами, уже не желают скрываться во тьме своих тайных собраний, а явно и уверенно выходят на свет, стремясь осуществить свой давний замысел - низвержение всяких основ гражданского общества”. Энциклика предупреждала также о том, что социалисты стремятся уничтожить брак и семью. Для социалистов не может быть высшей приверженности Богу или семье - лишь всемогущему Государству. Папа Лев утверждал, что “в силу непререкаемой власти естественного закона здравые основы этого общества покоятся прежде всего на неразрывном союзе мужчины и женщины”. Однако “социализму угодно [этот союз] почти что совершенно разорвать”. Тринадцать лет спустя, в 1891-м, Папа Лев XIII издал еще одну энциклику - о труде, капитале и рабочем классе, названную “*Regum novarum*” и ставшую основополагающим текстом для католического социального учения в современную эпоху. Лев писал: “Чтобы преодолеть это зло, социалисты, рассчитывая на зависть бедных к богатым, предлагают уничтожить частную собственность...” А это, объявляет Церковь, несправедливо: “подобные средства не согласуются с требованиями справедливости. Каждый человек имеет от природы право владеть собственностью, она ему принадлежит”. Социализм строится на зависти, нарушении девятой и десятой Заповедей.” *Regum novarum*” указывает на это: “Освящает [принцип частной

собственности] и власть закона божественного, твёрдо воспрещающего даже пожелать то, что тебе не принадлежит”. Лежит в основе социализма и ложная идея классовой борьбы. И эту ошибку опровергает Папа Лев: “Многие впадают в великое заблуждение, полагая, что один класс общества естественно враждебен другому; что сама природа велела богатым и бедным постоянно воевать друг с другом. Взгляд этот неразумен и ложен, истина прямо противоположна ему”. Как и в более ранних своих энцикликах, Папа Лев вновь защищает от нападок социализма институты семьи и брака: “семья... со своими правами и обязанностями, совершенно не зависими от государства”. “Поэтому тяжело и опасно заблуждается тот, кто думает, что гражданская власть должна по своему усмотрению ведать семейными делами и вмешиваться в частную жизнь”. В 1931 году Папа Пий XI отметил 40-летие “*Reverum novarum*” энцикликой “*Quadragesimo anno*” - “великой хартией” католического социального учительства. Папа Пий говорит прямо: “Мы провозглашаем: социализм, будь он рассматриваем как учение, или же как исторический факт, или же как “движение”... совершенно чужд христианской истине”. Далее Пий заявляет: Если социализм, подобно всем заблуждениям, и содержит некие толики истины, он всё же основывается на своём собственном учении о человеческом обществе, которое несовместимо с подлинным христианством. “Религиозный социализм”, “христианский социализм” - это внутренне противоречивые выражения: нельзя одновременно быть добрым католиком и настоящим социалистом”. Ну хорошо, а как же “социализм с человеческим лицом”? Пий и его отверг, причем довольно лаконично: “Мы вновь призвали коммунизм и социализм предстать перед судом и обнаружили, что даже и смягчённые их формы далеко отходят от евангельских наставлений”. Позднее то же повторит Папа Иоанн XXIII в своей энциклике 1961 г. “*Mater et magistra*”: “Верховный Предстоятель [Пий XI] утверждает, что мнения так называемых “коммунистов” и христиан ре-

шительно расходятся между собою. Также невозможно для католиков каким-либо образом принять учение “социалистов”, даже если их суждения кажутся более мягкими”. При всём при этом Пий требовал также, чтобы крайний “индивидуализм” и капитализм уважали человеческое достоинство рабочего, которого “нельзя покупать и продавать, словно товар”. Он указывал, что необходимо не перегибать палку, как того хотят социалисты, и не уничтожить всю систему свободного рынка, а помнить, что “первым и самым необходимым лекарством является реформа нравов”. Позиция Церкви всегда отличалась умеренностью и была направлена на защиту прав как нанимателя, так и наёмного работника путём возвращения к христианскому милосердию и заботе о ближнем. Папа Пий оставил нам самую жёсткую критику “коммунистической чумы”. Он описал её такими фразами, как: “неутихающая классовая борьба и полное уничтожение частной собственности”; “применение любых средств, даже самых жестоких”; “жестокость и безчеловечность”; “ужасная бойня и разрушение”; “открытая враждебность по отношению к Святой Церкви и Самому Богу”; “нечестивая и недоброжелательная природа коммунизма”; “желание путем насилия и убийств разрушить само общество”; “проложить путь к низвержению и разрушению общества”. И это было ещё не всё. В 1937 году Пий XI выпустил ещё одну энциклику, “*Divini Redemptoris*”, о безбожном коммунизме. И вновь он не сдерживался в выражениях. Он призывал, чтобы “верующие не позволяли себя обманывать! Коммунизм дурен по самой своей сути, и никто из желающих сохранить христианскую цивилизацию не может сотрудничать с ним в каком бы то ни было предприятии”. “Это система, полная ошибок и софизмов”. Энциклика была прямо направлена против непосредственной угрозы, какую представлял собой “большевистский и безбожный коммунизм, цель которого - разрушить общественный порядок и подорвать самые основы христианской цивилизации”. Коммунизм особенно коварен, поскольку “от-

нимает у человеческой личности все её достоинство”. “Не признаются никакие права индивидуума по отношению к коллективу”. А в этом коллективе “все формы частной собственности должны быть отменены”. Коллектив властвует также и над браком и семьёй. “Не существует брачных уз... не подлежащих воле человека или коллектива”. Вспомните о разводах “с уведомлением по почте”. Распространению коммунизма способствовала “дьявольская пропаганда” “сынов тьмы” и “заговор молчания” со стороны не католической печати, отчасти порождённый “разнообразными оккультными силами, давно трудящимися над низвержением Христианского Мирового порядка”. Знакомая ситуация. В 1991 г. Папа Иоанн Павел II издал к 100-летию “*Rerum novarum*” энциклику “*Centesimus annus*”. В ней вновь было повторено католическое учение о том, что коренная проблема современного тоталитаризма - это отрицание трансцендентного достоинства человеческой личности. “Отдельный человек для него [социализма] - просто частица, молекула социального организма, так что благо индивидуума полностью подчинено работе социально-экономической машины”. У милитаризма и марксистской классовой борьбы “один источник: атеизм и небрежение человеческой личностью, которые ставят принцип силы выше разума и права”. Как мудро заметил епископ Фултон Шин, “коммунизм пытается добиться невозможного: человеческого братства без Божия отцовства”. Джордж Оруэлл, хорошо знавший эту социалистическую обманку, использовал в “Скотном дворе” известную мантру: “Все животные равны”. А дальше по ходу сюжета свиньи провозглашают: “некоторые более равны, чем другие”. И так становится понятно, кто они такие на самом деле. Это - оруэлловское партийное двоемыслие. Как-то страшновато напоминают мыслепреступления и полиция мыслей из “1984” нынешнюю атмосферу политкорректности в американских университетах и европейских правительствах. Пусть пала берлинская стена и распущен СССР - культурный марксизм силён, как никогда. Левый прогрессивный авангард - идеологические наследни-

ки социалистов и коммунистов XX века. Они продолжают революцию, неся в мир “ошибки России” - нападая на частную собственность, свободный рынок, личную свободу и свободу слова, традиционный брак и семью, свободу совести и свободу религии. Быть может, сейчас не существует “империи Зла”, единого тоталитарного государства, но тоталитарное состояние умов - существует и властвует в СМИ и в нашей образовательной, управленческой и юридической системах. Большой Брат никуда не делся. Но всё же у нас есть надежда. Церковь одержала верх над советским коммунизмом. Христос же дал нам блаженное обетование о том, что врата ада не одолеют её. В страшные дни 1917 года, в разгар Первой мировой войны, когда уже готовы были сорваться с цепи злые силы безбожного коммунизма, Дева Мария обещала: “В конце концов моё Непорочное Сердце восторжествует”. Да, левиафан продолжает бесноваться, но голова его уже сокрушена (Первая публикация: Crisis, 16 октября 2017 г. // <https://crisismagazine.com/>).

Применительно к состоянию современного мира паки можно повторить: борьба Царства Божьего на земле и царства Сатаны продолжается с неослабевающей яростью. Воплощением царства Сатаны является одержимое советским реваншизмом «государство» РФ, официально числящее себя «правопреемником» коммунистической сатанократии СССР. Сей «левиафан», хоть и получил основательный удар «в голову» в «святые (именно поэтому «святые») 90-е», но продолжает бесноваться. Конечно, «ось Зла» в современном мире не ограничивается РФ. Первая «роль» в ней принадлежит Китайскому Дракону, ещё одному детищу и наследнику советской сатанократии. Но в силу близости к Европе и в силу крайней агрессивности в адрес ближайших соседей неосоветского левиафана-РФ, окончательный coup de grâce именно ему – есть неотменимая обязанность тех, кто дерзает претендовать на миссию «предстоятелей» Белого Христианского Мира... «По силам» ли сия «задача» нынешнему Римскому

Понтифику? – однозначного ответа у нас нет, но надлежит памятовать, что «Лев» - имя воинственное... И как верно отметил вышепротитированный нами Вл. Куковенко: «Римский лев «прыгнул» в XIX в., объявив Крестовый поход супротив «окультурных сил, давно трудящихся над низвержением Христианского Мiропорядка». Продолжается ли он до сих пор и кто его возглавляет - это остаётся одной из самых волнующих загадок нашего времени. Во всяком случае, этот Крестовый поход никем не отменён»... Всяко, Римскому Льву надобно приуготовляться к новому прыжку... В противном случае, его ждёт участь «одряхлевшего Льва», довольно ярко живописанная в стихе, написанном в ГУЛАГе в 1955 г., когда советская сатанократия была на пике своего «могущества», а силы «Царства Божиего» потерпели в 1945 г. одно из самых сокрушительных своих поражений: «Беззубый одряхлевший лев / В себе свой замыкает гнев, / Как сам он замкнут много дней / Среди чужих ему зверей. / Железная научит сеть / Безмолвно все перетерпеть» (Анна Баркова).

Лев (Запад) против дракона (Восток). Александр Македонский (слева) под флагом с короной и с красным щитом, на котором нарисован серебряный восстающий лев, сражается с персами. Над их войском реет красно-зеленый флаг с золотым драконом, а вдали у одного из воинов на красном щите (в нарушение геральдических правил сочетания цветов) нарисован чёрный дракон.

С XIII в. гербы стали активно использовать в различных аллегорических сюжетах, в которых силы света противостояли силам тьмы. Борьбу пороков и добродетелей за душу человека издавна описывали и изображали как настоящую битву – «психомахию». Теперь же к старым воинским метафорам (мечам, копьям, шлемам) прибавились и аллегорические гербы.

Роман об Александре Великом (фрагмент сборника поэм и романов Talbot Shrewsbury Book). Руан. 1444–1445 гг.

CONTRO IL MONDO MODERNO

«Человек особого типа не может чувствовать себя частью современного общества, поскольку оно лишено какой бы то ни было формы, поскольку оно не просто опустилось до уровня чисто материальных экономических и физических ценностей, но даже не желает замечать существование иных уровней» (Юлиус Эвола).

История не удалась. В истории нет прогресса. Будущее не лучше прошлого. В прошлом было больше красоты. Культура после периода своего цветения понижается в своём качественном уровне. Воля к святости, воля к гениальности угасает и торжествует воля к могуществу жизни, устройению жизни и благополучию жизни. Высшие подъёмы духовности принадлежат былым эпохам. Дух идет на убыль и время убывли духа есть время торжества буржуа. Образы рыцаря и монаха, философа и поэта замещаются новым образом «буржуа», исполненным жаждой могущества над миром. Завоевателя. Организатора и торговца. Центр жизни перемещается. Нарушается органический иерархический строй жизни. Центр жизни переносится на периферию. Таково время машинной индустриально-капиталистической цивилизации Европы и Америки. В ней погибает духовная культура старой Европы с её священной символикой и священным преданием.

Что такое современность? Паразит, который живёт в теле античности, средневековья и христианства. Что принесла нам современность, кроме разрушения прошлого, ненависти к нашей истории и отрицания себя? Уничтожение правды, красоты и добра. Чем мы ей обязаны? Абсолютно ничем, кроме гнева и печали, которое рождается, когда видишь великую цивилизацию в полном разложении. Ничто из того, что создало красоту наших городов, прочность наших домов, величественность наших церквей и замков, не связано

с современностью. Ничто из того, что создало богатство и глубину нашего языка, качество нашей литературы, логику нашей философии, красоту нашего искусства, деликатность наших блюд, превосходство наших вин, не является фактами современности. Ничто из того, что создало силу и превосходство наших армий, мужество и верность наших солдат не происходит из современности: ни интеллект наших учёных, ни образование наших детей, ни красота и изящество наших женщин, не являются продуктом современности. Ничто из того, что создало мудрость наших священников и величие наших царей, не есть плоды современности. Я ненавижу современных людей, ненавижу современные здания, ненавижу современный язык, ненавижу современную философию, ненавижу современную экономику, ненавижу современную политику, ненавижу современное сельское хозяйство, ненавижу модернистскую религию, я ненавижу современный юмор, ненавижу современную гастрономию, ненавижу образование и современную культуру, ненавижу современное искусство, ненавижу женщин и современную семью. Я проклинаю этот современный мир, я желаю ему лишь адского пламени и божественного наказания.

«Как некоторые могут догадаться, мне не хватает Норвегии. Не сегодняшней. И не той, в которой я вырос. Мне не хватает той Норвегии, которая было задолго до моего рождения. Как мне может не хватать того, о чём я не знаю? Ну, почему это я не знаю ничего о Древней Норвегии? Я был там, память находится в моей крови и в моём духе. Тысячи лет мои предки были Скандинавами. Да, мне не хватает Древней Дании, как и Древней Швеции. Я был и там. Мои предки не только норвежцы, а ещё и датчане со шведами. Скандинавия (*Skanþin-awjo; «Земля Скади у моря») – моя Родина, моё гнездо, моя надежда, моя любовь и гордость. Надеюсь, и моя могила. Скандинавия и Европа, частью которой она является, становятся единственной мотивацией

моих словесных атак интернационализма и развращённых интернационалистов. Я никого не ненавижу. Я только люблю своё. Если я когда-либо был агрессивным, невежливым, безжалостным и, возможно, даже жестоким, вы теперь знаете, почему я таким был. Не держите на меня зла, я сражаюсь за корни дерева, которое питает меня и заставляет жить» (Varg Vikernes, «Тоска»).

...А некие от нас могут добавить: *нам не хватает Руси...* Руси былинной, святой, нордической...

Нордический человек испытывает самое сильное чувство бытия в борьбе и победе. Его - образец герой, который, не заботясь о собственной жизни, преобразует мир своими действиями. И для нордического человека и Бог это вождь в битве за господство над миром, которому он готов отдать своё неустранимое могущество, свои превосходные физические и духовные качества.

И когда тягу нордических народов к действию Христианство направило на новые пути, в готических соборах, и в их борьбе с инертной массой и целеустремленностью их строения, возник новый символ нордического понимания божественного. Подтверждением их символического характера служит то, что изваяния святых сопровождают устремлённые вверх архитектурные детали, тогда как демонические существа располагаются как стоящие у них на пути горизонтальные элементы. Но готический собор - это одновременно и символ своеобразного переживания, которое находит соответствующее выражение в вере, так как нордическая вера это пафос действия, это устремление к Богу, борьба за Бога и победа в Боге. Религиозное настроение христианского рыцаря Альбрехт Дюрер мастерски показал нам на своей гравюре «Рыцарь, Смерть и Дьявол»: рыцарь, вооружённый своей верой, не боится ни смерти, ни дьявола, а спокойно пробивает себе путь через все препятствия и опасности, путь, ведущий его к намеченной цели.

Нордическому человеку противостоит мир, а в этом мире - действующая на него извне сила: судьба. Подобно тому, как его мир никогда не является для него чем-то готовым, а постоянно преобразуется его волей, так и Судьба для него это призыв извне, на который он должен дать ответ. И Судьбу он тоже хочет изменить. Нордическая воля к Судьбе глубоко отлична от восточного фатализма. Восточный человек склоняется перед Судьбой, нордический радостно сражается с ней и, даже погибая, любит её. Нордическая душа умеет любить острием меча: герои Валгаллы постоянно ссорятся, но они не ненавидят друг друга, они целуются мечами.

Призыв, звучащий извне, это для нордической души лишь одна сторона Судьбы: он должен быть дополнен внутренним ответом. Всё внешнее только случайность, лишь действие делает её Судьбой. Одно и то же событие может иметь разное значение для двух людей, психика которых подчиняется разным законам. И этот закон становится внутренней судьбой. Внешние обстоятельства меняются, закон - никогда. Часто человек, если его мир разрушен и его предали все друзья, впадает в отчаяние. Нордическая душа иначе реагирует на такие события: она может сражаться и утратив надежду и чувствует, что такая безнадежная битва вершина её героизма и её свободы; сражаться с надеждой может и раб. Для нордической души Судьба это не внешние события, а то, как она на них реагирует.

Нордический человек смело смотрит Судьбе в глаза и отвечает её, какой бы она ни была. Это самый свободный из всех людей: он любит общество, но не нуждается в нём. Из сознания свободы рождается нордический задор. Только одинокий человек, который смело смотрит своей Судьбе в глаза, может расточать себя. Свою волю к власти он обращает против самого себя и для забавы вступает в схватку с Судьбой: она может уничтожить его тело, но не может поколебать его душу.

«Именно так измеряется сила: знать, как нести свою жизнь через мир, где нет более ни смысла, ни истины, ни цели, ни закона, ни справедливости, ни причинности, - и при этом не утратить саму волю к жизни» (Юлиус Эвола, «Теория абсолютного индивида», 1927).

***P.S.:** Сей текст не есть наш «авторский»; се – сплотка цитат из Ю.Эволы, Г.Гюнтера, Л.-Ф.Клаусса, Н.Бердяева и В.Викернеса. Но поелику мы соглашаемся и «подписуемся» под сказанным, мы делаем его – **своим**.*

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

«Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променил весёлую свободу
На священный долгожданный бой.

.....
Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.»

(Николай Гумилёв)

В массовом сознании (к прискорбию – и в «православном» массовом сознании) прочно вкоренилось представление о «крестовых походах» только лишь как о эпизоде из истории латинства; или же (в случае опять же «православной» ревности не по разуму) как о специфическом порождении латинства, причём таком порождении, которое заведомо трактуется как нечто неприглядное и порочащее латинский Запад. Нет-нет да и находятся православствующие «зилоты», готовые попрекать латинство то инквизицией, то крестовыми походами, – то есть тем, что в католицизме как раз таки не является принадлежащим собственно ему, но унаследовано им от Древней Церкви. О таких «ревнителях» должно сказать вслед Апостолу: *«свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму» (Рим. 10,2)*. Право же, у латинства вполне хватает своих собственных грехов, чтобы ставить ему в вину те явления, кои, быть может, отпавшей

от Вселенского Православия церкви Запада послужат некоторым оправданием на Страшном Судище Христовом.

Надобно заметить, что все подобные «пункты обвинения» в отношении латинства в среде «православных» возникли относительно недавно. Достоподлинные православные древле безо всяких колебаний ведали – всякий именующий себя «христианином» есть уже тем самым и *крестоносец*; что крестоносный подвиг не есть «монополия» одного латинства. Но и к латинянам, взявшим ратный Крест Христов, отношение на православном Востоке разительно отличалось от привычного нам ныне «зилотского» обличительства. Так, например, древнерусский летописец XII в. “немцев-католиков, ходивших в Третий Крестовый поход биться за гроб Господен, не усомнился признать *«святыми мучениками, проливавшими кровь свою за Христа»*» (В.Ключевский) (*). Более того, в России в Воскресенском соборе воздвигнутого в XVII в. патр. Никоном Ново-Иерусалимского монастыря (являющемся точной копией Храма Святаго Гроба Господня в “старом” Иерусалиме) находятся, среди прочего, *символические гробницы* «латинских» королей основанного крестоносцами в 1100 г. Иерусалимского королевства – Готфрида Бульонского и Балдуина I. XVII век, напомним, это век достаточно большой “закрытости” Московской Руси, главным образом, естественно, закрытости от еретического Запада. Тем более полезно вчитаться в подробные эпитафии сим двум христианским государям дабы увидеть, что крестоносные идеалы были по-прежнему близки насельникам Святой Руси. Эпитафии сии на русский язык были переложены знаменитым келарем Троице-Сергиева монастыря – иеромонахом Арсением Сухановым, составившим так называемый “Проскинитарий” (“Поклонник Святых мест”). Оный труд (содержащий подробное, с обмерами, описание храма Гроба Господня в Иерусалиме) послужил руководством при сооружении Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском монастыре.

Итак, пред нами описание Воскресенского собора: “На плите справа от портала Предтеченской церкви читаем: “на сем месте тамо гроб, о нем же пишет ещё: Царь Болдвинов был второй Иуда Маккавеос, надежда и упование Отечеству, крепость церковная, красота Церкви и Отечеству. Его же вси боялись и вси дань давали: государь Египетский, мучитель Дамаску. Ох, увы мне. В том малом трилокутном гробе затворен есть”. Слева от портала находилась плита со второй эпитафией. Вот её текст: “Зде лежит славный Годифредус Булион, иже ту всю землю взял для веры, и душу его Бог покоит в мире. Аминь””.

Но оставим в стороне латинство как таковое, поскольку хорошо известно, что ему не удалось соблюсти идею Крестового похода в достодолжной чистоте. Идея сия была в конечном итоге извращена, подобно тому как было извращено латинством множество унаследованных им от древности (от времён когда первый Рим был православным) церковных установлений. Мы, собственно, и начали разговор о крестовосцах Запада вовсе не для “реабилитации” папства, но для того, чтобы напомнить: извращённое воплощение какой-либо обладающей традиционной легитимностью Идеи ни в малой мере не может послужить предлогом к дискредитации, а тем паче к отвержению самой Идеи. Определившись в этом, следует обратить взор к священной Русской истории, коей идея Крестового похода не только не чужда, но и получила в ней едва-ли не наиболее безпримесно-чистое своё воплощение.

Примеры сего можно было бы множить и множить, но мы ограничимся лишь двумя, заимствовав их из летописаний двух царствований, явивших (каждое на свой лад, но в предустановленной гармонии меж собой) так сказать “апофеозис” Единодержавия на Руси. Эти царствования – благоверных царей: Иоанна IV Васильевича Грозного и Петра I Алексеевича Великого (**).

Известный церковный историк XIX в. граф Мих. Толстой, при описании покорения Грозным Царём Казанского ханства,

не обинуясь прилагает к “казанскому взятию” самое понятие “крестовый поход”. Он пишет: «В последний раз взволновалась Казань и возбудила гнев Иоанна. Сильные приготовления воинские предшествовали величайшему из ратных подвигов того времени. На пути к мятежному городу заложена была Свияжская крепость; увещательные грамоты митрополита возбудили её новых поселенцев и собравшиеся полки к святому исполнению своего долга. Наконец поднялся сам Иоанн; блистательный поход его имел совершенное подобие крестового; торжественность обрядов церковных мешалась с упражнениями воинскими; молебствия начинали и заключали каждый подвиг. В виду Казани расположился необъятный стан русский, и близ шатра царского разбит шатёр церковный. Пред началом приступа всё войско очистило совесть исповедью. Царь молился в походном храме, при совершении литургии готовясь к приобщению Святых Тайн. Когда диакон возгласил слова Евангелия: “Будет едино стадо и един пастырь!”, грянул гром первого взрыва подкопов; при словах ектении: “Покорити под нозе его всякого врага и супостата” – второй взрыв поднял на воздух стены Казанские. Сеча закипела, но Царь причастился и дождался конца литургии. Едва успел он сесть на коня, как принесли ему весть: “Казань взята!”. Это событие совершилось 1 октября 1552 года и сопровождалось избавлением 60 тысяч христиан, томившихся в неволе мусульманской.

Торжествующий победитель сам водрузил первый крест посреди покорённого города и, обойдя по стенам с хоругвями и иконами, посвятил Пресвятой Троице бывшую столицу царства Казанского” (“Рассказы из истории Русской Церкви”).

Для осмысления места и роли крестоносной идеологии в России весьма много материала даёт т.наз. Прутский поход Императора Петра I против Турции; поход неудачный по своим военным результатам, но преисполненный чрезвычайной символической значимости. Сей поход был волею Монарха прямо объявлен – *походом Крестовым*.

«1 янв. (1711 г.) Пётр обедал у кн. Меншикова; вечером при фейерверке, освещены два щита, на одном изображена звезда с надписью: «Господи, покажи нам пути Твоя» (ср. Пс. 26,11), т.е. Господи, покажи нам дорогу в Турцию, на другом – столб с ключём и шпагой, с надписью: «Иде же Правда, там и помощь Божия» (ср. Пс. 125,8)» (А.Пушкин, «История Петра»).

«25 февраля 1711 года в московском Успенском соборе было прочтено народу объявление войны с врагами имени Христова, нечестивыми турками. Перед собором в полной походной аммуниции стояли оба неутомимые гвардейские полки: Преображенский и Семёновский; Царь поздравил их с походом; на их новых, красных знамёнах виднелся белый крест с надписью: «сим знаменем победиши!» (***)» (А.Чистяков, «История Петра Великого»).

Надобно сказать и то, что все последующие войны Российской Империи – и Отечественная война 1812 г.; и война за освобождение славян 1877-78 гг.; и германская (вторая Отечественная) война 1914 г. – все они, несмотря на некоторые привходящие «моменты» (осложняющие и замутняющие идейный облик перечисленных войн) имели в той или иной степени характер Крестового похода (****). Установив таким образом, что осияние крестоносной идеи различимо почти во всякой войне, ведущейся христианскими державами (из коих первая есть – Русская Империя), следует заметить, что во всём этом надлежит видеть *не только* посюсторонние цели, пусть даже и весьма благородные (вроде освобождения христиан или святых мест от иноверного порабощения). Для уразумения метафизики Крестовых походов имеет смысл сопоставить данное явление с «обыкновенными» и всем хорошо знакомыми *крестными ходами*. Вот что говорит о метафизике крестного хода святитель Филарет Московский: «Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идёшь под предводительством Святых, которых иконы в нём шествуют, и приближаешься к Самому Господу, поколику немощи нашей

возможно. Святыня земная знаменует и призывает Святыню Небесную. Присутствие Креста Господня и святых икон и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет тёмные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы и не делай её бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соединяя с ним свою молитву, и если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и Святых Его известным тебе образом молитвы... Не беда, если отстанешь телом, не отставай от Святыни духом».

Приложив слова сии к вышерассмотренным нами историческим примерам, выведем следующее – «обыденный» крестный ход представляет из себя ничто иное как *невооружённый Крестовый поход*, тогда как Крестовый поход есть *крестный ход с оружием*. Важные замечания по поводу метафизической стороны крестовых походов были сделаны в своё время Юлиусом Эволой.

«Крестовые походы,— утверждает он,— с целью освобождения Гроба Господня и завоевания Святой земли имели точки соприкосновения с нордической арийской традицией, с её мифическим Асгардом, отдалённой землёй Асов и героев, где нет смерти и где её обитатели ведут бессмертную жизнь в сверхъестественном мире. Священная война представляется как война чисто духовная до такой степени, что её буквально можно сравнить с пророчествами об “очищении огнём, подобным огню чистилища, перед смертью”. “Великая слава выйти из битвы, увенчанным лаврами. И великая слава обрести на поле битвы венец бессмертия”,— говорил тамплиерам Бернард Клервосский. (...) Выше (...) находился “святой Иерусалим” в своём двойном аспекте как град земной и небесный, и крестовый поход рассматривался как восхождение, ведущее прямою к бессмертию.

И вожди, и рядовые участники крестовых походов первоначально испытывали удивление, смятение, но, пережив

кризис веры, приходили потом вследствие этого к очищению идеи священной войны от всех элементов материализма.

Неудача крестового похода сопоставлялась со значением этой неудачи, которая оценивалась и вознаграждалась только по отношению к неземному пути. На этом сосредотачивалась, независимо от победы или поражения, оценка действия в его духовном аспекте. Священная война обретала ценность сама по себе, независимо от её видимых результатов, как средство достижения сверхчеловеческих целей путём активного принесения в жертву человеческого элемента”.

Возвращаясь в православно-русский контекст, укажем, что до наших дней дошло наглядное свидетельство того, как свершается “анагогическое”, “возводительное” претворение земной брани в “неземной путь” к вышнему Иерусалиму. Мы имеем в виду многодливную икону “Церковь воинствующая”, “внешним” поводом для написания которой как раз таки и послужило “казанское взятие” при Иоанне Грозном. Но запечатленное на сей иконе ни в коей мере не должно считать лишь исторической иллюстрацией к эпизоду этого славного царствования; оно перерастает свой “исторический прототип” и может быть истолковано как представляющее вообще всё земное странствование Церкви Воинствующей, как Крестовый поход в Вечность, навстречу “новому небу и новой земле” (Апок. 21,1), навстречу святому городу Иерусалиму “новому, сходящему от Бога с неба” (Апок. 21,2). Достоинно примечания, что *во главе* сего вселенского Крестового похода Церкви Воинствующей, как хорошо видно на оной святой иконе, поставлен «христос Господень», «подобник Божий» **Православный Царь** [Заметим кстати, что сие царственное служение Богопомазанника яко «плотоноснаго архистратига небесных воинств на земли» (по досточудному выражению св. Филарета Московского) нашло своё отражение в том числе и в Основных Законах Российской Империи, в коих Царь поименован «главой Церкви». Припомним, сколько хульных измышлений со стороны цареборцев было высказано по по-

воду этого определения. Но в нём, разумеется, нет никакого искажения православной доктрины,— надобно лишь понимать его достодолжным образом].

Выше мы указывали, что едва ли не на все войны, которые вела Россия, падал некий отсвет Вечного Крестового похода. Но со времён первой мировой войны, победа России в которой была сорвана февральско-октябрьской революцией 1917 г., и которая так и не завершилась водружением уже подготовленного Креста на Св. Софии в освобождённом от неверных Константинополе — мы можем наблюдать в исполнении русских судеб некую “недосказанность”. Слишком явно ощущение, что Россия ещё не сказала миру своего “последнего слова”. Всё слышнее в России голоса, пытающиеся проникнуть в “тайну России”, расшифровать “Русскую эсхатологию”. Мы склонны рассматривать всё вышеуказанное, как ещё один признак того что для нас, поставивших себе целью пособствовать возведению на Трон Царя Михаила (см. Дан. 12,1), приближается время выступления в наш Последний Крестовый поход.

Надобно ещё при этом удерживать в памяти, что царственный град Москва есть не только “другой”, Третий Рим, но и “другой Иерусалим”; это одновременно и имперская столица мира и святой теократический город, избранный и освящённый Богом взамен старого “ветхого” Иерусалима, осквернённого богоубийством, которому в силу сего безпримерного злодеяния предназначено во времена конечные стать столицей царства Антихриста (*«И когда кончат они (Илия и Енох — о.Р.Б.) свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьёт их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (Апок. 11,7-8)*). Сей «ново-иерусалимский» статус Москвы в прежние времена, в России Царей, хорошо понимали. Так, например, благоверный Царь Пётр Алексеевич, по одержании им Полтавской победы, 21 декабря 1709 г. въезжал в Москву следующим об-

разом. По пути Царского следования были расставлены дети, облачённые в белые стихари, с вербными ветвями в руках, кои встречали Государя пением: «Благословен грядый во имя Господне...». Сим одновременно знаменовалось как то, что Царь есть нарочитым образом «подобник Божий», так и то, что Москва есть «новый Иерусалим».

Памятуя всё сие, мы вправе ожидать, что чаемое конечное совпадение в конце времён «града земного» и «града небесного» произойдёт *именно здесь*. «И никто же речет, – говорит преп. Авель Тайновидец, – «Царь здесь или там», но все: «Это – он». Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит своё призвание» (см. «Жизнь вечная» №22'96). Им же сказано пред тем: «Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел...». *«Это – Помазанник, сохраненный Всевышним к концу против них и нечестий их, Который обличит их и представит пред ними притеснения их. Он поставит их на суд живых и, обличив их, накажет их. Он по милосердию избавит остаток народа Моего, тех, которые сохранились в пределах Моих, и обрадует их, доколе не придет конец, день суда, о котором Я сказал тебе вначале»* (3Езд. 12,32-34).

Подобает высказать ещё нечто касательно упомянутой выше иконы «Церковь Воинствующая» (или как её ещё называют: «Благословенно воинство Небесного Царя...»). Почерпнем нечто от данных, добытых внешней «наукой». Так, по уверениям «искусствоведов», икона сия не представляет из себя отдельной работы, а некогда составляла единое целое с другой иконой, а именно – образом Страшного Судилица Христова. Ежели данную иконоведческую реконструкцию счесть верной, то истолкованию сие священное изображение подлежит следующему. Воины-крестоносцы во главе с Богопомазанником шествуют в Горний Иерусалим *помимо* «толп в долине суда» (ИоиЛ. 3,14). Тем самым над ними, при-

несшими свои «плоть и кровь» (1Кор. 15,50) («человеческий элемент» по Эволе) в «жертву святую, благоугодную» (Рим. 12,1) Тому, Кем цари царствуют (Притч. 8,15), нагляднейшим образом сбываются слова Писания: *«веруй в Онъ, не будет осужден» (Ин. 3,18), «ни едино убо осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим, но по духу» (Рим. 8,1)*. Из изложенного следует, что в наступившие предконечные времена самое спасение душ тех «православных», кои не примут участие в Последнем Крестовом походе – далеко неочевидно.

Мы в начале нашего изложения привлекли авторитет древнерусских летописей для удостоверения того, что идея Крестового похода не является «чужой» Православной Традиции. Пригоже есть нам ещё раз обратиться к оному источнику, поелику древнерусское летописание – это не «просто» история, но история, «посвящённая в таинства судеб Божиих» (говоря словами св. Филарета Московского). О падении Иерусалима в 1187 году обретается следующее летописное свидетельство:

«Того же лета бысть знамение сентября месяца 15 день, тма бысть по всей земле, яко же дивитися всем человеком, солнце бо погибе, а небо погоре облакы огнезарными ... в той бо день того месяца взят бысть Ерусалим безбожными срацины ... Мы же о сем поглаголим, аще во дни наша преда Господь град Ерусалим святыи беззаконным тем агаряном, да кто свесть тайная Его створеная? Обретаем бо в Судийских книгах ... яко возиидоша иноплемьницы на Ерусалим и вземше дщицю скрижали Завета Господня ... и побеже ни бывше Израилтяни от иноплемьник, и святыню Завета Господня плениша. И ни по колицех лет, якоже исповедают Цесарския книги, опять возвратить Господь скрижали Завета Господня во Иерусалим, пред нима же богоотець Давид веселия исполнися, скакаше играя. Нам же укореним сущим, понос принимающим от беззаконных тех агарян, и чающе есмы Божия благодати и лика преславна» («Киевская летопись»).

Что же возглаголати нам «во дни наша», коль скоро мы видим, что доселе продолжается пленение святого града Москвы – второго Иерусалима – от орд разноименных иноплеменников, не тайно, но явно уже руководимых христуобийцами-жидами. Совокупив свидетельства древнерусских летописцев со свидетельствами «Цесарских книг» Св. Писания повторим сказанное нами прежде – всей опричной братии нашей надлежит приуготовляться к скорому выступлению в Последний Крестовый поход! **«Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья; слабый пусть говорит: «я силен». Спешите и сходитесь, все народы окрестные, и соберитесь; туда, Господи, веди Твоих героев»** (Иоил. 3,9-11). Ибо заканчивается «время странствования» нашего (1Пет. 1,17). Он близок – близок вожделенный и страшный день. День, когда герои Господни, Русские крестоносцы, опричники Последнего Царя, возложившие на себя Крест (который есть, как известно (см. светилен Кресту), **демонов язва**), воочию увидят – как оный Крест превращается во **славу Ангелов**.

«И прииде ко мне един от седми Ангел имущих седмь фиал исполненных седмих язв последних, и рече ко мне, глаголя: гряди, покажу ти невесту агнчу жену. И веде мя духом на гору велику и високу, и показа ми град великий, святыи Иерусалим нисходящ с небесе от Бога, имущ славу Божию» (Апок. 21, 9-11). Святыи Иерусалим, снисходящ с Небес на поля нашей «родной страны» у святых стен коего и должен закончиться наш «священный долгожданный бой», наш Последний Крестовый поход.

о.Р.Б.

(*) – Полагаем благоуместным полностью воспроизвести данный летописный фрагмент.

«В то же лето иде цесарь Немецкый (речь идёт, напомним, об Императоре Фридрихе I Барбароссе, с именем которого впоследствии на Западе было связано немалое число свидетельств о Последнем Царе, что нельзя не признать высокозначимым в контексте наших рассуждений) со всею своею землею битися за Гроб Господень, проявил бо башеть ему Господь ангелом, веля ему ити. И пришедшим им и бьющимся крепко с богостудными тыми агаряны. Богу же тако попустившу гнев Свои на весь мир ... и преда место святыня Своя иноплемьником. Сии же немци яко мученици святии прольяха кровь свою за Христа со цесари своими. О сих бо Господь Бог наш знамения прояви, аще кто от них в брани от иноплемьных убьени быша, и по трех днех телеса их невидимо из гроб их ангелом Господним взята бывахуть. И прочий видяще се тосняхуться пострадати за Христа, о сих бо воля Господня да сбытсся, и причте я ко избраньному Своему стаду в лик мученицкый» (“Киевская летопись”. ПСРЛ, т.2, СПб., 1908).

(**) – К слову, в честь Государя Императора Петра I был выпущен в свет в 1709 г. панегирический сборник с примечательным названием – “Политиколепная Апофеозис”.

(***) – Красно-бело-чёрный цвет знамени сего неудавшегося Крестового похода “За Имя Христа и Христианство” (таковой девиз также присутствовал на полковых знамёнах) – деталь весьма многозначительная!

(****) – В связи с войной за освобождение славянства 1877-78 гг. уместно вспомнить о ярком свидетельстве *непрерывности* третьеримского преемства между Московским Царством и «петербургской» Российской Империей. Речь идёт о составленном Ф.Достоевским верноподданническом письме Императору Александру II от жителей г. Старая Русса. Достоевский своё (и одновременно – на-

родное) обращение к Русскому Царю, «единственному на земле великому покровителю и защитнику веры нашей ... и всех христиан православных» заканчивает уже знакомыми нам словами святого Евангелия: «Да будет же едино стадо и един пастырь» (см. ПСС, т.30(2)). Как видим, совпадение с «идеей» Крестового похода Царя Иоанна Грозного на Казань практически дословное...

ФРОНТИР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Идея Фронтира (англ. frontier — «граница, рубеж, пограничье») в самом общем смысле: есть идея движущейся границы варварства и цивилизации, а для означенного в заголовке «фронтира национальной интеллигенции», видимо, смысл в подвижной границе «внесения национальной идеи» в сознание народных масс, что очевидно, является процессом довольно нелинейным. Впрочем, в нём можно выделить несколько этапов, что сделал яркий представитель русской «нац-интеллигенции» Димитрий Саввин: «Когда тебе двадцать лет, вполне естественно верить в то, что стоит только людям «рассказать, как оно на самом деле» - и мир изменится. Однако волшебного слова нет ни в политике, ни в религии. Везде нужна длительная работа, и она выполняется поэтапно. Первая стадия - формирование национального мифа. В XIX веке это делалось, чаще всего, литературными средствами. Следующая стадия - формирование политического мифа, который ещё не содержит конкретной и реальной программы, но даёт некое общее представление, как нам самих себя обустроить. На этом этапе обычно работает публицистика. На третьей стадии начинается самоорганизация, как правило, в виде культурных обществ, бизнес-кооперации и т.п. И лишь четвёртый этап предполагает уже самоорганизацию политическую. Весьма условные русские правые находятся сейчас между первой и второй стадиями. И любые попытки перескочить через ступеньку приведут к тому, что эти условные правые вольются в ту или иную несоветскую группу, ровно также, как это было в конце 1980-х - начале 1990-х. Если приложить эту схему к реалиям РСФСР после 1945 года, то можно видеть, что писатели-”деревенщики”, с одной стороны, и Солженицын - с другой, в целом сумели заложить некую основу нового русского национального мифа. Но переход к политическому мифу так и не произошёл (хотя Солженицын

на это сознательно и много работал). Всё свалилось в подсоветский “русизм”. В 2000 - 2010-е публицистика начала заходить на второй круг. Но, к сожалению, в ЦЕЛОМ (в частности бывало всякое, иногда - интересное) все свелось к идее РЛО. (“Русских людей обижают”). По состоянию на сегодня, историческая задача по-прежнему остаётся невыполненной. И, как всегда, есть два пути: серьёзная работа вдолгую, или же сбор дешёвых аплодисментов здесь и сейчас благодаря шарманке РЛО» (см.: https://t.me/s/dimitriy_savvin).

В данной связи, небезполезно присмотреться к опыту «украинских коллег», ибо тамошнее нац-движение и идейно окормляющая его нац-интеллигенция находятся на «четвёртой стадии», или по более скромной оценке: между третьей и четвёртой (что для «нас» покамест почти «недосягаемый» рубеж). В том же ТГ мы «набрили» на примечательный малорусский «канал» монархической ориентации, самоименуемый «Ангарта». Насколько мы выразумели, термин «ангарта», видимо, следует выводить из фехтовальной терминологии. Се фехтовальный призыв занять боевую стойку пред поединком: En guard! Дословно с французского «К бою». Франция в 18 веке считалась столицей фехтования, ну и оттуда разъезжались по миру учителя фехтования (был даже такой роман у Дюма-отца), так и повелось, что эта команда подаётся на французском. В просторечии это «вызов», в т.ч. «идейный»...

Некий «программный» текст «ангартистов», с заглавием «Фронтир национальной интеллигенции», мы и воспроизведём ниже в нашем слегка сокращённом переводе. Не вспомним, была ль у Д.Донцова статья с таким названием, всяко – рука д-ра Донцова в данном тексте чувствуется, но скорее всего – с некими добавлениями от нац-интеллигентов из «Ангарты». Как бы то ни было, ознакомление с сим документом будет благополезным и великорусским национальным интеллектуалам (термин «интеллигенция» в русском контексте звучит «сомнительно», предпочтительнее – правые интеллектуалы). Отже, Фронтир національної інтелігенції:

Народ есть для любой идеи, в её статическом, или в динамическом состоянии – фактор пассивный, ведомый фактором активным, тем, что несёт идею. Среда, в которой порождается национальная идея, се активное или инициативное меньшинство. Называют его по-разному: классово сознательный пролетариат (в отличие от превосходящей массы несознательного), национально сознательная интеллигенция, аристократия, правящая клика, тираны (его политические произведения – СССР, фашистское государство, Unegalitare или Fuhrerdemokratie (Alf. Weber)), но суть этого меньшинств и его роль во всех социумах – та же самая. Это группа, которая формирует неясную для несознательной массы идею, делает её доступной этой массе и, в конце концов, мобилизует народ для борьбы за эту идею.

Интеллигенция - ум и дух народа, его проводник с огненным факелом тернистыми пустынями национальных путей. С этим вечным утверждением, которое ведёт начало ещё со времён ветхозаветного пророко-вождя Мойсея, старались поспорить французские демократы-революционеры во время Позорной Революции, они, желая видеть каждого француза репрезентатом своей нации, говорить за неё, в результате получили такую серую массу, которая не то, что не говорит сама за себя, но и не имеет слов, чтобы ответить.

“Когда Франция чихает - вся Европа подхватывает вирус” - говаривал Отто фон Бисмарк, и был прав – порождающая серую массу тенденция борьбы с национальными факелами изрядно распространилась на весь мир.

Суть, сакральный смысл и начало интеллигенции – идейно-оформить славу и волю нации репрезентуя её чрез наилучших её сынов и дочерей, наилучших из тех, кого нация способна взрастить. Историческая роль интеллигенции состоит в творении эпох - адепты греческого аристократизма привели всю Грецию к состоянию, когда она смогла образовать Европу, когда каждая беседа там, каждый бой, каждый день служил примером. Козацкая старшина становилась ка-

валерами папских орденов, была сичевой братии атаманами, трубадурами и слугами, во всей красоте Заповедей Божих, как и древлерусские воеводы, летописная слава и таинственность которых пронеслись сквозь византийские поколения. Наконец, кто как не интеллигенция в Испании с её правящим отбором карлистов и фалангистов; в Англии, где властвовал феномен рыцарских каст, да и что говорить за неё, когда графская и дворянская аристократия там чуть ли не основной национальный признак и по сей день; в Италии, где в ходе войны за независимость и корону именно боевитая национальная интеллигенция, на манер Гирибальди или Мадзини поддерживала настрой к национальной жизни.

Примером для нации являются лидеры мыслей, даже в современной Украине военная каста перерастает в классическую, феодально-рыцарскую интеллигенцию и ведёт за собой в нации тех, “кто имеет уши слышать”. Тот самый “козацкий род”, что призван “защищать породу гречкосеев”, и в кооперации, привнося центровое, психологически-идейное ядро в нацию идти до экспансии-реконкисты и национального цветения под монархом-сувереном.

Надо нам уже сейчас, поддерживая честное воинство, создавать нашу интеллигенцию, возвращать её в среде национальных, творческих и военных сил, создавая говоря словами Шевченки: Новое рыцарство Украины... новую расу исполинов, с воскресшим духом древней и вечной Украины, как его Гонта, Палий, Мазепа, Гордиенко, Дорошенко, Галайда, юродивый, еретик, монах, Трясило, Гамалия, алкиды, неопиты, новое «козацкое панство», все его прометеи и «апостолы правды и науки» с новой, не плебейской, мужественной, чистой, святой кровью борцов за «правду пресвятую», оружие гнева Господнего, с верой в свою великую миссию и в её окончательный триумф над силами нечистого. Почти всюду у него эти исполины появлялись как посланцы небесной силы, с «миром незримым» высшей силы в душе и в очах, с печатью Духа Святого, с «чистой, святой, козацкой кровью»,

чтобы силой воина-архангела возглавить верных, которые шли за ними, чтобы «мёртвым встать повелеть» (см.: <https://t.me/Angharta>).

И, **last but not least**, на Руси наличествует наше Братство. Не вемы, следил ли вышепомянутый Дм. Саввин за «дьяльністю Братерства», а вот Братство и за ним, и за прочими мало-мальски значимыми национально-мыслящими интеллектуалами внимательно «следит» (не в «полицейском», конечно, смысле, а в смысле отслеживания выдаваемой «на-гора» идейной продукции). Само же Братство за минувшие десятилетия сподобилось издать целую национально-просветительскую «библиотеку». В некоей мере Братством реализована программа Контр-Просвещения, на антимасонской и христианско-традиционалистской основе, типологически сходная с проектом «Просвещения» XVIII в., но с обратным «духовным знаком». Не всё из изданного, конечно, равноценно, но *in summa*, согласно «шкале Саввина», Братство разполагается между второй и третьей стадиями... Братский «фронтир» определён «впереди». Не «впереди планеты всей» (оно и излишне), а применительно к вышеобозначенным Д.С. «весьма условным русским правым». А вот это – достаточный повод «ознакомиться поподробнее»; к чему «весьма условную» русскую национальную интеллигенцию мы и приглашаем...

РУССКИЙ ТРИКОЛОР

*Мы идём, над нам флаг трёхцветный
Льётся песня по родным полям,
Наш напев подхватывают ветры
И несут к московским куполам
(Гимн РОА)*

В русской истории можно заметить своеобразный «спор флагов»: бело-сине-красного и чёрно-злато-белого – какому же из сих двух отдать приоритет в качестве «национального»... Сей «спор» проявлял себя и до Революции (правда, в более «спокойных» тонах), и пережил некое «обострение» в 90-е гг. К власти тогда прорвались «дерьмократы», присвоившие себе бело-сине-красный флаг, а национально-патриотическое движение (понимаемое максимально широко) избрало для себя флаг чёрно-злато-белый. То что «триколор» стал и донныне является официальным флагом антирусского государства РФ, на наш взгляд, не может его «осквернить». Как не может, скажем, «осквернить» чёрно-злато-белый флаг его соседство с красными тряпками на многочисленных акциях «красно-коричневой» оппозиции 90-х. У триколора имеется славная история – под ним воевало Белое движение в годы Первой русско-советской войны (1918-1922), под ним же выступало Освободительное Движение в годы Второй русско-советской войны (1941-45). Да и «дерьмократы» ельцинского призыва не сразу «прихватизировали» сей флаг. В конце 80-х гг. в России подымалось довольно мощное и массовое антикоммунистическое движение. В идейном отношении оно, конечно, было весьма пёстрым, организационно рыхлым, что и позволило в 1991 г. перекрасившейся номенклатуре «перехватить бразды». Тем не менее, далёко не «всё» там мог контролировать «комитет» и «дерьмократическая» шушера. Се была стихия, в коей

кристаллизовались очаги «третьей силы» (не коммуны и не дерьмократов) и триколор первоначально был – их (нашим) символом. Впервые со времён Второй гражданской над Русской землёй сей флаг был поднят на антикоммунистическом митинге на стадионе «Локомотив» 7 октября 1988 г. в тогдaшeм «Ленинграде». Поднят членом НТС и политзеком Ростиславом Евдокимовым (любопытные подробности можно посмотреть в журнале «Посев», № 12, 2008 г.).

Искомая «третья сила», увы, так и не сложилась именно в «силу». Дальнейший «чекистский ренессанс» истребил практически всё на политическом поле, что не подконтрольно власти. Но по мере одряхления, маразмизирования и распада чекистократии (наблюдаемого ныне), произростает новая генерация Русского национального движения. Примечательно, что «спор флагов» сопровождает и данный процесс. Помимо двух «классических» претендентов на русский национальный флаг появился, например, флаг бело-сине-белый... Не предрешая покамест итоги означенного «спора», приведём несколько «аргументов», как нам представляется, сравнительно малоизвестных широкой национально-мыслящей «общественности».

Один из ярких представителей новой генерации Русского Сопротмивления, бывший политзек путинского режима, ныне полтиэмигрант, Владимир Ратников, в своём тг-канале высказался по поводу «темы флага»:

«Почему я не использую Бело-Сине-Белый (БСБ) флаг?

Многие считают, что использование бело-сине-красного триколора невозможно, мол этот флаг уже опорочен. Ранее я писал, почему всё равно использую данный флаг и не считаю, что какое либо знамя можно опорочить.

На мой взгляд в целом, выбирать своё знамя, под которым ты собираешься жить, бороться, страдать, исходя из логики иностранцев, в первую очередь одной конкретной нации, это не правильно. В своём поведении человек должен быть неза-

висим от мнения окружающих, поступать так, как ему велит собственный разум и сердце.

Однако, если действительно принять за факт, что нужен другой флаг? В том числе как символ альтернативности от режима. Действительно, имеется ряд знамён, которые можно было бы использовать, как минимум наряду с триколором. Однако и в данном раскладе использовать бы БСБ флаг я не стал, но следующим причинам:

1) Флаг не имеет под собой никакой истории. Упоминания о преемственности с Новгородской Республикой не выдерживают критики. Никогда в Новгородском Княжестве такое знамя не использовалось, более того, цвета такой раскраски это изобретение более позднего времени, а именно 17 века, когда появился флаг вначале Нидерландов, затем Российский Триколор и прочие подобные флаги. Окончательно же они вошли в моду уже после Французской Революции. Чаще всего знамёна в те времена представляли какой либо символ, лилии, орла, льва, на одноцветном фоне.

2) Флаг является вторичным от БЧБ флага Беларуси, правда не имеет никакой истории, в том числе борьбы, под собой. Я нормально отношусь к БЧБ флагу, но слепое подражание другим это далеко не лучшее решение.

3) Является он вторичным и от триколора, причем генезис флага в виде стирания нижней полосы выглядит так, будто флаг кастрировали. Объяснение о том, что таким образом флаг «отмывают от красного цвета крови» представляется сомнительным. Во-первых, в геральдике конечно красный часто обозначает кровь, однако когда триколор делали флагом России, то вкладывали смысл не пролитой крови невинных, а собственной крови, олицетворяющей как народ в целом, без отсылок к войне, так и кровь героев, пролитую в борьбе за свою страну и свободу. Поэтому довольно странно, когда такой флаг используют не только пацифисты, но и боевые подразделения. Во-вторых, по такой логике можно строить претензии к любому флагу с красным цветом, на-

пример к флагам США, Франции, Великобритании. Кстати завоевательные войны велись и под ними, и никто эти флаги не менял. Не избавлялись немцы и от красного цвета в своем флаге, до и после Второй Мировой. Более того, красный цвет присутствует и в БЧБ флаге, на который во многом ориентировались авторы БСБ.

4) Если кто и использовал БСБ флаг в прошлом, то в частности советский “Дальстрой”, учреждённый Сталиным, отвечающим за строительство объектов руками заключенных ГУЛАГа. Или пропутинские сепаратисты из “Херсонской Народной Республики”. Такие себе ассоциации.

5) С точки зрения психологии, такой флаг непригляден. Он серый, вызывает успокоение, отними ещё одну полосу и получится белый флаг капитуляции. Совершенно не те эмоции, которые должны быть вызваны у народов России в борьбе с тиранами.

По этой причине никогда такого не будет, чтобы я как либо использовал данный флаг».

Мы вполне разделяем мысли бр. Владимира и хотели бы дополнить их, как и было обещано выше, малоизвестным материалом «на тему флага». В самиздатской (на тот момент) газете «МонархистЪ», издаваемой Михаилом Кулыбиным в Петербурге, в номере 9 за 1991 год, была помещена статья некоего А.Симонова (об авторе нам, к сожалению, ничего не известно), представляющая в контексте обозначенной «темы» изрядствующий интерес. Воспроизводим сию статью ниже:

РУССКОЕ ЗНАМЯ: ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ

Глубокое символическое значение русского флага, его история – не стали пока предметом сосредоточения внимания народа, и, разумеется, на этом не остановились ни «демократическая», ни «совдеповская» пресса. Из очень немногочисленных публикаций можно узнать, что белая полоса российского флага означает благородство и откровенность, синяя – верность, честность, красная – мужество, смелость,

великодушные; что цвета российского флага присутствуют в московском гербе, где на красном поле изображается св. Георгий в синей мантии на белом коне.

Утверждается, что российский флаг впервые появился на первом русском военном корабле «Орёл» в 1667 г. по повелению Царя Алексея Михайловича.

Но действительно ли наш флаг с тремя горизонтальными полосами – белой, синей и красной – так молод? Не существовал ли он у нас уже в древности? Не было ли у него каких-либо старинных прототипов?

Изучение древней истории нашей Родины показывает, что такие прототипы были.

Российское государство существует немногим более 1000 лет. До этого – тёмный период, от которого осталось мало воспоминаний. Важнейшие явления тех далёких времён: нашествие гуннов, тяжёлое время вторжения готов. Ещё далее в глубину истории – величественная скифская держава – Великая Скифия, простиравшаяся от нынешней Венгрии до Северного Китая и от Чёрного моря до лесов Русского Севера. 7000 километров – расстояние от западных до восточных границ Скифского мира. Ранняя история Скифии уходит в индоевропейскую древность. Постепенная трансформация этого общества прослеживается на протяжении нескольких тысяч лет.

Россия и славяне вышли именно из этого мира. Многие обычаи тех далёких времён дожили и до нынешнего дня. История скифского и предскифского времени – это наше прошлое. Влияние событий тех времён в жизни Русской равнины можно проследить на очень многих окружающих народах, в частности, на народах Европы. Именно в нашем великом прошлом – ключи от нашего настоящего, ключи к пониманию многого из сегодняшней жизни. В частности, это касается истории флагов.

Анализ показывает, что современные национальные флаги родились из лент. В древности ленты имели символическое

и магическое значение. У индоевропейских народов издавна известны жезлы, шесты, украшенные разноцветными лентами. Магия лент была, в частности, связана с исполнением загаданных желаний, ленты были оберегами.

Древнейшие обычаи индоевропейских народов складывались в 3-4 тысячелетиях до Рождества Христова. Именно тогда индоиранцы, составлявшие особую группу индоевропейских народов, жили в южнорусских степях от Дуная до Урала и называли себя «арии». В древности цвет одежды или цвет лент нашиваемых на одежду, имел священное значение. Жрецы носили белые одежды, воины имели знаки золотисто-красного цвета. Древнее индоевропейское общество делилось на социально-профессиональные группы – касты. В то далёкое время таких каст было три: каста жрецов, каста скотоводов и земледельцев и каста воинов. По-индийски такие группы назывались «варна», а по-ирански «пиштра», что означает «цвет». Жрецам соответствовал белый цвет, сословию пастухов и пахарей подобали синий и жёлтый, а сословию воинов, к которому принадлежал и сам царь – красный цвет. Древнее индоиранское название этих воинов «ратайштар» - «стоящие на колеснице» (отсюда происходят слова «ратник», «рейтар», «рыцарь» и др.).

Другое их наименование образовано от слова «хшайя» (или «ксай») – «царь», к которому восходит название касты воинов – «кшатриев» в Индии и которое звучит в именах скифских царей и в названии «царские скифы» (дословно переведённом греками с древнеиранского).

Царь принадлежал к касте воинов, однако занимал особое положение в обществе. Он – избранник богов, посредник между землёй и небом, но он и «носитель земного процветания», и от его физической мощи и духовной энергии зависело благосостояние всего народа... Царь воплощал в себе все три «класса» общества. Такое необыкновенное положение царя, отражено в легендах о том, что царь был сыном царевны и пастуха.

В царских отличительных знаках «троесущность» царя отражалась в том, что он носил красные одеяния с белой каймой и головной убор с цветными лентами, ездил на белых конях и в день коронации ел похлёбку простых пастухов.

Царский жезл с лентами должен был иметь три ленты: белую, синюю и красную. Именно так и было. Три ленты прикреплённые к копыю всадника, развевались на ветру и образовывали то, что сейчас мы называем «флаг». Очень долго после этого, когда уже существовали флаги состоящие из единого полотнища, концы этих полотнищ разрезались на три части.

Таким образом, наш трёхцветный, «трёхленточный» флаг имеет древнее индоарийское скифское происхождение.

Именно от этих «наших» лент и произошли все «ленточные» флаги Европы. Индоиранский мир включал в себя все европейские страны.

Нам важно отметить не только древнее происхождение российского флага, но и его «царственность». Российский флаг есть древнейший царский символ, символ единства «варн», единства нации.

Смысл этого символа ещё не раскрыт до конца, ещё не осмыслен. Представляется, что этот символ многому учит, наводит на определённые размышления. Смысл нашего российского флага – царственность. Единство народа в Царе.

Наша древняя история – наша могучая опора в будущей борьбе. Наш флаг – символ царственной России.

Царственность – это связь с единством мира, с Божественным Творцом. Под трёхцветным флагом Россия должна быть поднята из сегодняшнего чудовищного кошмара и маразма.

Царственность – это Божественная чистота и красота. Это лучшее.

Итак, под трёхцветным флагом – к борьбе и победе!

Возможна и ещё одна «примордиальная» интерпретация расцветки русского триколора: белый – балты, синий (лазоре-

вый) – финны, красный (алый) – славяне. Примерно об этом (с добавлением руководящей роли готов-грейтунгов) писал историк, исследователь «готской проблемы» В.Б. Егоров:

«Таким образом, между черным готско-германским севером Великого Свитьода и красным готско-славянским югом Рейдготаланда лежит, чуть смещаясь к западу, широкая белая (напомню, белый цвет — запад) полоса оседлых «деревенских» аборигенов, балто-финнов, тоже поучаствовавших в создании Руси Первой, хотя и не на первых ролях. В свете этого невольно возникает вопрос, не в те ли давние времена рождался в Полоцке готско-балтский красно-белый двуколор Беларуси и Польши, из которого в Смоленске добавлением финской лазури (синий цвет — восток) получился российский триколор? Что ж, как говорят современные потомки древних росов, слегка знакомых, в отличие от летописца, с языком потомков ютландских англосаксов: why бы и not?»

...Возможна некая осторожная аналогия с тем, что происходило в Германии после победы Национальной Революции в 1933 г. Знаменитый, всеизвестный *die Hakenkreuzflagge* (дословно — «флаг с крючковатым крестом»), был первоначально – партийным флагом НСДАП. Государственным флагом Третьего Райха сей флаг официально стал 11 апреля 1935 г. А до того - 12 марта 1933 года указом о предварительном регулировании вывешивания флагов было установлено, что впредь должны одновременно подниматься (вывешиваться) вместе чёрно-бело-красный флаг (флаг Второго Райха) и флаг со Свастикой (нем. *die Hakenkreuzflagge*), так как «эти флаги связывают славное прошлое германского государства и энергичное возрождение немецкой нации. Совместно они должны представлять государственную власть и внутреннюю тесную связь всего немецкого народа». На военных зданиях и сооружениях предписывалось вывешивать только государственный военный флаг (нем. *die Reichskriegsflagge*). [Важно отметить, что *Reichskriegsflagge*,

ежели его наклонить в правильном положении, изображает Римский Крест Христа. Его сопровождают «Крючковатый» и Железные Кресты, кои символизируют Св. троицу, поскольку сии символы используются одновременно. Тем самым показывалось, что Третья Империя есть «Дом Святой Живоначальной Троицы». Гитлер, очевидно, использовал знамя Тевтонского Ордена как «прообраз» знамени Райха. А Тевтонский Орден считал свои земли «Домом Пресвятой Богородицы». Т.о. в свете сих символов, подлинною «Святою Русью» в 1930-40-х гг. был Третий Райх. «Фюрер считал, что народ Божий, се европеиды, и никто иной. Еврей был вором-самозванцем, кой украл нашу идентичность и присвоил её себе... Фюрер... верил, что был послан Творцом, дабы исцелить Германию и возвеличить (истинный) народ Божий» (ген. Карл Вольф, интервью 1981 г.)].

Посему, в освобождённой, Национальной России (аще таковая будет) вполне возможно использование наряду с Триколором и партийного флага (флагов), особливо той партии (партий), что «отличились» в национально-освободительной Борьбе. О партийном флаге Народно-Национальной Партии (некоторое время находившейся в авангарде оной Борьбы) с объяснимым пафосом писал Алексей Широпаев (бывший ведущим идеологом ННП). Хотя ННП и «сошла с поля», не «дотянув» до Победы (коя остаётся «чаемой»), но у символов своя судьба. Не исключаем, что символика ННП (и родственных ей движений 90-х и «нулевых, например РНС) может по-своему «воскреснуть» в Русском Грядущем. Покамест же, воспроизводим означенную заметку А.Широпаева:

РУССКОЕ ЗНАМЯ

Народная национальная партия несёт по России своё Крестовое знамя.

Это тяжкая ноша. Но мы помним завет Русского Бога Христа Спасителя: «Возьми свой крест и иди за Мной».

С февраля 1917 года и по сей день Россия одержима бесом. Этот бес принимает разные обличья – то коммунисти-

ческое, то демократическое, но на его рогатом лбу всегда один и тот же знак: пятиконечная звезда сатаны. Раньше она была багрово-красной, теперь над Россией царит звезда мертвенно-белая, американская.

Россию захватил сатана в лице своих детей – иудеев. Это стало возможным потому, что мы, русские, перестали слушать голос своей крови, а звучит – голос Бога. Наш народ заражён материализмом и его логическим следствием – интернационализмом. Сатанинская звезда, вызывавшая омерзение у наших предков, стала для многих русских родней и понятней, чем Святой Крест.

Вот уже четвёртый год мы, русисты, поднимаем своё белое знамя с чёрным Крестом – и всякий раз раздражается духовная буря вокруг нашего партийного флага. Ни одно полотнище многочисленных партий не вызывает такой реакции, какую вызывает знамя ННП. Почему? Потому что на нём – огромный Крест, ненавистный бесам, владеющим Россией» («Я – Русский» №9(12)'1998).

Заклучим мыслями ещё одного нашего камрада, связанных с попытками «внедрения бело-сине-белого флага» в Русский Правый движ:

«В прошлом я писал о том, что через определённое время Россию и русский народ ждёт попытка «внутренней оккупации», которая пройдёт под «отмытым от крови» флагом. Я чрезвычайно рад, что в среде здравых русских правых «синяя прокладка» не была воспринята иначе чем с презрением. Это естественная реакция, свойственная Русскому организму.

Верность своим Знамёнам – одна из основ Правой Идеи. У России есть свои исторические Знамёна – бело-сине-красный триколор, имперский и андреевский флаги. Они неразрывно связаны с великой историей России и с историей её борьбы за Свободу. Императорская Армия, Белые Воины, солдаты РОА – ходили в бой под этими флагами.

Русское прошлое наполнено кровавыми войнами и славными победами. Поэтому когда нам предлагают «отмыть флаг от крови», - нам предлагают отмыть его не от «крови невинных», а от крови наших предков, сражавшихся и умиравших за свободу и величие страны. Через принятие вины за братоубийственную войну в Украине навязывают «вину» за все победы, одержанные нашими Государями и их армиями.

Поэтому у настоящих русских патриотов «бело-синелбелый» не может вызывать ничего, кроме презрения. Поэтому любая солидарность с любителями «голубой прокладки» (потенциальными проводниками «внутренней оккупации») будет в будущем губительна и для Движения, и для страны в целом, а любой протест должен сейчас вестись под нашими национальными знамёнами, которые нам предстоит отвоевать у власти, их узурпировавшей» (Сергий Молохов).

Крестовый Поход продолжается...

Крестовые походы: **прошлое, настоящее, будущее**

Формат 60 x 90 1/16 (144x210)

Объём 26,25 печ. л.

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

Заказ №803